Проф. Р. Випперъ.

УЧЕБНИКЪ ИСТОРІИ
СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

СЪ ИСТОРИЧЕСКИМИ КАРТАМИ.

Третье изданіе.

Цѣна 1 р. 25 к.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1907.

Проф. Р. Випперъ.

УЧЕБНИКЪ ИСТОРІИ
СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

СЪ ИСТОРИЧЕСКИМИ КАРТАМИ.

Третье изданіе.

Цѣна 1 р. 25 к.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1907.

Предисловіе ко второму изданію.

Предлагаемый учебникъ исторіи Среднихъ вѣковъ представляетъ продолженіе моего „Учебника древней исторіи". Отличіе новой книги отъ первой обусловливается прежде всего тѣмъ, что она обращается къ другому возрасту, болѣе зрѣлому и главное успѣвшему войти въ предметъ, тогда какъ древняя исторія не только изучается въ школѣ раньше, но и служитъ вступленіемъ, первымъ началомъ науки. Естественно, что рамки новой книги могли быть шире поставлены. Съ другой стороны, отличіе даннаго учебника отъ его предшественника вызвано тѣмъ, что исторія Среднихъ вѣковъ проходится въ средней школѣ лишь одинъ разъ, тогда какъ къ древней исторіи, большею частью, есть возможность вернуться еще во второй разъ, въ концѣ курса. Учебникъ древней исторіи и составлялся главнымъ образомъ въ той мысли, что наиболѣе трудные отдѣлы и вопросы древней исторіи возможно отнести на болѣе позднее время, если уже вообще неизбѣжно пріурочивать этотъ педагогически затруднительный предметъ къ IV классу и къ возрасту 13—14 лѣтъ.

Относительно учебника исторіи Среднихъ вѣковъ необходимо было держаться другой точки зрѣнія: на какое-либо повтореніе или расширеніе курса впослѣдствіи, въ предѣлахъ средней школы, разсчитывать нельзя, и въ учебной книгѣ поэтому желательно соединить всѣ тѣ данныя, знаніе которыхъ можно считать необходимымъ для всякаго, кто приступаетъ къ университетскому изученію того же предмета. Руководясь этимъ соображеніемъ, составитель находилъ возможнымъ, при соблюденіи общедоступности языка книги, изложить основныя данныя исторіи Среднихъ вѣковъ такъ, чтобы книга могла служить вмѣстѣ съ тѣмъ и взрослому читателю для самообразованія.

Едва ли нужно прибавлять, что при составленіи отдѣльныхъ главъ и очерковъ вовсе не имѣлось въ виду втискивать ихъ въ размѣры, удобные для такъ наз. заучиванія. Составитель руководился лишь одной задачей: собрать о всякомъ предметѣ столько данныхъ, чтобы достаточно могла выясниться его сущность. Преподаватель увидитъ самъ, какъ лучше пользоваться матеріаломъ, чтó прочитать въ классѣ, чтó предоставить самостоятельному изученію учащихся, чтó предложить имъ въ качествѣ сжатаго повторенія изложеннаго раньше разсказа и т. п.

Москва. 1905 г.

Оглавленіе.

Стран.

I. Арабы и Византія отъ 600 до 1100 года . . . . 1— 61
1. Арабы . . . . 2— 32
2. Византія . . . . 32— 61

II. Западная Европа отъ 600 до 1100 года . . . . 62—123
3. Германскіе народы и римская церковь . . . . 62— 80
4. Монархія Карла Великаго . . . . 80— 96
5. Феодализмъ . . . . 96—112
6. Германія и Италія въ X и XI вѣкахъ . . . . 112—123

III. Западная Европа въ XII и XIII вѣкахъ . . . . 123—185
7. Возвышеніе городовъ . . . . 123—138
8. Крестовые походы и денежное хозяйство . . . . 138—168
9. Духовная жизнь . . . . 168—185

IV. Новыя государства и новое общество . . . . 186—293
10. Англія . . . . 186—212
11. Франція и Испанія . . . . 212—240
12. Германія. Церковное движеніе въ XIV и XV вв. . . . . . . 240—266
13. Италія. Новое общество . . . . 266—282
14. Великія открытія . . . . 283—293

Карты внѣ текста:

Къ стран.

1. Византія, ея сосѣди и сношенія въ IX—X вв. Усиленіе Византіи около 1000 года 48
2. Франки, лангобарды, проповѣдь христіанства въ VIII вѣкѣ . . 80
3. Набѣги IX и X вв. 96
4. Крестовые походы и торговля XII—XIII вв. 144
5. Власть папъ въ XIII вѣкѣ и раздѣленіе церквей 176
6. Германія въ XIV—XV вв. Ганзейская торговля 256

I.

Арабы и Византія отъ 600 до 1100 года.

Европа и передняя Азія около 600 года. Римская имперія соединила въ себѣ большую часть образованныхъ народовъ, жившихъ кругомъ Средиземнаго моря. То, что они создали въ области труда и знанія, мы называемъ *культурой древняго міра,* или *античной.* Отъ нея мы отличаемъ культуру новаго европейскаго общества, созданную другими народами, которые едва выступали во времена римской имперіи. Между той порой, когда жива и сильна была культура древняя, и тѣмъ временемъ, когда начала подниматься новая, лежитъ большой промежутокъ огрубѣнія; а среди него, можетъ быть, не найдется столѣтія, когда бы образованность въ Европѣ стояла ниже, чѣмъ въ VII в. (600—700 гг.) по Р. X. Въ это время первенство въ промышленномъ дѣлѣ, въ наукѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ могуществѣ принадлежало народамъ передней Азіи и сѣверной Африки.

Около 600 года Римская имперія составляла лишь половину стариннаго государства Августа и Траяна. Большая часть западныхъ земель, Галлія, Испанія, Британія, Дунайскія области, половина Италіи, оторвались и находились въ рукахъ пришлыхъ германскихъ народовъ. Христіанство осталось на западѣ приблизительно въ границахъ старой имперіи: его почти не было въ Британіи, но зато оно перешло предѣлы старой имперіи въ Ирландіи и между Рейномъ и Дунаемъ.

На востокѣ христіанство заходило несравненно дальше границъ имперіи; оно имѣло большую силу въ странахъ, гдѣ его теперь почти вовсе нѣтъ, именно въ областяхъ между Средиземнымъ моремъ и Китаемъ. Христіане за предѣлами имперіи большею частью были не православные, а еретики-несторіане (послѣдователи Несторія, отвергавшаго, въ V вѣкѣ, божественность Дѣвы Маріи). Осуждаемые въ имперіи, несторіане образовали многочисленныя общины въ персидскомъ государствѣ, гдѣ цари охотно ихъ принимали, какъ враговъ Рима, и поруча-

ли имъ важныя мѣста въ управленіи, пользуясь ихъ образованностью. Въ густо населенной Вавилоніи и собственно Персіи несторіане устроили ученыя школы. Они распространили свою проповѣдь далѣе, въ Туркестанъ, въ Аравію, Индію, на Цейлонъ и въ самый Китай. Во главѣ несторіанскаго духовенства стоялъ «вселенскій патріархъ Востока», жившій въ Ктезифонѣ на Евфратѣ, гдѣ была столица персидскихъ царей. Между несторіанами болѣе всего было сирійцевъ. Этотъ народъ служилъ главнымъ посредникомъ запада и востока: сирійскіе купцы везли въ Европу вино, шелкъ и переносили садовыя растенія; сирійскіе писатели выдавались въ греческой литературѣ; въ Римѣ сирійцы не разъ занимали епископскій престолъ.

Въ VII вѣкѣ послѣ Р. X. въ Передней Азіи и въ странахъ, лежащихъ кругомъ Средиземнаго моря, произошли великія перемѣны, вслѣдствіе наплыва кочевого народа арабовъ и распространенія ислама, новой вѣры, принесенной арабами. Эти перемѣны имѣли большое значеніе и для Европы.

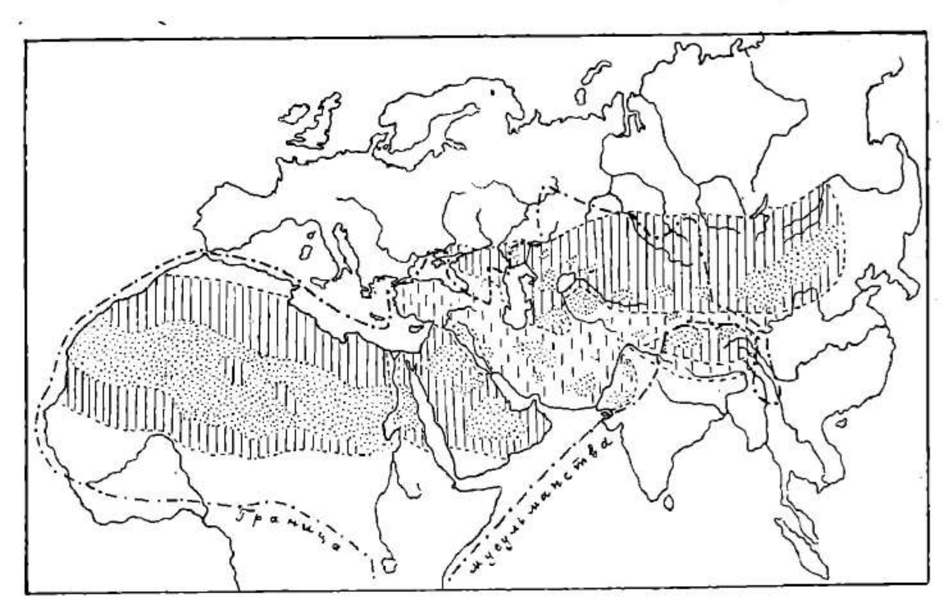
1. Арабы.

Степная полоса Стараго свѣта и ея населеніе. Кочевые скотоводческіе народы заняли видное мѣсто въ судьбѣ Стараго свѣта. Причина лежитъ въ своеобразномъ географическомъ устройствѣ этой части суши. Во всю ширину отъ Великаго океана до Атлантическаго протянулась съ нѣкоторыми только перерывами длинная полоса песчаныхъ и каменистыхъ пустынь, почти не знающихъ дождя: на одномъ концѣ этой полосы—Гоби, на другомъ—Сахара, между ними пустыни Средней Азіи, Ирана и Аравіи, прерываемыя узкими морскими заливами, рѣчными долинами и оазами. Среди пустынь и вдоль нихъ каймой расположены травянистыя степи. Отъ середины этой цѣпи, на востокѣ Каспійскаго моря отдѣляется вѣтвь песчаныхъ и травянистыхъ равнинъ, которая идетъ чрезъ восточную Европу, захватывая область большихъ русскихъ рѣкъ и доходя до Дуная и до Альпъ. Такимъ образомъ степныя равнины какъ бы съ двухъ сторонъ облегаютъ Средиземное море.

До сихъ поръ человѣкъ отвоевалъ у пустыни лишь небольшіе клочки подъ пашни и сады, и всюду путемъ упорнаго труда, сложныхъ пріемовъ (особенно искусственнаго орошенія). Тамъ, гдѣ эта работа ослабѣвала, пустыня вторгалась опять и засыпала песками обработанныя земли (такъ было, напримѣръ, въ Средней Азіи). Напротивъ, безъ приложенія большого труда на обширныхъ пространствахъ среди пустынь и по ихъ краямъ могутъ жить бродячія скотоводческія племена. Все ихъ богатство въ стадахъ; но ихъ скотъ иной, чѣмъ въ земледѣльческихъ странахъ, не крупный рогатый, требующій обильнаго корма, а

главнымъ образомъ мелкій, мало прихотливый, овцы и козы, и помимо того животное, совершенно чуждое земледѣльческимъ полосамъ,—верблюдъ; первыя доставляютъ человѣку пищу и одежду, послѣдній служитъ для передвиженія.

По мѣрѣ того какъ стада съѣдаютъ дикую растительность, скотоводы вынуждены постоянно передвигаться. Но и въ ихъ движеніяхъ есть правильность. Большіе переходы совершаются 2 или 4 раза въ году; весною они спѣшатъ туда, гдѣ отъ дождей раньше всего вырастаетъ трава, лѣтомъ, гдѣ она менѣе выгораетъ и гдѣ держится вода,

Поясъ пустынь въ Старомъ Свѣтѣ, распространеніе номаднаго хозяйства (показано полосками) и граница мусульманства.

зимою—въ закрытыя долины или лѣсистыя полосы, чтобы найти топливо и защитить скотъ отъ булановъ. Обыкновенно въ этихъ движеніяхъ скотоводы дѣлаютъ кругъ и возвращаются на старыя мѣста. Имущество все легко перевозимо: само жилище, шатеръ, юрта изъ войлоковъ, натягиваемыхъ на шесты и рѣшетки, складывается и грузится на вьючное животное вмѣстѣ съ другими запасами въ сундукахъ и мѣшкахъ.

Кочевники передвигаются небольшими лагерями, состоящими изъ нѣсколькихъ близкихъ между собою семей и родовъ. Нѣсколько сосѣднихъ лагерей образуютъ племя, которое владѣетъ извѣстнымъ пространствомъ для кочевки. Лѣтнюю стоянку выбираютъ обыкновенно такъ, чтобы лагери, составляющіе племя, находились недалеко другъ отъ друга и чтобы можно было сходиться на общія собранія для обсу-

жденія дѣлъ и подготовки похода или для праздниковъ, сопровождаемыхъ скачками, состязаніями пѣвцовъ и т. д.

Скотоводы часто бываютъ состоятельны: стада ихъ быстро растутъ. Но богатство ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ непрочно; отъ безкормицы, вызываемой засухой или буранами, происходятъ падежи скота, и тогда населеніе вымираетъ или впадаетъ въ нищету; народъ въ пустынѣ привыкаетъ подолгу голодать и вымѣривать себѣ самую жалкую пищу, толченыя въ порошокъ кости и т. п. И все же кочевники избѣгаютъ труда и, гдѣ только возможно, обращаются къ грабежу.

Сношенія съ земледѣльческими странами и завоеванія кочевниковъ. Вообще они почти нигдѣ не живутъ вполнѣ одиноко и самостоятельно. Главная причина въ томъ, что кочевники не могутъ обходиться безъ растительной пищи. По временамъ они сами сажаютъ какую-нибудь породу злаковъ, которая быстро выростаетъ безъ всякаго ухода при одномъ только орошеніи отъ снѣговъ, тающихъ на горныхъ склонахъ. Но чаще они правильно вымѣниваютъ у ближайшихъ къ нимъ земледѣльцевъ зерно, чай и растительныя ткани—на шкуры и кожи, которыя производятъ сами. Это заставляетъ ихъ входить въ постоянныя сношенія съ осѣдлыми народами и держаться сосѣдства съ ними. Легко однако кочевники переходятъ къ насильственному захвату богатствъ, накопленныхъ земледѣльцами. Въ столкновеніяхъ съ земледѣльцами кочевники имѣютъ большой перевѣсъ: мало занятые, подвижные, они храбры, хорошо владѣютъ оружіемъ и быстро могутъ собираться большими скопищами.

Отдѣльными отрядами или сплоченными массами они устраиваютъ набѣги на сосѣднія земледѣльческія области и увозятъ къ себѣ все, что возможно, золото, утварь, одежду, оружіе, угоняютъ скотъ и, наконецъ, захватываютъ плѣнныхъ людей, чтобы воспользоваться ихъ искусной и старательной работой. Такіе набѣги иногда правильно повторяются съ промежутками, чтобы дать ограбленной странѣ оправиться и чтобы вновь взять съ нея дань.

Но разъ кочевники объединены въ большую силу, они находятъ болѣе выгоднымъ покорить богатыхъ и трудолюбивыхъ сосѣдей и заставить ихъ платить въ извѣстные сроки опредѣленный налогъ въ разныхъ предметахъ. При этомъ завоеватели могутъ остаться на старыхъ мѣстахъ кочевья; тогда они присылаютъ къ покореннымъ своихъ намѣстниковъ и сборщиковъ, но нерѣдко также поручаютъ сборъ дани и управленіе старымъ начальникамъ покоренныхъ. Или степняки садятся сами среди покоренныхъ въ особыхъ военныхъ лагеряхъ; сохраняя свои обычаи, они живутъ сплоченно и берегутъ свои богатства и запасы; ихъ окружаетъ рабочее крѣпостное населеніе. Такой

характеръ имѣли огромныя «кольца», т.-е. земляныя крѣпости кочевыхъ *аваровъ*, укрѣпившихся въ VI в. въ нынѣшней Венгріи и подчинившихъ себѣ славянъ.

Такъ или иначе, изъ двухъ разныхъ народовъ, осѣдлаго и кочевого, составляется одно государство: первый образуетъ трудящійся классъ, земледѣльческій и ремесленный, второй—военный. Къ послѣднему принадлежатъ также купцы. Уже ранѣе, въ пору своей одинокой жизни въ степи, кочевники бываютъ вынуждены вести отдаленныя торговыя сношенія, чтобы обезпечить себѣ необходимые припасы: для этого имѣются хорошія средства перевоза. Послѣ захвата и объединенія большихъ земель они пролагаютъ новые пути торговли. Широко раздвигаются предѣлы старыхъ земледѣльческихъ государствъ: воины и купцы кочевниковъ заносятъ свое оружіе, свои товары, а вмѣстѣ свою вѣру и обычаи въ далекіе концы свѣта. Въ короткое время образуется огромная имперія. Но она можетъ такъ же быстро разрушаться, если сила завоевателей, сдерживающая цѣлое, ослабѣетъ или если ихъ опрокинетъ новый свѣжій притокъ кочевниковъ изъ степи.

Въ наше время на большой полосѣ пустынь и степей спокойно; степного населенія мало сравнительно съ населеніемъ окружающихъ земледѣльческихъ и промышленныхъ странъ Европы и Китая. Въ первое тысячелѣтіе послѣ Р. X. положеніе въ Старомъ свѣтѣ было иное. По обѣимъ вѣтвямъ степной полосы двигались огромныя кочевыя массы. Напротивъ, населеніе земледѣльческое и осѣдлое далеко не было такъ многочисленно и крѣпко. Степняки постоянно врывались въ его жизнь и подчиняли себѣ большія области, принадлежавшія ему. Особенно Средняя Азія высылала новыя и новыя кочевыя племена, частью соединявшіяся между собою, частью тѣснившія и смѣнявшія другъ друга.

Въ европейской вѣтви большой степной полосы слѣдомъ за гуннами (въ V в.) появились *авары* (VI и VII вв.), *болгары* (съ VII в.) и *мадьяры* (съ IX в.). Они останавливались на западной окраинѣ европейскихъ степей по среднему и нижнему Дунаю; отсюда изъ укрѣпленныхъ лагерей они совершали набѣги, часто очень далекіе, на Балканскій полуостровъ, въ Германію до Рейна и Альпъ, иногда еще дальше, во Францію и Италію. Дальше на востокъ, въ черноморскихъ и прикаспійскихъ степяхъ держались *хазары*, *печенѣги* и *половцы* (въ IX—XI вв.). Ихъ набѣги были направлены на земли по Днѣпру, Дону и Волгѣ.

Въ это время области, расположенныя по главной азіатско-африканской вѣтви большой степной полосы, объединились подъ властью одного крупнаго кочевого народа, *арабовъ*, близкаго по происхожденію и языку къ евреямъ. Объединеніе это сопровождалось распространеніемъ новой вѣры, сплотившей самихъ арабовъ.

Аравія. Страна арабовъ—величиною почти съ треть Европы, но кормитъ не болѣе 6 милліоновъ населенія. Она составляется изъ большого Аравійскаго полуострова и прилегающей къ нему съ сѣвера Сирійской пустыни, которая заключена между полосой восточнаго побережья Средиземнаго моря и равниной Евфрата.

Страна распадается на области разнообразнаго характера. Южный уголъ полуострова, *Іеменъ* («правая», т.-е. «счастливая», сторона), плодороденъ, богатъ тропической растительностью; его населеніе, сравнительно густое, занималось земледѣліемъ и садоводствомъ и пользовалось издавна хорошимъ достаткомъ. Середина, огромный *Недждъ* («плоскогоріе»), отличается крайне слабымъ орошеніемъ. Рѣкъ нѣтъ—языкъ арабовъ не имѣетъ даже подходящаго слова для обозначенія рѣки; ихъ замѣняютъ широкія сухія русла, по которымъ иногда несутся дождевые потоки. Населеніе держится около колодцевъ; на западномъ берегу и въ серединѣ плоскогорья, гдѣ ихъ больше, есть крупные поселки, пахоти и сады. Въ остальной части растительность быстро сходитъ и выгораетъ; жителямъ приходится бродить со своими стадами отъ одного водохранилища къ другому. Огромныя пространства, особенно по окраинамъ плоскогорья, остаются совершенно пустынными. Только весной послѣ дождей на короткое время выростаетъ зелень и открывается пастьба для скота.

Степное населеніе. Бытъ обитателей этого края, *бедуиновъ* («жителей пустыни»), вѣками остается одинъ и тотъ же. Верблюды—весь капиталъ бедуиновъ. Удивительно приспособленный къ этой жизни, верблюдъ можетъ нѣсколько дней не пить; онъ перевозитъ тяжести и людей, даетъ молоко и шерсть, навозъ его служитъ топливомъ. Всѣ расчеты у степныхъ арабовъ производились по числу этихъ животныхъ. При выкупахъ человѣкъ оцѣнивался въ 100 верблюдовъ. Бедуину верблюдъ кажется вѣщимъ животнымъ; когда выходитъ вся вода и люди не знаютъ, куда идти, они пускаютъ впередъ верблюда и слѣдуютъ за нимъ.

Бедуины дѣлились на племена, племена на колѣна, колѣна на роды и семьи. Это дѣленіе, независимое отъ земли, вполнѣ отвѣчало ихъ подвижной жизни. Передвиженія совершались племенами (не болѣе 1000 человѣкъ) или колѣнами. Члены колѣнъ и племенъ считались родственниками и выводили себя отъ общихъ родоначальниковъ. Степныя общества не имѣли властей. Единственной дѣйствительной властью былъ глава семьи или рода: онъ могъ умертвить ребенка—часто, напр., убивали новорожденную дѣвочку, какъ лишній ротъ,—могъ изгнать сына, усыновить любого посторонняго. Родство не разлучалось, и у родственниковъ многое было въ общемъ владѣніи; богатый считалъ себя обязаннымъ платить долги обѣднѣвшихъ родичей, кормить сиротъ. Чу-

жой, не примыкавшій къ родамъ, былъ какъ звѣрь въ степи; безнаказанно можно было его ограбить и убить. Но онъ могъ также искать гостепріимства и защиты у владыки рода: схвативъ его за край одежды и проскользнувъ въ его палатку, чужой становился подъ его покровительство и дѣлался его подчиненнымъ. Изъ такихъ принятыхъ чужаковъ получался цѣлый разрядъ зависимыхъ людей, которые присоединялись къ родамъ.

Во главѣ лагеря, заключавшаго въ себѣ колѣно или племя, стоялъ выборный старѣйшина, *саидъ* («ораторъ»). Но для войны выбирали другого вождя. По вечерамъ саидъ обсуждалъ съ владыками родовъ общія дѣла; послѣ набѣга его чтили крупной долей добычи, но онъ обязанъ былъ за то выкупать плѣнныхъ. Въ случаѣ спора обращались къ его суду, но онъ не имѣлъ силы привести въ исполненіе приговоръ. Обиженному приходилось своими средствами добиваться удовлетворенія: собирать людей своего рода или колѣна и мстить обидчику, искать его смерти, угонять его скотъ, а въ случаѣ безсилія своего грозить ему проклятіемъ. Рѣдко осужденная сторона соглашалась выдать головой обидчика, чтобы оскорбленные могли нанести ему вредъ, равный понесенному ими ущербу, по правилу: око за око, зубъ за зубъ. Своеобразный судъ возникалъ, въ томъ случаѣ, если убійца былъ неизвѣстенъ. Нужно было набрать клятвы 50 родственниковъ или близкихъ убитаго, чтобы обвинить кого-либо изъ людей другого рода, но въ свою очередь родственники обвиненнаго такимъ же количествомъ клятвъ могли отклонить обвиненіе и перенести на родныхъ убитаго.

Старое арабское сказаніе ярко рисуетъ кровавыя усобицы между родами, которыя иногда тянулись нескончаемо изъ поколѣнія въ поколѣніе. Два вождя сосѣднихъ родовъ поспорили о томъ, чей конь быстрѣе въ бѣгѣ. Устроено было состязаніе, но одинъ изъ соперниковъ испугалъ изъ засады лошадь своего противника, уже близкую къ побѣдѣ, и выигралъ споръ. Обманутый вождь скрылъ обиду, но затаивъ месть, убилъ потомъ брата своего обидчика. Затронутые отвѣчали на кровь кровью, и между родами началась усобица. Въ борьбѣ всякій разъ убивали больше, чѣмъ требовала месть, и это вызывало обратно новое мщеніе. На сорокъ лѣтъ затянулась вражда. Наконецъ, обѣ стороны устали; но ни одна не рѣшалась предложить миръ, чтобы не оскорбить духовъ убитыхъ, требовавшихъ отплаты. Тогда двое благородныхъ людей согласились принести жертву ради примиренія; они высчитали и сравнили число убитыхъ на той и другой сторонѣ. Оказалось, что неотмщенныхъ остается уже немного. Тогда примирители предложили выкупъ и выплатили изъ своего имущества 3000 верблюдовъ. Переговоры шли очень долго, и не разъ возникали затрудненія, грозившія опрокинуть дѣло мира. Старый виновникъ всей усобицы, убившій первую жертву, выключилъ себя

самъ отъ дѣла примиренія; онъ не могъ вынести взоровъ женщинъ, которыя оплакивали своихъ близкихъ, погубленныхъ имъ. Поэтому онъ обрекъ себя на изгнаніе и сталъ отшельникомъ.

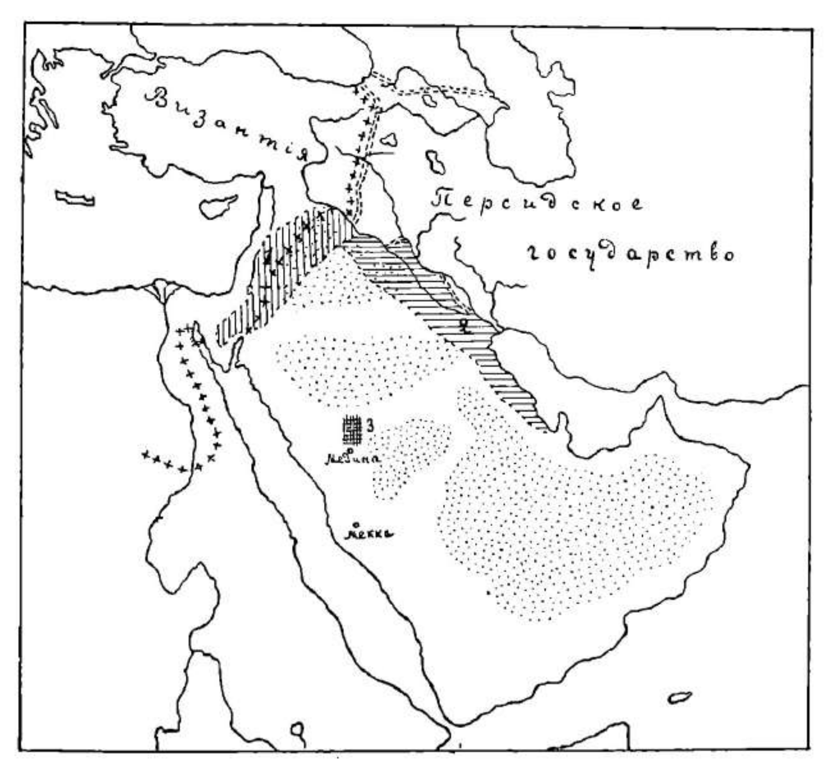
У каждаго племени или группы былъ свой богъ-покровитель; вѣрили въ добрыхъ и злыхъ духовъ, витающихъ вблизи человѣка, и чтили святые камни, деревья и ручьи, въ которыхъ предполагали ихъ присутствіе, но было представленіе также о высшихъ небесныхъ божествахъ: боговъ созвѣздій молили о дождѣ и вѣрили, что они дѣлаютъ погоду. Каждое племя звало своего главнаго бога *Аллахомъ*; это имя перестало быть собственнымъ и стало нарицательнымъ. Оно помогало сближенію племенъ; сколько бы ни соединялось ихъ вмѣстѣ, надъ ними оставалось имя одного бога.

Городское населеніе. Инымъ характеромъ отличались жители *Хиджаса* («границы»), западной прибрежной полосы вдоль Аравійскаго залива. Здѣсь шла дорога изъ Іемена въ Египетъ, Сирію и къ Евфрату; часть населенія забрала въ свои руки торговлю произведеніями сѣвера и юга. Изъ византійскихъ и персидскихъ владѣній везли въ Аравію хлѣбъ и ремесленныя произведенія, съ арабскаго юга—золото, драгоцѣнные камни, тропическіе плоды, благовонныя вещества. Караванные грузы по цѣнѣ были въ сотни тысячъ. Торговля приносила огромныя выгоды. Болѣе всего выдвинулись при этомъ купцы *Мекки*, города, который образовался въ главномъ мѣстѣ остановки каравановъ. Оживленныя сношенія съ сосѣдними землями привлекли въ эту область множество иностранцевъ: сирійскіе евреи и христіане, особенно ремесленники, садились въ сѣверной части Хиджаса, болѣе всего около города *Ятриба*.

Въ Меккѣ купцы составили союзъ для обереганія торговли, *корайшъ*. Корайшиты соединялись около священнаго знамени; въ большомъ домѣ сходился совѣтъ старѣйшинъ и собиралась сходка всѣхъ главъ правящихъ семей; здѣсь же принимали почетныхъ гостей, справляли свадьбы, и отсюда выѣзжали торговые караваны. Главнымъ средствомъ объединенія служило святилище Мекки, *Кааба*. Это—зданіе почти кубической формы, увѣшанное темными матеріями, посреди обширнаго двора, обведеннаго колоннадой; въ сѣверную стѣну храма вдѣланъ небольшой черный камень, по преданію, переданный Богомъ Аврааму, котораго считали основателемъ Каабы. Купцы Мекки старались охранить свою торговлю отъ разбоя бедуиновъ. Они сумѣли привлечь ихъ къ своимъ рынкамъ и праздникамъ. Въ Меккѣ устраивались ярмарки: степные арабы пригоняли скотъ и обмѣнивали его на сирійскія ремесленныя произведенія. Ежегодно справлялся торжественный праздникъ весны, привлекавшій богомольцевъ. На четыре мѣсяца въ году прекращались разбойничьи набѣги и устанавливался миръ: люди разныхъ племенъ могли

съѣхаться въ Мекку и вернуться спокойно домой подъ покровительствомъ мекканской святыни.

Въ этихъ съѣздахъ и празднествахъ видное мѣсто занимали состязанія пѣвцовъ и декламаціи поэтовъ и ораторовъ. Арабы чутки къ поэзіи, и даже у степныхъ бедуиновъ въ большомъ ходу были героическія пѣсни и стихотворныя сатиры. Въ Меккѣ музыкальное исполненіе поэтическихъ произведеній высоко цѣнилось и достигало большого искусства. На большихъ ярмаркахъ поэты-импровизаторы высту-

Аравія около 600 г. и ея колоніи. 1) Поселенія арабовъ въ Сиріи на службѣ Византіи. 2) Поселенія арабовъ въ Месопотаміи на службѣ у персовъ. 3) Поселенія евреевъ въ Аравіи.

пали передъ публикой и создавали себѣ славу, расходившуюся по всей Аравіи; наиболѣе удачные стихи воспроизводились золотымъ шитьемъ на легкихъ матеріяхъ, и ихъ привѣшивали къ потолку Каабы. Правители Мекки дали всѣмъ арабскимъ племенамъ участіе въ самомъ почитаніи Каабы; каждое племя ставило въ общемъ святилищѣ изображеніе своего мѣстнаго бога-покровителя; вмѣстѣ съ тѣмъ Кааба была храмомъ Аллахъ-Таалы, высшаго Бога, Бога Авраама и Измаила (отъ послѣдняго производили себя степные арабы).

Арабскія колоніи. Арабская пустыня вплотную прилегала на сѣверѣ къ культурнымъ странамъ имперіи и персидскаго государства. Сосѣди арабовъ давно терпѣли отъ степныхъ бедуиновъ, но старались вмѣстѣ съ тѣмъ воспользоваться ихъ воинственной силой. Греки въ Сиріи и персы по Евфрату образовали изъ арабовъ военную границу: вдоль пустыни съ той и другой стороны были поселены арабскіе воины, подчиненные своимъ князьямъ; западные поселенцы служили имперіи противъ персовъ, восточные—персамъ противъ имперіи. Часть этихъ арабовъ въ Сиріи и на Евфратѣ приняла христіанство.

Арабы далеко перешли предѣлы своей родины. Они вошли въ сношенія съ другими народами и религіями, съ греками и персами, съ евреями и христіанами. Около 600 года арабы представляли большую воинственную массу, которой не хватало пропитанія на полуостровѣ. Они готовы были двинуться на захватъ богатыхъ странъ, которыя кормили ихъ. Имъ недоставало сплоченности, но у нихъ уже было средоточіе въ Меккѣ. Они объединились въ грозное войско, принявши общую вѣру; ея основателемъ считаютъ Мохамеда, хотя въ ней нѣтъ ничего новаго.

Мохамедъ. Встрѣча съ евреями, христіанами и персами вызвала у многихъ арабовъ работу мысли, исканіе болѣе высокой вѣры. Изъ числа такихъ искателей былъ и Мохамедъ. Онъ родился въ Меккѣ (около 570 г.) и хотя принадлежалъ къ корайшитамъ, но былъ бѣденъ, рано остался сиротой и пасъ скотину на холмахъ вокругъ Мекки. Потомъ Мохамедъ сталъ служить въ торговомъ дѣлѣ одной богатой вдовы и совершалъ поѣздки съ товарами. Женившись на хозяйкѣ, Мохамедъ пріобрѣлъ самъ независимое положеніе и досугъ. Тогда съ силой проявилась его наклонность къ мечтѣ и раздумью. Въ долгихъ уединенныхъ прогулкахъ по пустыннымъ мѣстностямъ онъ до того отдавался своимъ мыслямъ, что переставалъ видѣть и чувствовать окружающее; его мечты превращались въ видѣнія. Ему слышались таинственные голоса ангеловъ. Однажды онъ вернулся домой въ сильномъ возбужденіи и разсказалъ, что въ пустынѣ около горы онъ погрузился въ глубокій сонъ. Могучій голосъ произнесъ надъ нимъ повелительно нѣсколько разъ: «Читай!» Я прочиталъ, говорилъ Мохамедъ; видѣніе удалилось, но мнѣ казалось, будто эти слова начертаны въ моемъ сердцѣ.

Мохамедъ боялся сначала вѣрить тайному голосу; онъ считалъ себя одержимымъ злымъ духомъ. Долго терзали его сомнѣнія; желанное видѣніе не повторялось, голоса больше не было, и онъ не разъ хотѣлъ броситься съ высокаго утеса. И вдругъ, какъ ему показалось, точно лучъ изъ другого міра озарилъ его; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ испыталъ страшное тѣлесное потрясеніе, съ нимъ сдѣлалась лихорадка и нервный припадокъ. Мохамедъ понялъ это, какъ указаніе свыше: онъ увѣрился

въ своемъ пророческомъ призванiи и не ждалъ больше видѣнiй; все, что посѣщало его мысль, казалось ему внушеннымъ отъ Бога.

Мохамедъ началъ излагать свои откровенiя ближайшему кругу друзей и родственниковъ. Многое было повторенiемъ христiанскаго, iудейскаго и персидскаго ученiя; такова была вѣра въ Единаго Бога, рядомъ съ Которымъ не должно быть другихъ боговъ. Мохамедъ вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко возставалъ противъ почитанiя идоловъ и противъ обычая зарывать живыми лишнихъ дѣтей. Вся проповѣдь была проникнута убѣжденiемъ, что Мохамедъ самъ—великiй пророкъ арабскаго народа, призванный возстановить затемненное откровенiе Божiе. Онъ былъ полонъ ожиданiя предстоящаго великаго суда Божiя, въ которомъ людямъ воздастся по ихъ дѣламъ. Онъ поднималъ голосъ противъ богатыхъ, называлъ ихъ грѣшниками, гремѣлъ противъ отдачи денегъ въ ростъ и требовалъ для очищенiя совѣсти обязательнаго сбора милостыни со всѣхъ имущихъ, чтобы уравнять достатки.

Числю послѣдователей Мохамеда вначалѣ было невелико; между ними особенно выдавался энергичный Омаръ, человѣкъ дѣла, который хорошо дополнялъ нерѣшительнаго, погруженнаго въ думы Мохамеда. Въ средѣ большинства мекканцевъ и особенно корайшитовъ, которые боялись потерять свое торговое влiянiе, связанное съ Каабой, Мохамедъ встрѣтилъ насмѣшки и недовольство. Когда же онъ началъ грозить невѣрующимъ адскими мученiями, раздраженiе противъ него стало еще сильнѣе. Сознавая опасность своего положенiя въ Меккѣ, Мохамедъ и его друзья рѣшили бѣжать въ Ятрибъ, гдѣ у нихъ были сторонники. Годъ этого бѣгства (*Гиджры*, въ 622 г.), съ котораго начинается распространенiе ученiя Мохамеда, мусульмане считаютъ очень важнымъ; они ведутъ отъ него счетъ времени, какъ мы отъ Рождества Христова.

Община въ Мединѣ. Въ земледѣльческомъ Ятрибѣ было много иновѣрцевъ. Къ новому ученiю здѣсь отнеслись болѣе терпимо; евреи и христiане слышали въ немъ много сроднаго. Городъ былъ въ соперничествѣ съ Меккой и потому охотно принялъ изгнанниковъ. Жители Ятриба признали Мохамеда пророкомъ и заключили съ нимъ договоръ. Всѣ вѣрующiе, бѣжавшiе съ Мохамедомъ и принявшiе его, должны были составить одинъ народъ *мусульманъ* (собственно, муслимовъ, т.-е. «преданныхъ») въ противоположность остальнымъ невѣрующимъ арабамъ.

Мохамедъ опредѣлилъ ихъ устройство. Община мусульманъ считалась однимъ великимъ родствомъ. Среди нихъ не можетъ быть раздоровъ; споры разрѣшаются Богомъ черезъ Мохамеда. Между членами общины не должно быть кровомщенiя, какъ нѣтъ его между родичами; преступникъ выдается головой потерпѣвшимъ. Война и миръ у мусульманъ—общее дѣло; если кто падетъ на войнѣ за Бога, всѣ осталь-

ные члены общины, какъ родичи, мстятъ за его кровь. Съ имущихъ членовъ общины собирается обязательный взносъ въ размѣрѣ $^1/_{40}$ дохода; этотъ налогъ уплачивается частью деньгами и частью натурой, доставкой скота, хлѣба, плодовъ. Онъ идетъ на дѣло вѣры, главнымъ образомъ въ пользу бѣдныхъ сочленовъ: призрѣваемые считаются на положенiи зависимыхъ родственниковъ и служатъ общинѣ въ видѣ военной свиты. Всѣ главныя черты этого строя взяты были изъ стариннаго родового быта; но онѣ были перенесены на союзъ людей, чуждыхъ другъ другу по происхожденiю, частью безродныхъ и опальныхъ, соединенныхъ новою связью, служенiемъ имени Божiю. Принявшiй Мохамеда Ятрибъ обратился въ «городъ пророка», *Медину*. Особый договоръ и союзъ былъ заключенъ съ многочисленными евреями Ятриба. Затѣмъ Мохамедъ устроилъ въ Мединѣ первый молитвенный домъ наподобiе синагоги. Эта *мечеть* («месджидъ—мѣсто молитвы») вначалѣ представляла сарай съ крышей изъ пальмовыхъ вѣтвей. Мохамедъ молился лицомъ къ Iерусалиму, и потому сѣверная часть дома была открыта.

Государство арабовъ и исламъ. Община, основанная въ Мединѣ, скоро стала расширяться. Мохамедъ началъ привлекать на свою сторону степныя племена. Напротивъ, онъ разорвалъ съ евреями, которые не соглашались принять его ученiе. Ихъ изгнали изъ Медины и другихъ мѣстъ сѣверной Аравiи. Многiе евреи были перебиты, имущество ихъ было захвачено и раздѣлено между мусульманами. Убѣжденный въ томъ, что всѣ арабы должны соединиться въ общинѣ мусульманъ, Мохамедъ хотѣлъ захватить главное средоточiе страны, Мекку. Въ молитвѣ онъ сталъ обращаться на югъ, къ святому городу арабовъ. Но сами мекканцы относились крайне враждебно къ новымъ завоевателямъ, и между ними завязалась упорная война.

Сначала Мохамедъ терпѣлъ неудачи, но мусульмане начали стѣснять караванное движенiе, шедшее къ Меккѣ, и грозили вовсе уничтожить ея торговлю. Тогда крупные люди изъ среды корайшитовъ стали переходить на сторону Мохамеда, и, наконецъ, Мекка просила мира у пророка. Мекканцы принесли ему присягу вѣрности, а онъ сравнялъ ихъ во всемъ съ мусульманами. Добыча должна была дѣлиться между всѣми одинаково. Видныхъ людей Мохамедъ старался привлечь большими подарками. Вступивъ въ Мекку, онъ объѣхалъ, по обычаю, семь разъ Каабу, коснулся загнутымъ жезломъ чернаго камня и при словахъ: «истина пришла, да исчезнетъ ложь!» велѣлъ выбросить около 300 идоловъ, которые напоминали старинныя, осужденныя имъ суевѣрiя. Но Мохамедъ самъ сдѣлалъ важную уступку. Онъ отступился отъ своего прежняго чистаго ученiя о Богѣ, которое не допускало внѣшнихъ знаковъ поклоненiя и не связывало молитвы съ опредѣленнымъ мѣстомъ.

Онъ призналъ святость Каабы и поставилъ въ обязанность каждому вѣрующему совершить хотя разъ въ своей жизни богомолье къ святилищу.

Къ этому времени окончательно опредѣлилась и новая вѣра. Она стала называться *исламъ* («покорность Богу»). Ея положенія выражены были въ короткихъ стихахъ и изреченіяхъ (сурахъ), сказанныхъ Мохамедомъ при различныхъ случаяхъ; уже послѣ его смерти они были собраны и записаны большею частью по памяти его сподвижниковъ. Составилась книга *Коранъ* (что̀ буквально значитъ «чтеніе»). Въ Коранѣ нѣтъ ни разсказа, ни связнаго изложенія ученія; суры стоятъ въ странномъ порядкѣ по созвучію первыхъ словъ. Богъ есть «Господь въ день судный». Онъ—«Единъ, не порожденъ и не породилъ, и никто Ему не равенъ». Воля Его и истинное ученіе открылись постепенно черезъ пророковъ: Адама, Авраама, Моисея и Іисуса; послѣдній и высшій изъ нихъ Мохамедъ.

Подробно изображалъ Мохамедъ страшный судъ и «тотъ свѣтъ». Въ этой картинѣ есть черты христіанства и религіи персовъ. Судъ грѣшниковъ будетъ возвѣщенъ трубой. Необозримые ряды ихъ встанутъ изъ могилъ и явятся передъ Всевышнимъ. Они увидятъ вѣсы, на которыхъ взвѣшиваются дѣла, совершонныя людьми; ангелы принесутъ книгу, въ которой ведется запись добрыхъ и злыхъ поступковъ. Узкій мостъ, тонкій, какъ волосъ, и острый, какъ лезвее, ведетъ въ рай черезъ адскую бездну; спасенный переносится на ту сторону во мгновеніе ока, осужденный неминуемо падаетъ въ глубину. Въ аду страшный жаръ и холодъ, пища отравлена; адская стража никуда не даетъ пропуска. Рай—тѣнистый садъ съ фонтанами, гдѣ отдыхаютъ блаженные за роскошными яствами, наподобіе чуднаго оаза, который рисуется усталому путнику въ пустынѣ. Убитый въ войнѣ за вѣру тотчасъ же идетъ въ рай.

Религіозные обычаи, установленные Мохамедомъ, приспособлены къ жизни кочевниковъ. У разбросанныхъ въ степи племенъ и родовъ не можетъ быть многочисленнаго духовенства; не можетъ быть въ кочевой жизни церквей и стройнаго пышнаго богослуженія. Каждый въ пустынѣ долженъ умѣть произносить молитву, но молитва проста, такъ что неграмотный можетъ ее запомнить. Молящіеся обращаются лицомъ къ Меккѣ. Строго соразмѣрены со словами медленныя движенія, опусканія на колѣни, паданіе ницъ и воздѣванія рукъ. Молитва читается пять разъ въ день, и очередь молитвы служитъ номаду для счета времени. Гдѣ вѣрующіе составляютъ большое поселеніе, они собираются въ пятницу на призывный голосъ, раздающійся съ башни (минарета) у мечети, молятся вмѣстѣ и слушаютъ проповѣдь: *имамъ* («старѣйшина, предсѣдатель») всходитъ на возвышеніе и произноситъ увѣщаніе, которое обильно пересыпано текстами изъ Корана. Затѣмъ онъ становится пе-

редъ нишей, находящейся въ той сторонѣ, гдѣ лежитъ Мекка, и говоритъ про себя неясную молитву; тысячная толпа прикована къ нему взорами и съ покорной точностью воспроизводитъ всѣ его движенія.

Обычаямъ кочевой жизни отвѣчаетъ еще одна черта, это—обязательныя для всѣхъ богомолья. Хаджи (богомольцы) идутъ въ Мекку въ особыхъ одеждахъ изъ двухъ кусковъ матеріи, съ непокрытой головой, какова бы ни была жара. Въ долинѣ около святого города происходитъ главное празднество. Каждый бросаетъ на алтарь семь камешковъ въ память обряда, которымъ Авраамъ отогналъ дьявола; затѣмъ богомолецъ приноситъ въ жертву овцу, которую покупаетъ у бедуиновъ, сходящихся къ празднику съ большими стадами, прикладывается къ камню и пьетъ воду изъ святого колодца.

Объединеніе Аравіи. Халифы. Съ захватомъ Мекки Мохамедъ сталъ искать господства надъ всей Аравіей. Къ различнымъ племенамъ было послано требованіе принять исламъ и платить подать для поддержанія дѣла вѣры (т.-е. для призрѣнія бѣдныхъ и награжденія воиновъ въ священной войнѣ). Не вездѣ встрѣчалъ Мохамедъ покорность: мѣстами народные пѣвцы отвѣчали рѣзкой сатирой. Одно изъ племенъ выставило своихъ ораторовъ и поэтовъ противъ мусульманскихъ, и принятіе новой вѣры было рѣшено состязаніемъ. Въ восточной Аравіи появился свой пророкъ, Мусаилима (т.-е. малый мусульманинъ). Мохамедовы сборщики податей вызывали ропотъ и мятежъ; посланные имъ вожди подавляли возстанія въ потокахъ крови.

Но въ новой вѣрѣ было сильное средство для объединенія всего арабскаго народа, именно завѣтъ священной войны. Мохамедъ выдѣлилъ евреевъ и христіанъ: они—«люди, обладающіе Писаніемъ»; правовѣрные могутъ вести съ ними благородный споръ, и ихъ положеніе въ арабскомъ государствѣ устанавливается особыми договорами. Но язычниковъ не должно щадить. Это предписаніе стали толковать въ томъ смыслѣ, что невѣрные подлежатъ истребленію или обращенію въ рабство. И безъ того арабы устремлялись за предѣлы родины: теперь у нихъ явилось новое оправданіе для набѣга за добычей, для переселенія и поисковъ торговыхъ путей: оно состояло въ томъ, что арабы, избранный народъ Божій, должны всюду распространить истинную вѣру; каждый борецъ могъ итти впередъ съ надеждой пріобрѣсти за храбрость рай. Мохамедъ старался соединить арабовъ въ общихъ предпріятіяхъ противъ сосѣдей. Его отряды стали нападать на ближнюю область имперіи, Сирію.

Когда Мохамедъ умеръ черезъ 10 лѣтъ послѣ Гиджры, пророка замѣнилъ избранный мусульманской общиной въ Railway Мединѣ преемникъ, *халифъ* («намѣстникъ»). Первые халифы были изъ среды ближайшихъ

сотоварищей и родственниковъ Мохамеда. Обычай избранія былъ тотъ же, что при выборѣ старѣйшины или начальника племени: главные вожди въ общемъ собраніи окружали намѣченнаго ими и ударяли съ нимъ по рукамъ; потомъ онъ приносилъ присягу и говорилъ народу рѣчь. Каждую пятницу всходилъ халифъ на каѳедру въ мечети и произносилъ проповѣдь. Въ важныхъ случаяхъ онъ звалъ самыхъ видныхъ мусульманъ на совѣщаніе. Бытъ первыхъ халифовъ оставался такимъ же простымъ, какъ жизнь степныхъ вождей. Преемникъ Мохамеда имѣлъ одного только раба и жилъ въ палаткѣ за городомъ, возвращаясь домой каждый вечеръ по окончаніи дѣлъ. Халифъ оставался въ Мединѣ, посылалъ войска и руководилъ завоеваніями. Онъ правилъ избраннымъ народомъ и долженъ былъ толковать откровеніе Божіе (такое соединеніе духовной и свѣтской власти въ однѣхъ рукахъ мы называемъ *теократіей*, т.-е. «Божьимъ правленіемъ»).

Завоеванія арабовъ. При второмъ халифѣ, Омарѣ, арабы совершили крупнѣйшія свои завоеванія: вожди, посланные халифомъ, захватили богатыя области имперіи, Сирію и Египетъ, и цѣлое государство персовъ (около 640).

Арабамъ сильно помогло то обстоятельство, что Византія и Персія незадолго до того вели разорительную войну, въ которой истощили другъ друга. У императора въ Сиріи почти не было войска; лишь недолго защищались двѣ-три крѣпости. Іерусалимъ открылъ ворота побѣдителю, и самъ халифъ прибылъ изъ Медины въ святой городъ. Патріархъ пригласилъ его войти въ храмъ, но Омаръ остановился на ступеняхъ и совершилъ здѣсь свою молитву. Въ областяхъ, принадлежавшихъ Византіи, кипѣли ожесточенные религіозные споры. Большинство сирійскаго и египетскаго населенія, весь простой народъ, крестьяне, ремесленники, принадлежали къ ереси *монофизитовъ*, въ противоположность высшимъ классамъ, чиновникамъ и солдатамъ, присланнымъ изъ Константинополя. Осужденные господствующей церковью еретики, въ ихъ числѣ намѣстникъ Египта, изъ ненависти къ православнымъ, сами звали арабовъ. Одинъ сиріецъ писалъ: «Богъ мести послалъ намъ арабовъ, чтобы освободить насъ отъ жестокости имперцевъ». Патріархъ Александріи выговорилъ у халифа лишь небольшой срокъ, чтобы дать православнымъ грекамъ выселиться изъ Египта.

Съ персами борьба была труднѣе; но и здѣсь арабы одолѣли, когда въ ихъ руки перешелъ главный источникъ богатства персидскаго государства, густо населенный край по нижнему теченію Евфрата и Тигра съ его знаменитыми урожаями. Огромную поддержку завоевателямъ оказали арабскіе поселенцы, которые примыкали къ степнымъ арабамъ и принимали ихъ новую вѣру. Въ чужой землѣ степняки по-

являлись сначала небольшими отрядами, но ихъ число быстро увеличивалось пристававшими къ нимъ мѣстными арабами: послѣдніе указывали пришедшимъ пути, доставляли припасы и сообщали свѣдѣнія. Завоеванія мусульманъ можно поэтому разсматривать, какъ объединеніе всѣхъ арабовъ.

Прежніе вожди арабскихъ разбойничьихъ отрядовъ быстро привыкли къ крупной войнѣ и строю большихъ армій. Старинное молодечество выражалось попрежнему въ обычаѣ начинать сраженіе съ единоборства. Въ войскѣ сохранялось подраздѣленіе на племена и роды, у каждаго племени было свое знамя. Скоро арабы усвоили у враговъ военныя усовершенствованія: римскій обычай строить укрѣпленный лагерь, примѣнять крупныя стѣнобитныя орудія при осадѣ. Незамѣнимыя услуги оказывалъ при передвиженіяхъ верблюдъ, спутникъ степного человѣка, всюду появлявшійся вмѣстѣ съ арабами и исчезнувшій потомъ тамъ, гдѣ арабы были вытѣснены. Завоевателямъ открывались несмѣтныя выгоды. Передъ битвой читали солдатамъ подходящія мѣста изъ Корана, напримѣръ, главу, въ которой пророкъ устанавливалъ порядокъ раздѣленія добычи. Во всякомъ корпусѣ былъ свой секретарь, который велъ счелъ захваченнаго и распредѣлялъ доли; одна пятая добычи шла въ пользу всей общины мусульманъ, остальное раздавалось воинамъ.

Завоеванныя области были очень важны для арабовъ. Съ пріобрѣтеніемъ Сиріи мекканскіе купцы захватили въ свои руки торговый путь вдоль восточнаго берега Средиземнаго моря. Египетъ представлялъ богатѣйшую хлѣбную житницу. Передъ тѣмъ онъ долго служилъ снабженію запада, Рима и Константинополя. Арабы повернули доставку египетскаго хлѣба къ себѣ на востокъ, и для ускоренія провоза былъ проведенъ каналъ отъ рукава Нила къ Аравійскому заливу. Захватывая, по другую сторону, берегá Персидскаго залива, западный край Индостана и средне-азіатскія земли, арабы также руководились торговыми цѣлями— вступить въ сношенія съ Китаемъ и Индіей. Въ этихъ видахъ былъ основанъ городъ *Басра* на выходѣ у Персидскаго залива. Кромѣ того, для избыточнаго населенія Аравіи, не находившаго дома занятія и пропитанія, открывалась возможность переселяться въ колоніи среди завоеванныхъ земель.

Омарово устройство. Войны перенесли арабовъ къ богатой культурѣ отъ домашней обстановки, крайне несложной и замкнутой. Въ Мединѣ еще при Омарѣ были только ручныя мельницы. Халифъ поручилъ заѣзжему персу, каменьщику и плотнику, поставить первую вѣтряную мельницу; свои люди не умѣли ея сдѣлать. Въ одномъ изъ эпизодовъ персидской войны ярко выразилось неумѣніе арабовъ, непривычныхъ къ роскоши, воспользоваться несмѣтной добычей. Среди сокровищъ дворца

персидскихъ царей былъ захваченъ знаменитый коверъ, шитый по художественному рисунку золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Въ Мединѣ не знали сначала, что съ нимъ дѣлать. Одинъ изъ сподвижниковъ Мохамеда, Али, предложилъ разрѣзать коверъ на куски, чтобы въ каждомъ было равное число жемчуга и каменьевъ, и раздѣлить ихъ между правовѣрными. По мысли строгихъ мусульманъ и основателей арабскаго государства, завоеватели должны были остаться при простомъ обиходѣ и не отклоняться отъ старыхъ обычаевъ кочевой, лагерной жизни. Омаръ былъ въ этомъ отношеніи безпощаденъ. Когда арабскій вождь, побѣдитель персовъ, приспособилъ для себя великолѣпный дворецъ прежнихъ царей въ Ктезифонѣ, Омаръ велѣлъ сжечь зданіе.

Цѣлью войны мусульмане объявляли обращеніе невѣрныхъ: тѣ, кто принималъ исламъ, входили въ составъ арабскаго народа. Но рядомъ съ этой цѣлью выступала другая: вознаградить мусульманъ на счетъ невѣрныхъ, создать господство избранниковъ Божіихъ надъ чужими. Ради этого надо было щадить побѣжденныхъ и устроить правильное взиманіе доходовъ съ нихъ въ пользу всего вѣрующаго народа.

Омаръ держался при этомъ своеобразнаго порядка, который былъ согласенъ съ основами первой Мохамедовой общины. Завоеванной земли не дѣлили между отдѣльными арабами. Тѣ имѣнія, которыя отбирались у побѣжденныхъ за сопротивленіе, были объявлены общимъ достояніемъ всѣхъ мусульманъ: ихъ сдавали въ аренду, и доходъ шелъ въ казну. Добровольно сдавшіеся сохраняли за собою свои земли и имущества, но въ уплату за эту милость они должны были отдавать два налога: *поголовный*, взимавшійся со всѣхъ невѣрныхъ, и *поземельную* подать, которую платили собственники сообразно достоинству земли и способу ея обработки. Эти налоги были продолженіемъ старыхъ, византійскихъ и персидскихъ, податей. Кромѣ того, покоренные обязаны были содержать поставкой припасовъ арабское войско. Такимъ образомъ государство арабовъ держалось средствами, собираемыми съ покоренныхъ.

Мусульмане были свободны отъ этихъ налоговъ и попрежнему платили лишь установленный Мохамедомъ взносъ на дѣло вѣры. Они должны были остаться подвижнымъ воинствующимъ народомъ, не связаннымъ съ опредѣленнымъ мѣстомъ. Правители брали ихъ на содержаніе казны, селили въ городахъ и колоніяхъ и передвигали, когда нужно было для походовъ. Если случалось, что инородцы переходили въ исламъ, то они обыкновенно отказывались отъ своей земли, уходили въ арабскія поселенія и города; съ ихъ прежнихъ владѣній начинала поступать подать. Обращенные присоединялись къ арабскимъ племенамъ, входили въ качествѣ кліентовъ подъ ихъ покровительство и большею частью избирали военную службу. Во всемъ должна была пройти рѣзкая разница между

правовѣрными господами и ихъ иновѣрными подданными: послѣдніе отличались отъ мусульманъ въ одеждѣ, не смѣли носить оружія и ѣздить на конѣ. Христіане не должны были учиться арабскому языку и писать поарабски, а арабамъ было запрещено говорить на другихъ языкахъ.

Въ новомъ государствѣ мусульмане не входили въ дѣло сбора податей и въ управленіе отдѣльными городами и общинами. Всюду остались прежніе чиновники, головы и старосты, а въ христіанскихъ земляхъ епископы сохраняли свое участіе въ управленіи и судѣ. Счетныя и другія канцелярскія книги велись по-старому, на языкѣ мѣстнаго населенія. На сирійскихъ монетахъ попрежнему чеканили христіанскій крестъ.

Зато новые господа, пришедшіе къ осѣдлому населенію изъ пустыни, старались основательно использовать его работу въ своихъ интересахъ. Поэтому они взяли въ свои руки высшее управленіе доходами, получаемыми съ покоренныхъ. Омаръ устроилъ верховный счетный дворъ, *Диванъ*, по образцу Персіи. Диванъ велъ общую запись всѣхъ суммъ, которыя составлялись изъ ежегодныхъ поступленій налоговъ и излишковъ добычи, и распредѣлялъ ихъ между правовѣрными. Для послѣдней цѣли въ Диванѣ составлялись списки всѣхъ мусульманъ по племенамъ и семьямъ; доля каждаго была опредѣлена въ мѣру заслугъ передъ вѣрою и участія въ священной войнѣ. На основаніи этого расчета было вычислено ежегодное жалованье отдѣльныхъ мусульманъ: больше всего получали ближайшіе родственники, затѣмъ сподвижники Мохамеда. Дѣтямъ были также опредѣлены выдачи; въ спискахъ тщательно отмѣчались рожденія и смерти мусульманъ. Въ довершеніе устройства арабы очистили свой домъ отъ постороннихъ: христіане и евреи были изгнаны съ Аравійскаго полуострова.

Вмѣстѣ съ тѣмъ однако продолженіе священной войны требовало непрерывнаго пребыванія арабовъ среди чужихъ. По возможности, ихъ старались выдѣлить отъ всякихъ сношеній съ остальнымъ населеніемъ и поселяли въ особыхъ военныхъ колоніяхъ. Такими колоніями были *Куфа* и Басра на Евфратѣ, *Каиръ* въ Египтѣ, *Мервъ* въ Средней Азіи и *Мансура* на Индѣ. Планъ города Куфы можетъ служить образцомъ этихъ поселеній: въ срединѣ мечеть, зданіе управы, передъ нимъ площадь для собраній гражданъ и базаръ; городъ раздѣленъ на кварталы по арабскимъ племенамъ. Служба поселенцевъ была наслѣдственна, и они должны были всегда быть готовы къ отправкѣ въ дальнѣйшіе походы. Къ колоніямъ были приписаны земли, но колонисты не работали на нихъ, а лишь содержались на доходы съ нихъ. Помимо того они получали очень большое жалованье, значительно превышавшее то, какое могъ, напр., платить своимъ наемникамъ византійскій царь.

Разрушеніе первоначальнаго строя арабовъ и расколъ. Строй Омара въ своемъ чистомъ видѣ недолго удержался. Неизбѣжно было отклоненіе отъ старыхъ обычаевъ степной жизни. Около преемниковъ Омара составился дворъ приближенныхъ, которыхъ халифъ щедро одарялъ; отдѣльные арабы стали пріобрѣтать землю въ собственное владѣніе. Такимъ образомъ старое равенство между мусульманами было нарушено. Военные колонисты, поселенные въ покоренныхъ земляхъ, начали вступать въ сношенія съ туземцами, принимать ихъ понятія; такъ, напримѣръ, арабы Сиріи сближались съ христіанами. Съ захватомъ береговъ и портовъ Средиземнаго моря, естественно, возникла мысль о пріобрѣтеніи морскихъ путей и устройствѣ арабскаго флота. Когда мусульманъ впервые посадили на корабли для дальнѣйшихъ завоеваній, старозавѣтные арабы выражали страшное негодованіе. Чѣмъ дальше однако, тѣмъ менѣе Аравія и халифъ въ Мединѣ могли оставаться средоточіемъ новаго огромнаго государства. Сила и значеніе перешли къ военнымъ колоніямъ и къ намѣстникамъ завоеванныхъ областей.

Первое мѣсто между ними занялъ сирійскій намѣстникъ Моавія. Онъ былъ изъ богатаго мекканскаго купеческаго рода Омайядовъ, руководилъ борьбой противъ имперіи и устройствомъ арабскаго флота въ Средиземномъ морѣ. Моавія отказалъ въ повиновеніи Али, послѣднему халифу изъ числа ближнихъ къ Мохамеду людей.

Въ единой до сихъ поръ общинѣ вѣрующаго народа произошелъ *расколъ*. Западные арабы, сирійскіе поселенцы и мекканская аристократія держались Омайядовъ и стояли за свободный выборъ халифа. Они вмѣстѣ съ тѣмъ допускали рядъ добавленій къ Корану, вызванныхъ новыми обстоятельствами жизни; изъ добавленій составилось особое священное преданіе, *сунна*; отсюда имя этой партіи—*сунниты*. На другой сторонѣ были мединцы и восточные арабы, поселенцы въ бывшихъ персидскихъ областяхъ; они считали законнымъ лишь халифа изъ семьи Мохамеда; нѣкоторые ревнители въ ихъ средѣ вѣрили въ скорое пришествіе Мохамеда въ концѣ дней и, въ ожиданіи его, считали единственнымъ замѣстителемъ пророка его ближайшаго помощника при жизни, Али. Сторонники этого направленія старались вмѣстѣ съ тѣмъ очистить вѣру и удалить изъ нея все, что, по ихъ мнѣнію, не шло отъ самого Мохамеда; ихъ названіе—*шіиты* («раскольники»). Враждебно къ обѣимъ партіямъ относились *хариджиты*. Они отрицали всякую свѣтскую власть на землѣ, вовсе не хотѣли халифа; всѣ рѣшенія, говорили они, исходятъ отъ Бога; правильно только постановленіе всей общины вѣрующихъ. Это были непримиримые демократы.

Свѣтскій халифатъ Омайядовъ. Между Омайядами и шіитами уже поднималась война, когда внезапно Али былъ убитъ однимъ изъ хари-

джитовъ. Халифомъ сталъ Моавія. Онъ не поѣхалъ въ Аравію; столицей осталась его резиденція въ Дамаскѣ, среди сирійскихъ христіанъ и арабскихъ военныхъ поселенцевъ.

Моавія и его преемники съ новой силой повели завоеванія. Они двинули корабли и захватили Кипръ и Родосъ. Завоеватели стали подступать къ Константинополю. Затѣмъ арабы направились изъ Египта на западъ вдоль сѣверо-африканскаго берега. Около 700 г. они отняли византійскія владѣнія по обѣ стороны Карѳагена. Африканскіе берберы, или мавры, близкіе по быту къ степнымъ бедуинамъ, стали союзниками арабовъ и приняли исламъ. Карѳагенъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ городовъ запада, былъ совершенно уничтоженъ. До сихъ поръ стоятъ лишь его развалины, недалеко отъ Туниса. Южнѣе Карѳагена, близъ берега поднялась новая военная колонія арабовъ—*Кайруанъ*. Арабскій намѣстникъ сѣверной Африки, Муса, выстроилъ свой флотъ, который появился у береговъ Сициліи и Сардиніи и захватилъ Балеарскіе острова. Арабы дошли до крайняго запада Стараго свѣта—до Атлантическаго океана.

Въ это время многочисленные евреи-торговцы въ Испаніи, стѣсненные католическимъ духовенствомъ въ государствѣ западныхъ готовъ, обратились за помощью къ арабскимъ завоевателямъ. Подчиненный Мусѣ вождь, Тарикъ, переправился черезъ проливъ, отдѣляющій Африку отъ Испаніи (у Гибралтара, что̀ значитъ гора Тарика) и разбилъ войско готовъ. За нимъ слѣдомъ явился и Муса. Скоро вся почти Испанія досталась арабамъ и африканскимъ маврамъ, которые къ нимъ присоединились. Только въ сѣверныхъ горахъ осталось немного независимыхъ христіанъ.

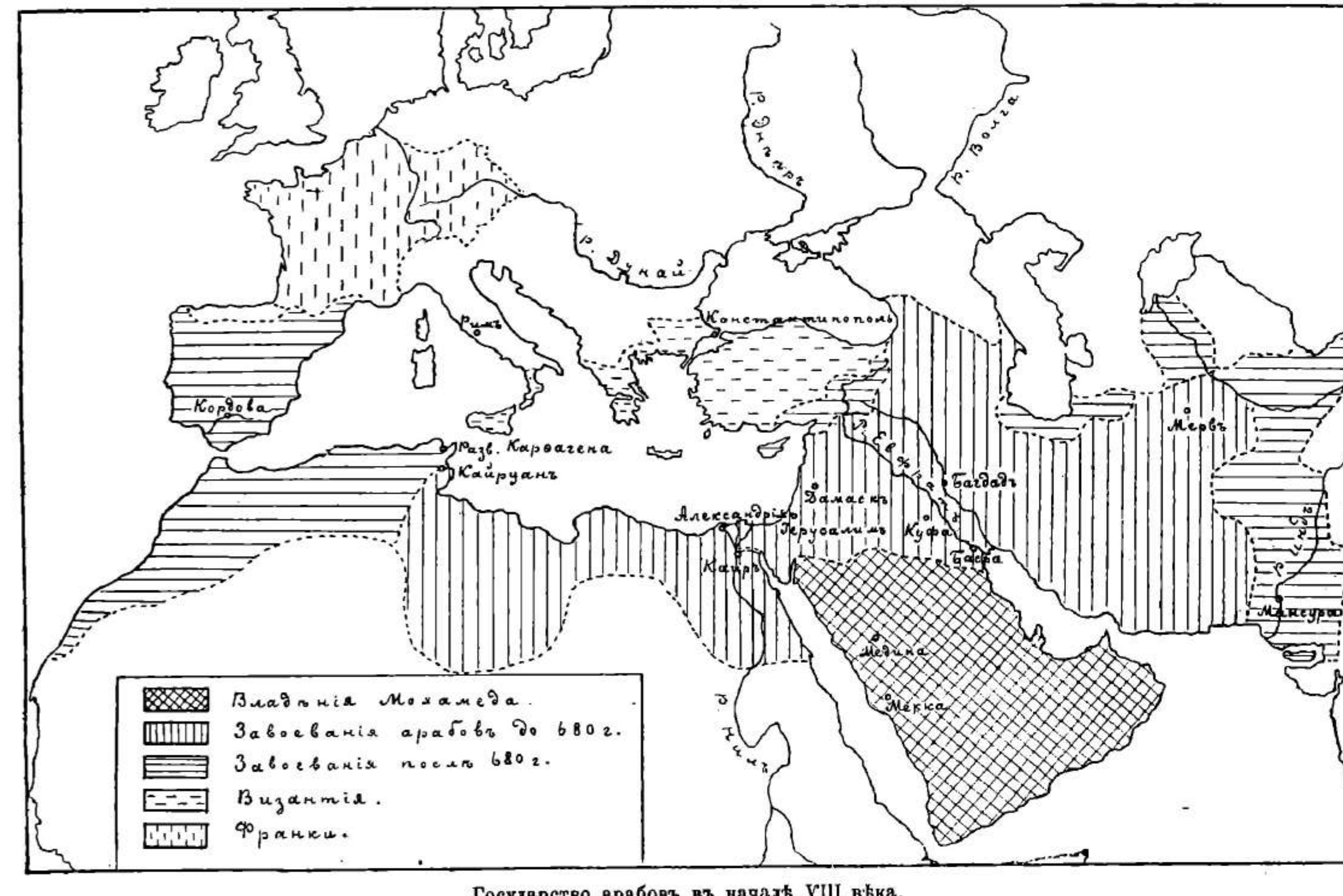
Арабы и мавры перешли еще дальше, за Пиренеи, въ южную Галлію, завладѣли торговыми городами Нарбонной у Средиземнаго моря и Бордо у Бискайскаго залива. Около того же времени другія арабскія силы заняли большую часть Малой Азіи и напали на Константинополь, гдѣ однако были отбиты греками. Государство арабовъ достигло своей наибольшей силы и расширенія (въ началѣ VIII вѣка). Вмѣстѣ съ тѣмъ образовался небывалый по размѣру кругъ торговаго обмѣна, вдвое превышавшій тотъ районъ, который объединили греки и римляне. Арабы захватили въ свои руки путь почти во всю длину Стараго свѣта отъ Атлантическаго океана до Гималаевъ и Китая. На всемъ этомъ протяженіи товаръ проходилъ безпошлинно или по арабскимъ владѣніямъ, или (по Средиземному морю) на арабскихъ корабляхъ. Народы западной Европы стали покупателями арабовъ. Языкъ арабскій сдѣлался общенароднымъ языкомъ сношеній отъ Гибралтара до Инда.

Внутренній строй арабскаго государства въ то же время сильно измѣнился. Быстро увеличивалось число чужихъ, принимавшихъ исламъ.

По правилу ихъ надо было, наравнѣ съ коренными арабами, освобождать отъ налоговъ и переводить на содержаніе отъ казны на счетъ ихъ прежнихъ соплеменниковъ. Но это уменьшало число плательщиковъ, и, кромѣ того, такъ какъ доходъ приходилось распредѣлять между бóльшимъ числомъ лицъ, уменьшалась доля каждаго получателя. Омайяды, мало ревностные къ дѣлу вѣры, рѣшили, ради сохраненія доходовъ, чтобы всѣ мусульмане одинаково, новообращенные и исконные, платили поземельную подать. Вслѣдствіе этого распространеніе ислама стало останавливаться.

Халифы обратились въ свѣтскихъ государей и завели многочисленный блестящій дворъ, наподобіе византійскаго и персидскаго царей. Они перестали говорить проповѣди народу, окружили себя гвардіей, скрывались въ мечети за рѣшеткой. Измѣнился также характеръ арабскихъ намѣстниковъ въ областяхъ. Въ раннее время они, какъ халифы, были военачальниками и духовными владыками надъ своими подчиненными. Теперь управленіе было раздѣлено: намѣстникъ сохранилъ лишь верховное начальство, духовная власть перешла къ другому лицу; еще особый чиновникъ получилъ завѣдованіе сборомъ податей и доходовъ области. Въ столицѣ и другихъ большихъ городахъ халифы стали строить, вмѣсто небольшихъ молитвенныхъ домовъ въ видѣ шатра, крупныя мечети съ восьмистороннимъ куполомъ въ стилѣ византійскихъ церквей. Въ Дамаскѣ огромный храмъ св. Іоанна былъ приспособленъ подъ мечеть; первое время въ немъ молились рядомъ въ одной половинѣ христіане, въ другой мусульмане. Мозаика и надписи были закрашены, но надъ одной изъ дверей остались слова: «Твое царство, Христе, вѣчно, Твоя власть не прейдетъ вовѣки». Въ важныхъ должностяхъ при халифѣ состояли сирійскіе христіане, напримѣръ, замѣчательный ораторъ и писатель Іоаннъ Дамаскинъ. Нравы, особенно при дворѣ, какъ нельзя болѣе отклонились отъ арабской старины.

Строгіе мусульмане аравійской родины негодовали. Ревнители особенно вооружались противъ увлеченія искусствомъ, противъ музыки и пѣнія, которымъ покровительствовали Омайяды. Городъ Медина, главный центръ ревнителей, гордившійся вѣрностью преданіямъ Мохамеда, отправилъ къ халифу посольство, чтобъ узнать, справедливы ли слухи объ его отступничествѣ. Передъ владыкой въ Дамаскѣ предстали старики, мрачные и молчаливые, въ поношенныхъ платьяхъ, помнившіе еще пророка въ его простой жизни. Они остались недовольны пріемомъ и разсказали въ Мединѣ, что видѣли человѣка «безъ вѣры, который пьетъ вино, бренчитъ на цитрѣ и проводитъ ночи въ безумныхъ тратахъ». Мединцы рѣшили произнести надъ халифомъ отлученіе. Они собрались въ мечети, и здѣсь каждый вѣрующій бросалъ въ кучу часть

Государство арабовъ въ началѣ VIII вѣка.

своей одежды, плащъ, сандалію или чалму со словами: «такъ отвергаю я халифа!» Въ Меккѣ выбрали новаго владыку.

На это дамасскій халифъ отвѣтилъ жестокой расправой. Его войска взяли и разграбили Медину. Мѣста, священныя пребываніемъ Мохамеда, были обагрены кровью, около 5.000 корайшитовъ и сподвижниковъ Мохамеда было перебито. Такъ же безжалостно обрушились войска Омайядовъ и на другой святой городъ, Мекку. Опустошенная Аравія послѣ этого потеряла значеніе въ государствѣ.

Разрывъ запада и востока. Аббасиды. Враги Омайядовъ собрались черезъ нѣсколько времени на востокѣ, въ областяхъ прежняго персидскаго государства. Особенно рѣзко выступали противъ Омайядовъ школы «читателей», т.-е. толкователей Корана, въ колоніяхъ Ирака (старой области Вавилона). На востокѣ подъ именемъ шіитовъ, кромѣ арабовъ, скрывались персы, которые сохранили свои прежнія вѣрованія и въ ихъ духѣ старались истолковать Коранъ. Области стараго персидскаго государства вообще плохо подчинялись Омайядамъ, сидѣвшимъ на прежней христіанско-византійской землѣ.

Около 750 г. началось возстаніе въ Мервѣ подъ чернымъ знаменемъ Аббасидовъ. Этотъ родъ велъ свое происхожденіе отъ близкихъ родственниковъ Мохамеда и выставлялъ себя хранителемъ вѣрныхъ началъ ислама противъ безбожныхъ сирійскихъ халифовъ. Всѣ, кто чтилъ память Али, какъ мученика и истиннаго преемника Мохамеда, примкнули къ Аббасидамъ. Войска халифа были разбиты возставшими, и самъ онъ умерщвленъ. Борьба окончилась жестокимъ кровопролитіемъ: 70 главныхъ представителей Омайядовъ были приглашены на обѣдъ для примиренія и измѣннически зарѣзаны. Халифами стали Аббасиды, но воцареніе ихъ династіи повело къ окончательному разрыву арабскаго запада и востока. Тотчасъ же оторвалась Испанія, въ которой утвердился единственный уцѣлѣвшій потомокъ династіи Омайядовъ. Слѣдомъ за этимъ отдѣлилась сѣверо-западная Африка, а за нею скоро и Египетъ. Намѣстники этихъ областей обратились въ самостоятельныхъ халифовъ. Государство Аббасидовъ составляло лишь половину прежняго общаго арабскаго халифата.

Аббасиды опирались на восточно-арабскихъ поселенцевъ, и особенно на персовъ. Дамаскъ былъ покинутъ. Аббасидъ Мансуръ выстроилъ новую резиденцію на Тигрѣ, *Багдадъ*; городъ стоялъ недалеко отъ старой персидской столицы Ктезифона и сложенъ былъ частью изъ камней разрушенныхъ ктезифонскихъ зданій. Государство Аббасидовъ было возстановленіемъ персидскаго, обновленнаго исламомъ и перешедшаго въ руки арабской династіи. Сановники, окружавшіе Аббасидовъ, были большею частью персы. Халифъ считался неограничен-

нымъ повелителемъ, земнымъ проявленіемъ божества. По образцу персовъ, онъ назначалъ великаго визиря въ качествѣ полномочнаго главнаго министра; визирь входилъ во всѣ стороны управленія, имѣлъ высшее рѣшеніе въ судебныхъ дѣлахъ, издавалъ самостоятельные приказы, назначалъ чиновниковъ, но не могъ смѣщать тѣхъ, кого назначилъ халифъ. Нерѣдко халифъ совершенно отстранялся отъ дѣлъ, и визирь становился всемогущимъ. Такое положеніе при нѣсколькихъ халифахъ занимали визири изъ персидской фамиліи Бармакидовъ. Но визирь зависѣлъ вполнѣ отъ каприза деспота. Халифъ Гарунъ Рашидъ, вначалѣ безгранично довѣрявшій Бармакиду Джафару, внезапно и измѣннически велѣлъ его захватить и принести себѣ его голову.

Повтореніемъ персидскихъ порядковъ было устройство тайнаго надзора при посредствѣ царской почты. Почтовые тракты были проложены изъ столицы въ провинціи, но они служили не для частной переписки, а для доставленія приказовъ и донесеній. Начальникъ почты считался окомъ государя: черезъ своихъ подчиненныхъ, составлявшихъ тайную полицію, онъ слѣдилъ за настроеніемъ населенія и поведеніемъ намѣстниковъ, податныхъ чиновниковъ и управителей государственныхъ имѣній. Онъ долженъ былъ постоянно доносить государю о самыхъ разнообразныхъ вещахъ: о положеніи земледѣлія, о состояніи крестьянъ, о количествѣ монеты, о всякаго рода злоупотребленіяхъ, слѣдить за исправностью войска и уплатой ему жалованья; по его докладу халифъ нерѣдко смѣщалъ и наказывалъ чиновниковъ.

Индустрія и торговля. Столица Аббасидовъ была крупнѣйшимъ городомъ своего времени. По своему плану и характеру построекъ Багдадъ воспроизводилъ старинные большіе города востока, въ родѣ Вавилона. Выстроенный въ формѣ огромнаго круга, по обѣ стороны Тигра, онъ былъ обведенъ глубокимъ рвомъ, наполнявшимся водой, и стѣной необычайной ширины. Въ серединѣ стѣной же былъ обведенъ полукругъ примыкавшихъ къ Тигру правительственныхъ зданій; дворецъ съ отдѣльными домами и дворами женъ халифа, съ огромнымъ штатомъ его слугъ и рабовъ, съ парками, гдѣ охотился халифъ, составлялъ цѣлый особый городъ около часа пути въ окружности. Каждый городской кварталъ былъ въ свою очередь, запертъ кругомъ стѣной; каждое изъ ремеслъ сосредоточивалось около особаго базара. По своему положенію на большой рѣкѣ, впадающей въ море, и при посредствѣ подъѣздныхъ каналовъ Багдадъ сталъ важнѣйшей гаванью, гдѣ встрѣчались суда и купцы Египта, Сиріи, Аравіи, Персіи, Индіи и Китая.

При дворѣ и въ быту крупныхъ людей господствовала роскошь, страсть къ волшебному блеску и сказочнымъ диковинкамъ. Халифъ одарялъ приближенныхъ золототкаными, художественно разрисованными

одеждами съ надписью своего имени или какого-либо изреченія; на большихъ пріемахъ у него засыпали гостей дождемъ тонкихъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ. Стѣны дворца были увѣшаны дорогими тканями, на которыхъ вышиты были цѣлыя карты съ изображеніемъ городовъ и поясненіями; залы представляли музей необычныхъ для европейца цѣнныхъ рѣдкостей въ родѣ фигуры золотого слона съ рубиновыми глазами или сада золотыхъ деревьевъ. Около половины всего дохода государства уходило на пріобрѣтеніе этихъ драгоцѣнностей, на огромныя постройки и раздачи, производимыя халифами. Но рядомъ съ этимъ въ Багдадѣ была дороговизна припасовъ, была жестокая бѣдность и нищета. Для обстановки богатыхъ горожанъ и двора, а также для сбыта товаровъ въ другія страны работала искусная индустрія. Арабы переняли у грековъ и персовъ пріемы ремесла и художества: они готовили металлическія издѣлія, стальное оружіе, стекло, тонкія матеріи изъ хлопчатника и шелка съ рисунками, цѣнные ковры.

Европа въ то время далеко уступала Азіи. Въ настоящее время Европа покупаетъ сырье другихъ странъ и продаетъ имъ свои издѣлія. Тогда, напротивъ, все новое, искусно сдѣланное, диковинное шло въ Европу съ арабскаго востока. Европейскія страны отдавали арабамъ сырые продукты, которые перерабатывались арабской индустріей; нужный имъ матеріалъ восточные промышленники оплачивали тонкими издѣліями, которыя шли обратно въ Европу или отправлялись на крайній востокъ, въ Индію и Китай. Еще въ одномъ отношеніи Европа явно служила арабскому востоку: на рынкахъ Багдада и другихъ городовъ продавались въ большомъ количествѣ европейскіе рабы. Торговля ими составляла выгодный промыселъ: восточные торговцы скупали у варваровъ Европы ихъ дѣтей или входили въ правильныя сношенія съ разбойниками (напр., по Дунаю), которые доставляли имъ похищенныхъ людей.

Вначалѣ для Омайядовъ и арабовъ западныхъ всего важнѣе были сношенія чрезъ Средиземное море со странами западной Европы. Въ эпоху Аббасидовъ, когда центръ государства былъ перенесенъ на востокъ и выдвинулись восточные арабы, первое мѣсто заняли торговыя сношенія съ восточной и сѣверо-восточной Европой, со странами нынѣшней Россіи и Скандинавіи. Отсюда арабы вывозили мѣха, кожи и шерсть. Путь шелъ по Каспійскому морю или около него изъ Средней Азіи, затѣмъ по большимъ русскимъ рѣкамъ, главнымъ образомъ по Волгѣ. Арабскіе купцы въ VIII, IX и X вв. добирались до средняго теченія Волги; въ старинной Руси сильно въ ходу были восточно-арабскія деньги. Въ большомъ городѣ Булгарѣ у впаденія Камы была мечеть, слышался арабскій языкъ. Восточные купцы встрѣчались здѣсь съ сѣверными торговцами, норманнами (скандинавами), подвозившими товаръ

отъ Балтійскаго моря. Въ свою очередь, норманскіе и русскіе купцы проникали въ халифатъ и появлялись на базарахъ Багдада.

На длинныхъ сухопутныхъ дорогахъ, большею частью пролегавшихъ черезъ степи, было необходимо для безопасности ѣздить большими обществами, караванами; не даромъ арабское слово «торговать» имѣетъ еще другой смыслъ—«входить въ товарищество». Но въ далекихъ торговыхъ переѣздахъ и при пересылкѣ товаровъ было бы невозможно производить всѣ расчеты на наличныя деньги; это значило бы безпрерывно возить съ собою съ мѣста на мѣсто звонкую монету; между тѣмъ рынки отстояли далеко другъ отъ друга, и покупатели большею частью не были въ прямыхъ сношеніяхъ съ отправителями. Поэтому посредники, мусульманскіе купцы, ввели *вексель*, т.-е. обязательство уплаты, которое избавляло отъ необходимости возить деньги.

Перейдя постепенно къ осѣдлости, арабы достигли большого искусства въ обработкѣ земли. Въ плодородныхъ равнинахъ и оазахъ Передней Азіи и Африки они возстановили старые пріемы вавилонянъ и египтянъ, особенно систему искусственнаго орошенія и проведенія каналовъ. Они принялись за разработку хлопка, тутоваго дерева, индиго, которые были необходимы для изготовленія и окраски тканей. Эти техническія растенія арабы занесли съ собою въ Европу вмѣстѣ съ другими, питательными—рисомъ, финиковой пальмой, лимоннымъ деревомъ.

Черезъ 100 лѣтъ послѣ крупныхъ завоеваній бытъ арабовъ сильно измѣнился. Изъ степныхъ воителей они обратились въ народъ земледѣльцевъ, ремесленниковъ и купцовъ. Государство арабовъ быстро составилось благодаря воинственнымъ, разбойничьимъ и одушевленнымъ вѣрою массамъ, которыхъ выслала Аравія. Этотъ притокъ истощился; арабы, сѣвшіе въ новозахваченныхъ земляхъ, утратили свои старинныя особенности и сблизились съ туземцами, которые, въ свою очередь, приняли ихъ вѣру. Поэтому арабы скоро стали теряться среди прежняго населенія, и оно опять проступило въ отдѣльныхъ частяхъ государства: на востокѣ это были персы, въ сѣверной Африкѣ и Испаніи—мавры, у Средиземнаго моря—сирійцы. Имя арабовъ сдѣлалось названіемъ не племени, а вѣры и культуры.

Наука арабовъ. Отъ прежняго быта арабовъ осталась большая ихъ подвижность. Вмѣстѣ съ широко раскинутой торговлей у нихъ пробудился интересъ къ путешествіямъ и развилась географическая наука. Этотъ интересъ возникъ изъ обычаевъ самой номадной жизни, изъ обязательныхъ для мусульманина богомольныхъ поѣздокъ въ Мекку. Онъ поддерживался стремленіемъ вѣрующихъ разыскать и собрать истинные разсказы объ основателѣ религіи и подлинные слѣды его ученія и, наконецъ, научнымъ влеченіемъ пытливыхъ людей, которые хотѣли слышать непо-

средственно преподаванiе знаменитыхъ ученыхъ или богослововъ, узнать арабскiй языкъ въ его чистомъ источникѣ. Путешествiя считались святымъ дѣломъ. Существовало изреченiе: «кто ѣдетъ въ путь ради науки, тому Богъ облегчаетъ дорогу въ рай». Арабскiй географъ всегда былъ странствователемъ, заносившимъ собственныя живыя впечатлѣнiя. Одинъ изъ нихъ, Макдиси, настоящiй типъ восточнаго ученаго, описываетъ въ предисловiи къ своей работѣ, какъ онъ познакомился со всѣми извѣстными библiотеками, со всѣми сектами и богословскими направленiями, слушалъ всѣхъ выдающихся проповѣдниковъ и какъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ побывалъ лично чуть ли не во всевозможныхъ положенiяхъ жизни, званiяхъ и видахъ: богомольцемъ, монахомъ, врачомъ, лавочникомъ, проповѣдникомъ, писцомъ, проводникомъ, переплетчикомъ, пономаремъ, студентомъ богословiя, посланникомъ, подмастерьемъ, адвокатомъ, романистомъ, степнымъ шейхомъ (старѣйшиной)—жилъ при дворѣ и примыкалъ къ разбойничьей шайкѣ, учился въ высшихъ школахъ, вращался среди хитростей торговли и биржи и знался съ еретиками.

Крупнѣйшимъ географомъ былъ Масуди (умеръ въ половинѣ X в.), арабскiй Геродотъ, уроженецъ Багдада, побывавшiй въ Персiи, Индiи, на Цейлонѣ, въ Китаѣ, у Каспiйскаго моря, въ Египтѣ, на Мадагаскарѣ. Въ сочиненiи «Золотые луга» онъ живо и увлекательно описываетъ страны, современный бытъ народовъ и ихъ прошлое, выдвигая своеобразное и необыкновенное, расцвѣчая разсказъ анекдотическими эпизодами.

Въ Басрѣ и другихъ городахъ, гдѣ былъ постоянный широкiй обмѣнъ и встрѣчались люди разныхъ нацiональностей, возникли кружки, занимавшiеся литературой и наукой. Аббасиды поддерживали интересъ къ наукамъ при дворѣ, особенно Мамунъ, сынъ Гаруна, въ началѣ IX вѣка: подъ ихъ покровительствомъ стали переводить астрономическiя, математическiя и философскiя сочиненiя съ греческаго и индiйскаго языковъ. Переводчиками, толкователями греческой науки и учителями мусульманъ были христiане-сирiйцы. Арабы ревностно учились. Въ ходу было изреченiе халифа Али: «мудрость мiра—это заблудшая овца, потерянная вѣрующимъ; возврати ее, хотя бы изъ рукъ невѣрныхъ». Постепенно вся наука грековъ александрiйскаго времени, сочиненiя философа Аристотеля, математика Евклида, географа Птолемея, врача Галена, открылась арабамъ. Они получили понятiе о шаровидности земли, вычисляли затменiя, движенiе планетъ и кометъ, опредѣляли съ точностью продолжительность года, пытались вымѣрить меридiанъ. Въ различныхъ мѣстахъ, особенно въ Багдадѣ, возникли обсерваторiи, примѣнялись сложные и дорогiе аппараты наблюденiя. Арабы усвоили себѣ также свѣдѣнiя греческихъ и индiйскихъ ученыхъ по химiи и медицинѣ.

Прiемы разсужденiя и общiя заключенiя арабской науки не похожи

на характеръ нашей нынѣшней науки. Въ объясненіи явленій міра арабскіе ученые были склонны придавать числамъ и ихъ сочетаніямъ таинственный смыслъ. У нихъ было представленіе о четырехъ главныхъ стихіяхъ, водѣ, воздухѣ, огнѣ и водѣ, изъ которыхъ образуются всѣ тѣла на землѣ: въ числѣ четыре, слѣд., заключена разгадка всего мірового строя; всѣ мысли и разсужденія, чтобы быть правильными, должны быть расчленены на четыре части. Они искали въ тѣлахъ волшебныхъ силъ и считали возможными превращенія веществъ, напр., образованіе золота изъ другихъ металловъ. Въ состояніяхъ души они также искали чудесныхъ явленій; они думали открыть связь человѣческой души съ великой міровой душой.

Арабы занимались наукой и философіей въ то время, когда бóльшая часть западныхъ странъ погружена была въ невѣжество. Впослѣдствіи европейцы впервые узнали чрезъ посредство арабовъ объ умственной работѣ древнихъ грековъ; съ этого началась новая европейская наука. Слѣды заимствованія отъ арабовъ остались въ научныхъ названіяхъ европейскихъ языковъ: алгебра, алкоголь, зенитъ, химія (собственно алхимія, но слово въ этой чисто арабской формѣ стало потомъ означать суевѣрное исканіе чудесныхъ свойствъ тѣлъ); всѣ эти выраженія взяты у арабовъ такъ же, какъ множество словъ въ области обмѣна и торговаго быта: базаръ, магазинъ, тарифъ, арсеналъ, цифра и др.

Въ мусульманскомъ мірѣ большое значеніе получило устное преподаваніе. Самой старинной школой и мѣстомъ бесѣдъ и споровъ была мечеть. Въ свободные отъ молитвы часы въ мечети можно было встрѣтить иного ученаго въ кругу его друзей и слушателей; онъ сидѣлъ на коврѣ, прислонившись къ колоннѣ, поддерживавшей сводъ, передъ нимъ былъ столикъ съ раскрытой книгой; кто-нибудь читалъ текстъ, а профессоръ давалъ свои толкованія. Такое преподаваніе вначалѣ было вполнѣ даровымъ. Но постепенно мечети переполнились желавшими учиться; образовался цѣлый классъ ученыхъ, которые по необходимости должны были жить своимъ преподавательскимъ трудомъ. Тогда возникли особыя школы (медресе). Нерѣдко это были обширныя учрежденія, на которыя жертвовались большія суммы, гдѣ профессора и студенты получали содержаніе, гдѣ могли останавливаться и проживать странствующіе писатели и ученые. Обыкновенно въ такой школѣ былъ молитвенный залъ, передъ нимъ обширный внутренній дворъ съ бассейномъ, на который выходили комнаты преподавателей и учениковъ; бóльшую часть зданія занимала библіотека.

Составилась огромная переводная и оригинальная, научная, описательная и поэтическая литература на арабскомъ языкѣ. Въ Багдадѣ было до сотни книгопродавцевъ. Это были собственно обладатели руко-

писныхъ коллекцій, которые заказывали переписать то или другое сочиненіе. Рѣдкіе и роскошные экземпляры цѣнились въ крупныя суммы, но рядомъ съ этимъ сильно распространялась дешевая книга, благодаря арабскому изобрѣтенію бумаги изъ хлопчатника.

Секты. Люди, затронутые философіей, не удовлетворялись Кораномъ. Ученые ставили общіе вопросы: какъ понимать существо и всемогущество Божіе? есть ли у человѣка свобода воли или его судьба, всѣ его поступки и мысли напередъ опредѣлены божествомъ? Въ школахъ Ирака, области старой Вавилоніи, образовались взгляды свободомыслящихъ, *мотазилитовъ*. Они старались возвысить понятіе о Богѣ и представить Его воплощеніемъ нравственнаго закона. Отъ Бога не можетъ исходить зло, и, слѣдовательно, нѣтъ предопредѣленія въ человѣческихъ дѣлахъ; люди обладаютъ свободной волей и сами избираютъ между правдой и неправдой. Коранъ, по ихъ убѣжденію, такая же книга, какъ всѣ другія (правовѣрное ученіе утверждало, что Коранъ не созданъ и существуетъ отъ вѣка); въ немъ лишь заключены молитвы и предписанія, открытыя пророку путемъ вдохновенія. Милостыня и молитва не могутъ помочь умершимъ; въ день страшнаго суда не будетъ ни книги дѣлъ человѣческихъ, ни вѣсовъ.

Мотазилиты стали во главѣ умственнаго движенія. Одно время они имѣли поддержку при дворѣ Аббасидовъ. Но правовѣрные, не допускавшіе свободы мысли, все болѣе вооружались противъ нихъ. Назначенъ былъ особый духовный сановникъ, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы преслѣдовать за уклоненіе въ ересь. Съ половины IX в. правительство начинаетъ принимать крутыя мѣры противъ свободомыслящихъ. Въ концѣ IX в. халифъ воспретилъ продажу книгъ, въ которыхъ обсуждались спорные философскіе и богословскіе вопросы. Еще позднѣе еретики и люди свободной мысли были объявлены въ опалѣ, а книги, казавшіяся опасными для правовѣрія, стали подвергаться сожженію.

На ряду съ людьми, разсуждавшими о вопросахъ вѣры, были другіе, которые горячо желали проникнуть въ ея суть чувствомъ, сердцемъ. Первымъ условіемъ для этого они считали отреченіе отъ земныхъ благъ, добровольную бѣдность, всякія лишенія и истязанія. Послѣдователи этого направленія назывались *суфитами* (отъ суфъ, грубой рясы изъ верблюжьей шерсти). Суфиты выше всего ставили внутреннее откровеніе и вѣрили, что человѣкъ достигаетъ его въ состояніи восторженности или забытья; это состояніе приближаетъ человѣка къ Богу или даже дѣлаетъ человѣка божествомъ (мы называемъ такое ученіе *мистикой*).

Многіе суфиты оставались въ міру. Другіе становились монахами (факирами) или составляли братства дервишей (нищихъ), жившихъ по-

дяніемъ и переходившихъ изъ одного города въ другой. Они старались привести себя въ святой восторгъ и забытье постомъ, тѣлесными муками, долгимъ заключеніемъ въ темной кельѣ, быстрой головокружительной пляской или однообразнымъ и безконечнымъ пѣніемъ церковныхъ службъ, которое доводило ихъ до изнеможенія. Въ жизни и понятіяхъ дервишей отчасти отражаются черты стараго кочевого быта. Они оказывали сильное вліяніе на простой народъ въ городахъ и на степное населеніе. Они были также главными проводниками ученія о таинственномъ преемникѣ пророка, котораго Богъ внезапно призоветъ къ свѣту, чтобы поднять весь народъ, свергнуть нечестивыхъ правителей и водворить истину. Этотъ *махди* (избранникъ), по старинному представленію шіитовъ, долженъ быть изъ рода Мохамеда.

Распаденіе халифата. Государство арабовъ образовалось вслѣдствіе захвата кочевыми степняками обширныхъ земледѣльческихъ областей. Пришельцы воспользовались накопленными богатствами этихъ областей и устроили свой бытъ на счетъ взносовъ съ туземцевъ. Повинности стараго населенія стали тяжелы; земледѣльческое населеніе отдавало около половины своего дохода. Но ихъ нельзя было напрягать безъ конца, и потому доходы съ покоренныхъ областей стали уменьшаться. Омайяды собирали съ восточныхъ областей меньше, чѣмъ прежніе персидскіе цари, а Аббасиды могли собрать еще меньше, чѣмъ Омайяды.

Правда, часть степного арабскаго населенія сѣла на землю; но это не составляло полнаго возмѣщенія. Притомъ появились новые степняки, уже съ сѣверо-восточной окраины, которые начали проникать въ середину государства. Завоеватели приводили множество рабовъ на рынки Багдада и другихъ большихъ городовъ; значительную часть ихъ составляли кочевые *турки* изъ Средней Азіи. Эти турки сдѣлались скоро для арабскаго государства тѣмъ, чѣмъ были германцы для римскаго. Изъ вольноотпущенныхъ и изъ свободныхъ пограничныхъ турокъ стали составлять наемные отряды, и количество турецкихъ солдатъ увеличивалось съ упадкомъ воинственности арабовъ. Халифъ уже съ половины IX в. окружалъ себя гвардіей изъ турокъ. Наемники стоили очень дорого; ихъ жалованье равнялось двухлѣтнему поступленію земельной подати со всего государства.

При упадкѣ доходовъ государство не могло покрыть возраставшихъ расходовъ. Для того, чтобы обезпечить себѣ хоть нѣкоторыя суммы поступленія съ областей, халифъ отдавалъ страны на откупъ намѣстникамъ. Правитель области выдавалъ государю уговоренную сумму и зато становился совершенно самостоятельнымъ въ своемъ управленіи, облагалъ народъ по своему усмотрѣнію, назначалъ подчиненныхъ, держалъ собственное войско. Такимъ образомъ разореніе государства вело къ его

распаденію. Отдѣлившіеся намѣстники присвоивали себѣ, въ свою очередь, титулъ халифовъ и основывали династіи. Новые правители сохраняли лишь въ молитвахъ имя главнаго багдадскаго халифа, который попрежнему считался духовнымъ руководителемъ мусульманъ.

Помимо западныхъ странъ, отпали около 900 года Туркестанъ и восточно-персидскія области съ Индіей. Въ X в. главный халифатъ состоялъ только изъ земель, лежавшихъ около аравійской пустыни. Власть главнаго халифа сильно сократилась. Въ управленіи его мѣсто занялъ начальникъ турецкой гвардіи (*эмиръ аль омара*, т.-е. князь князей). Еще позднѣе рядомъ съ халифомъ появились *султаны*, которые захватили государственную власть и оставили за прежнимъ владыкой лишь положеніе высшаго духовнаго лица.

Турки и новое усиленіе степи. Въ XI в. султанство переходитъ въ руки турокъ, совершенно отстраняющихъ арабскую народность. Съ ними вмѣстѣ степь и ея обычаи вновь врываются въ земледѣльческія страны передней Азіи. Разоряемое населеніе платило все менѣе и менѣе, усовершенствованные пріемы обработки, напр., система орошенія, стали приходить въ упадокъ, хозяйство становилось хуже, и самое количество населенія уменьшалось. Государь не имѣлъ болѣе крупной казны; вмѣсто жалованья онъ началъ раздавать солдатамъ земли въ пользованіе. Изъ различныхъ разрядовъ военныхъ людей иноплеменнаго происхожденія, распредѣленныхъ по всему государству, образовалась военная аристократія. Большія области раздробились еще на множество мелкихъ владѣній, признававшихъ лишь одного общаго главу надъ собою. Военный начальникъ (эмиръ) за уплату ежегоднаго налога держалъ обыкновенно городъ или небольшую волость; въ предѣлахъ этого владѣнія онъ располагалъ судомъ, пользовался податью и барщиной крестьянъ; онъ обязанъ былъ набирать съ того же владѣнія отрядъ, который содержалъ на свой счетъ.

Порядокъ этотъ, установившійся въ передней Азіи къ XI в., до настоящаго времени держится, въ главныхъ чертахъ, въ Турціи и Персіи. Можно сказать, что вообще Омарово устройство, которое утвердило господство степного подвижного населенія надъ осѣдлымъ земледѣльческимъ, сохранило слѣды въ позднѣйшихъ мусульманскихъ государствахъ. Пришельцы постепенно сближались съ туземцами, усвоивали ихъ культуру, но изъ степи получался новый притокъ, и господство кочевниковъ опять усиливалось. Эти приливы степняковъ вели къ паденію культуры; арабамъ еще удалось сберечь наслѣдство грековъ, персовъ, индусовъ; турки были уже гораздо грубѣе ихъ, и со времени ихъ водворенія образованность на востокѣ сильно пошла назадъ.

Арабы на западѣ. Народность, языкъ и культура арабовъ болѣе сохранились на западѣ (по-арабски—Магребъ). Господство ислама распространялось здѣсь широко еще и послѣ VIII вѣка. Арабы проникли черезъ Сахару въ Суданъ и центральную Африку, завели тамъ торговыя сношенія и занесли свою вѣру; такимъ образомъ они продвинулись гораздо дальше, чѣмъ древніе греки и римляне. Съ другой стороны, африканскіе мусульмане (*сарацины,* какъ ихъ называли европейцы) продолжали свои завоеванія на сѣверѣ по Средиземному морю: они захватили Сицилію, берега южной Италіи. Колоніи мусульманъ на западѣ, въ Африкѣ, Испаніи и Сициліи имѣли наибольшее значеніе для европейцевъ, которые были съ ними въ постоянномъ соприкосновеніи. Научныя свѣдѣнія, искусство, поэзія перешли потомъ въ христіанскую Европу именно отъ западныхъ арабовъ.

Важнѣе всего былъ Кордовскій халифатъ въ Испаніи. Пришельцы, арабы и мавры, составляли здѣсь меньшинство населенія. Главную массу образовали покоренные и обложенные обычными податями (поголовной и поземельной) христіане и новообращенные въ исламъ туземцы, такъ называемые «усыновленные», приписанные къ мусульманскимъ родамъ. Новообращенные, сначала находясь подъ опекою арабскихъ вождей, выдвинулись и заполнили собою управленіе и войско. Многіе христіане также сблизились съ завоевателями, усвоили арабскій языкъ, стали увлекаться арабской поэзіей, занимали мѣста на службѣ и при дворѣ. Главный городъ *Кордова* выдѣлялся своей обширностью и массой населенія (въ далекой Саксоніи ученая монахиня-поэтесса въ X вѣкѣ называла его «свѣтлой красой міра, юнымъ чуднымъ городомъ, сіяющимъ въ блескѣ всѣхъ богатствъ»). Въ Кордовѣ халифы устроили крупнѣйшую библіотеку въ нѣсколько сотъ тысячъ томовъ и замѣчательную высшую школу, которую посѣщали тысячи студентовъ. Въ IX и X вв. европейцы христіанскихъ странъ, интересовавшіеся наукой, ѣздили учиться въ Испанію.

2. Византія.

Римская имперія въ VI вѣкѣ. Движеніе германскихъ народовъ на югъ и западъ отняло у Римской имперіи въ V вѣкѣ цѣлую половину (Британію, Галлію, Испанію, Италію, сѣверо-западную Африку, рейнскія и верхнедунайскія области). Императоръ Юстиніанъ въ срединѣ VI в. вернулъ часть потерянныхъ владѣній (Италію, Африку и южный уголъ Испаніи) и считалъ себя опять всемірнымъ властителемъ.

Въ этомъ видѣ имперія не могла долго продержаться. Императоръ находился въ Константинополѣ, *Новомъ Римѣ,* но искалъ обладанія

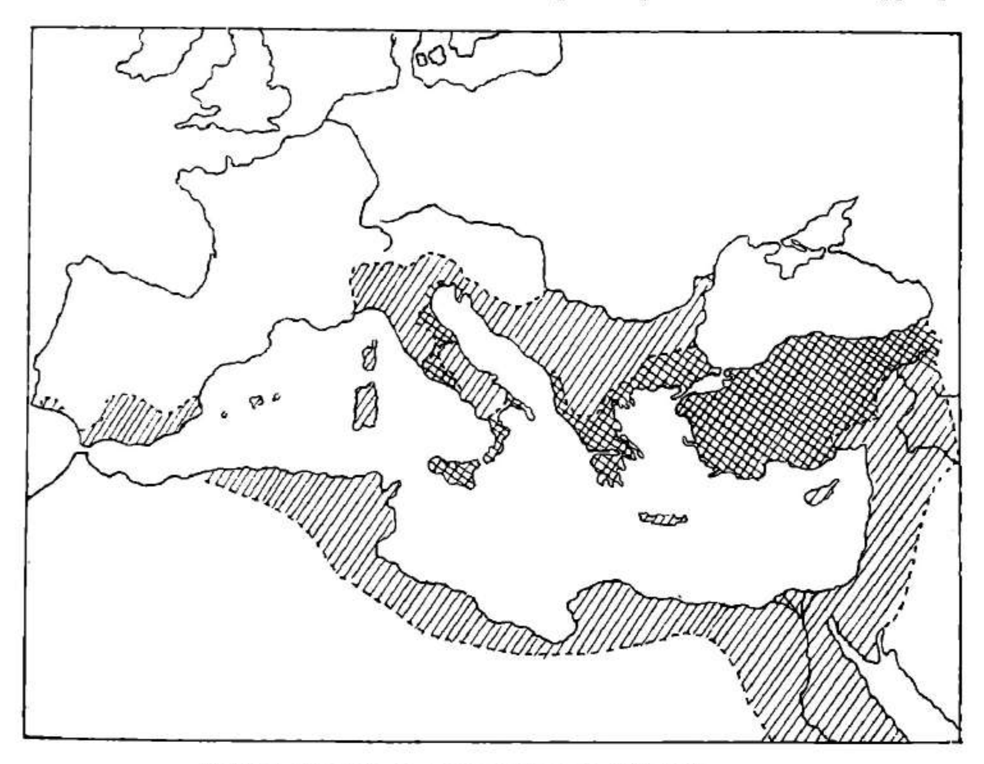
старымъ Римомъ и Италіей. Однако языкъ созидателей имперіи, римлянъ, былъ чуждъ греческому населенію восточной половины. На крайнемъ востокѣ, въ Азіи, преобладала народность сирійцевъ, принявшихъ греческую образованность, но замѣтно отдѣлявшихся отъ грековъ. Сирійцы, а также большая часть египетскаго населенія держались *монофизитства*, т.-е. ученія объ единой божественной природѣ Христа, съ отрицаніемъ въ Немъ природы человѣческой. Рознь между монофизитами и православными была очень велика, и, напр., еретическое населеніе Антіохіи обвиняло своего православнаго патріарха въ потворствѣ язычникамъ; въ своей религіозной ревности монофизиты называли выстроенный патріархомъ богатый циркъ храмомъ сатаны. Враждующія церковныя партіи было очень трудно примирить. Когда правительство дѣлало уступку восточнымъ монофизитамъ, оно вооружало противъ себя православный западъ, особенно римскаго епископа (папу) и наоборотъ.

Потери имперіи въ VII вѣкѣ. Имперія была слишкомъ бѣдна, чтобы держать большое войско и защищать разбросанныя и угрожаемыя отовсюду владѣнія. Первыя потери имперія испытала на *западѣ*. Около 600 года вся сѣверная Италія и большая часть средней и южной были заняты германскимъ племенемъ лангобардовъ, пришедшихъ съ береговъ Дуная. Въ обладаніи имперіи остались лишь береговыя полосы Италіи, Римъ и Неаполь на западномъ, Равенна на восточномъ берегу. Но зависимость этихъ земель отъ имперіи была слабая. Императоръ посѣтилъ старую столицу въ послѣдній разъ въ 60-хъ гг. VII в. Въ Римѣ распоряжался папа, а въ другихъ областяхъ военные намѣстники, дуки, которыхъ мѣстами (напр., въ Венеціи) стало избирать само населеніе.

На *сѣверѣ*, со стороны Чернаго моря и Дуная, имперію тѣснили кочевые авары, которые грабили иногда ближнія къ Константинополю области или брали большіе выкупы. Но гораздо болѣе затрудняли имперію переселявшіяся *славянскія* племена. Славяне проникли большими массами на Балканскій полуостровъ и отняли всю сѣверную и западную его часть; большія колоніи ихъ сѣли также внутри старыхъ греческихъ областей, въ Македоніи, особенно около города Салоникъ (по-славянски Солуня) и еще южнѣе до самаго Пелопоннеса. Греческое населеніе отчасти слилось съ ними, отчасти было ими оттѣснено къ береговымъ землямъ у Эгейскаго моря. «Славяне отняли у римлянъ Грецію», говоритъ одинъ современный писатель. Славяне заняли главнымъ образомъ сельскія мѣстности, въ городахъ остались греки.

Самыя тяжелыя потери испытала имперія на *востокѣ* и *югѣ*, въ Азіи и Африкѣ. Въ началѣ VII в. императоръ Гераклій, въ качествѣ «намѣстника Божія», въ долгой «священной» войнѣ съ персами вернулъ

отнятыя ими области Сирію и Египетъ и возстановилъ разрушенныя ими святыни Іерусалима; но не прошло десяти лѣтъ, какъ тѣ же земли были захвачены новой, неожиданно возникшей, державой арабовъ-мусульманъ (около 640 г.). Монофизитское населеніе, плохо подчинявшееся имперіи, быстро оторвалось отъ нея и признало господство новыхъ владыкъ, которые облегчили его подати. Для столицы особенно тяжела была потеря Египта, снабжавшаго ее хлѣбомъ. Имперія вообще утратила самыя богатыя области. Полстолѣтія спустя арабы завоевали Африку.

Имперія Юстиніана и имперія около 700 года.

Съ трудомъ можно было удержать противъ нихъ остальныя владѣнія. Нѣсколько разъ опустошали они Малую Азію и три раза подступали съ флотомъ къ Константинополю.

Къ 700 г. имперія сократилась вчетверо противъ тѣхъ размѣровъ, которые она имѣла при Юстиніанѣ. За нею остались лишь земли кругомъ Эгейскаго моря, т.-е. юго-восточная часть Балканскаго полуострова и Малая Азія, на западѣ Сицилія и обрывки Италіи. Имперія сжалась, но зато стала цѣльнѣе въ своемъ составѣ. Въ ней остались почти однѣ старыя греческія области. Она обратилась въ *Византію*, по имени ея греческой столицы. Греческая народность и языкъ за-

няли первое и господствующее мѣсто. Въ судѣ, канцеляріяхъ, въ изложеніи законовъ, при дворѣ перестали употреблять латинскій языкъ. Государь, вмѣсто имени императора и Августа, сталъ называться базилевсомъ (т.-е. царемъ; руское слово «царь» есть сокращенное цезарь), самодержцемъ, равноапостольнымъ. Но имперія считалась продолженіемъ старой римской державы, и ея населеніе звалось попрежнему *ромеями* (римлянами).

Власть царя. Устройство имперіи сохранило черты правленія Діоклетіана и Константина. Царь считался священной особой; говорили, что онъ «ниже только Бога и сейчасъ же слѣдуетъ за Богомъ». На пріемахъ царь появлялся въ тяжелой священнической одеждѣ, въ шапкѣ съ крестомъ наверху, неподвижный, какъ икона передъ народомъ, среди куреній и священныхъ гимновъ. Въ тронной залѣ берегли святыни, посохъ Моисеевъ, животворящій крестъ Христа. Жизнь царя въ столицѣ состояла изъ ряда торжественныхъ выходовъ съ участіемъ духовенства, сановниковъ и народа. Когда онъ отправлялся въ церковь, собирался весь дворъ, по улицамъ разбрасывали цвѣты и благоуханія. Обращаясь къ царю, падали ницъ, цѣловали его ноги; царскимъ статуямъ воздавались божескія почести.

Наибольшій блескъ выказывали передъ иностранными послами: ихъ воображеніе старались поразить цѣлымъ представленіемъ. Они разсказывали потомъ, какъ ихъ долго держали передъ занавѣсомъ, позади котораго скрывались царь и его свита; когда занавѣсъ раздвигали, виднѣлось подножіе трона; по обѣ его стороны стояли два золотыхъ льва, которые рычали и били хвостами. Поднявши глаза вверхъ, посолъ видѣлъ царя; но въ то время, когда онъ отдавалъ царю земной поклонъ, тронъ поднимался до потолка среди шумной музыки, и царь внезапно появлялся въ другой одеждѣ, такъ что никто не могъ замѣтить, какъ совершилась эта перемѣна. Царь лишь слушалъ посла и удостоивалъ взглянуть его подарки. Отвѣтъ держалъ великій логоѳетъ, т.-е. министръ иностранныхъ дѣлъ, стоявшій у подножія.

Подчиненные царю чиновники считались святой іерархіей. Когда приходила по назначенію царская грамота, скрѣпленная золотой печатью, сановникъ или военачальникъ, прежде чѣмъ открыть бумагу, прикладывалъ ее ко лбу, къ глазамъ, къ губамъ, какъ дѣлаютъ какіе-нибудь рабы султана. Заговорщики противъ царя или мятежники считались вѣроотступниками; помимо наказанія, имъ угрожало церковное проклятіе. Въ законодательномъ сборникѣ *Эклогѣ*, изданномъ при императорѣ Львѣ III (въ VIII в.), законъ названъ «откровеніемъ Божіимъ». Обязанность и долгъ царя, говорится тамъ, поддерживать и приводить въ исполненіе все, что изложено въ Писаніи, въ рѣшеніяхъ семи святыхъ со-

боровъ и въ римскихъ законахъ. Главное дѣло, чтобы у царя были правильныя богословскія мнѣнія; поэтому въ Эклогѣ, какъ въ катехизисѣ, точно опредѣлено православное ученіе. Законы подкрѣпляются текстами Писанія; образцомъ судьи въ предисловіи къ Эклогѣ представленъ Соломонъ. Цари старались наглядно изобразить, что они правятъ именемъ Другого, Высшаго, чѣмъ они, Котораго они лишь намѣстники. Въ торжественныхъ пріемахъ рядомъ съ трономъ царя стоялъ другой, пустой—тронъ Истиннаго Царя. На немъ иногда лежало Евангеліе или стоялъ образъ. На войнѣ передъ легіонами въ качествѣ знамени несли крестъ или икону Богоматери, или св. Михаила, св. Георгія. Когда по-старому въ тріумфѣ проѣзжали процессіи по цирку, то въ колесницѣ, запряженной бѣлыми конями, слѣдовала икона Богоматери, а царь шелъ пѣшкомъ рядомъ, неся крестъ на плечѣ.

Общій видъ Константинополя, большія его церкви (особенно св. Софіи) съ вызолоченными куполами, придворная обстановка, все это напоминало востокъ, т.-е. древній Вавилонъ и новый Багдадъ. Во дворцѣ полъ былъ выложенъ блестящимъ глазированнымъ кирпичомъ, на коврахъ пестрѣли персидскіе рисунки фантастическихъ звѣрей; мужчины и женщины ходили въ длинныхъ и широкихъ шелковыхъ платьяхъ, ихъ костюмъ и башмаки были усѣяны металлическими блестками и цвѣтными камнями; всюду виднѣлась позолота,—на иконахъ, на посудѣ, оружіи, книжныхъ переплетахъ.

Власть духовенства. Власть царя византійскаго нельзя назвать совершенно неограниченной. Онъ связанъ былъ мнѣніями и рѣшеніями большихъ церковныхъ собраній, на которыя сходились епископы разныхъ областей и городовъ. Далеко не одни духовныя дѣла занимали владыкъ. У нихъ были крупныя владѣнія и часто громадное хозяйство: напримѣръ, церковь св. Марка въ Александріи вела на 13 большихъ корабляхъ торговлю хлѣбомъ, доходившую до самой Британіи.

Епископъ избирался обыкновенно изъ среды мѣстной аристократіи и имѣлъ обширныя связи въ своемъ городѣ или области; онъ входилъ въ дѣла управленія, участвовалъ въ судѣ, принималъ различныя жалобы и прошенія отъ народа. На синодахъ и соборахъ епископы говорили отъ имени различныхъ областей государства. Однако эти собранія не могли дѣйствовать помимо государя: онъ предсѣдательствовалъ въ нихъ, давалъ слово, произносилъ осужденія; онъ объявлялъ соборныя рѣшенія, касавшіяся дѣлъ вѣры, и этимъ вводилъ ихъ въ силу.

Сенатъ. Народъ въ столицѣ. Попрежнему, какъ въ старинной имперіи, считалось, что государь правитъ при участіи сената и народа. Но сенатъ былъ не похожъ на староримское собраніе аристократіи; онъ соединялъ высшихъ сановниковъ страны и знатоковъ права. При изданіи

законовъ царь обращался къ мнѣнію сената; постоянно искали опоры и провѣрки въ старомъ римскомъ правѣ; одобренія сената добивались также при передачѣ престола наслѣднику или соправителю, а также еще болѣе во время переворотовъ, когда возводили новаго царя.

Столичная толпа пользовалась, какъ въ древнемъ Римѣ, раздачей хлѣба отъ казны; народъ въ столицѣ сохранилъ старинное право заявлять свой голосъ. Во время проѣзда царя по столицѣ, о которомъ громко возвѣщали трубачи, всякій могъ подать ему прошеніе или жалобу. По временамъ царь говорилъ народу рѣчь съ дворцоваго балкона. Его министры прислушивались къ возгласамъ толпы на улицахъ. Болѣе всего народъ могъ выражать свое настроеніе въ огромныхъ собраніяхъ, происходившихъ то въ церкви, то въ циркѣ. Въ большомъ конномъ циркѣ (ипподромѣ) столичное населеніе имѣло опредѣленное устройство. Каждая изъ четырехъ партій цирка, зеленые, голубые, красные и бѣлые, носила имя «народа» (дима), сходилась на собранія, обѣды и праздники, подъ управленіемъ выборныхъ начальниковъ, владѣла большимъ имуществомъ и располагала крупной казной, составлявшейся изъ взносовъ. Партіи выставляли вооруженные отряды, которые, въ качествѣ гвардіи, участвовали въ придворныхъ церемоніяхъ, встрѣчали царя пѣніемъ и музыкой; если городъ подвергался осадѣ, ихъ распредѣляли для защиты стѣнъ.

Въ большихъ провинціальныхъ городахъ были тѣ же партіи; онѣ находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ со столичными, съ большимъ интересомъ слѣдили за ихъ дѣлами и поддерживали ихъ. Партіи расходились часто между собою и въ церковныхъ спорахъ, однѣ примыкали къ православнымъ, другія къ сектантамъ или еретикамъ. Это дѣленіе еще усиливало столкновенія, которыя бывали между ними. Царь нерѣдко зависѣлъ отъ расположенія этихъ партій; онъ долженъ былъ также прислушиваться къ настроенію войска.

Волненія въ столицѣ. Примѣромъ волненій въ столицѣ могутъ служить событія въ Константинополѣ около 700 года. Царь Юстиніанъ II рѣшилъ устроить вблизи дворца для партіи голубыхъ помѣщеніе, домъ и садъ съ фонтаномъ, гдѣ бы они могли его принимать. Мѣсто однако было занято церковью Богородицы, которую царь не задумался разрушить; мало того, патріархъ долженъ былъ помолиться торжественно къ закладкѣ новаго зданія. При постройкѣ его царскіе чиновники позволили себѣ еще разныя насилія относительно рабочихъ. Все это вызвало недовольство въ городѣ. Одинъ изъ военныхъ начальниковъ освободилъ изъ тюрьмы своихъ сотоварищей, разжалованныхъ царемъ. Возставшіе вооружились, пошли на большую площадь и черезъ монаховъ, помогавшихъ волненію, стали звать народъ въ церковь. Пригласили

и патріарха, который держалъ къ народу рѣчь. Къ ночи народъ двинулся въ циркъ, провозгласилъ вождя возставшихъ царемъ и потребовалъ наказанія низвергнутому царю. На другой день ему отрѣзали носъ, и онъ былъ осужденъ въ ссылку.

Однако Юстиніанъ потомъ вернулся изъ изгнанія и съ помощью болгаръ одолѣлъ противниковъ; онъ торжествовалъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ его осудили,—въ циркѣ; онъ сталъ ногой на шею двухъ своихъ враговъ, которые были провозглашены царями, и другая толпа теперь привѣтствовала его словами изъ псалмовъ: «ты идешь по аспиду и василиску, ты попираешь льва и дракона».

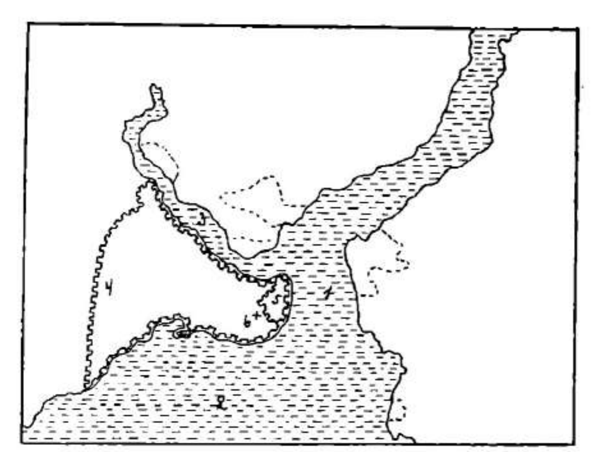
Въ Византіи, какъ и въ старой имперіи, не было опредѣленнаго порядка наслѣдованія престола. Сильный государь могъ обезпечить власть своему сыну, и такимъ образомъ составлялись династіи. Цари *македонской* династіи въ X в., желая окружить особою святостью наслѣдниковъ престола, придумали давать титулъ «багрянородныхъ» тѣмъ принцамъ, которые рождались во время царствованія отца въ особой багряной палатѣ дворца. Но власть могъ захватить, напр., военачальникъ и, если онъ находилъ одобреніе войска или народа, онъ могъ надѣть царскій пурпуръ: въ Византіи престолъ занимали иноплеменники и варвары, выдвинувшіяся на службѣ имперіи, славяне, исавры (малоазійское племя) и армяне, люди, поднявшіеся изъ положенія крестьянъ, конюховъ, корабельныхъ рабочихъ, мясниковъ. Для многихъ великъ былъ соблазнъ искать высшей власти; въ смутныя времена особенно развивалась эта «болѣзнь пурпура». Захватившій власть устранялъ соперника или свергнутаго государя путемъ насилія или навязывалъ себя въ соправители.

За все время существованія византійской имперіи отъ смерти Ѳеодосія Великаго въ 395 г. до паденія Константинополя въ 1453 г. изъ 109 царей лишь 34 умерли своей смертью. Остальные были вынуждены къ отреченію или погибли; на 1058 лѣтъ приходится 65 возстаній и переворотовъ во дворцѣ, на улицѣ или въ казармахъ, которые привели къ низверженію правителей.

Управленіе. Власть царей была непрочна, но простой народъ держали въ строгомъ подчиненіи. Въ Константинополѣ вторымъ лицомъ, въ столицѣ послѣ царя былъ *эпархъ* (градоначальникъ), который смотрѣлъ за порядкомъ, особенно на большихъ шумныхъ рынкахъ и «поучалъ», т.-е. наказывалъ рабовъ и вольноотпущенныхъ, непокорныхъ своимъ господамъ. Власти не допускали скопленія въ столицѣ постороннихъ людей; кто не имѣлъ въ городѣ занятій, того выселяли или отправляли на подневольную работу, въ одну изъ многочисленныхъ пекаренъ или въ одинъ изъ публичныхъ парковъ города.

Ремесленники и торговцы въ городѣ были подчинены строгому над-

зору эпарха; они были раздѣлены по своимъ занятіямъ на разряды (цехи). Каждый разрядъ имѣлъ право исключительнаго заготовленія или исключительной продажи опредѣленнаго товара, но зато никто не смѣлъ присоединять къ своему занятію другое или покупать излишній для своего занятія товаръ. Количество матеріала, которое могъ закупить каждый ремесленникъ, было строго опредѣлено; для каждаго разряда ремесленниковъ было отведено особое мѣсто на рынкѣ или особая улица. На большую часть товаровъ властями были назначены точныя цѣны, и вмѣстѣ съ тѣмъ были опредѣлены барыши, которые могъ брать промышленникъ. За нарушепіе этихъ правилъ были положены строгія денежныя и тѣлесныя наказанія. Эпархъ назначалъ цеховыхъ начальниковъ, разрѣшилъ принятіе новыхъ членовъ въ цехи и включалъ неисправныхъ.

Планъ Константинополя. 1) Босфоръ. 2) Мраморное море. 3) Золотой рогъ. 4) Двойная стѣна со стороны суши. 5) Царскій дворецъ. 6) Соборъ св. Софіи.

У населенія городовъ было отнято право завѣдовать своимъ бытомъ, общественными постройками, водопроводами, состояніемъ улицъ. Въ одномъ царскомъ указѣ было объявлено: «отнынѣ въ гражданскихъ дѣлахъ все зависитъ отъ заботы и распоряженія его императорскаго величества».

Во все входило многочисленное чиновничество. Распредѣленіе и сборъ податей въ имперіи, военное и морское управленіе, государственная почта, судъ, полицейскій надзоръ были распредѣлены между *секретами*, т.-е. министерствами; въ каждомъ изъ нихъ сосредоточивалось огромное дѣлопроизводство. Важнѣе всѣхъ былъ секретъ логоѳета большой казны (министра финансовъ).

Первое мѣсто въ управленіи областей заняло *военное устройство*. Имперія уменьшилась въ размѣрѣ, но должна была напрягать всю энергію для того, чтобы сохранить свое существованіе. Врагъ угрожалъ отовсюду, и всѣмъ областямъ надо было обезпечить защиту. Чуть не каждый годъ приходилось ожидать набѣга сарацинъ: мусульманскій эмиръ города Тарса въ юго-восточномъ углу Малой Азіи не даромъ назывался «начальникомъ лѣтнихъ наѣздовъ». Чтобы предупреждать набѣги, отъ границы этого края наискось по полуострову была устроена

цѣпь сторожевыхъ башенъ на высотахъ, кончавшаяся большимъ маякомъ у константинопольскаго дворца: посредствомъ огней, зажигавшихся наверху башенъ, вѣсть о замѣченномъ на границѣ движеніи врага въ нѣсколько часовъ добѣгала до столицы. Нельзя было передвигать одну и ту же большую армію съ одной границы на другую, ее пришлось разбить на отряды и поставить ихъ для постоянной охраны областей.

Въ провинціяхъ прежней имперіи военное начальство и гражданское управленіе находилось въ рукахъ разныхъ лицъ; теперь начальникъ мѣстнаго отряда, *стратигъ*, сдѣлался и правителемъ области, такъ какъ военная защита и наборъ солдатъ стали главнымъ дѣломъ въ управленіи. Стратигу былъ подчиненъ сборъ податей и надзоръ за порядкомъ. Каждая область должна была дать нужное число воиновъ для собственной защиты. Часть ея жителей служила въ войскѣ; кромѣ того въ предѣлахъ области помѣщали опредѣленное количество военныхъ поселенцевъ; часто раздавали иностранцамъ, готамъ, славянамъ, армянамъ, персамъ, воинскіе участки съ обязательствомъ службы.

Крестьяне. Солдаты набирались главнымъ образомъ изъ крестьянъ или получали при поселеніи крестьянское устройство. Поэтому цари въ своихъ указахъ отдавали большое вниманіе быту крестьянъ.

Въ старой римской имперіи, въ III—VI вв., большинство крестьянъ были колоны, крѣпостные, не имѣвшіе права уходить со своихъ участковъ, обязанные оброкомъ и барщиной на господъ и подчиненные ихъ суду и управленію. Въ Византіи къ VIII в. большинство крестьянъ было свободно, владѣло землей и управлялось самостоятельно въ своихъ деревняхъ. Свободные крестьяне произошли или отъ чужихъ поселенцевъ, славянъ и др., которыхъ при надѣлѣ участками освобождали отъ барщины, чтобы полностью требовать съ нихъ военной повинности, или отъ тѣхъ земледѣльцевъ, которыхъ вновь поселяли на мѣстахъ, разоренныхъ и опустошенныхъ врагами: такихъ поселенцевъ старались привлечь льготами.

Крестьяне, работавшіе на собственной землѣ, составляли *общины*; у нихъ лѣсъ и пастбище были въ общемъ пользованіи, а пахотные участки—въ распоряженіи отдѣльныхъ хозяевъ, которые могли ихъ также отдавать другимъ крестьянамъ въ обработку или промѣнивать, но съ условіемъ, чтобы участокъ не выходилъ изъ круга общины. Если кто-либо былъ недоволенъ своимъ владѣніемъ или возникалъ споръ, община могла произвести общій передѣлъ, т.-е. вновь раздѣлить пахотную землю и выдать всѣмъ новые участки. Крестьяне одной общины составляли «сельскій міръ» и сами вѣдали дѣла, касавшіяся ихъ; община въ цѣломъ видѣ отвѣчала за исправное отбываніе податей всѣми крестьянами. Крестьяне, работавшіе на чужой землѣ (*парики*, т.-е. приселив-

шіеся), имѣли право свободно переходить отъ одного владѣльца къ другому. Парики отдавали владѣльцу часть полевого сбора, иные десятую, другіе гораздо больше, половину (десятники и половники).

Нравы и понятія. Тяжелое военное положеніе отразилось на нравахъ и просвѣщеніи. Седьмой вѣкъ по Р. Х. и въ Византіи такъ же, какъ на западѣ, былъ временемъ самаго глубокаго паденія образованности. Христіанскія вѣрованія смѣшались съ языческими повѣрьями, обычаями и праздниками, которые продолжали жить въ народѣ. Во многихъ мѣстахъ подъ именемъ святыхъ попрежнему чтили старинныхъ героевъ, мѣстныхъ покровителей. Жители города Патры видѣли, какъ ихъ охранитель апостолъ Андрей въ образѣ воинственнаго всадника прогналъ славянъ. Въ Солунѣ чтили «благого промыслителя» св. Димитрія, ставили его рядомъ съ Христомъ и св. Духомъ и соединяли ихъ въ тройственную силу. Во время сбора винограда призывали бога Діониса. Въ новолуніе зажигали огни передъ домами и лавками и прыгали черезъ костры. Случались человѣческія жертвоприношенія. При осадѣ арабами Пергама въ началѣ VIII в. заключенные въ городѣ, по совѣту одного колдуна, схватили женщину съ новорожденнымъ ребенкомъ, разсѣкли ихъ на куски и бросили въ кипящій котелъ; солдаты окунули въ котелъ свои перчатки въ увѣренности, что ихъ оружіе будетъ заколдовано силой этого ужаснаго обряда. Народъ прислушивался къ вѣдунамъ, которые водили съ собой медвѣдей и другихъ звѣрей, продавали клоки ихъ шерсти въ видѣ волшебной защиты отъ разныхъ напастей, предсказывали будущее и совершали заклинанія.

Въ страхѣ люди искали сверхъестественной защиты, впадали въ различныя суевѣрія. Изображеніямъ Христа и святыхъ, иконамъ и статуямъ кланялись, какъ идоламъ. Статуи одѣвали въ полотняныя ткани и выбирали воспріемниками для своихъ дѣтей; или вкладывали св. дары въ руки статуй и принимали отъ нихъ потомъ причащеніе; или соскабливали краску на образѣ и глотали въ видѣ волшебнаго средства вмѣстѣ съ причащеніемъ. Возвращались и къ стариннымъ пріемамъ гаданія. На церковномъ собраніи въ концѣ VII в. монофизитскій священникъ объявилъ, что правота его ученія можетъ быть доказана чудомъ: онъ предложилъ помѣстить бумагу, гдѣ написано было его исповѣданіе, на грудь умершаго; если мертвецъ воскреснетъ, это будетъ означать, что его исповѣданіе правильно.

Монашество. Съ необыкновенной силой развилось въ это время монашество. Для спасенія души множество людей отказывались отъ свѣтской жизни, отъ семьи и богатства. Другіе, оставаясь въ свѣтскомъ обществѣ, старались принять участіе въ подвигахъ монаховъ устроеніемъ монастырей и большими вкладами на ихъ поддержку и украшеніе.

Въ званіи «основателя монастыря» видѣли большую спасительную силу. Поэтому монастыри строили всѣ: царь, патріархъ, придворные, чиновники, духовенство, солдаты и крестьяне, мужчины и женщины, богатые и бѣдняки, въ нихъ вступали люди всякаго званія и возраста, даже дѣти. Состоятельный человѣкъ готовилъ заранѣе могилу и выстраивалъ часовню и монастырь, чтобы обезпечить себѣ навѣкъ заупокойныя молитвы. Бѣдные крестьяне, складывались по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ и основывали монашескую общину. Многіе землевладѣльцы обращали свои усадьбы въ монастыри. Въ мѣстностяхъ, которыя считались особенно святыми, монастыри лѣпились другъ къ другу и составляли большія сплошныя поселенія. Таковы были склоны горъ Олимпа, въ Малой Азіи, Иды, Аѳона, почитавшихся еще въ греческія времена, какъ мѣста земного рая или пребыванія блаженныхъ. Въ столицѣ, въ Салоникѣ монастыри считались сотнями (еще въ настоящее время въ Константинополѣ болѣе 100 монастырей).

Монашество выражалось въ разнообразныхъ обѣтахъ: въ отказѣ отъ одежды или отъ омовенія и чистоты, въ юродствѣ или тяжелыхъ физическихъ мученіяхъ, напр., «божьи латники» носили желѣзныя вериги на тѣлѣ, въ пребываніи подъ солнцемъ и дождемъ на открытыхъ балконахъ высокихъ и узкихъ башенъ («столпники»), въ вѣчномъ молчаніи и невозмутимости души. Монахи жили одинокими отшельниками или небольшими группами и общинами. Многіе проводили время въ полной праздности; но были монастыри, которые усвоили строгій рабочій уставъ *студитовъ* (ревнителей) и требовали отъ братьевъ изученія какого-либо ремесла: плотничьяго, ткацкаго, башмачнаго. Вліяніе монаховъ среди народа было огромное: многіе вѣрили, что молитва монаха спасаетъ полтораста человѣкъ, осужденныхъ на вѣчную погибель. Безъ конца росли вклады на монастыри, все увеличивались ихъ земельныя владѣнія, ихъ обширныя и часто роскошныя постройки, ихъ огромныя стада; множество людей уходило отъ повинностей подъ ихъ покровительство, такъ какъ монастыри пользовались большими льготами въ отношеніи податей. Усиленіе монашества грозило существованію государства. Въ тяжелой борьбѣ, которую приходилось вести на всѣхъ окраинахъ, особенно противъ арабовъ, имперія нуждалась въ солдатахъ и денежныхъ средствахъ. Монастыри отвлекали большую часть населенія отъ службы и работы; дѣлая вклады въ обители, богатые люди укрывали отъ казны свои капиталы. Монашество, наконецъ, сокращало число семей и вело къ уменьшенію населенія. Поэтому цари въ VIII в. вступили съ ними въ борьбу.

Эта борьба соединилась съ иконоборствомъ. Въ войнѣ съ мусульманами византійцы объявляли себя защитниками истинной вѣры; но внутри

самой имперіи не было единства вѣры; напротивъ, кипѣла жестокая вражда религіозныхъ партій.

Иконоборство въ VIII вѣкѣ. Въ VIII в. поднялось сильное движеніе противъ укоренившагося въ церкви почитанія иконъ, святыхъ предметовъ и изображеній. Этотъ обычай имѣлъ различныхъ противниковъ. Въ Малой Азіи онъ вызывалъ осужденіе со стороны секты *павликіанъ*. По ихъ ученію, соединявшему христіанскіе взгляды съ религіей персовъ, міръ дѣлится рѣзко на двѣ половины: Божію и сатанинскую. Добрый и злой духи почти равны другъ другу по силѣ. Одинъ царитъ въ невидимомъ, духовномъ мірѣ, другой въ тѣлахъ и осязаемыхъ предметахъ. Поэтому павликіане считали, что въ почитаніи истиннаго Бога должно избѣгать внѣшняго поклоненія образамъ, сдѣланнымъ руками человѣческими, и въ церквахъ не должно быть никакихъ изображеній и украшеній.

Тѣ же возраженія противъ иконъ поднимали мусульмане и евреи въ сосѣднемъ съ Византіей халифатѣ, гдѣ были многочисленные христіане-подданные. Одинъ изъ Омайядовъ велѣлъ удалить иконы изъ христіанскихъ церквей въ Сиріи, соскоблить и закрасить изображенія на стѣнахъ. Въ Византіи однихъ раздражали такія дѣйствія, на другихъ, напротивъ, производилъ впечатлѣніе упрекъ иновѣрцевъ, что христіане забываютъ Бога и почитаютъ «стѣны, доски и камни». Многіе христіане въ имперіи, большинство малоазійскихъ епископовъ осуждали на синодахъ поклоненіе образамъ и статуямъ. Между противниками иконъ одни хотѣли только запретить почитаніе ихъ, другіе, «иконоборцы», требовали удаленія самихъ изображеній, доказывая, что они противорѣчатъ божественности Христа, потому что заключаютъ попытку представить Его человѣческій ликъ: единственный символъ Его человѣческой природы, говорили они,—хлѣбъ и вино въ причащеніи; поэтому самое изготовленіе иконъ безбожно.

Возражая имъ, иконопочитатели ссылались на исконность обычая; они говорили, что на изображеніе переходитъ святость изображаемаго: иконы Христа и Богородицы ни что иное, какъ Они Сами. Указывали также на необходимость воспитанія простого народа, который не можетъ усвоить отвлеченное ученіе: «иконы—это книги для неграмотныхъ». Особенно отстаивали поклоненіе иконамъ монахи. Они читали молитвы у иконъ, и на этомъ основывалось ихъ вліяніе на народъ. Притомъ въ монастыряхъ и слободахъ, прилегавшихъ къ нимъ, множество людей существовало изготовленіемъ церковныхъ образовъ.

Споръ объ иконахъ сильно занималъ правительство и общество въ VIII вѣкѣ. Къ 720-му году сложились двѣ большія партіи, враждебныя по своимъ вѣрованіямъ и интересамъ.

Первые два царя изъ дома *Исавровъ*, Левъ III (съ 717 г.) и Констан-

тинъ V, оба очень озабоченные усиленіемъ военныхъ средствъ имперіи, приняли сторону иконоборцевъ и враговъ монашества. Левъ III, спасшій Константинополь отъ нападенія большого арабскаго флота и войска, внимательно входилъ во всѣ стороны управленія. Своимъ «Земледѣльческимъ уставомъ» онъ старался оградить свободныхъ крестьянъ. Другимъ закономъ, Эклогой, онъ улучшилъ устройство суда: казна взяла на себя уплату судебныхъ издержекъ, между тѣмъ какъ раньше тяжущіеся должны были платить судьямъ; вслѣдствіе этого судъ сдѣлался доступнымъ и равнымъ для всѣхъ. Левъ III вмѣшался въ споръ объ иконахъ не потому только, что видѣлъ вредъ монашества для страны: онъ считалъ себя призваннымъ установить основы вѣры, въ качествѣ верховнаго «государя и священника». Его взглядъ на религію былъ проникнутъ нетерпимостью; онъ началъ правленіе съ приказа крестить всѣхъ евреевъ имперіи; въ то же время царь хотѣлъ очистить вѣрованія и обычаи христіанъ отъ того, въ чемъ онъ видѣлъ суевѣрія и остатки язычества. На большомъ совѣтѣ государства (силенціи), составленномъ изъ сенаторовъ и духовенства, царь заявилъ, что «такъ какъ приготовленіе иконъ—дѣло дьявольскаго искусства, то не должно имъ поклоняться». Изданы были приказы снимать иконы, удалять ихъ изъ церквей или закрашивать ихъ. Между прочимъ, было велѣно уничтожить образъ Христа, такъ называемаго «поручителя», висѣвшій въ кварталѣ торговцевъ желѣзомъ и вызывавшій особое поклоненіе. Но раздраженная толпа сбросила съ лѣстницы чиновника, присланнаго для снятія образа, и убила его. Царь приказалъ казнить ослушниковъ. Патріархъ константинопольскій, Германъ отказался принять рѣшеніе царя; его смѣстили и назначили другого; народъ бросалъ въ новаго патріарха каменьями на улицѣ. Царская академія на такъ называемомъ Бронзовомъ рынкѣ, въ лицѣ своего главы, «вселенскаго учителя», и двѣнадцати преподавателей, высказалась противъ царскихъ указовъ, и Левъ велѣлъ закрыть ее.

Еще рѣзче, чѣмъ Левъ III, дѣйствовалъ его сынъ Константинъ V. Онъ искалъ поддержки малоазійцевъ, по большей части враждебныхъ иконамъ; многихъ азіатскихъ павликіанъ онъ помѣстилъ военными поселенцами въ столицѣ и около нея. Константинъ былъ непримиримымъ врагомъ «покрывала мрака»; онъ закрывалъ монастыри и обращалъ зданія ихъ въ казармы, арсеналы, конюшни. Обширныя монастырскія земли царь отбиралъ въ казну и раздавалъ военнымъ въ видѣ награды за службу; монастырь обращался при этомъ въ помѣстье, *харистикію*, которое отдавалось въ пожизненное пользованіе. Монаховъ заставляли вступать въ бракъ и надѣвать свѣтское платье. Тѣ, кто уступалъ силѣ, получали должности, остальныхъ подвергали позорнымъ шествіямъ въ

циркѣ, сажали въ тюрьмы, изгоняли изъ страны. За царя были войско и большая часть высшаго духовенства, недовольнаго тѣмъ, что монастыри не слушались епископовъ.

Болѣе 100 лѣтъ этотъ споръ раздѣлялъ общество. Для рѣшенія вопроса объ иконахъ созывались большія церковныя собранія, но ихъ рѣшенія были неясны и противорѣчивы. При жизни Константина V соборъ принялъ постановленіе противъ иконъ. Послѣ его смерти царица Ирина, правившая вмѣсто малолѣтняго сына своего, созвала въ Константинополѣ новый соборъ (седьмой вселенскій, въ 787 г.) съ тѣмъ, чтобы опрокинуть рѣшеніе предшествующаго. Но гвардія, преданная Константину, разстроила собраніе; солдаты вошли въ церковь, гдѣ было засѣданіе, и разсѣяли собравшихся епископовъ. Ирина распустила гвардію, и соборъ былъ перенесенъ изъ столицы въ Никею. Здѣсь было рѣшено возстановить иконы, но запрещены были крайности поклоненія имъ.

Конецъ иконоборства въ IX вѣкѣ. Въ спорѣ объ иконахъ появилось еще одно крупное разногласіе. Между защитниками иконъ были ревнители, которые возставали противъ царскихъ распоряженій главнымъ образомъ потому, что видѣли въ нихъ нарушеніе свободы церкви. Такъ разсуждали на западѣ римскіе епископы. Еще при Львѣ III папа Григорій II отказался признать патріарха, назначеннаго императоромъ, и на соборѣ въ Римѣ проклялъ иконоборцевъ.

Семьдесятъ лѣтъ спустя, около 800 года, ученый монахъ Ѳедоръ Студитъ, игуменъ студійскаго монастыря строгаго устава, горячо отстаивалъ взглядъ, что свѣтскіе властители не имѣютъ права вмѣшиваться въ вопросы церковнаго ученія и устройства: *духовная власть выше свѣтской*; духовенство можетъ судить государя, но не государь духовенство. Немыслимо, чтобы царь стоялъ выше закона, обязательнаго для всѣхъ смертныхъ; «если это такъ, то одно изъ двухъ: или царь—Богъ, потому что лишь Богъ не подчиненъ закону, или же господствуютъ беззаконіе и возмущеніе». Ѳедоръ Студитъ сидѣлъ въ тюрьмѣ и терпѣлъ пытку, но все-таки не соглашался «ни на одинъ часъ скрывать свое слово въ тайнѣ». Онъ ссылался на примѣръ независимыхъ римскихъ епископовъ на далекой западной окраинѣ. Римъ въ его глазахъ былъ «главой церквей, свѣтлымъ, чистымъ источникомъ вѣры, спокойной и вѣрной пристанью, спасающей всѣхъ христіанъ отъ бурь ереси».

Послѣ собора 787 года монахи и священники, стоявшіе за независимость церкви, остались недовольны. Цари-иконопочитатели, смѣнившіе иконоборцевъ, не отдавали имущества, захваченнаго у монастырей. Ѳедоръ Студитъ и его единомышленники враждовали со дворомъ и съ патріархомъ, угождавшимъ двору.

Еще два раза разгоралось иконоборство, но подъ конецъ борьбы

пришли опять къ рѣшеніямъ собора 787 года. Въ 843 году было устроено большое примиреніе въ Константинополѣ; явилось множество монаховъ съ Олимпа, Аѳона и другихъ святыхъ горъ; иконы были окончательно возстановлены, и въ память этого событія установили праздникъ православія. Война, которую вели суровые сектанты противъ искусства, оставила свой слѣдъ. Въ церквахъ сохранились образа, но исчезли большія статуи Христа, Богоматери и святыхъ; внутренность храмовъ утратила свой яркій и пестрый видъ, стала мрачнѣе и строже.

Византійская церковь удержала старинные обычаи, но потеряла самостоятельность: цари-иконопочитатели стали держать надъ ней властную руку такъ же, какъ цари-иконоборцы: они рѣшали церковные вопросы, самовластно назначали и смѣщали высшее духовенство. Вошло въ обычай назначать патріарха изъ свѣтскихъ лицъ. Патріархъ сталъ какъ бы главнымъ сановникомъ при царѣ по духовнымъ дѣламъ и долженъ былъ повиноваться царской политикѣ. Во многихъ монастыряхъ остались порядки, заведенные Константиномъ V: они отдавались въ харистикію, т.-е. надъ ними ставили свѣтскихъ владѣтелей, которые получали доходы съ монастырскаго владѣнія; помѣщики отдѣляли часть на содержаніе братіи и удерживали остальное.

Славяне. Болгары. Въ VII и VIII вв. главнымъ врагомъ Византіи были арабы. Къ IX вѣку завоеванія восточныхъ арабовъ остановились. Больше опасности для Византіи представляли въ IX и X вв. народы, жившіе на сѣверъ отъ нея. Въ эту же сторону византійцы наиболѣе старались раздвинуть предѣлы своей торговли и распространить свою вѣру.

За Балканами на сѣверъ, по Дунаю начинаются ровныя широкія степи, прилегающія къ черноморскимъ и прикаспійскимъ равнинамъ. По этимъ большимъ пространствамъ передвигались славянскія племена. Поселенія славянъ протянулись очень широко. Они доходили на сѣверѣ и западѣ до Эльбы и Балтійскаго моря, на востокѣ до нынѣшней средней Россіи. По мѣсту разселенія славяне раздѣлились: на 1) южныхъ— на Балканскомъ полуостровѣ (сербовъ, хорватовъ и придунайскихъ славянъ, получившихъ чужое имя болгаръ), 2) западныхъ по Эльбѣ, Карпатамъ и Вислѣ (чехо-моравовъ, поляковъ) и 3) восточныхъ (русскихъ). Византія вошла въ сношенія съ частью западныхъ и съ восточными, но болѣе всего она имѣла дѣла съ южными славянами, которые вступили въ область старой Греціи.

Славяне были большею частью земледѣльцы и сначала не составляли большихъ государствъ. Византійцы отражали ихъ нападенія или брали ихъ къ себѣ на службу, и тогда внутри имперіи возникали славянскія деревни. Между тѣмъ позади славянъ и врываясь въ ихъ поселенія появлялись большія воинственныя и болѣе сплоченныя коче-

вые орды, *тюркскаго* (турецкаго) происхожденія. Степныя пространства были еще выгоднѣе для ихъ стадъ, для движенія ихъ конницы. Болѣе сильныя, чѣмъ разрозненныя славянскія племена, они соединяли въ своихъ рукахъ обширныя земли, подчиняли земледѣльческое населеніе, заставляли его служить себѣ и платить дань. Таковы были венгры, или мадьяры по среднему теченію Дуная, хазары по нижнему Дону и Волгѣ, печенѣги по нижнему Днѣпру.

Въ большихъ грабительскихъ набѣгахъ они заходили въ византійскія области. Византійцы откупались отъ нихъ единовременной или постоянной данью, иногда пріобрѣтали въ одной ордѣ союзника противъ другихъ, завязывали съ кочевниками торговыя сношенія, присылали къ нимъ христіанскихъ проповѣдниковъ, а также офицеровъ, архитекторовъ и инженеровъ для постройки крѣпостей и торговыхъ базаровъ.

Въ одномъ мѣстѣ кочевники вошли въ болѣе тѣсныя отношенія съ осѣдлымъ земледѣльческимъ населеніемъ, слились съ нимъ, приняли его языкъ и обычаи. Это случилось съ турецкой ордою *болгаръ*, которые сѣли среди южныхъ славянъ, на Дунаѣ, и передали имъ свое имя. У болгаръ долго сохранялись черты дикихъ степняковъ: они носили чалмы, женщины прятали лица подъ покрываломъ; больного сбѣшивали для излѣченія волшебными камешками; умершему посылали вслѣдъ жену и слугу, т.-е. ихъ убивали и зарывали вмѣстѣ съ нимъ въ могилу. Болгары стали грозить Византіи, перешли Балканы и не разъ подступали къ Константинополю. Въ 811 году царь Никифоръ прошелъ глубоко въ страну болгаръ, но попалъ въ засаду; византійцевъ всѣхъ перебили, голову царя долго носили на пикѣ, а потомъ изъ его черепа болгарскій ханъ Крумъ велѣлъ сдѣлать чашу для пиршества. Греки должны были пойти на большія уступки. Всѣ земли по обѣ стороны Балканъ отошли къ болгарамъ, кромѣ угла, гдѣ находился Константинополь, и береговой полосы по Эгейскому морю. При византійскомъ дворѣ отвели самое почетное мѣсто послу болгарскаго хана, назвавшагося теперь тоже царемъ. Болгарамъ стали платить дань. Греческое правительство придумало другія средства противъ грозныхъ сосѣдей: къ нимъ были отправлены христіанскіе проповѣдники.

Разныя побужденія заставляли полудикій народъ и его вождей принимать новую вѣру. Послѣ крупныхъ бѣдствій, напр., голода, народъ ожидалъ найти въ чужихъ обрядахъ спасительную силу. Вождь надѣялся получить въ религіи новую силу для подчиненія народа своей власти, а въ духовенствѣ встрѣтить своихъ пособниковъ. На многихъ сильно дѣйствовалъ примѣръ самоотверженныхъ подвижниковъ, которые во имя Христа готовы были терпѣть муки и изнывать въ тюрьмѣ. Варваръ, сынъ хана, пораженный терпѣніемъ такого христіанскаго узника, самъ крестился и пошелъ на смерть ради исповѣданія новой вѣры.

Около 860 г. болгарскій царь Борисъ принялъ крещеніе. Но его очень смущалъ выборъ между византійскими и римскими священниками. Ученый патріархъ константинопольскій Фотій, собиратель старинныхъ греческихъ рукописей и человѣкъ придворной службы, прислалъ болгарскому царю пространное сочиненіе о св. Троицѣ, точное изложеніе признаковъ истиннаго православія, а также подробную исторію семи вселенскихъ соборовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ царю сообщили этикетъ византійскаго двора, гдѣ не позволялось скоро говорить, громко смѣяться и выражаться откровенно. Гораздо менѣе требователенъ былъ римскій папа Николай I, оставлявшій болгарамъ ихъ старые обычаи, одежду и суевѣрія; но зато папа не хотѣлъ утвердить епископа, угоднаго царю. Борисъ рѣшился лучше имѣть дѣло съ Византіей.

Кириллъ и Меѳодій. Еще дальше стали проникать проповѣдники и дипломаты Византіи, за Дунай, на Кавказъ, въ черноморскій край. Среди нихъ особенно выдаются два брата, Константинъ и Меѳодій, во второй половинѣ IX вѣка, греки изъ Македоніи, выросшіе среди славянскаго населенія и знакомые съ его языкомъ. Старшій братъ Меѳодій занималъ высокое положеніе въ службѣ, управлялъ славянскимъ княжествомъ въ Ѳессаліи, но внезапно бросилъ міръ и постригся монахомъ на Олимпѣ. Константинъ, ученикъ и другъ Фотія, еще до его патріаршества ѣздилъ съ нимъ въ посольствѣ къ арабамъ. Позднѣе оба брата были у хазаръ на Дону. Византійцы сносились съ хазарами черезъ Крымъ и для защиты хазаръ отъ печенѣговъ построили на Дону крѣпость. Во владѣніяхъ хазарскаго хана встрѣчались различныя вѣрованія, и онъ просилъ прислать ему людей, которые помогли бы установить единство вѣры. При его дворѣ Константинъ и Меѳодій вели религіозныя бесѣды, особенно съ многочисленными среди хазаръ іудеями.

Вскорѣ пришло другое приглашеніе съ сѣвера. Славянскій народъ *моравы* признали верховную власть франкской имперіи, основанной Карломъ Великимъ; съ запада, изъ Германіи къ нимъ явились проповѣдники христіанства. Повторилось тоже, что было въ Болгаріи. Князь моравскій, Ростиславъ, желалъ освободиться отъ подчиненія германскимъ епископамъ и обратился въ Византіи (863): онъ говорилъ, что хотя моравы оставили язычество и ищутъ пути Христова, но не знаютъ грамоты, и некому ихъ учить; поэтому онъ просилъ прислать человѣка, знакомаго съ языкомъ народа и способнаго указать народу истинный путь къ спасенію.

Опять были посланы Константинъ и Меѳодій; они установили въ странѣ воскресную службу и подняли голосъ противъ грубыхъ семейныхъ обычаевъ, позволявшихъ держать мужу нѣсколькихъ женъ. Константинъ перевелъ на славянскій языкъ главныя мѣста изъ Евангелія

Византія, ея сосѣди и сношенія въ IX—X вв.

Владѣнія Византіи въ IX —X вв.

Пріобрѣтенія Византіи въ концѣ X и началѣ XI в.

Распространеніе христіанства греческими проповѣдниками.

Усиленіе Византіи около 1000 года.

и ввелъ особую азбуку. Папа Николай I сталъ безпокоиться, что страна моравовъ отпадетъ къ греческой церкви. Онъ вызвалъ братьевъ въ Римъ, чтобы увѣриться, правильно ли они учатъ. Константинъ скоро умеръ въ Римѣ, передъ смертью вступивъ въ монашество подъ именемъ Кирилла. Меѳодій вернулся на сѣверъ, но сталъ епископомъ не въ Моравіи, гдѣ новый князь былъ враждебенъ ему, а у славянъ *Паннонiи* (по среднему Дунаю). Онъ ввелъ литургію впервые на народномъ славянскомъ языкѣ, тогда какъ до тѣхъ поръ богослуженіе у европейскихъ христіанъ совершалось на двухъ лишь языкахъ, латинскомъ на западѣ и греческомъ.

Сосѣдніе германскіе епископы, ссылаясь на то, что они начали первую проповѣдь въ этихъ странахъ, обвинили Меѳодія въ самовластіи. На синодѣ въ Регенсбургѣ послѣ очень рѣзкаго спора Меѳодій былъ осужденъ и смѣщенъ; его бросили въ тюрьму и три года продержали въ заключеніи. Новый папа заступился за Меѳодія, освободилъ его и сдѣлалъ архіепископомъ Панноніи и Моравіи, но запретилъ славянскую литургію. Меѳодій не исполнялъ однако предписанія папы. Самъ онъ и его ученики перевели на славянскій языкъ Библію; ихъ цѣль была основать въ Моравіи самостоятельную славянскую церковь. Это однако не удалось. Моравскій князь Святополкъ хотѣлъ мира съ сосѣднимъ германскимъ королевствомъ и съ Римомъ. Онъ допустилъ при дворѣ латинскую службу, а ученики Меѳодія, послѣ его смерти, должны были покинуть Моравію. Князь Святополкъ соединилъ славянъ, жившихъ по Эльбѣ и Верхнимъ Карпатамъ, въ *великоморавскую* державу (около 900 г.). Опасаясь ея силы, германскіе короли призвали противъ нея венгерскую орду. Натискъ венгровъ разрушилъ великоморавское государство. Венгры сѣли между западными и южными славянами и отрѣзали первыхъ отъ сношеній съ Византіей. Западные славяне могли получить христіанство и просвѣщеніе только отъ западной церкви, къ которой они и присоединились окончательно.

Первое столкновеніе восточной и западной церкви и болгарское царство. Въ то время, какъ византійскіе и латинскіе проповѣдники враждебно встрѣчались въ славянскихъ странахъ, поссорились между собою ихъ владыки, константинопольскій патріархъ и римскій папа. Николай I не хотѣлъ признать патріарха Фотія, потому что царь свергнулъ передъ этимъ другого патріарха, сторонника монаховъ; на синодѣ въ Римѣ Фотія объявили низложеннымъ. Фотій сталъ защищаться; въ свою очередь низложилъ Николая и въ «окружномъ посланіи ко всему христіанскому духовенству» (867) старался доказать, что на западѣ уклонились отъ истиннаго ученія и исконныхъ обрядовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увѣрялъ, что, послѣ перехода столицы изъ Рима въ

Константинополь, и церковный владыка византійскій сталъ выше римскаго. Новый царь Василій I, убившій своего предшественника, у котораго служилъ конюхомъ, очень дорожилъ добрымъ согласіемъ съ Римомъ и папой и поспѣшилъ свергнуть Фотія. Но народъ въ Константинополѣ, торговцы и ремесленники, видѣлъ въ Фотіи патріота и горячо выражалъ смѣщенному патріарху свое сочувствіе.

Среди южныхъ славянъ, болгаръ и сербовъ, остались византійскіе проповѣдники. Болгары стали перенимать у грековъ литературу, переводить богословскія книги и поэзію. Въ страну перешли секты и религіи, распространенныя въ Византіи, между прочимъ іудеи и павликіане, которые получили имъ *богомиловъ*. Ересь распространилась среди крестьянъ, недовольныхъ своимъ положеніемъ на земляхъ бояръ, которые забрали себѣ крупныя владѣнія. Богомилы поднимали голосъ въ пользу крестьянъ и объявляли зломъ работу на господина. Болгарскіе цари и окружавшая ихъ аристократія увлекались мыслью о власти Рима надъ міромъ. Преемникъ царя Бориса Симеонъ (около 900 г.) принялъ титулъ «римскаго государя». Симеонъ хотѣлъ заступить мѣсто византійскаго царя, завладѣлъ почти всѣмъ полуостровомъ, но не въ силахъ былъ взять укрѣпленную, почти отовсюду окруженную водою столицу.

Варяги и русскіе. Большой уронъ терпѣла въ это время имперія и съ моря. Въ первой половинѣ IX столѣтія западные сарацины, испанскіе и африканскіе, захватили Сицилію и Критъ, служившій ключомъ Эгейскаго моря. Немного позже въ Черномъ морѣ начались набѣги скандинавовъ, или норманновъ, какъ ихъ звали на западѣ, варяговъ, какъ ихъ называли славяне и греки. Варяги, разбойники и торговцы, отправлялись отъ Варяжскаго (Балтійскаго) моря и двигались по большимъ русскимъ рѣкамъ, начиная съ устья Невы до устья Днѣпра. Одни изъ вождей съ дружинами останавливались на дорогѣ и садились въ восточно-славянскихъ городахъ, расположенныхъ по этому «Великому водному пути», въ Новгородѣ, Смоленскѣ, Кіевѣ. Славяне подчинились имъ, а они приняли мѣстный языкъ и обычаи; византійцы называли ихъ *Русью*, русскими. Другіе пробирались дальше къ берегамъ Балканскаго полуострова и Малой Азіи, грабили ихъ или поступали на службу къ царю.

Въ 865 году русскіе изъ Кіева напали на Константинополь съ моря, сожгли часть города и навели ужасъ на жителей. Сорокъ лѣтъ спустя кіевскій князь Олегъ устроилъ новый большой набѣгъ на Византію, взялъ крупную добычу и заключилъ съ греками выгодный торговый договоръ: русскіе купцы получили право безпошлинно ввозить товары свои въ Константинополь. Правительство византійское обязалось снабжать этихъ «гостей» припасами во время пребыванія ихъ въ столицѣ и на извѣстномъ протяженіи пути. Но въ то же время греки относились къ

сѣвернымъ купцамъ съ большимъ недовѣріемъ: отъ нихъ требовали предъявленія грамотъ, подписанныхъ ихъ князьями. Русскимъ отвели особый кварталъ въ городѣ; ихъ сопровождали постоянно греческіе чиновники, они должны были отдавать оружіе, не могли собираться въ количествѣ болѣе 50 человѣкъ и на зиму должны были покидать Византію и даже устья Днѣпра.

Каждый годъ подвластныя кіевскому князю племена сплавляли ранней весною по половодью рѣкъ срубленныя за зиму лодки-однодеревки. У Кіева составлялись большіе караваны судовъ. Князь и его дружина грузили ихъ товаромъ, набраннымъ въ видѣ дани во время зимняго объѣзда. Подъ охраной княжескихъ воиновъ, отбивавшихъ нападенія кочевниковъ, лодки проходили днѣпровскіе пороги. Около устья Днѣпра, у громаднаго дуба приносилась большая благодарственная жертва. Изъ своей страны русскіе везли мѣха, медъ и воскъ и военноплѣнныхъ рабовъ. Изъ Греціи они обратно вывозили шелковыя ткани, вино, южные плоды и пряности. Въ X в. русскія суда стали проходить въ Средиземное море и торговали съ Сиріей, съ Римомъ и съ Испаніей.

Византійская торговля. Византійцы терпѣли пораженія, принимали отъ враговъ тяжелыя условія, но умѣли также расширять свое вліяніе. Они искусно пріобрѣтали союзниковъ въ средѣ самихъ нападающихъ. Массы варяговъ поступали на службу въ гвардію къ византійскому царю. При царѣ Никифорѣ Фокѣ (во второй половинѣ X вѣка) пріобрѣли за 1500 фунтовъ золотомъ помощь кіевскаго князя Святослава съ его полубродячей дружиной, увлекли его расчетомъ на добычу въ придунайскихъ владѣніяхъ болгаръ, и Святославъ разгромилъ болгарское царство, грозившее Константинополю. На случай вражды съ варягами и русскими византійцы старались выдвинуть противъ нихъ печенѣговъ, и ради этого платили имъ дань. Византія пріобрѣла вмѣстѣ съ тѣмъ обширные и важные рынки на сѣверѣ, въ областяхъ, прилегающихъ къ Черному морю. «Всѣ они жадны,—говоритъ византійскій писатель о сѣверныхъ народахъ,—и за малѣйшую услугу требуютъ непомѣрно высокой платы; нужно привыкнуть разъ навсегда встрѣчать спокойно ихъ дерзость; имъ хочется имѣть платья, какія носитъ царь, и золотыя украшенія, какія есть только въ алтарѣ св. Софіи».

Торговые обороты Византіи поднялись. Всѣ товары, шедшіе съ востока, изъ мусульманскихъ странъ, особенно тонкія ткани, пряности, сходились въ Константинополь. Часть ихъ покупалась византійцами, другая шла дальше на западъ или на сѣверъ. Но греки сами не ѣздили далеко съ товарами. Предметы торговли закупались и отвозились чужими купцами, а греки большею частью пользовались пошлиной въ 10% съ цѣны вывоза. Главными покупателями были итальянцы Венеціи (у Ад-

ріатическаго моря) и Амальфи, снабжавшіе ярмарки на западѣ; папы, итальянскіе и нѣмецкіе епископы выписывали изъ Византіи дорогія облаченія, храмовую утварь, художественныя бронзовыя двери для церквей. Константинополь сдѣлался посредникомъ въ торговлѣ запада и востока; византійскія золотыя монеты (византины) ходили по всей Европѣ.

Усиленіе Византіи въ концѣ X вѣка. Вслѣдствіе этого усиленія торговыхъ сношеній улучшились и денежныя средства Византіи. Правительство могло нанять больше солдатъ, надѣлить ихъ землей, увеличить флотъ, создать крупныя укрѣпленія.

Между тѣмъ ослабѣлъ и сталъ падать халифатъ, главный врагъ Византіи. Кромѣ того, Византія пріобрѣла на востокѣ важнаго союзника въ Арменіи. Армяне приняли христіанство отъ сирійцевъ: ихъ страна, состоявшая по большей части изъ малодоступныхъ горныхъ долинъ, могла служить оплотомъ противъ ислама. Много армянъ шло на службу Византіи; армянскіе военные поселенцы заняли цѣлую областъ на юговосточной окраинѣ Малой Азіи; это—такъ наз. Малая Арменія, бывшая Киликія. Нація эта дала Византіи рядъ даровитыхъ генераловъ и нѣсколькихъ царей (Никифоръ Фока, Іоаннъ Цимисхій). Изъ семьи армянскихъ колонистовъ Македоніи происходилъ Василій I, основатель *Македонской* династіи, которая правила съ перерывами отъ конца IX вѣка до середины XI (867—1056). Арабы сначала захватили старую (Великую) Арменію, но не могли въ ней удержаться. При помощи Византіи Арменія сильно поднялась въ X в.; ея правители признали себя зависимыми отъ царя.

Все это помогло Византіи вновь усилиться во второй половинѣ X в. и въ началѣ XI вѣка. Никифоръ Фока отвоевалъ у сарацинъ Критъ, главную стоянку мусульманскаго флота, занялъ Кипръ и вернулъ потерянную за 300 лѣтъ передъ тѣмъ Антіохію. Іоаннъ Цимисхій захватилъ часть Месопотаміи. Въ византійской лѣтописи записано объ его побѣдахъ: «народы были въ великомъ страхѣ отъ гнѣва Цимисхія. Земля была полна лагерей ромейскихъ. Мечъ христіанъ рѣзалъ враговъ, какъ серпъ». На сѣверѣ Цимисхій разбилъ засѣвшаго въ Болгаріи Святослава и принудилъ его уйти назадъ на Днѣпръ, гдѣ князь погибъ отъ печенѣговъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 988 году, сынъ Святослава, кіевскій князь Владиміръ, породнился съ царемъ Василіемъ II и принялъ вмѣстѣ со своимъ народомъ крещеніе изъ рукъ греческаго духовенства.

Это было крупнымъ успѣхомъ Византіи. Русская церковь стала зависѣть отъ греческой. Кіевскій митрополитъ получилъ утвержденіе отъ константинопольскаго патріарха; изъ Византіи прислали къ русскимъ часть духовенства (главнымъ образомъ болгаръ по происхожденію).

Богослуженіе установилось на болгарскомъ языкѣ, на который уже были переведены церковныя книги, и такимъ образомъ работой Кирилла и Меѳодія, сдѣланной для южныхъ и западныхъ славянъ, воспользовались славяне восточные. Князь кіевскій былъ важнымъ союзникомъ Византіи и не разъ выставлялъ для царя вспомогательное войско.

Наконецъ, Василій II, самый сильный изъ византійскихъ царей, въ упорныхъ войнахъ съ болгарами, среди невѣроятныхъ жестокостей (однажды были ослѣплены 15,000 плѣнниковъ, отсюда прозвище Василія—болгаробойца), уничтожилъ независимое болгарское государство. Болгарія стала византійской областью, но сохранила старое устройство податей: съ каждой пары быковъ взималось по мѣрѣ пшеницы и проса. Около 1020 г. византійское государство простиралось отъ морей, омывающихъ южную Италію, и отъ Дуная до Кавказскихъ горъ, Тигра и Аравійской пустыни. Оно опять удвоилось въ размѣрахъ, владѣло опять восточной половиной Средиземнаго моря и продвинуло свои колоніи до Крыма, гдѣ черезъ Херсонъ (по-русски Корсунь) велись сношенія съ сѣверными кочевниками. Государство приняло военный характеръ. Царя Василія II представляли на картинахъ въ полномъ вооруженіи, опирающимися на варяжскую сѣкиру, у его ногъ преклоненныхъ придворныхъ; кругомъ въ медальонахъ—святые Георгій, Димитрій и другіе въ панцыряхъ, со щитами и копьями въ рукахъ. Въ описаніяхъ византійскаго государства военныя его силы назывались «нервами ромейской державы».

Военно-крестьянскія поселенія. Успѣхи Византіи зависѣли отъ особаго военно-земледѣльческаго устройства ея въ X вѣкѣ. Государство того времени не могло опираться на большое народное войско, подобно современнымъ европейскимъ державамъ: оно не имѣло средствъ для содержанія такой массы солдатъ. Часть войска составляли иноплеменные наемники, люди на постоянномъ жалованьи. Другая часть, наиболѣе важная—всадники, столь необходимые въ борьбѣ съ кочевниками—составлялась изъ военныхъ поселенцевъ, т.-е. крестьянъ, обязанныхъ наслѣдственной военной службой; они получали отъ государства лишь земельный участокъ, должны были его сами обрабатывать и на доходы съ него кормить свою семью и снаряжаться для войны. Участки были различной величины, и сообразно этому служба съ нихъ была неодинакова. Владѣлецъ большого участка долженъ былъ являться на конѣ, владѣлецъ вдвое меньшаго служилъ въ военномъ флотѣ матросомъ; тѣ, у кого надѣлы были еще меньше, составляли по нѣскольку человѣкъ складчину, и каждая группа на общій счетъ снаряжала одного солдата изъ своей среды.

Для государства было очень важно, чтобы этотъ классъ людей

не разорялся и не уменьшался въ количествѣ. Въ одномъ законѣ X в. царь выражался такъ: «что въ человѣческомъ тѣлѣ голова, то въ государствѣ войско». Поэтому крестьяне-солдаты (стратіоты) пользовались облегченіемъ въ податяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ были связаны извѣстными условіями: они не имѣли права бросать свои участки, не могли ихъ продавать, уходить съ нихъ и избирать себѣ другое занятіе; участки считались государственной землей, а воины—какъ бы крѣпостными государства.

Усиленіе властелей и борьба съ ними царей. Но этотъ порядокъ было трудно удержать, и разныя обстоятельства разстраивали его. Рядомъ съ владѣніями стратіотовъ образовались крупныя помѣстья. Военныхъ начальниковъ жаловали такъ же, какъ солдатъ, землею, но въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Государственные сановники были обыкновенно также богатыми помѣщиками.

Стараясь расширить и округлить свои владѣнія, крупные землевладѣльцы пользовались всякимъ затрудненіемъ своихъ мелкихъ сосѣдей, чтобы скупать или отнимать ихъ участки. Въ голодные годы они вводили крестьянъ ссудой хлѣба въ неоплатный долгъ и забирали отданныя въ залогъ земли или покупали за безцѣнокъ разорившіеся дворы; гдѣ возможно было, даже выгоняли крестьянъ силой, въѣзжая во дворы со своими охотниками, сокольничьими, конюхами и слугами, сносили крестьянскія постройки и возводили свои усадьбы, замки и службы. Часть государственныхъ крѣпостныхъ воиновъ обнищала, многіе были вынуждены искать службы, пропитанія и покровительства у самихъ богатыхъ владѣльцевъ, предоставлять имъ за это свои земли, и богатые въ свою очередь отъ себя стали выдавать военные участки; такимъ образомъ крупные люди пріобрѣтали собственныхъ военно-крѣпостныхъ и окружали себя собственной военной свитой.

Рѣзкая разница въ имуществѣ между людьми стала такъ замѣтна, что все общество начали дѣлить на два разряда: «богатыхъ», или «могучихъ» властелей, и «бѣдныхъ», или «убогихъ». Особенно сильны были властели на восточной военной границѣ, въ Малой Азіи: здѣсь возвышались крупныя фамиліи съ княжескими владѣніями, Фоки и Склиры, грозившія опрокинуть власть царя. Въ то же время вслѣдствіе обнищанія крестьянъ уменьшалась военная сила, которой могло располагать правительство.

Цари X в., Константинъ VII Багрянородный, его зять и соправитель Романъ Лекапенъ, пытались ограничить захваты властелей, среди которыхъ были крупные сановники, военачальники, епископы и игумны. Цари взяли подъ охрану воинскіе участки, и вообще пробовали защищать крестьянъ или «бѣдныхъ», особенно послѣ голоднаго (927) года. Въ

указахъ говорится, что «возвысились люди, которые безстыдно захватываютъ чужое имущество и обращаются съ законными его обладателями, какъ съ рабами; могучіе люди наперерывъ другъ передъ другомъ стараются дѣлать зло; они болѣе жестоки, чѣмъ голодъ и зараза; мечъ закона долженъ быть поднятъ противъ этихъ внутреннихъ государственныхъ враговъ». «Отъ того, что богатые скупаютъ участки и отягчаютъ крестьянъ новыми повинностями,—говоритъ одинъ указъ,—уменьшается населеніе; а государство процвѣтаетъ, когда населеніе умножается: отъ этого богатѣетъ казна и растутъ средства, чтобы увеличивать войско и держать его въ хорошемъ порядкѣ».

Сначала цари объявили, что крестьянскіе участки не должны выходить изъ деревни, къ которой принадлежатъ. «Всякій долженъ обладать неприкосновенной осѣдлостью на родномъ мѣстѣ»; если же крестьянинъ вынужденъ продать свою землю, то ближайшее право покупки имѣютъ его родственники, потомъ сосѣди и односельчане. Затѣмъ цари признали крестьянскіе участки вообще неотчуждаемыми. Запрещено было подъ какимъ бы то ни было предлогомъ ихъ покупать, отнимать, брать въ подарокъ, вымѣнивать. Участки, забранные богатыми послѣ голода, должны были выдаваться назадъ за выкупъ прежнимъ владѣльцамъ; если участки были взяты неправильно или куплены за безцѣнокъ, то ихъ предписывалось отнимать у богатыхъ безъ всякаго вознагражденія, хотя бы новый помѣщикъ успѣлъ обстроиться и увеличить доходъ съ земли. Крестьянамъ было позволено поднимать тяжбы передъ судомъ и требовать возврата своихъ участковъ. Эти распоряженія много разъ подтверждались, и все съ большей и большей угрозой настаивали цари на изгнаніи новыхъ, несправедливо разбогатѣвшихъ владѣльцевъ. Но обыкновенно, издавая новый законъ, правитель признавался, что старые не исполняются. Властели всячески сопротивлялись и старались удержать захваченныя владѣнія. Судьи и намѣстники—сами по большей части были крупные землевладѣльцы—были на ихъ сторонѣ. Сынъ Константина Багрянороднаго, царь Романъ III, былъ свергнутъ и убитъ побѣдоносным генераломъ Никифоромъ Фокой, однимъ изъ малоазійскихъ властелей, и вдова царя отдала Никифору свою руку вмѣстѣ съ правами на престолъ.

Противъ ея сына Василія II, малоазійскіе властели, Склиры и Фоки, подняли возстаніе. Царь отвѣтилъ неслыханной крутостью. Возвращаясь изъ сирійскаго похода, Василій остановился дорогой въ Малой Азіи у богатаго властеля. Онъ былъ пораженъ обстановкой дворца и массой слугъ, рабовъ и крѣпостныхъ, изъ которыхъ владѣлецъ могъ составить цѣлое войско. Царь взялъ властеля съ собою въ столицу, задержалъ его тамъ и отобралъ въ казну огромныя его владѣнія. Было

объявлено въ законѣ, что въ «интересахъ государства разрушать большія земельныя имущества, скопляющіяся въ однѣхъ рукахъ, и въ особенности не давать имъ переходить по наслѣдству». Цари, предшественники Василія, допустили давность сорока лѣтъ, послѣ которыхъ купленный у крестьянина участокъ становился безспорнымъ достояніемъ новаго владѣльца. Василій лишилъ богатыхъ права ссылаться на давность владѣнія, если ихъ предки завладѣли крестьянской землей; сколько бы ни прошло времени, крестьянинъ могъ отыскивать и получать обратно свою собственность. Чтобы дать рѣзкій примѣръ, Василій наказалъ одного крупнаго сановника, поднявшагося изъ крестьянскаго званія и скупившаго родную свою деревню; у него была отнята вся земля и раздѣлена опять между крестьянами; царь велѣлъ снести выстроенный на ней дворецъ и перевести бывшаго владѣльца въ его прежнее крестьянское званіе.

Упадокъ византійскаго государства въ XI вѣкѣ. Несмотря на строгіе указы и отдѣльныя суровыя мѣры, правительство не могло сладить съ властелями, и ихъ господство все возрастало.

Послѣ Василія II цари XI в. покинули защиту крестьянства и стали выдавать въ награду за службу большіе населенные участки земли. Эти *проніи*, т.-е. земли, отданныя «на попеченіе», уступались въ пожизненное пользованіе вмѣстѣ съ работою людей, жившихъ на самой землѣ. Владѣтель (проніаръ) обязывался нести военную службу и платить подати за крестьянъ, отданныхъ подъ его покровительство. Такъ какъ казенныя земли, которыя можно было бы раздавать для этой цѣли, истощились, то подъ проніи скоро стали брать общинныя земли крестьянъ. Такимъ образомъ крестьяне лишились важнаго для нихъ запаса земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ переходили на обрюкъ и барщину къ проніарамъ. Классъ властелей отъ этого увеличился и усилился. Къ нему примкнули болѣе значительные проніары, а кромѣ того, крупные властели выдавали своимъ слугамъ проніи изъ собственныхъ земель. Правительство не имѣло болѣе въ своемъ распоряженіи массы мелкихъ военныхъ поселенцевъ и стало зависѣть отъ доброй воли властелей, располагавшихъ своими военными свитами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ возрасли и денежныя затрудненія. Доходы, которые Византія получала благодаря своему выгодному торговому положенію, начали сокращаться. Кочевники въ степяхъ нынѣшней южной Россіи все болѣе засоряли пути, по которымъ товары изъ Византіи шли на сѣверъ. Византійскіе чиновники примѣняли разнообразныя средства, чтобы поправить положеніе казны: набавляли и безъ того тяжелую подать, лежавшую на землѣ; ввели поголовный сборъ, падавшій на крестьянъ и получившій своеобразное названіе налога «на воздухъ».

Увеличеніе налоговъ вызывало волненія: народъ раздражался противъ сборщиковъ и преслѣдовалъ ихъ; однажды столичная толпа подступила ко дворцу, захватила и разорвала хранившіеся тамъ податные списки.

Въ то же время чиновники гражданской службы, окружавшіе царя, пытались уменьшить составъ войска, жалованье солдатъ и офицеровъ и забросить крѣпости. Но какъ разъ въ это время извнѣ стали напирать опасные враги, норманны на западѣ и турки на востокѣ, и такія сокращенія были некстати. Войско было недовольно и выдвигало своихъ вождей, которые старались захватить корону и въ свою очередь оттѣснить многочисленныхъ гражданскихъ чиновниковъ, составлявшихъ управленіе въ столицѣ.

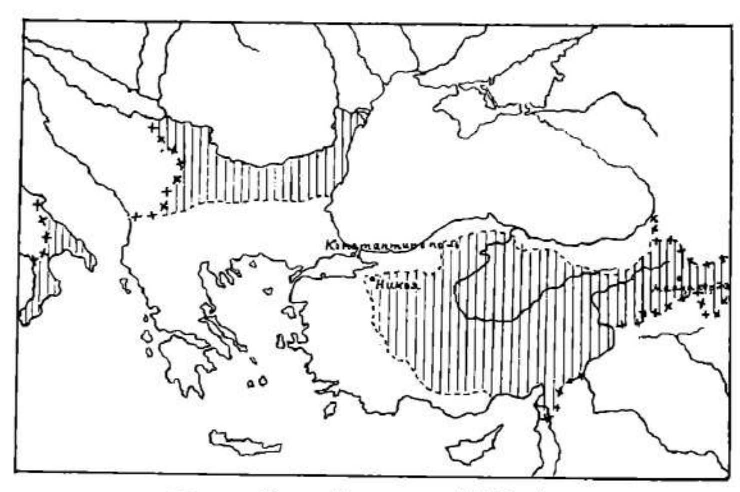
Въ 1057 году византійскіе генералы въ Малой Азіи сошлись и выбрали изъ своей среды царемъ Исаака Комнина, одного изъ малоазійскихъ властелей. Вступивъ въ Константинополь, военный правитель ясно показалъ свое недовѣріе къ гражданскимъ чинамъ. На первомъ пріемѣ сенаторы смотрѣли смущенно въ полъ; царь говорилъ кратко, повелительно и больше объяснялся жестами. Онъ уничтожилъ множество придворныхъ должностей, вернулъ въ казну пожалованныя прежнимъ царскимъ любимцамъ помѣстья, но вмѣстѣ съ тѣмъ отнялъ содержаніе у большого состава духовныхъ и ученыхъ людей, испытанныхъ въ управленіи.

Наступала очень грозная и смутная пора. Черезъ 40 лѣтъ послѣ сильнаго Василія II Византія испытала рядъ тяжелыхъ пораженій и вновь потеряла болѣе половины своихъ владѣній. Норманны изъ сѣверной Франціи утвердились въ Сициліи и прогнали оттуда сарацинъ. Затѣмъ они обратились противъ византійскихъ владѣній въ южной Италіи и вытѣснили грековъ отовсюду. Въ одинъ годъ съ потерей послѣдняго приморскаго города въ Италіи (1071 г.), Византія потерпѣла жестокое несчастіе на Востокѣ. Турки-сельджуки, поднявшіеся на службѣ у халифовъ, перешли изъ Туркестана въ Переднюю Азію и образовали самостоятельное государство. Они разгромили Арменію, захватили Сирію и всю почти Малую Азію, кромѣ сѣверной и западной береговой полосы. Султанъ Альпъ Арсланъ («храбрый левъ») въ большой двухдневной битвѣ про Манцикертѣ въ Арменіи разбилъ и взялъ въ плѣнъ выступившаго противъ него византійскаго царя Романа IV.

Турки легко утвердились въ Малой Азіи. Мѣстные крестьяне, частью мусульмане, частью еретики, охотно признали турокъ, такъ какъ новые господа обложили ихъ лишь поголовной податью, но дали имъ свободу отъ крѣпостной работы. Обширныя земли, опустошенныя турками, большею частью погибли для земледѣлія; на нихъ водворилось скотоводство кочевниковъ. Понятіе о величіи имперіи дѣйствовало и на турокъ: турецкій султанъ принялъ имя императора ромеевъ, а свою держа-

ву со столицей въ Никеѣ турки назвали Румъ, т.-е. римской, какъ будто они замѣстили собою римлянъ. Дѣло становилось все хуже для Византіи. Турки подвигались къ столицѣ, а норманскій предводитель Робертъ Гюискардъ переправился черезъ Адріатическое море и началъ завоеваніе западныхъ частей Балканскаго полуострова. За Византіей остались лишь берега по обѣ стороны Эгейскаго моря и вдоль проливовъ, ведущихъ къ Черному морю. Но и эти владѣнія можно было удержать только съ помощью наемныхъ солдатъ, взятыхъ изъ среды тѣхъ же завоевателей, турокъ и норманновъ.

Тяжелое настроеніе создали эти неудачи. Одни видѣли въ нихъ казнь Божію за еретическія мнѣнія въ народѣ. Другіе видѣли причину бѣды въ общемъ упадкѣ нравовъ, узкомъ себялюбіи людей, слабости ихъ воли.

Потери Византіи въ концѣ XI вѣка.

«Почему,—спрашиваетъ одинъ писатель,—древніе римляне имѣли столько успѣха, а ихъ потомки, несмотря на свою принадлежность къ христіанской вѣрѣ, терпятъ одни несчастія? Вѣрно, Господь судитъ не взгляды людей, а ихъ сердце и ихъ образъ жизни; римлянъ, хотя они были язычники, Онъ благословлялъ, пока они были справедливы и стояли за правду».

Византійская образованность. Усиленіе Византіи въ X и XI вв. совпадаетъ съ возрожденіемъ науки и литературы. Въ VIII в., во времена иконоборства, просвѣщеніе стояло очень низко. Византійцы какъ будто забыли свою связь съ греческой культурой. Со второй половины IX в. обновился интересъ къ старинѣ. Стали обращаться опять къ древнимъ греческимъ писателямъ, историкамъ, географамъ, юристамъ, поэтамъ. Нерѣдко приходилось отыскивать и возстановлять утраченныя или испорченныя рукописи; главное вниманіе ученые сначала обратили на ихъ собираніе и толкованіе.

Въ слѣдующемъ X в. знанія настолько расширились, что многіе чувствовали необходимость привести ихъ въ порядокъ и связать въ одно цѣлое: хотѣли имѣть «общеполезное твореніе», собраніе опыта вѣковъ, данныя котораго могли бы служить для жизни. Это привело къ составленію огромныхъ сводовъ свѣдѣній и понятій по различнымъ областямъ науки, литературы и управленія. Болѣе всего надъ этимъ дѣломъ работалъ самъ и руководилъ такими работами одинъ изъ царей македонской династіи, Константинъ VII Багрянородный, малоспособный правитель, но добросовѣстный ученый. Въ предисловіи къ одному изъ большихъ сборниковъ, составленныхъ по указаніямъ Константина, говорится, что «матеріалъ исторіи доросъ до предѣловъ необъятныхъ и неодолимыхъ»; поэтому цѣль работы—соединить важнѣйшія выдержки изъ писателей старыхъ и новыхъ. Весь матеріалъ событій и историческихъ поученій прошлаго расположенъ тутъ по необычнымъ для насъ отдѣламъ, которые носятъ такіе заголовки: о посольствахъ, о заговорахъ, о достоинствахъ и недостаткахъ людей, о военномъ дѣлѣ и т. д. Самому Константину принадлежитъ подробное описаніе безконечныхъ и торжественныхъ придворныхъ церемоній Константинополя и сочиненіе объ управленіи государства и о сосѣднихъ съ Византіей странахъ и народахъ (между прочимъ о русскихъ).

Сто лѣтъ спустя, при царѣ Константинѣ IX Мономахѣ, въ столицѣ была возстановлена высшая школа: одно ея отдѣленіе служило изученію литературы древней греко-римской и старинной христіанской; другое, вновь учрежденное, служило изученію права. Назначая главу (ректора) новой школы, царь писалъ въ грамотѣ: «законы не должны быть темны, какъ изреченія оракула; подобно тому какъ стража оберегаетъ государя, такъ наука должна окружать и охранять законы». Преподаваніе было даровое для бѣдныхъ, но чтобы стать судьей, адвокатомъ и нотаріусомъ и т. д., было необходимо прослушать въ ней курсъ наукъ.

Раздѣленіе церквей. Въ X и XI вв. византійцы стали самымъ образованнымъ народомъ въ европейскомъ и азіатскомъ мірѣ. Въ то же время Византія представляла оплотъ христіанства на востокѣ, выдерживая тяжелую борьбу противъ ислама и кочевниковъ. Западная Европа казалась византійцамъ погруженной въ варварство. Новый Римъ считалъ себя выше стараго. По этому поводу были постоянные споры между римскимъ папою, главою западной церкви (*латинской* по языку богослуженія), и главнымъ духовнымъ владыкой востока, константинопольскимъ патріархомъ.

Папы ссылались на старинныя соборныя постановленія, которыя давали имъ первое мѣсто среди епископовъ и положеніе посредниковъ въ церковныхъ спорахъ: они пытались поэтому вмѣшиваться въ дѣла

византійской церкви. Папы стали независимы отъ византійскаго царя въ VIII в. во время иконоборства, а въ 800 г. утвердили франкскаго вождя императоромъ запада. Греки долго не хотѣли признавать самостоятельной западной имперіи: въ ихъ глазахъ лишь византійскій царь былъ императоръ и вселенскій государь, остальные правители могли быть только низшими мѣстными вождями, королями. Константинопольскіе патріархи, правившіе вмѣстѣ съ императорами, ставили себя наравнѣ съ римскими папами или даже выше ихъ.

Послѣ Николая и Фотія споры между старымъ и новымъ Римомъ возобновились. Всякій разъ, когда поднимались несогласія, спорившіе напоминали о тѣхъ или другихъ различіяхъ въ догматѣ и обрядѣ (греки ставили въ вину латинянамъ причащеніе прѣснымъ хлѣбомъ, безбрачіе духовенства и прибавленіе къ символу—filioque, т.-е. ученія объ исхожденіи Св. Духа также Сына); но не эти различія вызывали и поддерживали рознь.

Главная причина разъединенія состояла въ томъ, что все больше и больше расходились судьбы Византіи и запада. Торговля и просвѣщеніе связывали Византію съ азіатскими и восточно-европейскими странами; напротивъ, слабѣе становилась связь ея съ западной Европой. Рѣшительный ударъ византійскимъ сношеніямъ съ западомъ нанесли норманны, отнявши у грековъ южную Италію и разрушивъ торговлю Амальфи съ Константинополемъ. Притязанія греческой церкви не могли больше распространяться за Адріатическое море; Италія стала въ церковныхъ дѣлахъ слушаться исключительно папы. Къ XI вѣку опредѣлилась участь обѣихъ церквей: греческая соединилась съ большинствомъ славянъ, латинская—съ народами запада; ихъ пути разошлись окончательно. Это было какъ бы *раздвоеніе* христіанской церкви, но споръ духовенства придалъ ему видъ *разрыва*.

До половины XI в. Римъ и Константинополь обмѣнивались посольствами. Цари большею частью были сторонниками союза съ Римомъ и папой. Въ Константинополѣ было много латинскихъ церквей, которыя посѣщались итальянскими купцами и богомольцами разныхъ странъ, направлявшимися въ Іерусалимъ. Патріархъ Михаилъ Керуларій, нетерпимый и властный, закрылъ латинскія церкви и громко поднялъ старыя обвиненія противъ Рима. Папа Левъ IX, несмотря на то, что царь Константинъ IX Мономахъ былъ на его сторонѣ, не сумѣлъ уладить дѣла; посланные имъ уполномоченные держали себя въ Константинополѣ рѣзко, и патріархъ отказался вести съ ними переговоры; тогда латинскіе послы положили въ Софійскомъ соборѣ на алтарѣ грамоту съ осужденіемъ и проклятіемъ патріарха и его сторонниковъ. Керуларій созвалъ соборъ и отвѣтилъ папѣ тѣмъ же самымъ (1054 г.).

Хотя это дѣло было повтореніемъ Фотіева, и самъ Керуларій скоро былъ свергнутъ Исаакомъ Комниномъ, однако Римъ и Константинополь были уже такъ чужды другъ другу, что примиренія больше не произошло. Раздѣлившіяся церкви стали называться *римско-католической* и *православной* (или греко-католической). Первая рано пріобрѣла независимость отъ свѣтской власти и старалась потомъ даже стать выше свѣтскихъ державъ; вторая, напротивъ, по примѣру византійскаго духовенства, легко подчинялась мѣстнымъ государямъ, какъ христіанскимъ, такъ и иновѣрнымъ.

Въ концѣ XI в. Византія, отрѣзанная отъ запада, обѣднѣвшая, стояла передъ страшнымъ врагомъ на востокѣ, который въ концѣ-концовъ одолѣлъ и уничтожилъ ее. Но ослабленное государство просуществовало, все сокращаясь, еще болѣе 250 лѣтъ; въ XII в. натискъ мусульманъ былъ остановленъ крестовыми походами, т.-е. движеніемъ на востокъ западныхъ христіанъ.

II.

Западная Европа отъ 600 до 1100 года.

3. Германскіе народы и римская церковь.

Западная Европа. Долгое время культура держалась въ странахъ теплой полосы, лежащей по обѣ стороны Средиземнаго моря. Весь бытъ грековъ, римлянъ, сирійцевъ, египтянъ связанъ съ мягкимъ климатомъ, гдѣ нѣтъ зимы: дома, лишенные отопленія, легкая одежда людей, ихъ умѣренная, большею частью растительная пища, постоянное пребываніе подъ открытымъ небомъ. Совсѣмъ инымъ казался бытъ сѣверянъ, жившихъ за этой полосой. Народы средиземноморскіе представляли себѣ варваровъ одѣтыми въ звѣриныя шкуры, проводящими у огня длинные зимніе вечера; ихъ край рисовали мрачнымъ и непривѣтливымъ, море—бурнымъ, лѣса—недоступными. Римляне описываютъ ихъ бѣлую полотняную одежду изъ льна, плотно прилегающую къ тѣлу, покрывающую руки и ноги, ихъ мѣховые плащи и шапки. Сѣверный домъ, деревянная-ли изба, землянка, покрытая крышей изъ вѣтвей и навоза, или большая княжеская зала согрѣваются большимъ очагомъ или печью. Холодный климатъ заставляетъ варваровъ съѣдать больше мяса; они сѣютъ меньше хлѣба и держатъ большія стада свиней; послѣ жирной ѣды выпивается много браги или пива.

Однако въ этихъ дикихъ и пустынныхъ странахъ за полторы тысячи лѣтъ до нашего времени стала возникать новая жизнь. Появились города, населеніе размножилось и постепенно перевѣсило южныя области. Народности, образовавшіяся въ западной части средней Европы, особенно французы, англичане и нѣмцы, далеко превзошли древнихъ грековъ и римлянъ въ просвѣщеніи; изъ своего края они двинулись въ свою очередь на завоеваніе и заселеніе восточной Европы и другихъ частей свѣта, Африки, Америки и Азіи.

Естественныя преимущества Западной Европы теперь намъ хорошо видны. Большія равнины представляютъ плодородную почву, выгод-

ную для хлѣбопашества и разведенія крупнаго скота. Въ различныхъ мѣстахъ есть рудныя богатства, особенно желѣзо, каменный уголь и соль. Широкія, небыстро текущія рѣки облегчаютъ сношенія. Вся длинная изрѣзанная заливами западная окраина открыта къ океану, и странствователь или колонистъ безъ препятствій можетъ выйти въ далекій путь къ другимъ материкамъ.

Но заселить и разработать этотъ край было гораздо труднѣе, чѣмъ страны, лежащія у Средиземнаго моря. Вначалѣ большую его часть покрывала тайга, необитаемая и неподдающаяся правильной вырубкѣ. Его сырой климатъ позволялъ держаться громаднымъ озерамъ и болотамъ. Рѣки, въ наше время текущія въ спокойныхъ руслахъ, тогда представляли дикіе потоки: прорываясь через первобытный лѣсъ, онѣ разбивались на безпорядочные рукава съ порогами и заторами, то загороженные стволами и каменьями, то свергающіеся стремнинами и водопадами: по нимъ нельзя было ѣздить, вдоль нихъ не было поселеній.

Жители средней Европы долго были плохими земледѣльцами; они умѣли увеличивать свое скудное пропитаніе только добычей отъ набѣговъ, особенно на ближнихъ сосѣдей, при чемъ нерѣдко истребляли другъ друга, или же люди, составлявшіе лишніе рты въ племени, уходили и искали счастья въ наемной службѣ у чужихъ. Вслѣдствіе этой бѣдности племена были мелки и малочисленны и не имѣли прочныхъ поселеній; потому также народамъ средней Европы трудно было загородиться отъ кочевниковъ, вновь прибывшихъ изъ восточныхъ степей. Впервые стали соединяться въ болѣе крупныя массы тѣ народцы, которые были въ близкомъ сосѣдствѣ съ имперіей, получали отъ римлянъ товары, свѣдѣнія, оружіе и деньги, а потомъ увлеклись завоеваніемъ римскихъ областей. Но эти завоеватели, готы, франки и другіе, загородили оставшимся племенамъ пути на западъ и югъ. Стѣсненное теперь со всѣхъ сторонъ, населеніе средней Европы поневолѣ должно было устремиться на разработку своей земли, выжигать первобытные лѣса и расширять свои поселенія.

Романскія и германскія страны. Въ VII вѣкѣ нынѣшнія страны Испанія, Англія, Франція, Германія, Италія, Голландія и Бельгія, Швейцарія, Данія и Скандинавія были захвачены германскими племенами. Но германцы были различно распредѣлены въ этихъ областяхъ. Если провести по картѣ косую черту черезъ западную Европу отъ пролива, отдѣляющаго Ирландію и Англію, до восточнаго угла Альпъ, то направо окажутся земли, сплошь занятыя германцами (это были англосаксы въ Британіи, франки по Рейну, саксы въ сѣверной Германіи, бавары и др.); налѣво—германцы поселились разрозненно, колоніями, среди болѣе многочисленнаго стараго населенія (таковы были въ Испаніи западные готы, въ

сѣверной и средней Галліи франки, на Ронѣ бургунды, въ сѣверной и средней Италіи лангобарды). Въ первыхъ германцы сохранили свой языкъ и удержали дольше черты прежняго устройства. Въ послѣднихъ они скоро потеряли свои особенности, приняли языкъ туземнаго населенія, говорившаго на романскихъ нарѣчіяхъ, и отчасти усвоили его нравы и строй. Это различіе чисто *германскихъ* и смѣшанныхъ *романскихъ* народовъ ясно было видно около 700 года. Тѣ и другіе очень измѣнились съ тѣхъ поръ, во многомъ сблизились. Но между ними осталась и разница, особенно въ языкѣ, и пограничная черта до сихъ поръ проходитъ тамъ же, гдѣ и въ VIII вѣкѣ.

Натуральное хозяйство. Со времени поселенія варваровъ (какъ римляне называли германцевъ) прежнія области западной части имперіи сильно одичали. Большія сооруженія римлянъ, ихъ крѣпости, водопроводы, превосходныя дороги, проведенныя изъ Италіи черезъ Альпы къ Рейну и Дунаю и черезъ Галлію къ океану, пришли въ упадокъ. Въ государствахъ, основанныхъ германцами, не было казны, и съ населенія не собирали налоговъ; поэтому не было средствъ, чтобы поддерживать эти крупныя постройки и приспособленія. Въ нихъ однако чувствовали мало нужды, такъ какъ сношенія съ отдаленными странами ослабѣли и потребности понизились. Правильный подвозъ товаровъ съ востока прекратился: въ VII в. на западѣ не видѣли болѣе азіатскихъ матерій или греческой посуды, какъ это было во времена имперіи. Люди большею частью носили домодѣльную одежду, и пользовались орудіями, сработанными на мѣстѣ.

Деньги сдѣлались рѣдкостью. Онѣ не имѣли постояннаго оборота, а большею частью сохранялись въ кладовыхъ и ларяхъ съ другими драгоцѣнностями. Зависимые крестьяне и рабы не платили землевладѣльцамъ денегъ, а служили *натурой*, т.-е. работой и предметами: доставляли долю урожая со своего поля, извѣстное количество скота и домашней птицы со своего двора или приводили лошадей своихъ на работу, помогали подвозить на своихъ телѣгахъ хозяйскіе запасы, приходили косить, полоть и жать на господскихъ лугахъ, огородахъ и нивахъ.

Землевладѣльцы также не платили королю денегъ. Онъ не собиралъ податей и не держалъ войска на жалованьи. Люди, обязанные служить ему, вооружались сами и снаряжали на свой счетъ отряды, отправлялись въ походъ на условленное время или исполняли какое-нибудь порученіе короля, разбирали тяжбы, усмиряли возстаніе въ городѣ, провожали королевскихъ гостей или купцовъ. Король вознаграждалъ такихъ слугъ своихъ также натурой, давалъ имъ земли съ усадьбой, охоту въ участкѣ своего лѣса или рыбную ловлю въ озерѣ или же право собирать въ гавани, у моста, въ горномъ проходѣ взносы (товарами) съ

проѣзжающихъ или, наконецъ, право судить въ извѣстномъ округѣ, т.-е. также собирать съ тяжущихся взносы за разбирательство дѣлъ.

Законы варваровъ. Старинное населеніе бывшихъ римскихъ областей сохранило свои обычаи; владѣнія римлянъ могли переходить по завѣщаніямъ къ любому наслѣднику, германцы же признавали лишь права родственниковъ. На судѣ у римлянъ, судья самъ велъ разбирательство дѣла на основаніи показаній свидѣтелей, а не предоставлялъ тяжущимся спорить и биться оружіемъ, какъ это было у варваровъ. Германскіе вожди были вынуждены сохранить за своими римскими подданными привычные имъ порядки, оставить имъ ихъ старый судъ; король западныхъ готовъ въ Испаніи даже поручилъ собрать главнѣйшіе римскіе законы и составить изъ нихъ для романскаго населенія запись, «сокращенное руководство».

По примѣру римлянъ германцы стали составлять записи своихъ собственныхъ обычаевъ. Эти записи, «законы», какъ они названы по-латыни, мы называемъ Правдами по сходству ихъ съ Русской Правдой. Запись поручали составить знатокамъ старины; если приходилось устанавлять новыя правила, король созывалъ собраніе вождей, епископовъ и народа и «издавалъ», т.-е. возвѣщалъ, законъ.

Законы германцевъ составлены на очень грубомъ латинскомъ языкѣ. Ихъ главная цѣль—установить порядокъ при разныхъ столкновеніяхъ между людьми и помочь дѣлу суда. Поэтому въ нихъ опредѣлены штрафы за различные проступки и выкупы (*вергельдъ*) за убійство или поврежденіе людей; и штрафы въ пользу короля или народа, и еще болѣе выкупы въ пользу близкихъ различаются въ цѣнѣ, смотря по тому, какого сословія потерпѣвшій—знатнаго или простого; обидчикъ, уплативъ должное, не подвергается наказанію. Это—варварская черта; римскій законъ, напротивъ, признаетъ за личностью одинаковую цѣну независимо отъ званія и, кромѣ того, преслѣдуетъ обидчика, какъ лицо, опасное для общества. Самая старинная изъ этихъ записей—*Салическій Законъ*, или Правда салическихъ франковъ, составленная еще до принятія франками христіанства въ V в.

Лангобарды. Самый замѣчательный по своей стройности и отчетливости—*Лангобардскій Законъ*, или «эдиктъ» короля Ротари въ половинѣ VII вѣка.

Лангобарды жили раньше на берегахъ средняго Дуная и вступили въ Италію необузданно-дикимъ племенамъ, пугавшимъ населеніе своимъ страшнымъ видомъ съ нависшими по щекамъ, сплетавшимися съ бородой волосами и татуированнымъ въ зеленую краску лицомъ (около 570 г.). Они безжалостно рѣзали туземцевъ и жгли селенія. Ихъ вождь, Альбоинъ, на пирахъ пилъ изъ черепа убитаго противника.

Лангобарды составляли при завоеванiи военное сословiе, раздѣленное на роды; господствующiя семьи владѣли большими стадами свиней и жили на счетъ земледѣльческой работы своихъ крѣпостныхъ, альдiоновъ. Въ Италiи лангобарды сначала обратили все туземное населенiе въ такое же подчиненное положенiе. У римлянъ было отнято городское управленiе; въ столкновенiяхъ между ними и лангобардами дѣйствовалъ лангобардскiй обычай.

Но скоро бытъ лангобардовъ измѣнился. Они обратились изъ странствующаго войска въ осѣдлыхъ землевладѣльцевъ, многiе лангобарды поселились въ городахъ, и съ этой перемѣной разрушились ихъ старинные роды. Власть королей, назначавшихъ по областямъ герцоговъ, стала сильнѣе. Король перестал странствовать со своей свитой изъ одного помѣстья въ другое. Онъ сталъ жить въ укрѣпленной *Павiи*, гдѣ стоялъ его дворецъ и находилась его казна. Въ своемъ эдиктѣ Ротари подражаетъ выраженiямъ законодательства императора Юстинiана: онъ хочетъ добиться, чтобы всякiй въ государствѣ жилъ спокойно по праву и закону и могъ оберечь свое имущество.

Черезъ 150 лѣтъ послѣ завоеванiя лангобарды слились съ туземцами, и въ странѣ установилось одинаковое право для всѣхъ свободныхъ людей; въ военной службѣ они дѣлились на «сильныхъ, второстепенныхъ и меньшихъ» по богатству. Лангобарды стали говорить на романскомъ нарѣчiи; у нихъ сохранились героическiя сказанiя о старинѣ, но ихъ образованность уже была чужая, латинская.

Города и епископы. Германцы разорили множество городовъ и сами селились большею частью въ деревняхъ и хуторахъ; но все же въ Италiи, южной Галлiи и Испанiи остались города. Въ нихъ частью сохранились старые римскiе порядки: сенатъ изъ зажиточныхъ помѣщиковъ и домовладѣльцевъ, выборные отъ города судьи и полицейскiе начальники, ремесленные союзы съ обязанностью поставлять на городъ припасы и участвовать въ его защитѣ. Въ городахъ сохранилось также самое важное римское учрежденiе, именно власть *епископовъ*. Не даромъ св. Амвросiй въ концѣ IV в. говорилъ при видѣ вторженiя германцевъ, что «волны варваровъ разбиваются о скалы церкви». Епископы, съ основанiя церкви управлявшiе имуществомъ христiанскихъ общинъ, распоряжались теперь, въ V—VI вв., огромными владѣнiями, которыя составились изъ благочестивыхъ вкладовъ и завѣщанiй. Но они имѣли силу и въ общегородскихъ дѣлахъ.

По большей части епископы избирались изъ старинныхъ видныхъ римскихъ фамилiй. Ихъ избранiе очень занимало городское населенiе. Епископъ обыкновенно былъ богатъ и опирался на большое родство. Отъ него зависѣло избранiе и назначенiе лицъ, управляющихъ городомъ,

онъ имѣлъ надзоръ за расходованіемъ городскихъ денежныхъ средствъ, руководилъ общественными работами на пользу города; епископъ считался особымъ покровителемъ низшихъ классовъ населенія, которые шли къ нему со своими жалобами. Власть епископовъ производила впечатлѣніе на варваровъ. Проклятія и благословенія, произносимыя епископами, крестные знаки, которыми они скрѣпляли свои грамоты, были въ глазахъ варваровъ дѣйствіями вѣщей, таинственно страшной силы.

Наконецъ, епископы стояли не одиноко каждый въ своей области; они были въ постоянныхъ взаимныхъ сношеніяхъ, переписывались, поддерживали другъ друга. Особенно важны были сношенія *римскаго* епископа съ епископами другихъ городовъ; они напоминали прежнія сношенія римскаго императора съ военными вождями и намѣстниками провинцій. Римской имперіи не было больше, но изъ Рима еще шли совѣты, рѣшенія и приказы.

Римская церковь. Римскіе епископы съ самаго начала, еще при языческихъ императорахъ, считались выше другихъ. Это объясняется первенствомъ надъ другими городами Рима, который люди того времени привыкли называть «вѣчнымъ городомъ», «средоточіемъ міра». На римскаго епископа перешло названіе стариннаго великаго жреца древняго Рима (понтифексъ); другое обычное его имя было—папа, «отецъ». Римъ, правда, позднѣе многихъ другихъ городовъ принялъ христіанство. Но въ христіанской церкви его стали считать старшей общиной. Утвердилась вѣра, что первымъ епископомъ Рима былъ старшій апостолъ, Петръ, которому Спаситель сказалъ слова: «ты—Петръ, и на семъ камнѣ Я создамъ церковь Мою, и врата адовы не одолѣютъ ея». Въ Римѣ показывали и могилу св. Петра, которая съ каждымъ годомъ привлекала все болѣе и болѣе богомольцевъ. Въ церковныхъ спорахъ рано стали обращаться къ ихъ третейскому суду. Вселенскіе соборы IV в. признали за ними первое мѣсто въ церкви и первый голосъ въ церковныхъ собраніяхъ.

Еще выше поднялось значеніе римскихъ епископовъ, когда области запада стали переходить въ руки варваровъ. Императорская власть сначала ослабѣла въ Италіи, потомъ исчезла вовсе (476 г.). На защиту населенія передъ лицомъ варварскихъ вождей выступали римскіе епископы. Когда гунны подъ предводительствомъ Аттилы ворвались въ Италію, и императоръ бросилъ столицу, изъ Рима явилось посольство съ епископомъ Львомъ I во главѣ и склонило Аттилу уйти изъ страны.

Когда на западѣ утвердились варвары, области романскія стали быстро отставать отъ восточно-греческихъ. Духовенство на западѣ далеко уступало въ просвѣщенности восточному: оно мало интересовалось тонкими и сложными спорами о догматахъ, которые велись на

востокѣ. Папы иногда жаловались, что не могутъ найти во всемъ Римѣ ни одного образованнаго человѣка для отправленія посломъ къ императору. При избраніи папы не искали человѣка съ литературнымъ образованіемъ; главное, что отъ него требовалось,—это чтобы онъ зналъ наизусть псалмы, умѣлъ толковать ихъ сокровенный смыслъ и пѣть ихъ. Папы раздѣляли народные предразсудки, въ которыхъ сохранились старинныя языческія вѣрованія: когда Тибръ выходилъ за берега, папа заклиналъ наводненіе обрядами и торжественнымъ церковнымъ ходомъ по городу. Во время луннаго затменія папа вмѣстѣ съ народомъ взиралъ съ ужасомъ на «окровавленный ликъ страдающаго свѣтила».

Въ VI в. связь между различными частями прежней имперіи ослабѣла и разорвалась. Римъ нѣсколько разъ брали варвары и византійскія войска; крупныя старинныя сооруженія лежали въ развалинахъ. Италія переживала особенно тяжелую пору со времени прихода страшныхъ лангобардовъ, которые опустошили почти весь полуостровъ и не разъ подступали къ стѣнамъ стараго Рима. Лангобарды отрѣзали западный берегъ Италіи и Римъ отъ сообщенія съ восточнымъ и отъ Византіи. Среди этихъ бѣдствій римскому епископу приходилось самому принимать мѣры для защиты и охраны населенія. Его власть надъ населеніемъ Рима и Италіи, его самостоятельность въ дѣлахъ свѣтскихъ еще болѣе возросли.

Папа Григорій I. Въ 590 г. папой сталъ Григорій I, выбранный единодушно духовенствомъ и народомъ. Онъ былъ изъ очень богатой старинной аристократической семьи; сначала онъ шелъ по свѣтской службѣ и сталъ префектомъ (градоначальникомъ) Рима. Его видали на улицахъ въ тонкой шелковой одеждѣ, украшенной драгоцѣнными каменьями; какъ вдругъ увлеченный монашескимъ движеніемъ, онъ постригся и отдалъ свое большое состояніе на устройство семи монастырей. Одинъ изъ папъ оторвалъ его отъ тиши монастыря и назначилъ діакономъ, т.-е. поручилъ ему управленіе имуществомъ римской церкви; позднѣе Григорій былъ отправленъ посломъ папскаго двора въ Константинополь и защищалъ передъ императоромъ интересы Рима.

Избранный папою, Григорій I открылъ свое управленіе большимъ очистительнымъ обрядомъ, чтобы отвратить свирѣпствовавшую въ то время чуму. Къ церкви Божіей Матери двинулись съ разныхъ концовъ города монахи и все населеніе, дѣти и взрослые, съ духовенствомъ во главѣ, всѣ въ черныхъ платьяхъ, съ покрывалами на головахъ. Народъ собрался семью большими отрядами отъ семи приходовъ города; это новое церковное дѣленіе замѣнило прежнее раздѣленіе Рима на свѣтскіе кварталы; начальниками частей были семь діаконовъ римской церкви. Папа вмѣстѣ съ народомъ вѣрилъ въ близкую кончину міра и видѣлъ въ войнѣ и голодѣ знаки ея приближенія.

Но въ то же время онъ горячо дѣйствовалъ, чтобы ослабить нужду населенія. Онъ выкупалъ у лангобардовъ плѣнныхъ римлянъ, велъ съ варварами переговоры и откупался отъ ихъ нападенія. Мало того, въ стѣны Рима и другихъ уцѣлѣвшихъ около берега городовъ устремлялось множество бѣглецовъ и людей, обнищавшихъ отъ лангобардскихъ грабежей. Папа принималъ на себя прокормленіе этого множества народа. Изъ огромныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, принадлежавшихъ церкви, выдавалось бѣдному населенію зерно, какъ въ свое время это дѣлало правительство при республикѣ и имперіи. Въ началѣ каждаго мѣсяца бѣднякамъ въ Римѣ помимо того раздавали вино, овощи, мясо, рыбу, масло и т. п. Въ папскомъ дворцѣ хранился огромный списокъ, гдѣ обозначены были имена и положеніе различныхъ лицъ, жителей Рима или другихъ иногда очень отдаленныхъ общинъ, которыя имѣли право на полученіе помощи отъ церкви въ томъ или другомъ видѣ.

Управленіе вотчиной св. Петра. Римскій епископскій дворъ имѣлъ для этого средства, потому что располагалъ огромнымъ хозяйствомъ. Раздаваемые припасы и пособія не закупались, а получались изъ церковныхъ имѣній, разбросанныхъ по всему протяженію Италіи и Сициліи. Эти имѣнія, полученныя путемъ благочестивыхъ вкладовъ, дареній и завѣщаній, образовали собою очень большую «вотчину св. Петра». Папы считали себя только распорядителями вотчины апостола. Хозяйство ея велось такъ же, какъ хозяйство крупныхъ владѣтелей и самихъ императоровъ во времена имперіи. Но управляющіе, приказчики, старосты и сборщики были духовныя лица, получали постриженіе и приносили клятву вѣрности у гроба св. Петра.

Въ каждомъ отдѣльномъ имѣніи былъ господскій дворъ съ землею; остальная часть имѣнія была подѣлена на небольшіе участки, которыми владѣли свободные крестьяне и крѣпостные *колоны*. Колоны были обязаны помощью въ работѣ на господскомъ дворѣ (барщиной) и взносами въ видѣ извѣстныхъ предметовъ. Собирали эти взносы и управляли барщиной колоновъ особые приказчики, *кондукторы*, которымъ выдавался небольшой хозяйскій дворъ изъ господской усадьбы. Надъ всѣми имѣніями цѣлаго округа былъ поставленъ управляющій, *ректоръ* вотчины, похожій на прежняго императорскаго намѣстника области. Черезъ руки этихъ управляющихъ проходили взносы, и они давали отчетъ папскому двору по выданнымъ отъ церкви спискамъ. Управляющіе судили колоновъ, ихъ старостъ и приказчиковъ. Въ Римѣ у папы была большая опись земель, владѣній и доходовъ. Онъ держалъ обширную канцелярію и располагалъ для завѣдованія имѣніями, складами и кассами и для раздачъ цѣлымъ штатомъ чиновниковъ.

Богатствомъ, запасами и искуснымъ управленіемъ римской церкви

старалось воспользоваться византійское правительство въ защитѣ своихъ итальянскихъ владѣній. Папу просили принимать и хранить въ своихъ магазинахъ хлѣбъ, который предназначался для прокормленія имперскихъ войскъ, стоявшихъ въ Римѣ и другихъ городахъ. Такъ какъ папская касса была всегда полна денегъ, то на ея счетъ переписывали всѣ суммы, которыя приходились выплачивать солдатамъ и другимъ служащимъ; папа былъ итальянскимъ казначеемъ восточнаго императора. Для покрытія этихъ выдачъ ему предоставляли получать сборъ государственныхъ податей. Правительство освобождалось этимъ способомъ отъ тратъ и риска далекой отправки денегъ за море, но зато отдавало часть управленія въ руки папы. Частныя лица также пользовались большою денежной силой римской церкви. Когда нужно было послать крупную сумму, напр., изъ Рима въ Сицилію, отправитель выплачивалъ ее въ кассу папы, точно въ банкъ, а получателю та же сумма платилась въ Сициліи изъ доходовъ съ тамошнихъ владѣній папскаго двора.

Григорій I очень умѣло завѣдовалъ всѣми сторонами большого и сложнаго церковнаго хозяйства. Но онъ выдавался также какъ богословъ, поэтъ, композиторъ. Онъ написалъ *Бесѣды*, гдѣ собраны народныя сказанія о чудесахъ и святыхъ, а также видѣнія загробной жизни, составилъ церковныя пѣсни и ввелъ въ церкви близкое къ народнымъ ладамъ пѣніе. Въ своихъ сочиненіяхъ папа Григорій I распространялъ ученіе Августина о томъ, что среди неминуемаго разрушенія земныхъ царствъ, сложенныхъ руками человѣческими, растетъ, множится и придвигается къ торжеству невидимый градъ Божій, церковь. Онъ излагалъ также ученіе о *чистилищѣ*, т. е. о временныхъ мученіяхъ душъ въ загробномъ мірѣ, отъ которыхъ избавляютъ заупокойныя молитвы церкви.

Вмѣсто стараго императорскаго Рима поднимался *Римъ св. Петра*. При Григоріи I, «консулѣ Божьемъ», какъ его называетъ нагробная надпись, сила папскаго Рима начинаетъ опять распространяться на тѣ страны, которыя были раньше провинціями императорскаго Рима. Подъ вліяніемъ Григорія западные готы въ Испаніи, державшіеся аріанства, обратились къ православію. Онъ рѣшилъ вернуть еще одну давно потерянную Римомъ область и послалъ проповѣдниковъ за предѣлы романскаго міра, въ далекую Британію, или Англію.

Англія. Островъ Британія былъ въ теченіе 300 лѣтъ отъ конца I до конца IV в. по Р. Х. провинціей римской имперіи (кромѣ сѣверной части, нынѣшней Шотландіи). Римляне выстроили въ этой отдаленной отъ центра области города и крѣпости, но здѣсь было мало поселенцевъ изъ южныхъ странъ. Страна не успѣла сдѣлаться романской въ такой мѣрѣ, какъ Галлія или Испанія. Когда около 400 г. для защиты Италіи

были уведены изъ Британіи римскія войска, связь этой области съ Римомъ порвалась.

Вскорѣ стали появляться съ востока, переплывая Нѣмецкое море, разбойничьи отряды *англовъ* и *саксовъ*, жившихъ въ нынѣшней сѣверной Германіи и Даніи. Германскія дружины захватывали береговыя земли на югѣ и востокѣ, а затѣмъ стали продвигаться дальше вглубь. Они безпощадно истребляли или обращали въ рабство туземное населеніе *бриттовъ*, принадлежавшихъ къ кельтскому племени. Независимые бритты остались лишь на западной окраинѣ острова; кромѣ того, кельты удержались на сѣверѣ, въ Шотландіи, и на сосѣднемъ островѣ Ирландіи. Область, занятая англо-саксонскимъ племенемъ, стала называться *Англіей*; въ ней исчезли почти всѣ остатки римскихъ обычаевъ и римскаго господства. Захватившіе страну германцы раздѣлились на нѣсколько княжествъ или королевствъ.

Римскіе проповѣдники въ Англіи. На островѣ сначала дѣйствовали христіанскіе проповѣдники изъ сосѣдней кельтской Ирландіи. У нихъ не было сильнаго духовенства; епископы мало чѣмъ отдѣлялись отъ священниковъ. Въ обрядахъ они отличались отъ остальной церкви: крестили взрослыхъ подъ открытымъ небомъ въ рѣкахъ, служили не на латинскомъ, а на народномъ языкѣ, молились въ небольшихъ деревянныхъ часовняхъ, гдѣ не было ни алтаря, ни иконъ. Ирландцы собирали обращенныхъ въ монастырскія общежитія, бангоры. У нихъ было много усердія и учености, но работа ихъ была разрозненна, и они далеко не захватили своею проповѣдью всего населенія Англіи.

Григорій I отправилъ изъ основаннаго имъ въ Римѣ монастыря 40 монаховъ и назначилъ ихъ настоятеля, Августина, епископомъ Англіи. Папа далъ проповѣдникамъ подробное наставленіе, какъ поступать съ язычниками. Главное—не навязывать новой вѣры насильно и рѣзко. Гдѣ они найдутъ хорошо выстроенный храмъ старыхъ боговъ, они не должны разрушать его, а лишь удалить изъ него идоловъ; затѣмъ приготовить святой воды, окропить ею зданіе, поставить алтарь и въ немъ положить мощи. «Тогда храмъ отъ служенія демоновъ перейдетъ къ служенію истинному Богу; а когда народъ увидитъ, что прежнее мѣсто молитвы осталось, онъ охотнѣе пойдетъ туда же, по привычкѣ, чтобы покланяться истинному Богу». Папа говорилъ также, что не надо уничтожать старинныхъ обрядовъ, напр., обычая приносить въ жертву быковъ или окружать храмъ шалашами изъ вѣтвей и зелени. Пусть народъ попрежнему въ привычные дни сходится на веселье и закалаетъ животныхъ, но уже не въ видѣ приношенія дьяволу, а для христіанскаго пиршества, во имя и въ честь Бога. «Если вы оставите этимъ людямъ внѣшнія развлеченія, вы легче зароните въ нихъ жажду внутренней радости».

Въ то же время папа заранѣе далъ всей странѣ церковное устройство такъ же, какъ раньше императоръ устраивалъ вновь пріобрѣтаемую провинцію. Августину было поручено посвятить 12 епископовъ и устроить два архіепископства: одно на югѣ, другое на сѣверѣ Англіи. Священники должны были стать въ строгую зависимость отъ епископовъ.

При дворахъ англо-саксонскихъ вождей новые проповѣдники вступали въ пренія съ жрецами старой вѣры. Одно изъ этихъ преній кончилось тѣмъ, что главный жрецъ отказался отъ старыхъ боговъ. Но римскіе посланцы встрѣтились также съ ирландскимъ духовенствомъ. Ихъ вездѣ раздѣляла непримиримая вражда. Сторонники римской церкви брали верхъ своей выучкой и согласіемъ дѣйствій. Въ большомъ спорѣ, который произошелъ при дворѣ одного изъ королей сѣверной Англіи, они особенно настаивали на словахъ Спасителя, обращенныхъ къ апостолу Петру. Король, посмотрѣвъ на молчавшихъ ирландцевъ, рѣшилъ въ пользу римскихъ проповѣдниковъ: «Если Петру Господь далъ ключи отъ небеснаго царства, я не хочу враждовать съ привратникомъ небесъ. Я, напротивъ, хочу во всемъ повиноваться тому, что имъ установлено, такъ какъ я боюсь, чтобы въ часъ, когда я предстану у вратъ небесныхъ, не отвернулся отъ меня тотъ, кто держитъ ключи, и тогда некому будетъ открыть мнѣ двери».

Вмѣсто странствующихъ проповѣдниковъ ирландскихъ были назначены постоянные священники по деревнямъ, которые не должны были покидать своихъ приходовъ. Водворилась церковь осѣдлая съ большимъ числомъ служащихъ, съ подробной записью своихъ дѣлъ и пріобрѣтеній. Въ большихъ селеніяхъ епископъ соединялъ въ своемъ домѣ (*минстеръ*, т.-е. соборѣ) священниковъ и монаховъ и подчинялъ всѣхъ строгому монастырскому порядку; тутъ жили старые проповѣдники на покоѣ, и была устроена школа, въ которой приготовлялись новые. Духовенство старалось превзойти въ учености ирландцевъ; въ школахъ изучали латинскій и греческій языки, кромѣ Библіи читали Виргилія, Овидія и Тита Ливія, переписывали въ роскошныхъ экземплярахъ рукописи. Вмѣсто скромныхъ ирландскихъ часовенъ стали строить большія каменныя церкви, приводили изъ Галліи каменьщиковъ и живописцевъ, чтобы воздвигать зданія «наподобіе римлянъ».

Замѣчательнымъ представителемъ англійской учености былъ Беда, жившій 100 лѣтъ спустя послѣ начала проповѣди въ Англіи (около 700 г.). Беда составилъ «Церковную исторію Англовъ», гдѣ разсказалъ ихъ обращеніе въ христіанство; ему принадлежитъ также большое собраніе научныхъ свѣдѣній того времени, богословскихъ, географическихъ, историческихъ и словесныхъ. Свое великое преклоненіе передъ Римомъ Беда выразилъ въ такихъ словахъ: «Пока будетъ стоять Колизей, будетъ стоять Римъ; когда падетъ Колизей, падетъ Римъ; когда падетъ Римъ,

падетъ и міръ». Римская церковь пріобрѣла въ англосаксахъ вѣрныхъ почитателей. Массы богомольцевъ, руководясь мыслью, которую такъ ясно выразилъ англосаксонскій король, переѣзжали на материкъ и направлялись, несмотря на всѣ трудности пути, поперекъ Европы, черезъ альпійскіе проходы въ Римъ, на поклоненіе гробу св. Петра, чтобы вѣрнѣе и ближе достигнуть царства небеснаго.

Новая церковь съ ея постройками, сложнымъ управленіемъ и множествомъ священниковъ, чиновниковъ и слугъ, требовала большого содержанія. Въ лицѣ духовенства въ странѣ появились новые владѣльцы, и поднялась новая власть съ особыми способами управленія. Поэтому установленіе церкви изъ Рима повело къ важнымъ перемѣнамъ въ быту англосаксовъ.

Старинное англосаксонское устройство. Свободное германское населеніе англосаксонскихъ королевствъ дѣлилось на простыхъ, *кёрловъ* («людей», по-нѣмецки и теперь Kerle) и знатныхъ, *ёрловъ*. Кёрлы, крестьяне или мелкіе владѣльцы земли, составляли массу ополченія. Изъ среды ёрловъ избирались старѣйшины и вожди; ихъ земли были обширнѣе и отдавались въ обработку разнымъ зависимымъ людямъ, обѣднѣвшимъ и безземельнымъ, свободнымъ и рабамъ. Рабы были или покоренные бритты, или военноплѣнные, или, наконецъ, люди своего племени, попавшіе въ кабалу за долги. Различіе между кёрломъ и ёрломъ выступало ясно въ цѣнѣ, положенной за человѣка. За убійство ёрла выкупъ былъ вдвое или втрое выше, чѣмъ за кёрла.

Свободные люди сходились на собранія, *гемоты*, въ которыхъ самостоятельно рѣшали разныя дѣла. Самыми мелкими были деревенскіе сходы. Деревни (*туны*) были открытыя или укрѣпленныя оградами старыхъ римскихъ крѣпостей. Настоящихъ городовъ не было, за исключеніемъ двухъ-трехъ, между ними Лондона. Сельчане выбирали старосту; сходъ распредѣлялъ въ средѣ сочленовъ разныя повинности и разыскивалъ нарушителей порядка, убійцъ и грабителей. Изъ нѣсколькихъ селеній составлялся округъ, *сотня*; названіе это осталось отъ военнаго дѣленія селившагося племени. Нѣсколько сотенъ составляли область, нѣсколько областей—королевство. У сотни былъ свой выборный старѣйшина, свои ежемѣсячныя собранія гдѣ-нибудь подъ старымъ высокимъ деревомъ, у священнаго ручья или на холмѣ. Главнымъ дѣломъ этого собранія было разбирать тяжбы, судить преступниковъ и заботиться объ охраненіи мира. Два раза въ году сходились выборные отъ поселковъ цѣлой области, состоявшей изъ нѣсколькихъ сотенъ, на большое народное собраніе (*фокмотъ*). Это былъ также военный смотръ: участники его приходили въ вооруженіи и выражали свое согласіе на предложеніе вождя ударами мечей о щиты.

Королевская власть. На ряду съ этими старинными чертами быта, вынесенными изъ германской родины, появились новыя, возникшія изъ самаго завоеванія. Когда пришельцы захватили большія владѣнія, вожди ихъ (*кинги*—короли) стали сильнѣе. Ихъ окружала большая дружина. Дружинники (*гезиты*) и члены королевской семьи получили въ обществѣ особенно почетное положеніе, которое выражалось въ денежной оцѣнкѣ. Выкупъ за убитаго гезита, владѣтеля земли, стоилъ вшестеро больше, чѣмъ за обыкновеннаго свободнаго человѣка, слѣдовательно вдвое больше, чѣмъ за ёрла. За убійство члена королевской семьи положенъ былъ выкупъ въ 36 разъ больше, чѣмъ за простого человѣка. За убійство короля народъ требовалъ еще большей, «королевской пени». Все, что окружало короля, поднималось въ значеніи и въ цѣнѣ. За нарушеніе мира въ королевскомъ домѣ и дворѣ, за похищеніе королевскаго имущества наказанія и штрафы были гораздо крупнѣе, чѣмъ за тѣ же проступки относительно обыкновенныхъ лицъ.

На большой совѣтъ при королѣ, *витена-гемотъ*, т.-е. собраніе «мудрыхъ», или «знающихъ обычай», стали сходиться, помимо старѣйшинъ и второстепенныхъ вождей племени, еще главнѣйшія лица королевской дружины и двора.

Король со свитой велъ странствующую жизнь, и населеніе обязано было кормить его съ его дворомъ на стоянкахъ, содержать на постоѣ одну или двѣ ночи и доставлять нужные припасы. По уставу одного южно-англійскаго короля, напр., съ участка извѣстной величины требовалось 10 кадокъ меду, 300 хлѣбовъ, 42 боченка пива, 2 большихъ быка или 10 барановъ, 10 гусей, 10 куръ, 10 круговъ сыру, кадка масла, 5 лососей, 20 мѣръ овса и сотня угрей. На объѣздахъ король разбиралъ, при содѣйствіи своего совѣта, жалобы и тяжбы, съ которыми къ нему обращались.

Перемѣны подъ вліяніемъ церкви. Для захвата земли, для пользованія ею и передачи ея были старые обычаи, которыхъ придерживались со времени завоеванія (распредѣленная по этимъ обычаямъ земля называлась «народной»—*фоклендомъ*); кто хотѣлъ доказать свое право на извѣстный участокъ, ссылался на клятвенныя показанія сосѣдей. Духовенство, знакомое съ римскими законами, примѣняло совершенно другіе пріемы для пріобрѣтенія и передачи земли: это были записи, грамоты, купчія или завѣщанія. Всѣ эти пріемы, неизвѣстные варварамъ, казались имъ однако особенно сильными и дѣйствительными: во-первыхъ, вслѣдствіе того, что само письмо производило на нихъ впечатлѣніе волшебства, во-вторыхъ, потому, что къ грамотѣ прикладывалъ печать, въ видѣ креста, епископъ, т.-е. лицо таинственной силы, призывавшее проклятіе неба противъ нарушителя, который

бы осмѣлился посягнуть на земельный участокъ. Тогдашнее завѣщаніе и было не что иное, какъ передача имущества письмомъ подъ охраной церковнаго проклятія.

Короли, руководимые страхомъ и желаніемъ спасти душу свою, проявляли необыкновенное усердіе въ раздачѣ церквамъ и духовенству подарковъ и земли; въ рукахъ церкви стали скопляться огромныя имѣнія, какихъ раньше не было въ Англіи. Короли переняли при этомъ и церковный способъ отдачи земли посредствомъ грамоты: на королевской бумагѣ ставили свои кресты и подписи епископы; такая земля, уже не связанная народнымъ обычаемъ, отданная въ полное распоряженіе получившаго ее, стала называться *боклендомъ* («скрѣпленной грамотой»). Тѣмъ же способомъ король сталъ раздавать земли свѣтскимъ людямъ въ награду за оказанныя ему услуги: онъ лишь прибавлялъ въ грамотѣ, что подарокъ дается для основанія минстера, или просто приписывалъ: «во имя любви къ Всемогущему и къ Его вѣрному служителю, св. Петру».

Земли, раздаваемыя королемъ, были не пустопорожнія, а заселенныя. Перенося владѣніе на епископа, соборъ или дружинника, король какъ бы уступалъ одаренному свои права на людей отданной земли, т.-е. если король имѣлъ въ этомъ мѣстѣ постой и право брать такіе-то припасы, то сборъ тѣхъ же предметовъ предоставлялся новому владѣльцу; также ему отдавалось право разбирать жалобы и тяжбы людей, жившихъ на владѣніи. Всѣ споры этихъ людей должны были теперь проходить передъ новымъ владѣльцемъ, и они стали зависѣть отъ него. Отданная королемъ земля какъ бы отписывалась отъ земли народной. Съ нею король связывалъ особую милость, освобождая живущихъ на ней отъ обычныхъ повинностей въ свою пользу, военной службы, уплаты дани и т. п. Новый владѣлецъ и его земля получали преимущество, какъ бы особую неприкосновенность, по-латыни—*иммунитетъ*.

Это были очень существенныя перемѣны. Во-первыхъ, короли, принявшись распоряжаться землей, присвоили себѣ новую силу. Перенявъ языкъ церкви, т.-е. языкъ римскихъ законовъ, они стали говорить: «моя земля; земля, подчиненная моему праву». Во-вторыхъ, въ лицѣ духовенства появились крупные владѣтели, тогда какъ ранѣе въ странѣ были лишь крестьяне и средней руки владѣтели. Въ-третьихъ, надъ множествомъ свободныхъ людей протянулась какая-то новая власть духовныхъ владѣтелей и слугъ королевскихъ; эти люди могли требовать отъ свободныхъ крестьянъ взносовъ и повинностей уже не на общую пользу, а для себя. Для мелкихъ людей, сидѣвшихъ на небольшихъ участкахъ, это было сильнымъ обремененіемъ, тѣмъ больше, что они и безъ того должны были платить на содержаніе церкви *десятину*, главнымъ образомъ хлѣбомъ. Въ случаѣ неуплаты къ сроку (обыкно-

венно къ Мартынову дню, въ началѣ ноября) крестьянинъ присуждался къ штрафному взносу, въ нѣсколько разъ больше своего урока. Кромѣ того, монахи и священники собора могли потребовать работы, вмѣсто доставки припасовъ, и, слѣдовательно, ввести барщину.

Отъ этого многіе кёрлы бѣднѣли и вступали въ зависимость отъ новыхъ владѣльцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ сами отдавали свою землю въ даръ церкви, руководясь той же вѣрой, какъ и король, «для спасенія души своей». Дарители получали позволеніе дожить на землѣ до конца своихъ дней, но считались уже зависимыми отъ церкви; отъ церкви зависѣли потомъ и ихъ дѣти, сохранявшіе землю въ свою очередь на срокъ жизни. Множество кёрловъ утратило такимъ образомъ свою свободу или впало въ худшее положеніе. По тогдашнимъ понятіямъ это выразилось въ томъ, что понизилась цѣна простого человѣка; плата за его убійство стала вшестеро меньше, чѣмъ выкупъ за человѣка высшаго положенія въ обществѣ.

Франкское государство въ VIII в. Каролинги. Въ большомъ франкскомъ государствѣ соединялись романскія и германскія земли. Онѣ составляли двѣ непохожія половины; первыя—*западную*, раздѣлявшуюся на Нейстрію и Бургундію, вторыя—*восточную*, называвшуюся Австразіей. Эти половины имѣли обыкновенно разныхъ королей, но если ихъ даже соединялъ одинъ король, то управленіе ихъ все-таки раздѣлялось. Король долженъ былъ опираться на людей, которые шли къ нему въ личную службу, и вознаграждалъ ихъ за это изъ своихъ земель. Главное значеніе въ королевскомъ управленіи и получилъ поэтому тотъ сановникъ, который завѣдовалъ раздачей земель, «дворецкій» (по-латыни *майордомъ*). Въ каждой части королевства былъ сначала свой майордомъ. Постепенно майордомы, которые стали водить въ поле королевскихъ слугъ и воиновъ, сдѣлались сильнѣе короля изъ старой династіи Меровинговъ; около 700 г. майордомъ Австразіи устранилъ другихъ, захватилъ управленіе всѣмъ государствомъ и сталъ утверждать королей въ ихъ санѣ.

Австразійскіе майордомы образовали династію, которая замѣнила ослабѣвшихъ Меровинговъ; она называется по имени крупнѣйшаго ея представителя, Карла Великаго—*Каролингами*. Майордомъ Карлъ, прозванный Мартеломъ, т.-е. молотомъ, не назначалъ короля вовсе. Ему пришлось встрѣтиться съ сильнымъ нападеніемъ арабовъ, пришедшихъ изъ-за Пиренейскихъ горъ. Арабы уже захватили южную Галлію, долину Роны и приблизились къ Луарѣ. Подъ Пуатье ихъ остановило собранное Карломъ ополченіе изъ франковъ и другихъ имъ подвластныхъ германскихъ племенъ. Въ семидневной битвѣ германскіе воины выдержали натискъ арабской конницы; но они сами едва вѣрили своей побѣдѣ,

когда оказалось, что арабы покинули лагерь и бѣжали. Хотя у арабовъ еще осталось нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ въ Галліи, но движеніе ислама на западѣ послѣ этой битвы (732 г.) остановилось.

Борьба съ арабами вызвала крупную перемѣну въ военномъ строѣ франковъ. Старое войско германцевъ было главнымъ образомъ пѣшее. Для отраженія арабскихъ нападеній надо было устроить конницу. Карлъ сталъ увеличивать число своихъ *вассовъ*, т.-е. дружинниковъ и слугъ, обязанныхъ ему военной повинностью, и потребовалъ, чтобы они служили на конѣ или приводили нѣсколько всадниковъ. За эту болѣе трудную и разорительную службу надо было поднять вознагражденіе. Но такъ какъ королевскихъ земель для раздачи воинамъ оставалось немного, Карлъ позволилъ забирать своимъ вассамъ обширныя церковныя земли такъ же, какъ одновременно съ нимъ дѣлали цари-иконоборцы въ Византіи. Воины садились хозяйничать на церковныхъ и монастырскихъ участкахъ.

Карлъ Мартелъ свергалъ всѣхъ неугодныхъ ему епископовъ. Освободившіяся епископскія мѣста онъ подолгу не замѣщалъ, бралъ съ нихъ доходы, раздавалъ ихъ имущества; епископскій санъ нерѣдко получали люди, не прошедшіе церковныхъ ступеней, не умѣвшіе читать и проводившіе дикую жизнь въ охотѣ и попойкахъ; но они должны были имѣть военныя качества и во-время являться къ вождю съ военной свитой. Жестокой враждой отвѣтило на это духовенство; оно распространило потомъ сказаніе, будто святые люди видѣли Карла на томъ свѣтѣ въ тяжкихъ мученіяхъ, а когда разрыли его могилу, то змѣсто тѣла нашли змѣя. Несмотря на это, римская церковь искала у франкскихъ правителей помощи.

Римъ, «святая республика», управляемая папою, «княземъ народа», все болѣе отдалялась отъ Византіи. Во время иконоборства папа Григорій II, отказался принять императорскіе указы противъ иконъ. Но почти въ то же самое время Римъ стали сильно тѣснить лангобардскіе короли. Папы надѣялись взамѣнъ имперіи найти поддержку у сильныхъ франкскихъ вождей. Союзъ между папой и франками возникъ при сынѣ Карла, Пипинѣ Маломъ, и заключенію союза помогла дѣятельность англосаксонскаго монаха, Винфрита-Бонифація.

Бонифацій. Въ VIII вѣкѣ англійскіе монастыри и школы стали выпускать ревностныхъ проповѣдниковъ христіанства, уѣзжавшихъ на материкъ Европы. Въ числѣ ихъ Винфритъ, монастырскій ученый и учитель, увлекся опаснымъ подвигомъ просвѣтительства на чужбинѣ и отправился къ полуобращеннымъ въ христіанство племенамъ сѣверной и средней Германіи. Онъ хотѣлъ работать подъ охраной и во имя римской церкви, два раза ѣздилъ въ Римъ, принялъ здѣсь латинское

имя Бонифацiя и получилъ епископское посвященiе. Онъ далъ папѣ Григорiю II письменное свидѣтельство своей вѣры и принесъ клятву въ вѣрности римской церкви, обѣщавъ не вступать въ общенiе съ епископами, которые будутъ учить несогласно съ Римомъ. Для помощи въ работѣ Бонифацiй вызвалъ изъ Англiи своихъ учениковъ и другихъ ученыхъ монаховъ и монахинь; они основали въ Германiи нѣсколько монастырей. Но этимъ литературно образованнымъ людямъ пришлось дѣйствовать въ дикой обстановкѣ.

Мѣстами встрѣчались еще человѣческiя жертвы. Въ Гессенѣ Бонифацiй со своими спутниками самъ срубилъ священный дубъ бога Водана, чтобы показать народу безсилiе демона. Большинство принявшихъ христiанство признало только первенство Бога надъ другими прежними своими богами; втайнѣ этимъ богамъ продолжали молиться и приносить жертвы; иные священники сами исполняли эти жертвы, ѣли съ другими жертвенное мясо, а потомъ совершали христiанскiе обряды; другiе писали на грамоткахъ тексты изъ Библiи и на шнуркѣ вѣшали на шею въ видѣ амулета противъ дурного глаза или болѣзни. Новые проповѣдники старались искоренить эти обычаи, улучшить нравы: они хотѣли возвысить семью, помѣшать легкому расторженiю браковъ, внушить народу понятiе о чистотѣ жизни, какъ они ее понимали.

Еще другое важное дѣло было начато ими. Вновь основанные монастыри собирали около себя людей для работы; монахи сами, ихъ послушники и крестьяне, отдавшiеся подъ ихъ покровительство, расчищали лѣсъ подъ пашни и поднимали нетронутыя еще земли. До тѣхъ поръ въ Германiи поселки стояли на старинныхъ мѣстахъ, и подъ поле занимали земли, издавна открытыя и свободныя отъ лѣса. Теперь начали врубаться въ недоступную дикую тайгу и расширять площадь обработки и заселенiя. Монастыри первые подвигались впередъ; обители, похожiя на большiя помѣстья, съ обширными службами, амбарами, мельницами, объединяли около себя поселенцевъ.

Въ германскихъ областяхъ, сосѣднихъ съ тѣми, гдѣ дѣйствовалъ Бонифацiй, въ Баварiи и у восточныхъ франковъ христiанство уже утвердилось раньше, но церковь не имѣла силы; папа поручилъ Бонифацiю заняться ими. Монахи, преданные Риму, встрѣтились здѣсь такъ же, какъ раньше въ Англiи, со своими соперниками, ирландцами, странствующими священниками, которые не признавали постоянныхъ епископовъ. По временамъ среди народа появлялись и свои мѣстные восторженные проповѣдники. Одинъ изъ нихъ, Адельбертъ, называлъ себя «святымъ по избранiю Божiю епископомъ», говорилъ, что силою мощей и святынь, принесенныхъ ему ангеломъ, между которыми есть Христова грамота, упавшая съ неба въ Iерусалимѣ, онъ можетъ вымолить у Бога

все, чего ни захочетъ. Народъ толпился къ проповѣднику съ вѣрой, что спасется его заслугами, ждалъ отъ него чудесъ, звалъ его святымъ и заступникомъ, а онъ прощалъ грѣхи безъ исповѣди. Онъ осуждалъ богомолья въ Римъ, говоря, что не зачѣмъ ходить въ церкви, посвященныя апостоламъ и мученикамъ: на поляхъ и холмахъ, у ручьевъ онъ ставилъ кресты или небольшія часовни и звалъ къ нимъ народъ на молитву. Гдѣ раздавалась его проповѣдь, церкви стояли пустыя.

При этихъ условіяхъ положеніе Бонифація было трудно. Папа назначилъ его архіепископомъ Германіи, предписавъ ему устроить епископства и имѣть за ними надзоръ. Но Бонифацій не могъ бы добиться порядка въ церковномъ устройствѣ Германіи, если бы его не поддержали франкскіе правители, сыновья Карла Мартела. Они въ свою очередь воспользовались знаніями, опытомъ и святостью Бонифація, чтобы по всему франкскому государству очистить и поднять церковь, которая такъ огрубѣла въ смутную военную эпоху при ихъ отцѣ.

По порученію папы Бонифацій принималъ участіе въ большихъ франкскихъ синодахъ, на которые съѣзжались епископы и свѣтскіе вельможи. Онъ предложилъ внушить духовенству болѣе строгій образъ жизни, запретить клирикамъ ношеніе оружія, попойки, охоту и битвы; священники и монастыри должны подчиниться власти епископовъ; надъ епископами установлялась власть *митрополитовъ*, или *архіепископовъ*; а архіепископы въ свою очередь подчинялись папѣ, который утверждалъ ихъ въ санѣ, пересылая имъ *паллій*, т.-е. бѣлую съ черными крестами шерстяную ленту, символъ агнца, несомаго на плечахъ Добрымъ Пастыремъ. Рѣшено было также возвратить церкви имущества, захваченныя у нея при Карлѣ Мартелѣ. Но это сдѣлали лишь наполовину, потому что у военныхъ владѣльцевъ нельзя было отнять участки, доставшіеся имъ въ награду. Поэтому согласились признать, что владѣльцы будутъ держать земли, какъ бы «по милости» церкви (такое владѣніе, сходное съ византійской харистикіей, называлось на западѣ *прекарій*), и въ знакъ этого платить ей небольшой взносъ; по смерти владѣльца имѣніе идетъ назадъ къ церкви, но король можетъ опять распорядиться участкомъ и передать его новому военному владѣльцу.

Бонифацій примирилъ во франкскомъ государствѣ свѣтскихъ правителей съ церковью. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подчинилъ духовной власти папы новообращенныя германскія земли и всѣ старыя западныя владѣнія франковъ. Сила папы распространилась теперь на весь западъ Европы. Бонифацій исполнялъ послушно и совѣстливо всѣ порученія папы; но это дѣло тяготило его, и онъ искалъ того подвига, которымъ увлекался въ молодые годы; теперь, старикомъ 75 лѣтъ, онъ отправился проповѣдовать христіанство въ страну фризовъ (нынѣшнюю Голландію).

Однажды, когда онъ ждалъ встрѣчи съ новообращенными, его палатку въ лѣсу внезапно окружили раздраженные язычники, и Бонифацій нашелъ смерть мученика (755 г.).

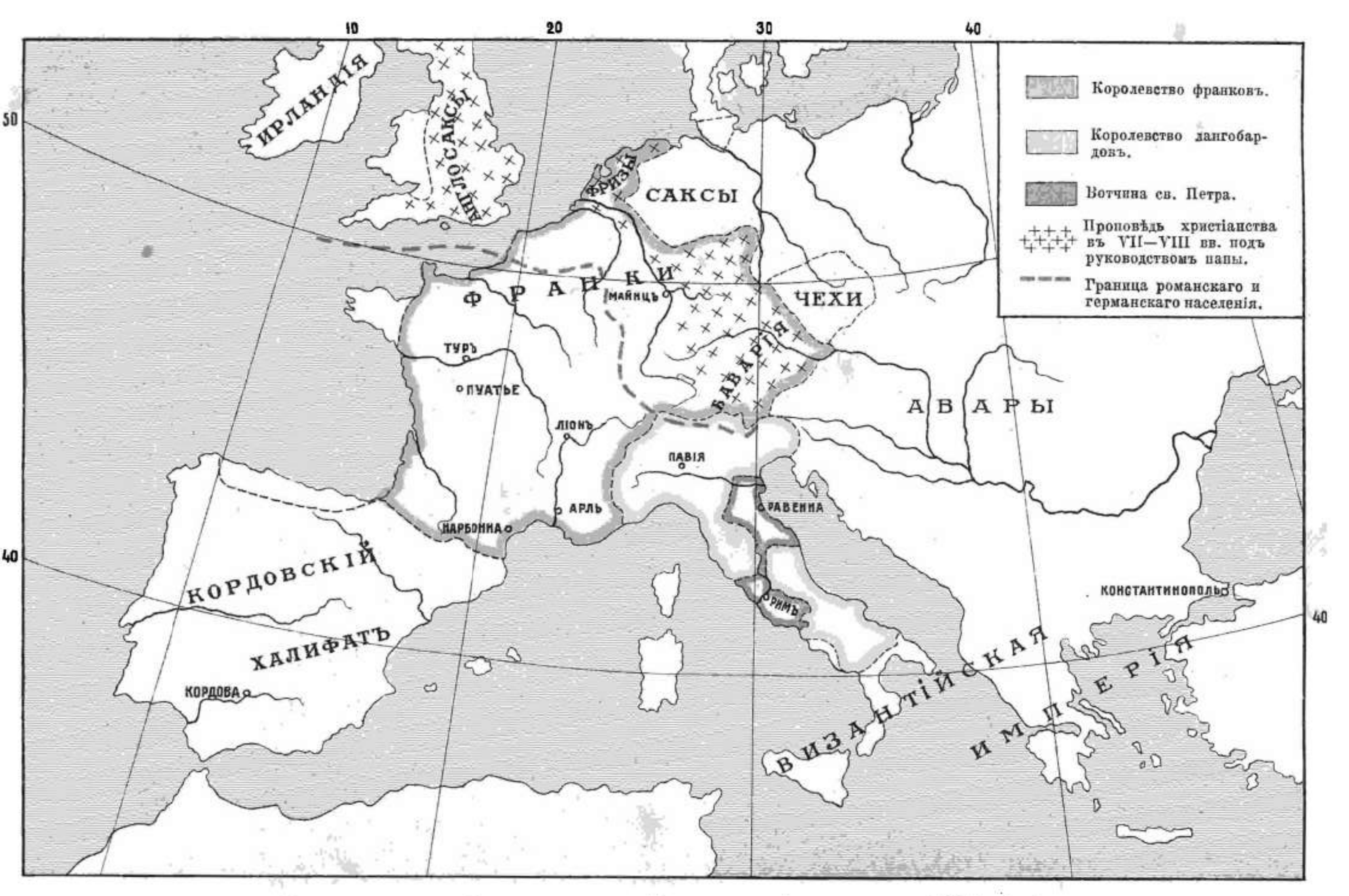
Союзъ Каролинговъ съ папами. Въ то же время совершились событія, которыя еще тѣснѣе связали папу съ франкскими правителями. Сынъ Карла, майордомъ Пипинъ Малый, рѣшилъ свергнуть послѣдняго Меровинга, у котораго не было никакой власти, и самъ принялъ корону. На военномъ собраніи его подняли на щитъ при стукѣ оружія и провозгласили королемъ. Но еще раньше Пипинъ посылалъ спросить мнѣнія папы, и папа одобрилъ его. Въ знакъ новой высшей власти Пипинъ принялъ *помазаніе* отъ епископа, уполномоченнаго папою.

Вскорѣ лангобардскій король завоевалъ почти всѣ владѣнія Византіи въ средней Италіи и подступилъ къ Риму. Папа (Стефанъ II) отправился за Альпы и просилъ Пипина спасти владѣнія ап. Петра; король получилъ при этомъ отъ папы санъ *патриція*, т.-е. покровителя Рима. Первый походъ Пипина въ Италію лишь на время остановилъ лангобардовъ; съ уходомъ франковъ король лангобардскій опять стоялъ у воротъ Рима. Тогда папа отправилъ франкскому королю посланіе отъ имени св. Петра: въ немъ апостолъ самъ напоминалъ о власти, данной ему Іисусомъ Христомъ, и о томъ, что онъ всегда давалъ франкамъ побѣду; въ случаѣ отказа онъ грозилъ разсѣять франковъ, какъ Господь разсѣялъ Израиль, выключить ихъ отъ царства небеснаго и вѣчной жизни и осудить тѣла и души ихъ на муки адскаго огня.

Пипинъ опять двинулся съ войскомъ за Альпы и разбилъ лангобардовъ. Отнятыя у нихъ земли, лежавшія поперекъ полуострова кругомъ Рима и Равенны, онъ подарилъ св. Петру и отдалъ въ самостоятельное управленіе папы: ключи отъ захваченныхъ городовъ были положены на гробницу апостола. Съ этой поры папа былъ признанъ свѣтскимъ правителемъ, и возникло особое *церковное государство*.

4. Монархія Карла Великаго.

Войны Карла (768—814). Франкское государство достигло необыкновенной силы и расширенія при сынѣ Пипина, Карлѣ. Сорокашестилѣтнее правленіе его прошло по большей части въ крупныхъ и далекихъ походахъ. Сначала Карлъ двинулъ ополченіе франковъ за Альпы противъ лангобардскаго короля, заставилъ его сдаться въ столицѣ Павіи и постричься въ монахи. Сѣверная и средняя Италія подчинились Карлу. Но порядки остались прежніе: Италія продолжала считаться особымъ королевствомъ, сохранила свое отдѣльное собраніе для обсужденія общихъ дѣлъ, и Карлъ лишь принялъ лангобардскую (такъ называемую

Франки, лангобарды, проповѣдь христіанства въ VIII вѣкѣ.

желѣзную) корону (за сѣверной Италіей такъ и осталось названіе *Ломбардіи*, т.-е. страны лангобардовъ). Король прибылъ и въ Римъ, гдѣ народъ встрѣтилъ его съ крестами и масличными вѣтвями и призналъ своимъ патриціемъ. Карлъ подтвердилъ даръ отца своего, сдѣланный св. Петру и папѣ; однако во всемъ давалъ чувствовать папѣ (Гадріану I), что считаетъ себя не только покровителемъ римской церкви, но и господиномъ надъ Римомъ.

Немного позднѣе Карлъ ходилъ за Пиренеи, чтобы помочь возставшему арабскому намѣстнику противъ кордовскаго халифа. Независимые горцы-христіане, баски, у которыхъ Карлъ при проходѣ разорилъ укрѣпленія, на возвратномъ пути его, разбили арріергардъ франковъ, предводительствуемый Роландомъ (рыцарскія пѣсни сдѣлали изъ него позднѣе героя, павшаго въ борьбѣ съ невѣрными). Франки однако отвоевали потомъ за горами сѣверо-восточный уголъ Испаніи съ городомъ Барселоной.

Болѣе тяжелы и продолжительны были войны на востокѣ. Сосѣдями франковъ на сѣверо-востокѣ были язычники саксы, жившіе между Нѣмецкимъ моремъ, средне-германскими горами и Эльбой. Военный классъ у саксовъ составляли некрупные землевладѣльцы (*эделинги*), на землѣ которыхъ работали безземельные свободные (*фрилинги*) и несвободные (*литы*). Саксы безпокоили своими набѣгами франковъ, и Карлъ рѣшилъ покорить ихъ страну. Сначала онъ имѣлъ успѣхъ, тѣмъ болѣе, что саксы не составляли государства и отбивались разрозненными ополченіями. Франки сожгли священную рощу саксовъ и стоявшую въ ней главную святыню ихъ, огромный стволъ Ирменсуль.

Саксы принесли присягу вѣрности. Карлъ назначилъ *графовъ* (намѣстниковъ), привелъ христіанскихъ проповѣдниковъ и устроилъ епископства; церковь была его главнымъ средствомъ для подчиненія побѣжденнаго народа. Но саксы возставали всякій разъ, когда Карлъ, отвлекаемый дѣлами на югѣ, уходилъ изъ страны, разрушали церкви и изгоняли франковъ и новое духовенство. Карлъ, возвращаясь, снова разбивалъ саксовъ и жестоко расправлялся съ мятежниками: однажды онъ приказалъ казнить $4^1/_2$ тысячи людей, выданныхъ ему въ качествѣ зачинщиковъ измѣны. Не разъ зимовалъ онъ со своимъ дворомъ въ странѣ саксовъ и созывалъ здѣсь съ особеннымъ блескомъ большіе съѣзды вельможъ и духовныхъ со всего королевства, принимая пословъ отъ византійскаго императора и арабовъ, чтобы произвести на саксовъ впечатлѣніе величія своей власти. Но народъ не давался ему, и около 30 лѣтъ тянулись мятежи.

Карлъ окончательно завладѣлъ страной, лишь когда часть саксовъ была выселена и замѣнена новыми франкскими и славянскими поселен-

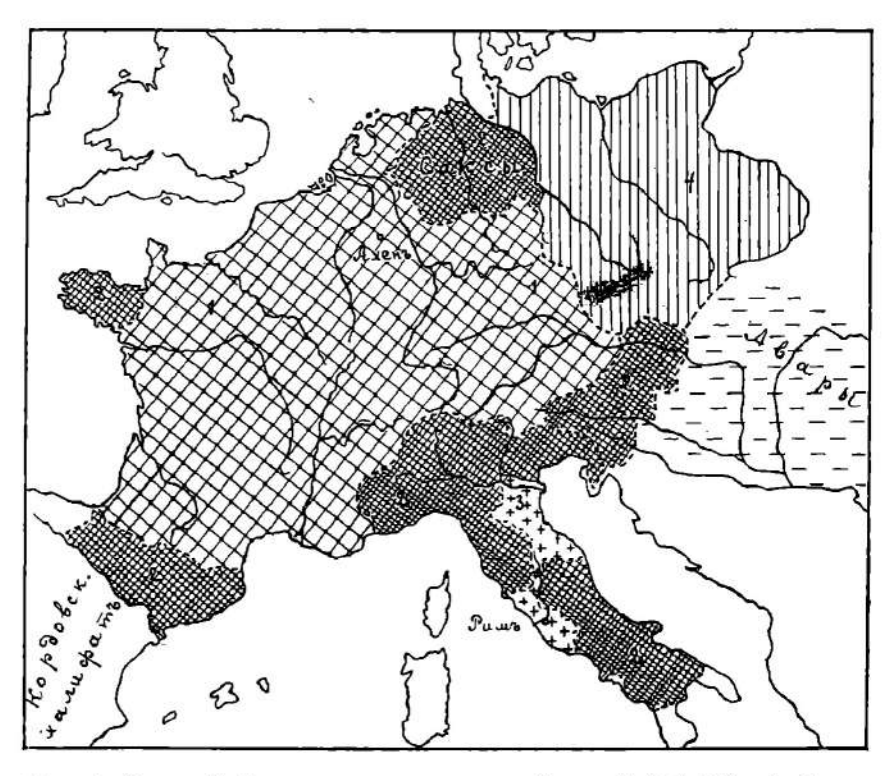
цами и когда у множества эделинговъ, составлявшихъ военную массу племени, были отняты земли. Эти земли были частью отобраны въ казну, частью розданы монастырямъ, франкскимъ вельможамъ и крупнымъ людямъ изъ среды самихъ саксовъ, которые согласились подчиниться Карлу. Изъ прежнихъ мелкихъ владѣній, сложенныхъ по большей части вмѣстѣ, образовались крупныя. Но положеніе свободныхъ и крѣпостныхъ рабочихъ, сидѣвшихъ на чужой землѣ, фрилинговъ и литовъ, осталось почти то же: они лишь перешли къ другимъ господамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на нихъ легли новыя повинности, какова, напр., была церковная десятина.

Карлъ приказалъ составить для саксовъ законъ, наподобіе Правдъ, имѣвшихся у другихъ германскихъ племенъ. За проступки противъ церкви и священниковъ были положены очень суровыя наказанія: напр., за нарушеніе Великаго поста полагалась смертная казнь. Но эта строгость отвѣчала стариннымъ обычаямъ саксовъ, въ силу которыхъ такъ же жестоко каралось оскорбленіе языческихъ святынь. Принятіе христіанства саксами сначала мало измѣнило ихъ понятія: составленная саксонскимъ поэтомъ пѣснь изображаетъ Христа военнымъ вождемъ, а апостоловъ вѣрной Его дружиной.

Во время саксонскихъ мятежей Карлъ боролся также съ аварами, жившими въ нынѣшней Венгріи, и со славянами. Авары, державшіе въ подчиненіи многія славянскія племена, ослабѣли; часть славянъ освободилась и стала тѣснить ихъ. Карлъ, пользуясь этимъ, двинулъ противъ аваровъ два ополченія, одно изъ Германіи, другое изъ Италіи: они пошли вдоль Дуная, по обоимъ берегамъ, слѣдуя старинными римскими дорогами. По рѣкѣ везли припасы и снаряды. Карлъ хотѣлъ также соединить каналомъ притокъ Рейна, Майнъ, съ Дунаемъ, чтобы ускорить сообщеніе между войскомъ и внутренними областями; но эта большая работа не удалась. Войско Карла шло противъ невѣрныхъ съ хоругвями, распѣвая церковные гимны. Въ одинъ изъ походовъ было взято главное «кольцо», т.-е. замокъ аваровъ, въ которомъ они держали огромную награбленную добычу. Карлъ подарилъ часть сокровищъ папѣ, остальное роздалъ служащимъ, чтобы они «прославляли его милость и помогали ему въ тяжелыхъ походахъ». Изъ пограничныхъ земель, частью отнятыхъ у аваровъ, была образована восточная *марка* съ военнымъ управленіемъ (это—основа будущей *Австріи*, т.-е. «восточной» окраины). Военная граница служила для наблюденія за славянами. Сосѣдніе съ государствомъ Карла славяне, отъ Балтійскаго моря и до Адріатическаго (между ними *чехи*), признали его верховенство и обязались доставлять союзные отряды или платить дань.

Имперія. Къ концу правленія Карлъ собралъ подъ своею властью всѣ германо-романскія земли, принявшія христіанство, кромѣ только

Англіи: на востокѣ граница шла по Эльбѣ, потомъ отходила къ востоку, пересѣкала Дунай за Вѣной и по окраинѣ Восточныхъ Альпъ спускалась къ Адріатическому морю; Апеннинскій полуостровъ принадлежалъ ему своею большею частью, на Пиренейскомъ—владѣнія доходили до р. Эбро. Вліяніе Карла распространялось еще дальше. Короли англосаксовъ обращались къ его поддержкѣ, халифъ изъ Багдада (Гарунъ) обмѣнялся съ нимъ посольствомъ и подарками. Приходили послы съ просьбами и жалобами отъ готскаго короля въ Испаніи, отъ славянъ, поклоны и приношенія отъ патріарха въ Іерусалимѣ.

Имперія Карла. 1) Франкское государство до Карла. 2) Пріобрѣтенія Карла 3) Владѣнія римской церкви. 4) Страны, платившія дань Карлу.

Франкскій король былъ очень силенъ, но онъ видѣлъ въ своей власти не одну внѣшнюю силу. Онъ считалъ себя въ правѣ руководить церковью, охранять въ ней и внѣшній порядокъ, и чистоту ученія. Недовольный рѣшеніемъ собора въ Никеѣ объ иконахъ, Карлъ созвалъ свой соборъ изъ франкскаго духовенства и заставилъ папу Гадріана осудить восточныхъ епископовъ, хотя папа и принималъ участіе въ Никеѣ. Франкскіе короли уже считались патриціями римской церкви; власть ихъ,

казалось, получила еще болѣе высокое назначеніе со времени великихъ пріобрѣтеній Карла. Вся западная половина христіанской церкви, равнявшаяся западной половинѣ старой имперіи, была теперь заключена во владѣніяхъ франковъ вмѣстѣ съ городомъ Римомъ, столицей старой имперіи. Отсюда у Карла возникла мысль принять императорскій санъ; и люди, окружавшіе его, также считали это вполнѣ естественнымъ. Лѣтописецъ, разсказывающій событія времени, говоритъ: «такъ какъ Карлъ владѣлъ Римомъ, то онъ и долженъ былъ быть императоромъ». Папа шелъ навстрѣчу этому желанію короля и франковъ. Ему нуженъ былъ могущественный защитникъ на западѣ, послѣ того какъ папство потеряло опору въ восточномъ императорѣ.

Въ 800 году произошло давно ожидаемое событіе *возстановленія имперіи*. Передъ этимъ папа (Левъ III) пріѣзжалъ въ Германію просить у Карла защиты отъ своихъ враговъ въ Римѣ, которые свергли его, держали въ тюрьмѣ и чуть не убили. Карлъ велѣлъ разобрать дѣло своимъ вельможамъ, и хотя наказалъ враговъ папы, но продержалъ его самого цѣлый годъ въ ожиданіи, а по пріѣздѣ своемъ въ Римъ заставилъ папу въ собраніи франковъ поклясться въ невиновности своей. Уже раньше Карлъ велъ переговоры съ Византіей, чтобы провозгласить себя императоромъ и добиться признанія со стороны восточныхъ государей. Папа ускорилъ дѣло. Въ первый день Рождества, когда король молился въ церкви св. Петра, папа надѣлъ на него вѣнецъ и поклонился ему до земли тѣмъ обрядомъ, которымъ привѣтствовали прежнихъ императоровъ. Стоявшіе кругомъ франки и римскій народъ скрѣпили вѣнчаніе своими кликами: «побѣда и здравіе Карлу, Августу, Богомъ вѣнчанному, великому и миротворящему императору римлянъ!»

По понятіямъ того времени, римская имперія должна охватить весь міръ и быть послѣдней державой на землѣ. Она вмѣстѣ съ тѣмъ совпадаетъ съ христіанской церковью, съ градомъ Божіимъ на землѣ. Поэтому—имперія священна; и власть императора—*священная,* какъ бы *духовная власть*. Въ этомъ смыслѣ папа и увѣковѣчилъ событіе 800 г. большой выложенной изъ разноцвѣтныхъ камней картиной (мозаикой) въ трапезной своего дворца: Карлъ и папа изображены стоящими на колѣняхъ у престола ап. Петра, который передаетъ одному знамя, другому эпитрахиль. Самъ Карлъ считалъ, что его власть приняла новый, болѣе высокій характеръ. Черезъ два года послѣ вѣнчанія онъ велѣлъ установить для подданныхъ новую, особенно важную присягу: въ ней сказано, что всѣ должны исполнять святую службу Богу, не совершать ни насилія, ни измѣны по отношенію къ святой церкви или къ вдовамъ, сиротамъ и странникамъ, такъ какъ «государь императоръ нареченъ послѣ Господа Бога и святыхъ покровителемъ и защитникомъ надо всѣми».

Эта новая духовная власть какъ бы затмевала другую, власть папы, который также считалъ себя священнымъ руководителемъ всего запада. Впослѣдствіи папы старались все дѣло представить въ другомъ свѣтѣ. Ихъ сторонники утверждали, что только изъ рукъ папы и могъ получить король франковъ императорскую корону. При этомъ ссылались на *даръ Константина*, т.-е. говорили о существованіи особой грамоты, въ силу которой императоръ Константинъ Великій, перенося столицу на востокъ, будто бы отдалъ западную половину имперіи съ Римомъ въ управленіе папѣ: слѣд., папа можетъ отдавать корону, кому хочетъ.

Хозяйство. Большую державу Карла, равную почти половинѣ западной Европы, по характеру управленія и по средствамъ нельзя сравнивать ни съ халифатомъ, ни съ Византіей. Торговля во франкской имперіи была слаба, пути сообщенія плохи, денежнаго обращенія мало, города ничтожны. Большая часть населенія жила земледѣльческимъ трудомъ и не продавала продуктовъ работы своей. Карлъ не могъ собирать значительныхъ податей. Доходъ его казны не составлялъ и сотой части того, что получалось въ Багдадѣ или Византіи. Онъ самъ со своимъ дворомъ и слугами жилъ, какъ большой помѣщикъ того времени, т.-е. въ его имѣніяхъ, виллахъ, раскинутыхъ въ разныхъ мѣстахъ, заготовлялось все, что нужно было для пропитанія, одежды, обстановки и для поѣздокъ короля, его семьи и его свиты.

Королевское хозяйство было опредѣлено подробнымъ уставомъ о «виллахъ». Управляющій имѣнія, носившій названіе «судьи», не только смотрѣлъ за хозяйствомъ, но также разбиралъ споры и проступки многочисленныхъ людей, жившихъ и работавшихъ въ королевскихъ имѣніяхъ. У него въ подчиненіи находились различные помощники, «младшіе», какъ ихъ называетъ уставъ, конюха, лѣсничіе, ключники и т. д. Имѣніе было раздѣлено на округа; каждый округъ обходилъ особый староста, слѣдившій за правильнымъ доставленіемъ взносовъ и за свою службу вознагражденный земельнымъ участкомъ. Другіе старосты были поставлены надъ разрядами ремесленниковъ. Король позволялъ жаловаться рабочимъ на старостъ и подчиненнымъ на главнаго управляющаго, но требовалъ, чтобы и управляющій присылалъ къ его двору собственное объясненіе: «жалоба не должна раздражать даромъ слухъ короля». Къ Рождеству управляющіе должны представлять королю отчетъ, сколько получено продуктовъ съ хозяйства, сколько поступило оброковъ, штрафовъ, сколько истрачено въ хозяйствѣ и сколько сложено предметовъ въ запасъ. Къ Вербному воскресенью должны поступать деньги, вырученныя отъ продажи товаровъ и отъ наказаній, а припасы посылаются въ разное время: свѣчи два раза въ году, въ началѣ зимы и Великимъ постомъ, чаще—мясо, мука, птицы, яйца, овощи, вино. Управляющій

пріѣзжаетъ время отъ времени съ грузомъ и отбываетъ нѣсколько дней «службы» при дворѣ; съ нимъ вмѣстѣ непремѣнно долженъ явиться искусный пивоваръ, чтобы готовить питье на все родство и свиту короля. Но король и самъ ѣздилъ изъ одной виллы въ другую; заготовленные запасы потреблялись тогда на мѣстѣ. Въ уставѣ поэтому предусмотрѣно, чтобы во всякомъ имѣніи были кровати, перины, занавѣски, скатерти, посуда и инструменты—все, что нужно, чтобы устроиться на нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ жизни.

Имѣнія состояли изъ главныхъ господскихъ виллъ и прилегающихъ къ нимъ болѣе мелкихъ дворовъ, розданныхъ приказчикамъ, военнымъ слугамъ и рабамъ или принадлежавшихъ крестьянамъ, которые отдавали часть урожая и приплода. Среди главной виллы находился королевскій дворецъ, иногда укрѣпленный (*пфальцъ* отъ латинскаго palatium, палаты), со службами внутри ограды, снабженной каменными воротами и сторожевой башней у входа; къ виллѣ принадлежали большія конюшни, скотные дворы, птичники, рыбьи садки, лѣса, полные дичи для королевской охоты, хлѣбныя поля, плодовые сады, виноградники, огороды и цвѣтники, пчельники, мельницы и т. п.; въ иныхъ имѣніяхъ были металлическіе рудники и каменоломни. Уставъ предписываетъ управляющимъ имѣній заботливо слѣдить за приготовленіемъ вина, меда, пива, молочныхъ продуктовъ и всякихъ консервовъ. Уставъ требуетъ далѣе, чтобы во всякомъ имѣніи управляющій имѣлъ въ своемъ распоряженіи различнаго рода ремесленниковъ, кузнецовъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, портныхъ, пекарей, плотниковъ, оружейниковъ, рыбаковъ, птицелововъ, мыловаровъ, пивоваровъ, хлѣбопековъ и пр. Особо были устроены женскія мастерскія, гдѣ работницы пряли, ткали, окрашивали матеріи и приготовляли одежду. Часть рабочихъ жила при господскомъ дворѣ и получала полное пропитаніе отъ королевскаго управленія; другіе жили въ отдѣльныхъ избахъ и дворахъ и доставляли припасы и живность со своихъ участковъ.

Если не было похода, Карлъ любилъ останавливаться въ *Ахенѣ*. Это былъ не городъ, а также большое имѣніе. Кругомъ королевской усадьбы поднимались дома вельможъ со службами. Когда назначали соборъ или народное собраніе или ждали большого посольства издалека, въ Ахенъ стекалось множество народа. Тогда появлялись купцы, евреи и сирійцы, съ дальними товарами: для нихъ было выстроено особенное помѣщеніе. Изъ сокровищъ и запасовъ короля постоянно выдавались подарки и награды слугамъ и приближеннымъ; мелкіе люди получали лошадей, плащи, болѣе крупные—золото и серебро въ украшеніяхъ и монетахъ. Этой стороной хозяйства завѣдовала королева, которая хлопотала, чтобы «во-время радовать подношеніями» придворныхъ и чиновниковъ и «удерживать ихъ въ добромъ настроеніи».

Подобно королевскому хозяйству было устроено хозяйство *магнатовъ*, т.-е. крупныхъ сановниковъ и богатѣйшихъ владѣльцевъ, а также епископовъ и большихъ монастырей. Доходы ихъ тратились и проѣдались внутри собственнаго хозяйства, а не пускались въ оборотъ. Нельзя было собрать съ нихъ большой суммы на какое-нибудь значительное предпріятіе, напр., на снаряженіе войска. Въ большихъ имѣніяхъ короля и церкви готовились, правда, повозки, орудія, корабли; это были какъ бы военныя мастерскія. Но правительство не могло содержать и вооружить воиновъ.

Ополченіе. Для веденія войнъ созывалось ополченіе по областямъ, при чемъ каждый долженъ былъ въ теченіе извѣстнаго срока служить на свой счетъ и своими средствами добывать себѣ пропитаніе. Воинъ былъ обязанъ взять съ собою одежду и оружіе, чтобы ихъ хватило на 6 мѣсяцевъ, и припасы—на 3 мѣсяца; двое или трое должны были имѣть одну повозку. Со времени Карла Мартела главная служба была конная. Въ походахъ Карла конница получила еще больше значенія. Но вслѣдствіе дороговизны конной службы ее могли нести лишь состоятельные люди; поэтому имя «всадниковъ» (*кабалларіевъ*, по-французски chevaliers, по-нѣмецки Ritter) обозначало высшій зажиточный слой, рѣзко выдѣлявшійся отъ простыхъ людей.

Это устройство создавало большія тягости народу. Ополченія часто набирались въ одномъ концѣ государства и передвигались въ другой, противоположный. Король видѣлъ, что снаряжаться на войну не всѣмъ подъ силу; онъ позволялъ тѣмъ, у кого было мало земли, складываться вмѣстѣ по трое и четверо и на общій счетъ снаряжать одного изъ своей среды. Такимъ образомъ одну повинность замѣняли другою, службу—уплатой и распредѣляли стоимость службы между нѣсколькими лицами. Но и въ этомъ видѣ повинность падала тяжело: такъ какъ при тогдашнемъ характерѣ хозяйства выручалось мало денегъ, малоземельнымъ людямъ приходилось продавать коровъ, плуги, запасы, иной разъ свой хлѣбъ среди самой жатвы за ничтожныя цѣны. За уклоненіе отъ повинности грозилъ разорительный штрафъ, цѣною въ 20 быковъ. Положеніе было такъ тяжело, что многіе бѣжали отъ службы, составляли тайные союзы и давали другъ другу страшныя клятвы, чтобы крѣпко стоять вмѣстѣ и сопротивляться властямъ. Другіе старались уйти въ духовное званіе или добровольно отдавались въ подчиненіе какому-нибудь сильному человѣку и сами лишали себя свободы.

Вассалы и сеньеры. Такъ какъ ополченіе было ненадежно, король старался увеличить число своихъ вассовъ (или *вассаловъ*), т.-е. своихъ «государственныхъ слугъ», людей свиты, отдавшихся ему лично подъ покровительство и на полную службу. Это были его отборные, лучшіе и

вмѣстѣ съ тѣмъ безсрочно служившіе ему воины. Особенно нужны были они для охраны только что завоеванныхъ, не вполнѣ покорившихся областей. На нихъ же онъ старался опереться и въ управленіи: это былъ разрядъ, изъ котораго онъ бралъ чиновниковъ. Часть ихъ посажена была по мѣстамъ, особенно въ пограничныхъ областяхъ, на пожалованныхъ за службу земляхъ, такъ наз. *бенефиціяхъ*; другая часть находилась при королѣ въ его дворцѣ: эти *палатины* (отъ palatium) получали должности въ дворцовомъ хозяйствѣ или порученія, связанныя съ поѣздками по областямъ. Такими же вассалами стали окружать себя и богатые магнаты, а также сами королевскіе вассалы, кто былъ покрупнѣе. Множество мелкихъ людей находили выгоднымъ для себя покинуть свою землю и отдаться подъ покровительство и въ распоряженіе крупнаго сосѣда: иныхъ вынуждала къ тому необезпеченность положенія, которую простой человѣкъ чувствовалъ особенно на судѣ, потому что не могъ привести съ собою много свидѣтелей и поручителей; иные спасались отъ разоренія въ виду тяжкихъ повинностей; иные становились вассалами потому, что получали возможность служить на конѣ, котораго имъ давалъ покровитель. Такимъ образомъ у богатыхъ и сильныхъ людей явились свои особые личные подданные.

Тотъ, кто отдавался въ вассальную зависимость, признавалъ покровителя своимъ *сеньёромъ* (senior, seigneur), т.-е. старшимъ, начальникомъ. Вассалъ приносилъ ему присягу вѣрности, при чемъ становился на колѣни и клалъ свои руки въ руки сеньёра (это былъ знакъ *коммендаціи*, т.-е. отдачи себя господину). Сеньёръ требовалъ, чтобы вассалъ всюду слѣдовалъ за нимъ; какъ король, онъ давалъ своимъ вассаламъ различныя порученія по управленію своими помѣстьями и крѣпостными и такъ же, какъ король, платилъ имъ жалованье въ видѣ бенефицій, т.-е. сажалъ ихъ на землю, съ которой вассалы кормились; часть ихъ жила въ домѣ сеньёра, составляя его свиту.

Сеньёру было выгодно имѣть многихъ вассаловъ: его вѣсъ и значеніе, напр., на большихъ собраніяхъ, зависѣли отъ количества приводимыхъ имъ людей. Въ походѣ сеньёръ вооружалъ вассаловъ, везъ для нихъ припасы. Вассалы магнатовъ такъ же, какъ королевскіе, были лучше снабжены, чѣмъ обыкновенные ополченцы, оторванные отъ своего дѣла и отбывавшіе службу на свой счетъ; они лучше годились для зимовокъ на вражеской землѣ или для гарнизонной службы въ далекихъ вновь захваченныхъ областяхъ. Поэтому король не мѣшалъ такой перемѣнѣ въ устройствѣ войска, и ополченія свободныхъ людей замѣнялись все болѣе вассальными отрядами самого короля и сеньёровъ.

Скоро множество крестьянъ и мелкихъ владѣльцевъ поступило во власть сеньёровъ, и положеніе вассала начали считать за правило; пред-

полагалось, что всякій мелкій человѣкъ имѣетъ своего сеньëра. Этотъ порядокъ вошелъ и въ церковный обиходъ: епископы и аббаты монастырей стали сеньëрами тѣхъ людей, которые имѣли отъ нихъ земли или служили имъ. Король придавалъ большое значеніе вассальной вѣрности: къ концу правленія онъ запретилъ вассаламъ самовольно покидать сеньëра, которому они разъ отдались. Онъ самъ обратился въ *верховнаго сеньëра*: магнаты считались его вассалами и составляли первый высшій слой служащихъ у него, за которымъ шли разные разряды уже упомянутыхъ государевыхъ слугъ. Вслѣдствіе этихъ перемѣнъ число независимыхъ небогатыхъ людей сильно уменьшилось. Больше сохранилось ихъ въ германскихъ частяхъ королевства, но они почти исчезли въ романскихъ областяхъ. Большинство примкнуло къ королю и къ крупнымъ владѣтелямъ, свѣтскимъ и духовнымъ.

Но въ средѣ вассаловъ и зависимыхъ людей ясно было замѣтно въ свою очередь одно различіе: одни отбывали военную повинность, другіе работали на землѣ или въ ремеслѣ. Это различіе не было такъ замѣтно въ старину у германцевъ, когда множество крестьянъ, обрабатывая землю, служило также въ ополченіи. Карлъ пытался еще собирать ополченія по-старинному. Но крестьянамъ, рабочимъ людямъ было уже не подъ силу отбывать военную повинность. Военное дѣло переходило къ свитамъ короля, сеньëровъ, епископовъ, и *два класса, рабочій и военный*, стали раздѣляться все рѣзче и рѣзче. Военные вассалы, люди «благородной» конной службы, считались ближе къ сеньëрамъ, чѣмъ къ рабочему люду.

Управленіе. Перемѣна, происходившая въ устройствѣ общества, очень замѣтно отразилась на порядкѣ управленія. Масса населенія вездѣ отступала на второе мѣсто передъ крупными владѣльцами военнаго или духовнаго званія.

По областямъ король назначалъ пожизненныхъ *графовъ* изъ магнатовъ. Графъ (по-латыни comes, по-французски comte) собиралъ королевскіе доходы и пошлины, смотрѣлъ за исправностью ополченія и командовалъ имъ; но подъ его начальствомъ были лишь простые «обыватели», а не королевскіе вассалы. Графъ созывалъ населеніе на судебныя собранія по округамъ, называвшимся сотнями. Прежде въ сотенное собраніе приходили всѣ свободные. Но эта повинность была такъ же тяжела для простого человѣка, какъ служба въ ополченіи. Поэтому всѣхъ обывателей стали звать на судебныя собранія только три раза въ году. Постоянными засѣдателями въ сотнѣ были выборные, обыкновенно семь человѣкъ изъ среды зажиточныхъ. Эти скабины (по-нѣмецки Schöffen) какъ бы замѣняли собою сотню; они «подыскивали» приговоръ, т.-е. примѣняли къ разбираемому дѣлу подходящее мѣсто Правды, а пред-

сѣдатель суда, графъ или его подчиненный, приводилъ приговоръ въ исполненіе.

Графъ не имѣлъ жалованья. При объѣздахъ, а особенно за свой судъ онъ получалъ отъ населенія подарки и подношенія, собирая такимъ образомъ хлѣбъ, холстъ, шерстяныя матеріи, обувь, посуду и т. д. Онъ и его подчиненные легко могли себѣ позволить при этомъ вымогательства. Карлъ пытался установить надзоръ за управленіемъ намѣстниковъ и оградить народъ отъ притѣсненій. Онъ отправлялъ для объѣзда по областямъ *королевскихъ пословъ* (missi dominici), которые должны были провѣрять управленіе графовъ, слѣдить, чтобы они не утѣсняли населенія поборами и насиліемъ, и принимать жалобы отъ жителей. Въ числѣ пословъ постоянно назначались епископы, какъ люди наиболѣе образованные.

Для обсужденія дѣлъ, касающихся всего государства, Карлъ созывалъ *общія собранія*. Они сходились два раза въ году въ то мѣсто, гдѣ находился въ данное время король: въ Ахенѣ былъ построенъ просторный залъ для собраній. Въ концѣ весны собиралось большое собраніе, подъ названіемъ *майскаго поля*, на которое являлись крупные сановники, королевскіе вассалы, магнаты и епископы со своими вассалами, а также мелкіе люди ближайшаго ополченія. Это собраніе было вмѣстѣ съ тѣмъ, по-старому, военнымъ смотромъ; нерѣдко съ него ополченіе шло прямо въ походъ. Осенью сходилось другое, малое собраніе, которое состояло изъ однихъ магнатовъ и важнѣйшихъ королевскихъ вассаловъ, приносившихъ королю обычные подарки. Эти собранія сильно отличались отъ старинныхъ сходокъ, на которыя собирались всѣ воители и свободные люди. Собранія времени Карла носили *аристократическій* характеръ. Только придворные, епископы и сеньёры призывались къ совѣщанію; остальные выслушивали рѣшеніе. На собраніяхъ обсуждались вопросы войны и мира, изданіе законовъ, церковныя дѣла, дѣла о торговлѣ и хозяйствѣ въ имѣніяхъ, о школьномъ устройствѣ. Голосованія не было. Король слушалъ мнѣнія, иногда высказывался самъ. Когда обсужденіе было окончено, все дѣло докладывали ему; затѣмъ въ тѣсномъ кругу ближайшихъ его совѣтниковъ составлялся указъ, такъ наз. *капитулярій*.

Церковь. Въ своемъ управленіи Карлъ долженъ былъ постоянно обращаться къ духовенству. Двумя главными лицами при дворѣ были капелланъ, духовникъ короля и его совѣтникъ по церковнымъ дѣламъ, хранитель особой святыни франкскихъ королей, покрова или плаща (капы) св. Мартина Турскаго, и канцлеръ, изготовлявшій грамоты. Духовныя лица объѣзжали области въ качествѣ «пословъ», служили при дворѣ, принимали дѣятельное участіе въ собраніяхъ. Въ нихъ нужда-

лись не потому только, что они были свѣдущіе люди. Государь искалъ помощи духовенства при установленіи порядка, потому что самъ не могъ всюду добиться повиновенія. Судъ не могъ услѣдить за всѣми проступками, и множество злыхъ и беззаконныхъ дѣлъ ускользало отъ него. Судебныя рѣшенія часто было трудно примѣнить на дѣлѣ: денежные штрафы, которыми старались замѣнить месть родичей, не удовлетворяли оскорбленныхъ и часто вызывали лишь новую усобицу.

Духовенство могло помочь своими внушеніями, проклятіями и наказаніями, и вслѣдствіе этого множество дѣлъ старались передать суду епископовъ. Къ суду духовенства обращались еще потому, что во многихъ преступленіяхъ видѣли дѣла, которыя болѣе составляютъ оскорбленіе Бога, чѣмъ нарушеніе правъ другихъ людей; такъ смотрѣли, напр., на клятвопреступленіе или убійство въ усобицѣ или нарушеніе брака. Церковь вѣдала также множество дѣлъ по преступленіямъ воображаемымъ: таковы были обвиненія въ волшебствѣ и заклинаніяхъ, въ пользованіи таинственными и «дьявольскими» средствами, которыя, по вѣрованіямъ того времени, могли доставить человѣку сверхъестественную выгоду или повредить другимъ людямъ.

Наказанія, налагаемыя церковью, хотя и считались духовными, но связаны были съ жестокими тѣлесными лишеніями. По одному церковному правилу убійца долженъ былъ провести три года внѣ родины на хлѣбѣ и водѣ, ходить въ цѣпяхъ. Очень тяжело было церковное *отлученіе*; помимо того, что отлученный не допускался къ церковнымъ таинствамъ и службѣ, съ нимъ никто не долженъ былъ разговаривать, никто не смѣлъ съ нимъ пить или ѣсть, кланяться ему, иначе и самъ подвергался отлученію. Отлученіе могло повлечь за собою смертную казнь. Кто умиралъ подъ отлученіемъ, считался лишеннымъ загробнаго спасенія. Затѣмъ въ видѣ облегченія существовали разные виды штрафныхъ исповѣдей и покаяній, которыя заимствованы были изъ монастырскихъ порядковъ. Были составлены особыя таблицы, въ которыхъ наказанія размѣрялись по тяжести проступковъ и грѣховъ: напр., запрещалось носить оружіе, назначалось прочитать столько-то молитвъ, сдѣлать столько-то колѣнопреклоненій или воздѣваній рукъ, выдать столько-то милостыни, а въ особенности столько-то мѣсяцевъ или лѣтъ соблюдать постъ.

Въ обычаи церкви, согласно грубымъ понятіямъ времени, вошли внѣшніе и мелкіе расчеты; допущена была замѣна нравственнаго наказанія денежнымъ взысканіемъ. Такъ, напр., можно было прервать покаянный постъ на нѣсколько дней и заплатить за это милостыней въ количествѣ, отвѣчавшемъ по таблицѣ числу дней поста, или можно заплатить другимъ людямъ, чтобы они постились вмѣсто наказаннаго. Это вело къ большому неравенству между бѣдными и богатыми. Одно пра-

вило у англосаксовъ указывало даже такой обходъ: богатый человѣкъ, имѣвшій большую свиту, могъ въ 3 дня отбыть семилѣтній постъ; онъ бралъ 12 человѣкъ и постился съ ними самъ 3 дня, потомъ набиралъ 7×120 человѣкъ и оставлялъ ихъ поститься 3 дня; получалось на всѣхъ количество постныхъ дней равное 7 годамъ, и все это время причитывалось на одного важнаго человѣка.

Церковь дополняла своей силой свѣтскую власть, но въ то же время и государь считалъ своей обязанностью духовно направлять людей. Королевскіе «послы» должны были смотрѣть, чтобы «свѣтскіе люди исполняли законы, воздерживались отъ неправды и обмана, живя въ мирѣ и любви другъ съ другомъ». Улучшенію нравовъ хотѣли помочь распространеніемъ просвѣщенія. Въ наставленіи Карла о занятіяхъ науками говорится: «каждый долженъ изучить то, что̀ онъ желаетъ исполнять, и душа наша тѣмъ лучше будетъ понимать, что̀ нужно дѣлать, чѣмъ правильнѣе будетъ языкъ хвалить Господа, не оскорбляя Его ошибками».

Просвѣщеніе. При дворѣ Карла собрались ученые люди со всѣхъ концовъ запада; между ними особенно выдавались англосаксъ Алькуинъ, писатель и составитель руководствъ словесности, лангобардъ Павелъ Діаконъ, написавшій поэтическую исторію своего народа, франкъ Эйнгардъ, любимецъ Карла и секретарь его, человѣкъ живыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, риторъ, живописецъ, архитекторъ и механикъ. Эти лица вмѣстѣ съ близкими Карла составили придворное ученое общество, какъ мы назвали бы его теперь, *Академію*. Алькуинъ также устроилъ придворную школу по образцу англосаксонскихъ монастырскихъ школъ; въ нее Карлъ набиралъ преимущественно сыновей сеньёровъ и важнѣйшихъ королевскихъ вассаловъ, чтобы приготовить ихъ для разнообразной дворцовой и областной службы. Карлъ приглашалъ ученыхъ къ столу: секретарь стоялъ около него съ восковой дощечкой, чтобы быстро записывать, что онъ прикажетъ; ученики придворной школы были наготовѣ для разныхъ порученій, справокъ. Послѣ обѣда обыкновенно читали стихотвореніе; чтеніе прерывали замѣчаніями присутствующихъ, на которыя авторъ могъ возражать; завязывался споръ, обмѣнъ ѣдкихъ замѣчаній и шутокъ. Члены общества давали себѣ по англосаксонскому ученому обычаю особыя имена, взятыя изъ Библіи или греко-римской древности (Давидъ, Горацій и др.), обращались другъ къ другу съ затѣйливыми посланіями, рѣшали ученыя загадки.

Вся литературная бесѣда происходила на латинскомъ языкѣ. Для изученія его читали и списывали Виргилія, Августина и особенно старались запомнить красивые обороты, чтобы вставлять потомъ «цвѣты рѣчи» въ разговоръ или въ письмо. На первомъ мѣстѣ въ ученіи было искусство выражаться, давать ловкіе отвѣты и хитрыя опредѣленія,

фантазировать и разсуждать на любую тему. Въ словахъ искали таинственнаго смысла, говорили аллегоріями; учитель пріучалъ ученика къ игрѣ словами, къ отгадкѣ ребусовъ, къ шуточнымъ отвѣтамъ. Вотъ примѣры изъ учебниковъ Алькуина: солнце, это — блескъ вселенной, краса небесъ, прелесть природы, распредѣлитель часовъ; человѣкъ— это рабъ смерти, мимолетный путникъ, гость въ своемъ домѣ. Буква— стражъ исторіи; свѣтъ—лицо всѣхъ предметовъ. Мысль, что огонь родился отъ тренія сухихъ сучьевъ и сжегъ ихъ, выражена была въ формѣ загадки: мертвый породилъ живого, дыханіе живого пожрало мертваго. Или еще Алькуинъ разсуждаетъ, что число 6 совершеннѣе 8, потому что части, получающіяся отъ дѣленія шести, 3, 2 и 1, составляютъ вмѣстѣ опять то же число шесть, а части восьми—4, 2 и 1, составляютъ лишь семь.

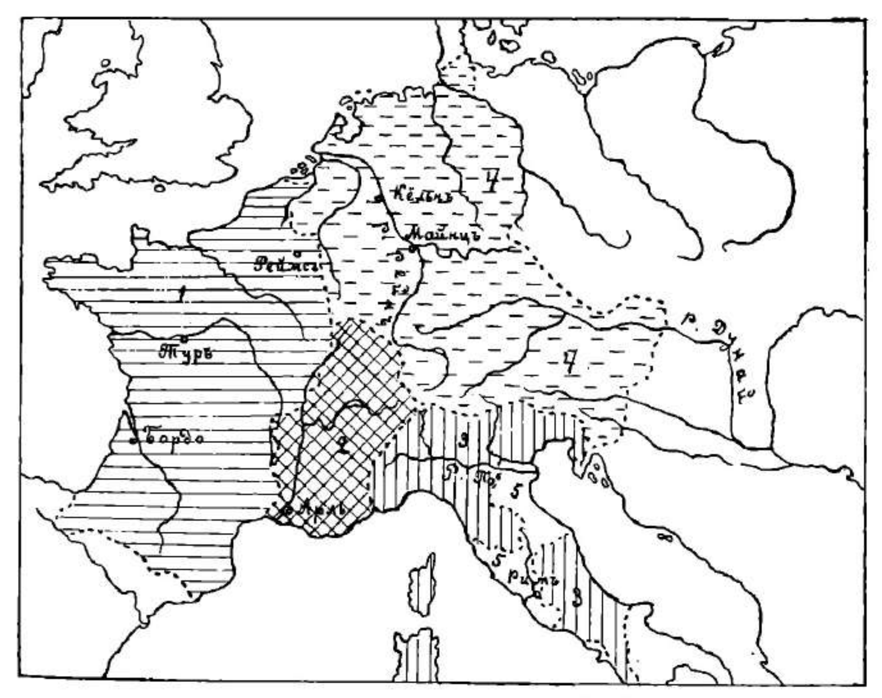
Ученые и писатели этого времени были исполнены безконечнаго преклоненія предъ римской стариной и ставили ее себѣ въ образецъ. Эйнгардъ написалъ біографію Карла наподобіе біографіи Августа. Одинъ изъ поэтовъ времени Карла говорилъ: «вотъ обновляются времена, воскресаетъ жизнь древнихъ, возрождается то, чѣмъ сіялъ Римъ». По примѣру придворной школы стали устраивать школы монастырскія; въ нихъ больше всего занимались перепиской и собираніемъ цѣнныхъ рукописей.

Паденіе имперіи Карла. Предпріятія Карла, въ глазахъ его современниковъ, были велики и удачны. Со времени римскихъ императоровъ, Траяна и Константина, не было такого славнаго правленія и такой крупной державы на Западѣ. Но созданная Карломъ сила была мимолетна, и имперія его непрочна. Средства, къ которымъ приходилось прибѣгать для ея сохраненія, были недостаточны и отказывались служить. За три года до смерти Карла ему докладывали: «твои послы не встрѣчаютъ больше повиновенія, приказы твоихъ графовъ не исполняются». Народъ страдалъ отъ поборовъ и повинностей. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Карла въ Галліи вовсе нельзя было собрать ополченія. Люди, вмѣсто службы государству, все болѣе расходились на частную службу, а сеньёры отказывались приводить своихъ вассаловъ. Карлъ долженъ былъ видѣть самъ къ концу правленія, что окраины остаются беззащитны противъ грабежей и нападеній сосѣдей: на востокѣ прорывались славяне, на сѣверѣ—датчане, съ юга—сарацины, а на берегахъ Нѣмецкаго моря скоро услыхали о новомъ страшномъ врагѣ, норманнахъ.

Правленіе Карла блеснуло недолгимъ свѣтомъ. Но дѣла этого времени и личность, стоявшая въ серединѣ его, произвели сильное впечатлѣніе на народъ. Молва о немъ стала ходить въ сказаніяхъ, и образъ его выросталъ все болѣе и болѣе въ представленіи потомковъ. Черезъ 70 лѣтъ послѣ его смерти монахъ С. Галленскій (у Боденскаго озера

въ Швейцаріи) собралъ различные разсказы, гдѣ Карлъ выступаетъ глубоко мудрымъ правителемъ, способнымъ открывать неправду и читать въ сердцахъ людей. Военное преданіе изображаетъ его «желѣзнымъ» Карломъ; отъ появленія его войскъ дрожитъ земля. Во всѣхъ большихъ позднѣйшихъ походахъ народное сказаніе воображало Карла вождемъ. Прозваніе Великаго слилось у французовъ въ одно съ его именемъ (Charlemagne); а у сосѣднихъ славянъ его имя стало нарицательнымъ (краль, *король*—отъ Карлъ).

Государства IX вѣка и государства современныя. Имперія Карла въ цѣломъ видѣ едва продержалась двадцать лѣтъ. Его сынъ, Людовикъ

Раздѣленіе имперіи Карла. 1) Франція. 2) Арелатъ. 3) Итальянское королевство. 4) Германія. 5) Владѣнія римской церкви.

Благочестивый, раздѣлилъ владѣнія со своими дѣтьми, которыя получили титулы королей. Но скоро поднялись несогласія и войны между ними. Нѣсколько разъ дѣлились внуки Карла и послѣдующіе потомки его, пока не утвердилось дѣленіе на *четыре королевства: Германію* (называвшуюся сначала восточно-франкскимъ государствомъ), *Италію, Бургундію* (земли по Ронѣ и Западнымъ Альпамъ) и *Францію* (т.-е. землю франковъ или французовъ; такъ стала теперь называться западная, романская часть франкской монархіи, бывшая римская область Галлія).

Эти королевства соединялись по временамъ, наприм., Бургундіей и

Италіей владѣли потомъ германскіе короли, но страны считались самостоятельными въ своемъ управленіи. Изъ нихъ Бургундія, или *Арелатъ* (отъ главнаго города Арля), черезъ 400 лѣтъ перестала существовать: сѣверная часть ея составила Швейцарію, южная—отошла къ Франціи. Остальныя три, вмѣстѣ съ Англіей и небольшой тогда христіанской Испаніей, составили основу пяти большихъ современныхъ европейскихъ государствъ: Франціи, Германіи, Великобританіи, Италіи и Испаніи.

Церковь во время распаденія имперіи. Во времена ослабленія и раздробленія монархіи Карла Великаго папы громко поднимали голосъ въ свѣтскихъ дѣлахъ. Они вмѣшивались въ споры королей и напоминали при этомъ, что духовная власть выше свѣтской. Большая часть духовенства поддерживала папъ. Въ половинѣ IX в. одинъ изъ епископовъ сѣверной Франціи, Гинкмаръ Реймскій, училъ, что король—лишь орудіе въ рукахъ церкви, направляющей его къ истинной цѣли; безъ руководства этой чрезвычайной силы, которая налагаетъ на короля особый долгъ, онъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ остальные.

Подобныя мысли были выражены въ собраніи документовъ, составленномъ въ сѣверной Франціи въ половинѣ IX в. и приписанномъ испанскому ученому епископу VII в., Исидору. Въ этихъ *Исидоровыхъ декреталіяхъ* (указахъ) были приведены церковныя постановленія, старыя и новыя, истинныя и вымышленныя, для доказательства того, что папѣ передается верховная власть надъ всѣми епископами. Во всѣхъ бѣдахъ епископъ долженъ прибѣгать къ намѣстнику св. Петра. Неправильно осудившіе епископа государи подвергаются отлученію. Въ декреталіяхъ была еще другая сторона. Они уполномочивали папу прямо отдавать приказы епископамъ, невзирая на стоящихъ надъ епископами митрополитовъ и на соборы; такимъ образомъ декреталіи усиливали *монархическую* власть въ церкви, подчиняя папѣ одинаково высшихъ и низшихъ ея служителей.

Папы признали декреталіи Исидора подлинными и въ своихъ посланіяхъ и грамотахъ стали на нихъ ссылаться. Особенно настойчиво напоминалъ о власти римскаго первосвященника папа Николай I (умеръ въ 867 г.). Одинъ французскій епископъ, смѣщенный митрополитомъ и соборомъ своей страны, пожаловался папѣ. Николай созвалъ соборъ въ Римѣ, возстановилъ епископа въ санѣ и объявилъ, что рѣшенія соборовъ имѣютъ силу лишь съ соизволенія св. престола римскаго. Когда одинъ изъ каролингскихъ королей (владѣвшій Лотарингіей, областью по Маасу и Нижнему Рейну) разошелся со своей женой, отъ которой не имѣлъ наслѣдниковъ, Николай также вступился въ это дѣло. Онъ смѣстилъ тѣхъ епископовъ, которые утвердили рѣшеніе короля, отказался принять короля въ Римѣ и объявилъ, что короли лишь тогда достойны ко-

роны, когда они умѣютъ владѣть сами собою, «иначе ихъ слѣдуетъ считать тиранами, а не королями; тогда мы не только не должны оказывать имъ повиновенія, но обязаны сопротивляться и возставать противъ нихъ».

5. Феодализмъ.

Набѣги IX и X вв. Во второй половинѣ IX в. положеніе западноевропейскихъ странъ было весьма тяжело. Не было почти ни одного угла въ христіанской Европѣ, куда бы не достигали разбойничьи нападенія кого-либо изъ воинственныхъ сосѣдей. Съ юга, со Средиземнаго моря, по берегамъ Италіи и южной Франціи и по теченію рѣкъ жестоко грабили *сарацины* Африки, утвердившіеся въ Сициліи. Они разгромили предмѣстья Рима и базилики ап. Петра и Павла. Въ Арелатѣ они укрѣпились недалеко отъ моря и стали совершать отсюда набѣги вдоль Альпъ, запирая горные проходы движенію богомольцевъ и купцовъ и разоряя долины. Съ востока начались (въ 80-хъ гг. IX в.) опустошительные наѣзды *венгровъ*, народа близкаго по происхожденію къ гуннамъ и аварамъ и заступившаго мѣсто аваровъ въ степяхъ по среднему теченію Дуная. Конница венгровъ заходила очень далеко: вся Германія была открыта ихъ грабежамъ. Но они прорывались еще дальше на западъ, за Рейнъ, добирались до Парижа. Обходя Восточные Альпы, венгры устремлялись также на югъ въ Италію и достигали Рима и Неаполя. Съ сѣвера въ теченіе двухъ вѣковъ непрерывно приливали *норманны* («сѣверные люди»). Это было своего рода переселеніе народа.

Норманны занимали нынѣшнюю Данію и южныя части Скандинавскаго полуострова, Норвегіи и Швеціи. Они дробились на мелкія владѣнія; почти каждый морской заливъ, фіордъ, составлялъ отдѣльное княжество. Земля давала скудное пропитаніе; часто бывали неурожаи, и наступалъ голодъ. Часть народа постоянно должна была выселяться, искать за моремъ добычи и новыхъ поселеній. Уходили младшіе сыновья семей, не получившіе доли въ отцовскомъ наслѣдствѣ, и люди, которыхъ обрекалъ на изгнаніе жребій. Поѣздки были наполовину разбойничьи, наполовину торговыя: норманны продавали захваченные товары, везли изъ своей страны рыбу, кожи, мѣха и покупали товары, которыхъ было мало на сѣверѣ, хлѣбъ, медъ, ткани и оружіе. Выселенія еще усилились, когда стала подниматься (раньше всего въ Даніи) королевская власть, и короли начали тѣснить независимыхъ ярловъ, т.-е. мелкихъ князей. Во главѣ выселявшихся становились *викинги*, «морскіе вожди», большею частью изъ знатныхъ семей, иногда сыновья королей. Старинная религія германцевъ была у норманновъ еще въ полной силѣ. Передъ отплытіемъ приносили жертву богу Тору; викингъ гадалъ, бросая копье кверху, и

Набѣги IX и X вѣка.

рѣшалъ ѣхать въ ту сторону, куда оно ляжетъ. Выѣзжали на большихъ лодкахъ, гдѣ помѣщалось 60—70 человѣкъ. Эти суда, «морскіе волки» или «кони», по выраженію норманновъ, нерѣдко украшались на носу большой фигурой дракона. При спускѣ лодки приносилась человѣческая жертва: къ бревнамъ, по которымъ спускали судно въ воду, привязывали людей, чтобы кровью брызнуло на низъ лодки. Собирались вмѣстѣ флотомъ во сто, въ двѣсти, триста и болѣе лодокъ. Множество лодокъ и людей погибали отъ бурь, но это не останавливало новыхъ предпріятій.

Правильно обороняться противъ норманновъ не было возможности. Они появлялись неожиданно во множествѣ разныхъ мѣстъ, и защитники страны сбивались съ ногъ. Норманны нападали на берега и проникали глубоко внутрь страны по теченію рѣки. Около устья они обыкновенно укрѣплялись на островѣ и отсюда производили дальнѣйшіе набѣги. Такъ по Сенѣ они подступали три раза къ Парижу, жгли церкви и монастыри кругомъ и въ четвертый разъ продержали городъ въ осадѣ 10 мѣсяцевъ. По Рейну они добирались до Кёльна и Майнца; въ Ахенѣ сожгли дворецъ Карла Великаго. Сѣверо-западная Германія, восточная Англія, всѣ приморскія окраины Франціи, теченіе рѣкъ Сены, Луары, Гаронны и Роны, многіе берега Испаніи, Балеарскіе острова и даже Италія подвергались ихъ нападеніямъ.

Викинги нерѣдко проникали подъ видомъ окрестившихся купцовъ. Къ одной укрѣпленной гавани въ Италіи подъѣхали норманны и, увидѣвъ, что приступъ невозможенъ, послали сказать жителямъ, что ихъ вождь при смерти и желаетъ креститься; ночью они подняли плачъ, какъ по умершему, и на другое утро просили допустить тѣло ихъ вождя къ христіанскому погребенію. Епископъ, графъ и народъ пустили ихъ въ церковь съ гробомъ. Но во время обряда крышка гроба поднялась, вождь норманновъ выскочилъ съ мечомъ и убилъ епископа, а его свита перерѣзала остальныхъ жителей; норманны жалѣли только, что взятый ими городъ не былъ Римъ. Населеніе, жестоко притѣсняемое норманнами, платило имъ тѣмъ же: одинъ изъ страшныхъ норманскихъ вождей, взятый въ плѣнъ въ Англіи, былъ брошенъ въ яму, полную змѣй.

Сначала поѣздки норманновъ были лѣтними набѣгами. Позднѣе они стали оставаться во вражеской землѣ на зимовку, чтобы возобновлять набѣги. Это было переходомъ къ прочнымъ поселеніямъ воиновъ на новыхъ мѣстахъ; сѣверные купцы также образовали колоніи въ приморскихъ городахъ. Въ X вѣкѣ норманны стали строить крупные военные корабли, выходить большими массами и занимать цѣлыя области. Такъ датскіе поселенцы утвердились на сѣверномъ берегу Франціи (въ области, которая съ этого времени называется *Нормандіей*) и въ восточной части Англіи; норвежскіе завоеватели и колонисты заняли большую

часть Ирландіи, а оттуда захватили сѣверные острова и Исландію. Долго еще находила себѣ выходъ предпріимчивость норманновъ. Изъ сѣверной Франціи военныя группы ихъ ушли въ серединѣ XI в. для завоеванія Сициліи и южной Италіи, а немного позднѣе на завоеваніе Англіи. Норвежскіе и исландскіе норманны открыли и заселили Гренландію и первые изъ европейцевъ добрались до Америки; открытую ими область (около нынѣшняго Нью-Йорка) они назвали *Винландомъ*.

Характеръ жизни норманновъ вызывалъ въ нихъ любознательность и переимчивость. «Что новаго на свѣтѣ?» былъ обычный вопросъ, которымъ встрѣчали въ Скандинавіи пріѣзжаго. Всего раньше они вступили въ сношенія съ кельтами Ирландіи: сказанія, пѣсни и искусство ирландцевъ переходили къ нимъ черезъ посредство кельтскихъ плѣнниковъ. Гораздо болѣе туго и медленно проникало христіанство съ юга изъ романскихъ и германскихъ странъ. Данія приняла христіанство въ X в., Норвегія въ XI в. Долго еще держались на сѣверѣ старинныя религіозныя понятія и смѣшивались съ христіанскими. Иной вождь принималъ вѣру въ Христа, называлъ Его именемъ мѣсто своего поселенія, но по-старому обходилъ поле со священнымъ огнемъ, чтобы удалить съ него злыхъ духовъ. Своеобразныя смѣшанныя понятія этого народа видны на пѣсняхъ Эдды, которыя составились изъ произведеній норманнскихъ пѣвцовъ, скальдовъ. Въ Эддѣ дѣйствуютъ старинные боги, но среди нихъ, напр., образъ благороднаго, нѣжнаго и страждущаго Бальдра или картина конца міра навѣяны христіанствомъ. Эти черты перешли къ скандинавамъ изъ ирландской поэзіи и ирландской проповѣди.

Образованіе наслѣдственныхъ сеньерій. Непрерывное военное положеніе во всѣхъ христіанскихъ странахъ западной Европы отразилось на ихъ государственномъ устройствѣ. Уже раньше въ дѣлѣ обороны король зависѣлъ отъ сеньёровъ; уже раньше онъ выдавалъ многимъ сеньёрамъ и епископамъ *иммунитеты*, т.-е., освобождая отъ повинностей, передавалъ имъ право судить и собирать взносы въ свою пользу. Теперь защита разбилась по отдѣльнымъ областямъ. Графы, или епископы, при нападеніи на ихъ землю, не могли разсчитывать на подмогу изъ другихъ частей государства или дожидаться ея; они должны были распоряжаться совершенно самостоятельно. Осажденный норманнами Парижъ отбивали графъ области и епископъ, въ то время какъ король Франціи покупалъ у завоевателей миръ. Мѣстные жители выстроили тутъ своими силами укрѣпленный мостъ черезъ рѣку, чтобы загородить дорогу нападающимъ. Во многихъ мѣстахъ крупные землевладѣльцы укрѣпляли свои усадьбы и укрывали внутри ихъ стѣнъ окрестное населеніе съ его имуществомъ.

Вслѣдствіе этого сеньёры, графы и крупные вассалы короля стали самостоятельными правителями въ областяхъ. Они подчинили себѣ осталь-

ныхъ болѣе мелкихъ королевскихъ вассаловъ и соединили ихъ со своими вассалами въ одинъ *военный*, или *конный классъ* (ordo equestris militaris). Такимъ образомъ королевства, образовавшіяся изъ имперіи Карла, въ свою очередь распались на большія *сеньёріи*. Въ Германіи и во Франціи было по 10 или 12 крупныхъ сеньёрій. Владѣтели сеньёрій, графы и герцоги, между ними магнаты, сами захватившіе себѣ эти титулы, удерживали за собою области въ наслѣдственномъ пользованіи; во Франціи одинъ изъ нихъ былъ пришлецъ, норманнскій вождь, принявшій христіанство и получившій отъ короля во владѣніе сѣверный берегъ (Нормандію).

Королевская власть ослабѣла; у короля остались въ подчиненіи лишь ближайшіе вассалы. Положеніе короля стало и менѣе прочнымъ: большіе сеньёры смѣщали неугодныхъ имъ королей и выбирали новыхъ изъ своей среды. Въ началѣ X в. Каролинги потеряли силу въ Италіи и Германіи, а въ концѣ вѣка и во Франціи; ихъ замѣнили короли изъ среды большихъ сеньёровъ, выбранные или захватившіе себѣ корону. Новые выбранные короли старались также сдѣлать власть наслѣдственной въ своей семьѣ; но за правило считалось, что наслѣдникъ долженъ быть выбранъ сеньёрами. Поэтому король добивался, чтобы еще при его жизни старшій сынъ его былъ выбранъ сеньёрами и коронованъ. Большіе сеньёры равняли себя по достоинству съ королемъ; они звались *пэрами* (pairs, т.-е. равные королю). Король и дѣйствительно былъ не выше ихъ по размѣрамъ сохранившихся у него владѣній и по количеству воиновъ, которыхъ онъ могъ выставить.

Укрѣпленныя поселенія. Сильно измѣнился вслѣдствіе военнаго положенія характеръ поселеній. Въ эпоху Карла главные виды поселеній были виллы, большіе открытые господскіе дворы съ прилегавшими къ нимъ деревнями. Крупныя господскія хозяйства разстроились отъ набѣговъ, незащищенныя деревни опустѣли. Множество рабочаго люда и крестьянъ было перебито или разбѣжалось. Ушли люди, державшіе отдѣльные участки отъ господина, строенія господскихъ дворовъ были сожжены, стада захвачены, обработка пахоти брошена, границы многихъ владѣній утерялись. Мѣстами, гдѣ люди возвращались, приходилось совсѣмъ заново селиться и заново дѣлить землю.

Господинъ, крупный владѣлецъ, устраивалъ теперь свой дворъ по-иному. Онъ обращалъ нѣкоторыя изъ своихъ виллъ въ *крѣпости* и въ *замки*. Въ такую же крѣпость обращался и монастырь. Для этой цѣли окружали рвомъ и стѣной большой дворъ, въ которомъ помѣщались разныя службы хозяйства, необходимыя для существованія господина, его семьи и его военныхъ людей, или монастырской братіи, т.-е. амбары, мастерскія, конюшни, хлѣва, кузница, пекарня, иногда мельница, если ровъ можно было наполнить водою, затѣмъ избы для слугъ и рабовъ.

Всѣ эти строенія были деревянныя или изъ глины; стѣна, окружавшая ихъ, была нерѣдко двойная или тройная. Въ серединѣ или на одномъ краю внутри этого обширнаго укрѣпленнаго двора поднимался искусственный холмъ, сложенный обыкновенно изъ земли, которая была вырыта въ окружавшемъ этотъ холмъ глубокомъ рвѣ. Это возвышеніе, ровное наверху, было также защищено изгородью и нѣсколькими башнями, большею частью деревянными; для того, чтобы врагъ не зажегъ ихъ при нападеніи, защитники покрывали стѣны свѣжесодранными шкурами. Возвышенная часть крѣпости соединялась черезъ ровъ съ первой наружной стѣной посредствомъ наклоннаго моста на столбахъ. Внутри этой возвышенной части были помѣщенія для военныхъ людей, былъ колодецъ, подземные магазины и обыкновенно также часовня. Между башнями на возвышеніи одна была побольше и покрѣпче другихъ и устроена такъ, что ее можно было отдѣлить отъ остальнаго укрѣпленія. Въ ней или жилъ самъ владѣлецъ, или она служила послѣдней самой надежной защитой въ случаѣ нападеній.

Нерѣдко выбирали для укрѣпленія мѣсто на скалистомъ островѣ среди рѣки или на склонѣ, на небольшомъ плоскогорьи. Тогда не надо было дѣлать искусственнаго возвышенія; внутренняя высокая часть крѣпости помѣщалась на выступѣ; наружная стѣна спускалась ниже; загороженная ею часть называлась нижнимъ дворомъ. Въ этой части сеньёръ или владѣтель созывалъ своихъ вассаловъ въ военное время, сюда спасались жители равнины, которые пользовались его покровительствомъ, сюда они приводили свои стада, свозили движимость; сами они ютились въ баракахъ, которые пристраивались къ службамъ и амбарамъ, принадлежавшимъ хозяйству владѣльца. Населеніе, спасавшееся въ крѣпости, могло долго оставаться въ ея стѣнахъ, если набѣги продолжались: оно могло и совсѣмъ поселиться внутри нихъ; тогда господскій дворъ обращался въ *бургъ*, или городъ (въ смыслѣ огороженнаго, защищеннаго мѣста). На западѣ, во Франціи бурги возникали большею частью изъ господскихъ дворовъ; на востокѣ въ Германіи для защиты отъ венгровъ и славянъ короли и сеньёры выстраивали крѣпости вновь и населяли ихъ своими военными людьми, которые тогда составляли особую колонію.

Владѣльцы помельче, кто не могъ себѣ выстроить крѣпости, выводили деревянныя башни, которыя могли бы противостоять нападенію. Верхняя часть башни служила жилищемъ, а нижняя кладовой для запасовъ. Такимъ образомъ всюду въ странѣ поднимались еще и отдѣльные укрѣпленные дома.

Замки имѣли огромное значеніе для страны. Окрестные жители составляли какъ бы союзъ для взаимной охраны и находили въ замкѣ средоточіе; совмѣстными силами они строили, чинили и защищали его. Въ

свою очередь обладатель или начальникъ замка (Burgherr, chatelain— отъ chateau, латин. castellum) получалъ надъ округой большую силу. Многіе вассалы, кормившіеся прежде при дворѣ сеньёра, были теперь поставлены по замкамъ; имъ былъ порученъ судъ надъ всѣмъ народомъ, приписаннымъ къ тому или другому замку. Сеньёріи раздѣлились такимъ образомъ на *замковые округа* (chatellenies). Сила сеньёра опредѣлялась количествомъ принадлежащихъ ему замковъ, а значеніе вассала количествомъ замковъ, которые поручалъ ему сеньёръ.

Англія IX—XI вв. Перемѣны въ военномъ устройствѣ и въ управленіи, происходившія на материкѣ Европы послѣ эпохи Карла, повторились въ Англіи. Нападенія съ моря были здѣсь еще продолжительнѣе и настойчивѣе и окончились завоеваніемъ большей части острова пришельцами.

Въ VI—VIII вв. Англія дѣлилась на нѣсколько королевствъ. Едва успѣлъ король Вессекса (т.-е. западныхъ саксовъ) объединить эти королевства (въ началѣ IX в.), какъ восточную часть острова стали опустошать прибывавшіе съ моря норманны-датчане. Скоро они образовали прочное поселеніе на берегу и составили «войско», т.-е. постоянные отряды для дальнѣйшихъ захватовъ.

Король Альфредъ въ концѣ IX в. долженъ былъ отдать датскому вождю бо́льшую сѣверо-восточную часть Англіи, оставивъ себѣ лишь юго-западъ. Альфредъ по своему характеру, по своему глубокому уваженію къ просвѣщенію напоминалъ Карла. Но онъ дѣйствовалъ среди условій несравненно болѣе тяжелыхъ; просвѣщеніе очень низко упало въ Англіи вслѣдствіе смутной военной поры. Въ VIII в. Англія высылала своихъ дѣятелей на материкъ, ея школы служили образцомъ; на западѣ она была, безъ сомнѣнія, передовой страной въ дѣлѣ образованія. Въ концѣ IX в. Альфредъ жалуется: «прежде иностранцы искали мудрости и наставленія въ нашей странѣ, а теперь мы сами вынуждены обращаться къ иностранцамъ. Все пришло въ такой упадокъ, что едва немногіе священники понимаютъ богослужебныя книги или могутъ перевести письмо съ латинскаго языка на англійскій». При помощи ученыхъ, частью иностранныхъ, Альфредъ опять старался возстановить цѣнныя рукописи и составить руководства для изученія исторіи и философіи.

Вслѣдствіе непрерывнаго военнаго положенія большое значеніе получили королевскіе военные слуги, *тены*. Такъ же, какъ королевскимъ вассаламъ на материкѣ, англійскимъ тенамъ отдавались земли съ правомъ взимать всякаго рода сборы съ жителей, особенно за производство суда. Мелкіе люди вообще отдавались подъ покровительство сильныхъ и богатыхъ, признавали ихъ своими господами, *лордами*. Лордъ отвѣчалъ за людей подчиненныхъ ему, ручался за ихъ честность; но если они совершали проступокъ, то часть штрафа, который платили ви-

новные, отходила въ пользу лорда. Короли, не будучи въ силахъ удержать порядокъ въ странѣ, старались распространить подчиненіе господамъ на всѣхъ. По закону X вѣка всякій мелкій человѣкъ долженъ былъ найти себѣ лорда. Тотъ, кто не найдетъ господина до извѣстнаго срока, долженъ считаться бѣглымъ; всякій можетъ убить его, какъ вора, а кто будетъ его укрывать, заплатитъ штрафъ. Лордъ не могъ отказать въ своей охранѣ, но и не могъ взять человѣка, который уже считался подъ покровительствомъ у другого лорда.

Англію въ такой мѣрѣ тѣснили съ разныхъ сторонъ норманны, что она неизбѣжно должна была достаться одному изъ сѣверныхъ завоевателей. Въ XI в. страну захватили датчане. Англія вошла въ составъ большого сѣвернаго государства короля Канута Великаго, который соединилъ съ нею Данію и Норвегію. Но скоро датчанъ стали вытѣснять другіе норманны, поселившіеся во Франціи на противоположномъ Англіи берегу канала. Послѣдній потомокъ англосаксонской династіи, Эдуардъ Исповѣдникъ, бѣжалъ на материкъ во французскую Нормандію и возвратился оттуда, окруженный норманнской свитой. Послѣ его смерти на корону Англіи заявилъ притязаніе нормандскій герцогъ Вильгельмъ. Между тѣмъ англосаксы и датчане выставили своего короля, Гарольда. Тогда Вильгельмъ приготовилъ большое войско къ высадкѣ въ Англіи. Лишь часть нормандскихъ его вассаловъ согласилась на такое отдаленное предпріятіе; они не считали себя обязанными въ силу вассальной службы идти съ нимъ. Но у Вильгельма собралось много воиновъ изъ остальной Франціи, частью люди, не имѣвшіе надѣловъ и разсчитывавшіе на бенефиціи въ Англіи.

Англія при Альфредѣ. 1) Владѣнія англійскаго короля. 2) Владѣнія датчанъ. 3) Кельты Ирландіи, Шотландіи и Уэльса.

Въ 1066 г. Вильгельмъ высадился на югѣ Англіи около Гастингса. Главную силу его войска составляла конница; рыцари (всадники) были въ шлемахъ и кольчугахъ съ длинными копьями. Гарольдъ могъ выставить только пѣшихъ воиновъ; между ними датская гвардія короля была

въ полномъ вооруженіи; англосаксонскіе ополченцы были въ шерстяныхъ кафтанахъ съ сѣкирами въ рукѣ по-старинному. Гарольдъ держался нѣсколько времени за окопами, но въ открытомъ полѣ французская тяжеловооруженная конница раздавила его войско, и онъ самъ былъ убитъ. Королемъ Англіи сталъ Вильгельмъ, прозванный Завоевателемъ. Тѣ англійскіе тены, которые выразили ему покорность, были оставлены въ своихъ владѣніяхъ. У другихъ земли были отобраны и розданы сеньёрамъ и простымъ воинамъ, пришедшимъ съ Вильгельмомъ. Вся страна распалась на *мэноры*, т.-е. господскіе округа, съ имѣніемъ и домомъ военнаго владѣтеля посрединѣ, къ которымъ были приписаны деревни.

Классы общества въ странахъ западной Европы. Непрерывное военное положеніе въ европейскихъ странахъ (Англіи, Франціи, Германіи, Италіи и христіанской части Испаніи) создало особый господствующій классъ воиновъ. Вслѣдствіе постоянной военной тревоги были очень слабы сношенія между отдѣльными европейскими странами: населеніе жило произведеніями мѣстнаго труда, мало закупая на сторонѣ и мало нуждаясь въ обмѣнѣ. Получилось своеобразное военное и хозяйственное устройство, продержавшееся въ Западной Европѣ около четырехъ вѣковъ (съ IX по XIII).

Люди того времени, описывая это устройство, считали его естественнымъ и нерушимымъ. Съ начала временъ, говорили они, народъ дѣлится по тремъ занятіямъ: однимъ положено молиться за всѣхъ, другимъ защищать оружіемъ страну, а третьимъ работать для пропитанія всего народа (oratores, bellatores et laboratores). Такъ объясняли раздѣленіе общества на духовенство, военный классъ и простой людъ, т.-е. земледѣльцевъ и ремесленниковъ. Но духовенство по своему владѣнію было близко къ военному классу и набиралось изъ него. Военные рѣзко отличались отъ «работниковъ»; они не участвовали въ промышленномъ дѣлѣ, въ свою очередь «работники» считались «безоружной толпой», которую, какъ выражается благосклонно одно житіе, «воители защищаютъ отъ волковъ вечернихъ словно стадо безвредное».

Устройство военнаго класса. Военный классъ замѣтно распадался самъ на нѣсколько разрядовъ, отличавшихся между собою по богатству и силѣ. Наверху его стояли *большіе сеньёры*, которыхъ можно было бы назвать князьями. Они держали себя (напр., во Франціи въ X и XI вв.), какъ государи: собирали налоги въ свою пользу, вели самостоятельныя войны, держали верховный судъ, чеканили свою монету. Подъ ихъ властью считались сотни селеній, и они могли выставить тысячи воиновъ.

Ихъ области, сеньёріи, распадались въ свою очередь на владѣнія весьма самостоятельныя (замковые округа, или *бароніи*), которыя держали главнѣйшіе вассалы князей. Общее названіе этого разряда было—

«господа» или «головы», во Франціи *бароны*, въ Англіи лорды, въ Италіи капитаны, въ Испаніи «богатые люди». Они владѣли нѣсколькими замками, распоряжались нѣсколькими селеніями (10—30) и на войну могли привести отрядъ воиновъ.

Третій разрядъ составлялся изъ мелкихъ вассаловъ, получившихъ пожалованіе отъ князей или отъ бароновъ. Часть ихъ произошла отъ господскихъ слугъ, отъ людей сеньёрской свиты, и потому этотъ небогатый разрядъ считался значительно ниже бароновъ. За ними утвердилось названіе второстепенныхъ, или *под-вассаловъ* (vavasseurs). Во владѣніе такому военному давалось одно селеніе или часть селенія или укрѣпленный домъ. Служба подвассала имѣла уже личный характеръ: онъ являлся на войну или одинъ (воинъ съ однимъ щитомъ), или въ сопровожденіи немногихъ слугъ, оруженосцевъ. Служба этихъ воиновъ всегда была конная, отсюда ихъ общее имя—*рыцари*, т.-е. всадники (рыцарь отъ нѣмецкаго Ritter, по-французски chevalier, по-англійски knight). Главное, что отличало настоящаго рыцаря, это—«полное» вооруженіе, т.-е., помимо длиннаго копья и щита, металлическій шлемъ и панцырь (безрукавка, обитая металлическими пластинками) или кольчуга (длинная рубашка изъ проволокъ, съ тѣсно насаженными на нихъ мелкими желѣзными кольцами). Такіе тяжеловооруженные рыцари были страшной военной силой въ XI вѣкѣ. Въ походѣ Вильгельма Завоевателя они дали перевѣсъ норманнамъ и французамъ надъ англосаксами, которые еще не успѣли перейти къ этому вооруженію.

Это устройство военнаго класса стало складываться еще во времена Карла Великаго. Уже тогда большинство его распредѣлилось по ступенямъ сеньёровъ и вассаловъ. Перемѣна съ тѣхъ поръ заключалась въ томъ что верховный сеньёръ, король (или, какъ его послѣ стали звать, *сюзеренъ*) потерялъ силу, и все устройство осталось безъ головы; вслѣдствіе этого военный слой общества разбился на небольшія, почти независимыя группы. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ теченіемъ времени всѣ почти воины стали землевладѣльцами, и на всѣ почти владѣнія легли вассальныя повинности. Осталось лишь очень немного земель въ свободномъ владѣніи безъ повинностей (такія земли назывались *аллоды*), и очень немного владѣльцевъ, которые не были ничьими вассалами. Въ большей части Франціи сложилось даже такое правило: вся земля подчинена сеньёру (nulle terre sans seigneur).

Причина этого устройства заключалась не только въ военныхъ потребностяхъ, но и въ характерѣ тогдашняго хозяйства. Никто не могъ бы правильно платить своимъ слугамъ и подчиненнымъ денежное жалованье, потому что денегъ въ обращеніи было мало. Заплатить можно было, только передавши служащему доходъ съ участка своей земли или съ другого

угодья, напр., богатаго пчелами лѣса или съ моста и перевоза, гдѣ проходили товары, или, наконецъ, съ такого занятія, какъ судъ, которое было связано съ приношеніями судьѣ. Но доходъ поступалъ большею частью натурой, т.-е. хлѣбомъ, домашней птицей, масломъ, медомъ и воскомъ, топливомъ, полотномъ, готовой одеждой и оружіемъ; даже пошлина съ привозимыхъ товаровъ отдавалась долею самихъ этихъ товаровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сеньёру нечего было дѣлать съ лишней землей, если потребности его собственнаго двора, семьи и свиты были удовлетворены. Доходы съ такой лишней земли было некуда дѣвать. Сеньёру выгодно было раздать участки такой земли въ награду своимъ слугамъ или новымъ подчиненнымъ, такъ какъ онъ этимъ способомъ увеличивалъ свою военную силу. Поэтому такъ цѣнилась земля; поэтому вознаградить значило по большей части уступить землю, посадить человѣка на помѣстье; въ свою очередь сильнѣе всѣхъ былъ тотъ, кто могъ раздавать въ награду много земли.

Сеньёръ и вассалъ были связаны взаимнымъ уговоромъ; сеньёръ передавалъ вассалу владѣніе при посредствѣ особаго обряда: вручалъ копье съ флагомъ, кольцо или перчатку (этотъ обрядъ назывался *инвеститурой*). Само владѣніе, передававшееся вассалу, называлось сначала бенефиціемъ, а съ X в. *феодомъ* (по-латыни feudum, по-французски fief, въ Германіи употреблялось слово Lehn, *ленъ*, что̀ буквально значитъ заемъ). Вассалъ передалъ себя во власть сеньёра; по-старому это была коммендація, позднѣе обрядъ назывался hommage, такъ какъ вассалъ объявлялъ себя homme, «человѣкомъ» сеньёра; затѣмъ вассалъ еще клялся въ вѣрности (foi), положивъ руку на Евангеліе или на ковчегъ съ мощами.

Феоды, составляя жалованье, награду за службу, давались не въ полное и вѣчное владѣніе, а на время, обыкновенно пожизненно. Со смертью вассала феодъ, которымъ онъ пользовался, по-настоящему снова долженъ былъ возвращаться къ сеньёру, и сеньёръ могъ его удержать или выдать другому лицу. Но вошло въ обычай отдавать феодъ сыну или другому ближайшему наслѣднику прежняго пользователя съ тѣмъ, чтобы новый владѣтель несъ прежнюю вассальную службу. Такимъ образомъ феодальныя владѣнія стали наслѣдственными; при смѣнѣ вассала требовалось только утвержденіе сеньёра: новый вассалъ платилъ взносъ, которымъ онъ выкупалъ владѣніе, и при этомъ происходила новая инвеститура.

Вассалъ несъ двоякую службу: военную и судебную. Первая состояла въ защитѣ крѣпостей и участіи въ большихъ предпріятіяхъ и въ набѣгахъ; но вассалъ служилъ на свой счетъ лишь въ теченіе извѣстнаго срока—обыкновенно 40 дней—и не далѣе предѣловъ извѣстнаго округа;

онъ могъ отказаться отъ похода сверхъ этого срока и внѣ этихъ границъ, или иначе сеньёръ особо оплачивалъ его службу. Затѣмъ вассалъ долженъ былъ являться ко двору сеньёра, въ его *курію*, къ тремъ большимъ праздникамъ, Рождеству, Пасхѣ и Троицѣ, когда рѣшались важныя дѣла, и, помимо того, участвовать на судѣ, въ которомъ сеньёръ разбиралъ столкновенія между вассалами. Вассалъ обязанъ былъ принимать у себя сеньёра, когда тотъ совершалъ объѣздъ или охотился. Онъ долженъ былъ помогать сеньёру денежными суммами, которыя и собиралъ со своихъ крѣпостныхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда сеньёръ находился въ плѣну и его нужно было выкупить, затѣмъ когда сеньёръ выдавалъ замужъ дочь или посвящалъ сына въ воины.

Церковь подчинилась вполнѣ этому военному устройству. Для того чтобы защитить огромныя владѣнія свои, церковь раздавала доли ихъ многочисленнымъ военнымъ людямъ на условіяхъ вассальной службы. Епископъ или аббатъ считался такимъ же сеньёромъ, какъ графъ или герцогъ, и нерѣдко предводительствовалъ вооруженными отрядами своихъ слугъ и вассаловъ.

Устройство рабочаго класса. Хозяйство имѣнія. Никто изъ военныхъ людей не работалъ на принадлежавшей или порученной ему землѣ. Работа лежала на другомъ классѣ, *крестьянахъ*.

Въ наше время хозяйство помѣщика, особенно крупнаго, отличается отъ крестьянскаго и отдѣлено отъ него: у помѣщика свои наемные рабочіе, свои орудія, и онъ можетъ использовать свою землю иначе, чѣмъ его сосѣди крестьяне. Помѣщикъ тратитъ извѣстныя средства на закупку матеріала, наемъ людей, постройки и т. д. и старается съ выгодой возвратить потери изъ продажи предметовъ, производимыхъ въ его имѣніи. Не то было въ Западной Европѣ 1000 лѣтъ назадъ. Продать произведенія сельскаго хозяйства было некуда: они имѣлись вездѣ въ достаточномъ числѣ для тогдашняго населенія. Богатый владѣлецъ не могъ выдѣлиться отъ другихъ и особымъ способомъ обработки, посадкой другихъ растеній, лучшими орудіями: ихъ негдѣ и не на что было добыть. Не на что было помѣщику нанять и рабочихъ, и по большей части не имѣлось подходящихъ для этого безземельныхъ или перехожихъ людей. Богатство помѣщика выражалось въ томъ, что онъ въ качествѣ начальника округа, воина и судьи могъ заставить сосѣднихъ крестьянъ платить себѣ и работать у себя; воспользоваться доходомъ со всей земли онъ не могъ иначе, какъ потребивъ все на мѣстѣ со своимъ домомъ, близкими и слугами.

Поэтому у помѣщика было сравнительно небольшое собственное хозяйство и велось оно тѣми же простыми способами, какъ крестьянское. Его благосостояніе опиралось на работу множества мелкихъ хозяевъ, которые сидѣли кругомъ него, или въ предѣлахъ его имѣнія, или въ гра-

ницахъ его судебной власти и подъ его охраной. Эти крестьяне работали вдвойнѣ, на собственныхъ участкахъ и на его землѣ. Вслѣдствіе этого земля, находившаяся подъ властью (dominium) господина, дѣлилась на двѣ неравныя части: небольшую, собственно господскую, и большую, состоявшую изъ крестьянскихъ участковъ. Владѣлецъ жилъ на весь доходъ отъ первой, на часть доходовъ отъ второй, которую ему приносили крестьяне, и, кромѣ того, пользовался ихъ работой.

Крестьяне жили или деревней, тѣснившейся къ господской усадьбѣ, или разбросанными по всему владѣнію отдѣльными дворами. Изъ разныхъ людей составился этотъ крестьянскій зависимый классъ. Иные изъ нихъ произошли отъ свободныхъ мелкихъ владѣльцевъ, которые стали зависѣть отъ церкви за время распространенія христіанства и большихъ благочестивыхъ вкладовъ, или отъ сеньёровъ и воиновъ за время тяжелаго военнаго положенія при Карлѣ и послѣ него; другіе были поселившіеся на землѣ крупныхъ владѣльцевъ арендаторы; третьи произошли отъ рабовъ, купленныхъ или унаслѣдованныхъ господами и посаженныхъ на землю.

Всѣ эти земледѣльцы были сходны между собою по образу жизни и рабочему положенію; всѣ они такъ или иначе подчинялись извѣстнымъ господамъ. Ихъ часто поэтому обозначали общимъ именемъ *вилланов*ъ. Но между ними были люди съ разными правами. Вилланы дѣлились замѣтно на два разряда. Одни были лично свободны и платили господину лишь извѣстный взносъ, *цензъ*, разъ навсегда опредѣленный, за пользованіе своей землей, *цензивой*. Другіе—большинство—были несвободны. Но ихъ нельзя назвать рабами, хотя они сохранили старое названіе рабовъ (servi, во Франціи serfs). Они были связаны съ землей, не могли уйти съ нея; но въ силу обычая и ихъ нельзя было отдать безъ земли, у нихъ нельзя было отнять землю. Это были *крѣпостные*. У крѣпостныхъ крестьянъ было два рода повинностей на владѣльца: во-первыхъ, они были обязаны приходить на работу въ господскую часть имѣнія въ извѣстные сроки и оказывать владѣльцу извѣстныя услуги, отбывать *барщину*; во-вторыхъ, они должны были отдавать господину часть предметовъ, получавшихся съ ихъ хозяйства,—платить *оброкъ*.

Господская часть владѣнія состояла изъ усадьбы съ барскимъ домомъ или замкомъ. Въ ней былъ садъ, огородъ, птичникъ, скотный дворъ, виноградники; къ ней принадлежали пахотныя земли. У господина были слуги для дома и двора, а у крупнаго сеньёра—многочисленная челядь. Во дворѣ его помѣщались различные ремесленники, напримѣръ, оружейникъ, сѣдельникъ, башмачникъ, ткачъ, работа которыхъ нужна была для хозяйскаго обихода. Но у господина большею частью не было работниковъ для поля; эту работу несли крестьяне, принадлежавшіе къ вла-

дѣнію. Въ господскомъ дворѣ были обыкновенно и плуги, но большею частью не было рабочихъ воловъ или лошадей. Наконецъ, на господской землѣ находились мельница, печь для приготовленія хлѣбовъ и давильня для винограда; крестьяне должны были ими пользоваться и платили за это господину особые взносы.

Община. Господская земля не была округлена и совсѣмъ отдѣлена отъ крестьянской. Пахотные участки господской земли лежали узкими полосами вперемежку съ крестьянскими, и крестьянскіе въ свою очередь были нарѣзаны полосками, въ которыхъ чередовались владѣнія разныхъ хозяевъ (черезполосица). Это происходило оттого, что всѣ хозяева, и господинъ, и крестьяне, входили въ составъ одной *общины*, иначе говоря, всѣ были связаны нѣкоторыми общими порядками.

Во-первыхъ, каждому хозяину старались обезпечить, по возможности, одинаковую долю въ землѣ. Но такъ какъ могло быть большое различіе въ плодородіи почвы, въ расположеніи участковъ, то вся земля раздѣлена была на поля разнаго достоинства, и изъ каждаго поля всѣмъ пользователямъ выдѣлены были одинаковыя по величинѣ полосы. Въ этотъ дѣлежъ входила и господская пахотная земля; она также лежала «въ поляхъ общины».

Во-вторыхъ, господская земля была втянута въ самый оборотъ крестьянскаго хозяйства. Такъ какъ участки господина и крестьянъ были перемѣшаны и работали на нихъ одни и тѣ же люди, то необходимо было всѣмъ работникамъ округи держаться одного порядка въ посѣвѣ, или одинаковаго *сѣвооборота*. Обычнымъ порядкомъ было *трехполье*: на одномъ полѣ сѣяли озимое, на другомъ—яровое, третье оставляли подъ паръ; на слѣдующій годъ озимое замѣнялось яровымъ, яровое—паромъ; слѣдовательно, каждый годъ одна треть поля отдыхала, а изъ каждыхъ трехъ лѣтъ одинъ годъ пропадалъ для всего поля. Этотъ способъ обработки былъ однако большимъ шагомъ впередъ сравнительно со старинным перелогомъ, когда послѣ одного или двухъ посѣвовъ на полѣ оно надолго забрасывалось подъ пастбище, и потому приходилось поднимать все новыя и новыя земли. Осенью крестьянскіе и господскіе участки совсѣмъ смѣшивались: когда жатва была собрана, съ поля снимали изгороди, и все оно безъ различенія участковъ обращалось въ общее пастбище для крестьянскаго и господскаго скота. Этой пастьбой удобряли вмѣстѣ съ тѣмъ поле для новаго посѣва.

Въ-третьихъ, общинные порядки выражались въ томъ, что извѣстныя угодья считались въ общемъ пользованіи всѣхъ хозяевъ; въ Германіи эти угодья назывались *альмендой*, т.-е. общимъ достояніемъ. Таковы были, кромѣ пастбищъ, лѣса и луга. Въ лѣсу всякій членъ общины могъ рубить деревья на топливо и для стройки. Лугъ дѣлили на участки, но

ихъ распредѣляли по жребію и мѣняли при новомъ дѣлежѣ, чтобы дать всѣхъ хозяевамъ равное участіе. Дворъ крестьянина, его полевой надѣлъ и доля, которой онъ пользовался въ общихъ угодьяхъ, лѣсѣ, лугѣ, пастбищѣ, считались вмѣстѣ его владѣніемъ, *гуфой*, какъ говорили въ Германіи. Гуфы были различной величины. Землю мѣрили днями работы: участокъ, который можно было вспахать въ одно утро, назывался во Франціи jurnal (дневной), въ Германіи Morgen (утро). Средній размѣръ крестьянскаго надѣла былъ въ 30 моргеновъ (10 дней работы считалось на яровое поле и 20 на озимое).

Повинности. Работа крестьянина на господской землѣ, его барщина, состояла въ томъ, что около Пасхи онъ пахалъ и сѣялъ; къ Иванову дню косилъ и везъ сѣно въ господскій сарай; въ августѣ жалъ и везъ хлѣбъ въ господскій амбаръ. Онъ долженъ былъ также возить господину дрова изъ лѣсу, камень для стройки, приготовлять известь и исполнять работу каменьщика, чинить дороги и мосты. Работа опредѣлялась числомъ рабочихъ дней, на которые приходилъ крестьянинъ. Для болѣе крупныхъ работъ, упряжныхъ, требовались лошади или волы. Достатокъ крестьянина и опредѣлялся прежде всего количествомъ его рабочихъ животныхъ. Надѣлъ его измѣрялся числомъ воловъ, которыми онъ могъ работать. Въ Англіи небольшой надѣлъ, въ 5 десятинъ приблизительно, назывался боватой, т.-е. землей на одного вола; «полнымъ» надѣломъ обыкновенно считался вдвое большій участокъ, который распахивался парой воловъ. Крестьяне болѣе мелкихъ надѣловъ или складывались вмѣстѣ для пріобрѣтенія одного плуга, для работы однимъ воломъ, или работали въ полѣ заступомъ. Ихъ повинности на господина были лишь ручныя.

Оброкъ крестьяне платили натурой. Съ крестьянскихъ полей часть хлѣба шла въ пользу господина; эту долю, снопами, крестьяне должны были отвезти прежде всего въ господскій дворъ, хотя бы ихъ хлѣбъ въ это время стоялъ въ полѣ подъ дождемъ и вѣтромъ. Затѣмъ крестьянинъ отдавалъ часть приплода: въ Рождество Богородицы—поросятъ, въ Святки—куръ, на Пасху—ягнятъ. Крѣпостные крестьяне были подчинены еще другимъ повинностямъ и платежамъ. Господинъ могъ брать съ каждой семьи ежегодно извѣстный налогъ (во Франціи онъ назывался *taille*, что значитъ мѣтка, надрѣзъ ножомъ на биркѣ старосты, собиравшаго взносы). Считалось, что крѣпостной зависитъ тутъ вполнѣ отъ милости господина (taillable et corvéable à merci); но по большей части держались обычая и старины, которые для каждой мѣстности были различны. Крѣпостной платилъ господину, если выдавалъ дочь замужъ за крестьянина другой округи; это была плата за потерю работницы.

Среди крѣпостныхъ хуже всего было положеніе людей «мертвой руки» (main morte): въ случаѣ бездѣтной смерти такого крѣпостного

наслѣдство его должно было достаться господину; но обыкновенно это право смягчали: господинъ отдавалъ имущество ближайшимъ родственникамъ умершаго за извѣстный взносъ. У господина было также право преслѣдовать крѣпостного, если онъ уйдетъ съ земли, на которую былъ посаженъ. Уходя, крѣпостной нерѣдко вступалъ въ число церковныхъ людей или искалъ защиты на землѣ другого сеньёра. Господинъ отыскивалъ его и насильно возвращалъ; или господа вступали между собою въ уговоръ, чтобы взаимно выдавать другъ другу бѣжавшихъ крестьянъ.

Наконецъ, господинъ имѣлъ право *суда* надъ своими крестьянами, и это составляло важный его доходъ. Господскій судъ собственно и былъ правомъ собирать въ свою пользу штрафы.

Управленіе имѣній и деревень. Управлять большимъ имѣніемъ, т.-е. собирать разнообразные оброки и взносы, взыскивать съ крѣпостныхъ разныя работы и имѣть за ними надзоръ, было дѣломъ сложнымъ. Крупный владѣлецъ не занимался этимъ самъ, а поручалъ дѣло *приказчикамъ* (по-латыни villicus, по-нѣмецки Meier); особенно такъ поступали владѣтели изъ среды духовенства, епископы и монастыри. Приказчикъ былъ, обыкновенно, самъ крестьянинъ, часто даже изъ крѣпостныхъ. Онъ получалъ за свою службу участокъ побольше обыкновеннаго крестьянскаго и удерживалъ часть тѣхъ предметовъ, которые собиралъ на господина; онъ присматривалъ за работами при помощи выбраннаго крестьянами старосты. Часто должность приказчика переходила къ сыну и оставалась въ извѣстной семьѣ; сеньёръ уже не могъ его смѣнить такъ же, какъ онъ долженъ былъ оставлять за вассаломъ его владѣніе. Изъ различныхъ лицъ, служившихъ въ управленіи у господина, составлялся цѣлый рядъ такъ наз. *министеріаловъ*, т.-е. меньшихъ. Значительная ихъ часть были рабы, отпущенные на волю и оставшіеся при дѣлѣ и подъ покровительствомъ господина.

У крѣпостныхъ и другихъ людей, приписанныхъ къ имѣнію, не было никакой высшей управы противъ суда и произвола сеньёровъ, когда все государство распалось на сеньёріи и бароніи и когда самъ король сталъ лишь однимъ изъ сеньёровъ. Поэтому могли быть случаи жестокаго своеволія господъ надъ подчиненными. Но, вообще говоря, господинъ не могъ очень самовластно распоряжаться. Безъ оброковъ и работы вилланов ему нельзя было существовать и ему не выгодно было безъ мѣры увеличивать повинности и разорять крестьянъ. Поэтому удобнѣе всего для него было держаться обычая и старины и оставлять изъ года въ годъ тѣ же издавна установившіяся условія работы и тѣ же взносы.

Обычай былъ лучше всего извѣстенъ самимъ вилланамъ, а потому для обсужденія и рѣшенія различныхъ крестьянскихъ дѣлъ созывался

въ извѣстные сроки *сельскій сходъ* (въ Германіи—bur-mall, т.-е. крестьянская сходка, въ Англіи—halimot, сходка въ замковомъ дворѣ). Здѣсь рѣшалось все, касавшееся имущества вилланов: господинъ вручалъ новый надѣлъ крестьянину, по-старинному передавая ему палку или вѣтку, а собраніе односельчанъ своимъ присутствіемъ свидѣтельствовало и скрѣпляло надѣленіе; тутъ же разбирались разные тяжбы и споры между вилланами и судили провинившихся. Господинъ былъ лишь предсѣдателемъ этого крестьянскаго суда; какъ въ судѣ свободныхъ людей, такъ и здѣсь засѣдатели, обыкновенно 12 крестьянъ «присяжныхъ», разслѣдовали дѣло, слушали свидѣтелей и указывали приговоръ. Эти крестьянскіе сходы очень ограничивали власть господина, но они помогали ему также держать въ страхѣ своихъ министеріаловъ, за которыми иначе было трудно услѣдить.

Общія черты феодальнаго строя. Жизнь отличалась крайнимъ однообразіемъ; но ее нельзя было назвать спокойной. Военные люди, сеньёры, бароны и рыцари, не имѣвшіе надъ собою по-настоящему власти, скучавшіе въ мирное время безъ дѣла, заводили между собою усобицы или мстили за обиды и дѣлали другъ къ другу враждебные наѣзды. Это считалось особымъ *правомъ частной войны*. Отъ такихъ наѣздовъ больше всего страдали крестьяне; баронъ старался испортить врагу посѣвы или виноградники, угнать стада. Мелкій рыцарь, который не могъ сдѣлать такого наѣзда, устраивалъ засаду въ лѣсу, въ оврагѣ, на опасномъ переѣздѣ и подстерегалъ противника или нападалъ на купцовъ и бралъ себѣ долю ихъ товара. Разорительно для крестьянъ было и господское *право охоты*. Лѣсовъ было очень много, и они были богаты дичью, помимо мелкой, лисицъ, куницъ и зайцевъ, также и крупною, оленями, медвѣдями, зубрами. Нерѣдко право охоты въ извѣстныхъ лѣсахъ было важнымъ пожалованіемъ со стороны короля или крупнаго сеньёра. Только господинъ имѣлъ право охоты; крестьянамъ строго воспрещалось не только охотиться въ лѣсу, но даже прогонять дичь со своихъ полей и убивать ее, когда она уничтожала ихъ посѣвы. Охота сеньёра со свитой составляла какъ бы остатокъ стариннаго бродячаго быта въ лѣсахъ; всадники и звѣри топтали нивы и луга, точно и не существовало земледѣлія.

Деревни были по большей части жалки. Множество крестьянъ жило въ курныхъ избахъ; вмѣсто оконъ были отверстія, затыкавшіяся сѣномъ. Знали очень немного посѣвныхъ растеній и не умѣли удобрять земли. Оттого были часты неурожаи; часто по большимъ областямъ проходилъ страшный голодъ; народъ вымиралъ отъ недостатка пищи или кормился травой, кореньями, падалью, доходилъ даже до людоѣдства; выкапывали покойниковъ или убивали живыхъ. Оттого за голодными

годами, которые съ какой-то страшной правильностью повторялись въ Европѣ, слѣдовали жестокія заразныя болѣзни, уносившія снова множество народа. Населеніе туго возрастало или даже по временамъ уменьшалось въ количествѣ. При этихъ условіяхъ жизнь не шла впередъ, не выставляла новыхъ потребностей, а двигалась въ одномъ и томъ же кругу.

Описанное устройство общества мы привыкли теперь называть *феодализмомъ*. Это слово, произведенное отъ феода, не существовало въ то время. Мы разумѣемъ подъ феодализмомъ слѣдующія главныя черты управленія и хозяйства, весьма отличныя отъ современныхъ намъ.

1) Государство почти не связывало людей: не существовало общихъ взносовъ, общихъ повинностей народа цѣлой страны, большихъ сооруженій на общій счетъ. Государство было раздроблено на небольшія независимыя области, а области—на почти независимыя большія имѣнія, при чемъ правители областей и отчасти владѣтели имѣній, не чувствуя надъ собой верховной власти, приказывали, судили, расправлялись и воевали, какъ государи, подчиняясь, впрочемъ, во многомъ обычаю.

2) Только военный человѣкъ и землевладѣлецъ могъ сохранить самостоятельность. Рабочій попадалъ въ зависимость отъ охраны сильнаго и прикрѣплялся къ нему. Но, и господинъ былъ связанъ со своей землей; у него не было капитала, жалованья, онъ кормился тѣмъ, что производилось на мѣстѣ, работой рукъ тѣхъ людей, которыхъ онъ подчинилъ или которыхъ ему подарили. Господа и рабочіе не могли сойти со своихъ мѣстъ и были связаны другъ съ другомъ: однимъ нельзя было бы существовать безъ чужой работы, другимъ—нечѣмъ было откупиться отъ этой работы.

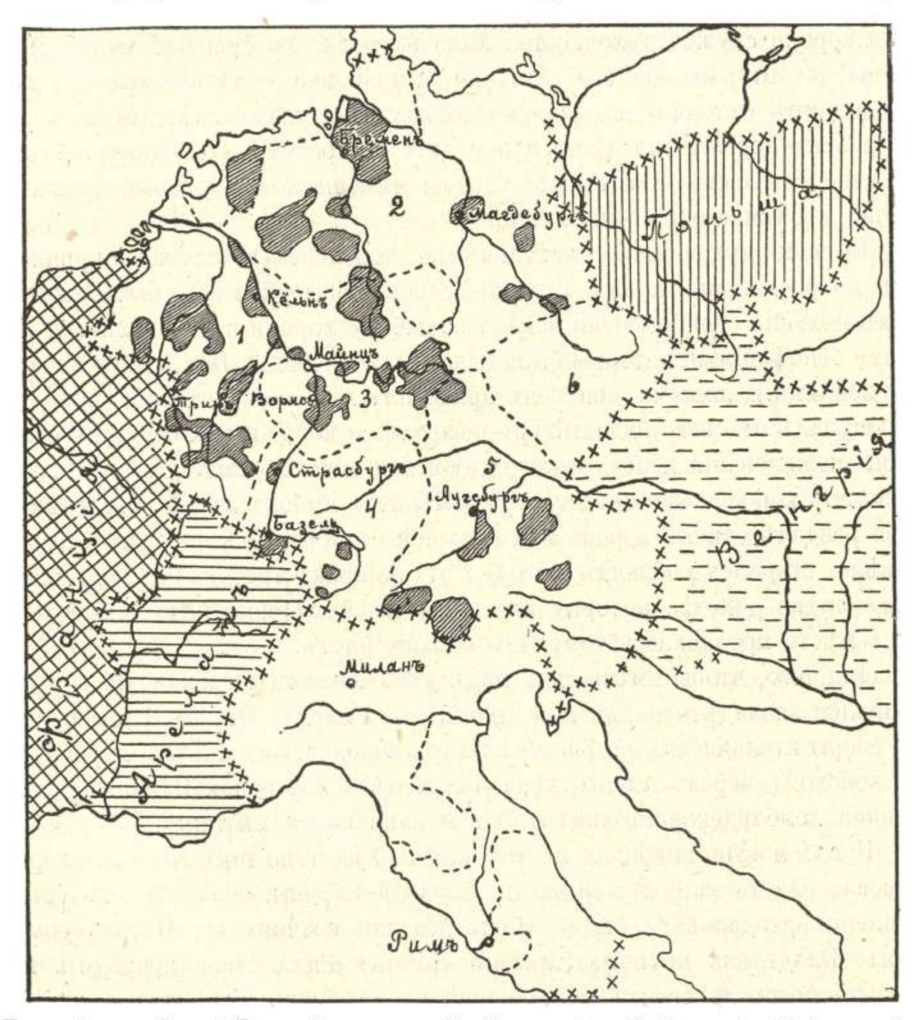
6. Германія и Италія въ X и XI вв.

Германскіе императоры. Сношенія между разобщенными областями Европы поддерживались странствующими купцами, богомольцами, которые направлялись къ большимъ святынямъ, особенно въ Римъ, и папскими легатами (послами), пріѣзжавшими изъ Рима. Изрѣдка большое собраніе, напр., для выбора короля, соединяло вмѣстѣ много духовенства, бароновъ и рыцарей. Въ X и XI вв. всего болѣе было связи между Германіей и Италіей. Съ юга черезъ Альпы и потомъ по Рейну къ Сѣверному морю направлялись изъ Византіи и мусульманскихъ странъ нѣкоторые товары, тонкія ткани, пряности и др. Съ сѣвера изъ-за Альпъ приходили съ большими свитами вассаловъ германскіе короли, чтобы добывать себѣ корону Италіи.

Германскіе короли выбирались изъ числа крупныхъ сеньёровъ. Сначала, въ теченіе X столѣтія, королями были герцоги *саксонскіе*, затѣмъ,

въ теченіе слѣдующаго XI вѣка (1024—1125 г.), владѣтели другого большого герцогства, Франконіи. Опираясь на свои наслѣдственныя владѣнія, короли старались подчинить себѣ другихъ крупныхъ сеньёровъ.

Въ серединѣ X в. король саксонскаго дома Оттонъ I искалъ опоры

Германія въ X и XI вв. Герцогства: 1) Лотарингія, 2) Саксонія, 3) Франконія, 4) Швабія, 5) Баварія, 6) Богемское королевство (Чехія), вошедшее въ составъ Германіи. Темными пятнами показаны владѣнія епископовъ.

противъ сеньёровъ въ епископахъ и аббатахъ большихъ монастырей. Онъ отдалъ имъ въ управленіе обширныя земли, которыя врѣзывались во владѣнія герцоговъ. Земли эти лежали главнымъ образомъ въ самой населенной западной части Германіи, вдоль торговаго пути по Рейну; здѣсь находилось и большинство городовъ, частью сохранившихся отъ

римскихъ временъ: Кёльнъ (Colonia), Майнцъ, Вормсъ, Страсбургъ. Духовенство, заправлявшее черезъ приказчиковъ имѣніями и службой вассаловъ, обязано было выставлять королю военные отряды, иногда даже идти во главѣ ихъ, привозить провіантъ или кормить изъ большихъ запасовъ въ замкахъ свиту короля и его войско во время передвиженія. Для короля служба духовенства была выгодна: со смертью, напр., епископа, у котораго, по его сану, не было семьи и дѣтей, земли и доходы опять отходили къ королю, между тѣмъ какъ свѣтскій сеньёръ старался удержать владѣніе и передать его своему наслѣднику. Духовенство болѣе всего замѣняло королю *чиновниковъ*, которые служатъ лично и смѣняются по назначенію.

Высшее духовенство, вступивъ на королевскую службу, приняло однако феодальные нравы. Крупные сановники церкви (*прелаты*) жили, какъ большіе сеньёры. Они искали службы у короля и управленія большими бенефиціями, которыя были связаны со службой. Вступая во владѣніе землями и замками, епископъ приносилъ королю вассальную присягу и получалъ отъ него инвеституру посохомъ и кольцомъ; такъ какъ безъ этого пожалованія нельзя было и добиться епископскаго сана, то выходило, что королевская инвеститура замѣняетъ выборъ въ духовный санъ. При раздачѣ сановъ король или большой сеньёръ, отъ котораго это зависѣло, старался соблюсти выгоду: отъ клирика требовали взноса впередъ за тѣ доходы, которые онъ долженъ былъ получить, и епископское мѣсто продавалось тому, кто больше дастъ.

Для того, чтобы имѣть силу надъ духовенствомъ, германскій король старался завладѣть *церковной столицей*, Римомъ. Оттонъ I вмѣшался въ споры итальянскихъ герцоговъ изъ-за королевскаго титула, перешелъ съ войскомъ черезъ Альпы, вѣнчался желѣзной короной Италіи въ старинной ломбардской столицѣ Павіи и направился къ Риму.

Послѣ могущественнаго папы Николая I папство такъ же, какъ королевская власть въ большей части западной Европы, ослабѣло отъ установленія феодальнаго строя. Папы роздали вотчину св. Петра сеньёрамъ. Владѣтели крупныхъ имѣній кругомъ Рима стали проводить на папскій престолъ своихъ родственниковъ, особенно младшихъ сыновей. Между родами сеньёровъ поднимались жестокія усобицы; однихъ папъ свергали противники, другіе сами участвовали въ убійствахъ. Въ концѣ X в. судили одного умершаго папу: враги извлекли его трупъ изъ могилы, притащили передъ лицо судей и бросили въ Тибръ. Одного изъ папъ X в. зарѣзали, другого задушили въ тюрьмѣ, третій убилъ двухъ папъ, своихъ соперниковъ; его самого умертвили и кинули у подножія старой императорской статуи на Капитоліи. Папами становились свѣтскіе люди, любители охоты и попоекъ; одинъ изъ сеньёровъ провелъ на папскій престолъ своего сына, 12-лѣтняго мальчика.

Вступивъ въ Римъ, Оттонъ обѣщалъ возстановить церковь и вернуть ей земли св. Петра; за это папа долженъ былъ возложить на него императорскую корону (962 г.). Новый императоръ, въ качествѣ покровителя церкви, хотѣлъ установить въ ней порядокъ. Онъ потребовалъ, чтобы папы избирались по обычаю, но посвящались не прежде, какъ принесутъ присягу императору или его посланнымъ. Это было новое возстановленіе *священной Римской имперіи*, полтораста лѣтъ спустя послѣ Карла Великаго. Имперія была теперь меньше на одну треть, въ нее не входила Францiя.

Римскіе походы. Съ этого времени германскіе короли въ теченіе четырехъ столѣтій повторяли путь Оттона. Почти каждый изъ нихъ, будучи избранъ съѣздомъ князей и епископовъ въ Германіи, собиралъ вассаловъ и предпринималъ «римскій походъ». Свита и войско двигались обыкновенно черезъ Восточные Альпы (проходъ Бреннеръ). Германскій король завоевывалъ себѣ итальянское королевство и спѣшилъ въ Римъ короноваться императоромъ. По понятіямъ того времени требовалось избраніе со стороны «народа римскаго». Этимъ народомъ считались теперь граждане города Рима; но они нерѣдко запирали ворота передъ «варварами», какъ они называли германскихъ воиновъ, или поднимали возстаніе на улицахъ, когда войско было уже въ стѣнахъ.

Когда доходило до коронованія, совершался рядъ церемоній, смыслъ которыхъ былъ тотъ, что власть императора—святая охрана надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ. Въ Римѣ короля встрѣчали народъ и духовенство. У лѣстницы собора св. Петра онъ сходилъ съ коня и поднимался на папертъ, гдѣ его ждалъ папа. Король давалъ клятву охранять церковь и цѣловалъ у папы ногу. Оба они опускались на колѣни у входа на кругломъ порфирномъ камнѣ, вдѣланномъ въ полъ, и король произносилъ символъ вѣры. Въ папской ризницѣ онъ одѣвался въ церковное платье, и папа служилъ съ нимъ обѣдню. Послѣ Евангелія читалась молитва: «Господи, Ты соорудилъ римскую имперію для распространенія евангелія вѣчнаго царства Твоего. Даруй небесное оружіе служителю Твоему, нашему императору». Затѣмъ папа надѣвалъ королю золотое кольцо, опоясывалъ его мечомъ и вѣнчалъ короной Карла Великаго.

Облеченные священною властью, императоры думали, что на нихъ лежитъ долгъ очищать церковь отъ порчи нравовъ и злоупотребленій, призывать къ порядку забывшихся владыкъ церкви. Поэтому императоры не разъ смѣщали папъ, которые казались имъ недостойными, и возводили новыхъ по своему умотрѣнію. Сильный императоръ *франконской* династіи, Генрихъ III, (около 1050 г.) низложилъ папу, купившаго себѣ санъ у своего предшественника, и осудилъ двухъ его соперниковъ. Затѣмъ онъ возвелъ одного за другимъ трехъ германскихъ епископовъ на

папскій престолъ. Императоръ хотѣлъ удержать за собою разъ навсегда право назначать папу.

Послѣ смерти Генриха III и въ малолѣтство его сына, Генриха IV, положеніе перемѣнилось. При папскомъ дворѣ и на папскомъ престолѣ появились энергичные люди, исполненные желанія высоко поднять церковь надъ остальнымъ обществомъ. Въ папствѣ и во всемъ церковномъ порядкѣ произошли крупныя преобразованія. Дѣятели, которые провели ихъ, принадлежали къ большому и сильному монашескому движенію.

Клюнійская реформа. Старинные монастыри бенедиктинскаго устава пришли въ большой упадокъ. Ихъ монахи мало стѣсняли себя исполненіемъ обѣтовъ и вели легкую свѣтскую жизнь; между ихъ общинами не было связи. Въ X вѣкѣ выступили сторонники новаго строгаго монастырскаго правила. Оно возникло во французскомъ монастырѣ *Клюни*, основанномъ въ долинѣ р. Соны. Суровый уставъ этого монастыря распространился по множеству обителей во всей Европѣ, частью старыхъ, частью вновь основанныхъ клюнійскими монахами. Ревнители монашества сохраняли между собою тѣсную связь; всѣ ихъ монастыри составили одно цѣлое и повиновались власти архіаббата, т.-е. аббата Клюни, который ставилъ игумновъ во всѣ остальныя общины. Другой важный чертой въ строѣ клюнійскихъ монастырей было то, что они считали себя подчиненными только папѣ, минуя епископовъ и свѣтскую власть.

Клюнійцы, «черные монахи», не ограничивались одной *реформой* (преобразованіемъ) монастырей. Они старались повліять на нравы окружавшаго ихъ грубаго общества. Тяжелыя бѣдствія, голодовки, повальныя болѣзни, болѣе страшныя и опустошительныя при тогдашнихъ условіяхъ жизни, по временамъ вызывали у множества людей мысль о близкой кончинѣ міра. Церковные ревнители, раздѣляя это вѣрованіе, требовали, чтобы люди достойно приготовились къ концу и прекратили взаимную злобу и непрерывную распрю. Подъ ихъ вліяніемъ на съѣздахъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ принимались торжественныя обѣщанія соблюдать «Божій миръ». Собравшіеся постановляли: «отнынѣ никто не долженъ врываться въ церковь, оскорблять монаховъ, хватать крестьянъ, грабить купцовъ, забирать скотъ». Заключался договоръ о мирѣ, и участники его давали клятву избѣгать войны и вооруженной силой останавливать тѣхъ, кто будетъ поднимать войну; духовенство скрѣпляло договоръ и грозило отлученіемъ тѣмъ, кто нарушитъ принятыя условія.

Но истребить вовсе феодальныя усобицы и набѣги считали тогда невозможнымъ. Поэтому сторонники мира стали ограничиваться болѣе умѣренными требованіями; они старались склонить бароновъ и рыцарей къ устройству союзовъ, члены которыхъ воздерживались бы отъ войны и ссоръ только на извѣстные сроки, особенно чтимые церковью: во вре-

мя поста или большихъ праздниковъ, или въ извѣстные дни недѣли для того, чтобы провести благочестиво субботу и воскресенье. Такіе сроки, когда складывалось оружіе, назывались «Божіимъ перемиріемъ».

Въ своемъ стремленіи поднять и преобразовать общество клюнійцы болѣе всего нападали на установившіеся порядки церкви, которые они считали большою порчею. По ихъ мнѣнію, духовенство вмѣсто того, чтобы служить мірскимъ интересамъ, считать доходы, командовать войсками и жить въ роскоши, должно было бы отличаться монашеской чистотой нравовъ, отреченіемъ отъ земныхъ благъ; только такіе руководители могутъ указать обществу высшія цѣли. Всего болѣе возмущались люди строго монашескаго направленія покупкой духовнаго сана: они стали называть ее *симоніей* (отъ имени Симона Волхва, который, по словамъ Дѣяній, хотѣлъ купить у апостоловъ даръ «творить чудеса») и требовали изгнанія «расхитителей церкви», симонистовъ. Они ждали, что реформу начнетъ Римъ, и представляли себѣ измѣненіе всего духовенства по образцу Клюни: всѣ церкви должны подчиниться римскому первосвященнику.

Между монахами было еще болѣе *крайнее* направленіе. Его сторонники представляли себѣ міръ какъ бы раздѣленнымъ на двѣ половины, подобныя душѣ и тѣлу человѣка. Въ одной правитъ возвышенное начало, духовная власть, въ другой—низменное, власть свѣтская; первая идетъ отъ Христа, вторая отъ Немврода. Поэтому первая, исходящая отъ духа свѣта, должна господствовать надъ міромъ, исправлять и сдерживать другую, руководимую нерѣдко грѣховыми побужденіями. Ревнители выражались иногда очень рѣзко, повторяя образы Августина въ его «Государствѣ Божіемъ»: они говорили, что тѣ, кто изобрѣлъ свѣтскую власть, кипѣли корыстью и безумнымъ тщеславіемъ, по внушенію діавола.

Мыслями клюнійцевъ о реформѣ церкви и общества былъ увлеченъ благочестивый императоръ Генрихъ III, но онъ считалъ свою императорскую власть верховнымъ руководящимъ началомъ всего дѣла. Послѣдній изъ назначенныхъ имъ папъ, Левъ IX, его близкій родственникъ, былъ также горячій сторонникъ реформы. Клюніецъ Петръ Даміани, привлеченный въ санъ кардинала, т.-е. ближняго епископа римской церкви, посвятилъ этому папѣ сочиненіе, въ которомъ называлъ церковь, терпящую зло симоніи, Гоморрой.

Но скоро при папскомъ престолѣ выдвинулись другіе клюнійцы, болѣе рѣзкаго направленія, которые хотѣли самостоятельности церкви. Кардиналъ Гумбертъ, тотъ самый, который положилъ на престолъ св. Софіи въ Константинополѣ посланіе, проклинавшее восточную церковь, считалъ главной причиной порчи церкви власть императора; онъ былъ увѣренъ,

что Генрихъ III послѣ смерти осужденъ на мученія въ аду. Въ своемъ сочиненіи о симоніи Гумбертъ говорилъ, что императоръ и короли, князья и всѣ свѣтскіе властители торгуютъ достояніемъ церкви и забываютъ о своихъ прямыхъ обязанностяхъ. Церковь стонетъ въ рабскомъ подчиненіи; государямъ нечего вмѣшиваться въ церковную область. Недопустимо, чтобы король давалъ епископу посохъ и кольцо, символы высшаго пастырскаго сана. Инвеститура, совершонная свѣтскимъ лицомъ, все равно, что симонія; незаконны и недостойны посвященные такимъ способомъ епископы.

Римская реформа церкви. Эти мысли получили, наконецъ, въ дѣятельности Гильдебранда полное выраженіе. Гильдебрандъ, сынъ тосканскаго крестьянина, рано ушелъ въ монастырь; но его необыкновенныя дарованія дѣлали его вездѣ замѣтнымъ, и онъ не могъ отдаться уединенію. Аббатъ Клюни предложилъ его въ спутники Льву IX, отправлявшемуся въ Римъ. Со своими рѣшительными взглядами Гильдебрандъ держался сначала въ сторонѣ отъ папскаго управленія. Но послѣ смерти Генриха III и Льва IX онъ выдвинулся на первое мѣсто послѣ папы. Въ теченіе 15 лѣтъ при двухъ папахъ онъ заправлялъ дѣлами.

Маленькій ростомъ, некрасивый, со слабымъ голосомъ, Гильдебрандъ поражалъ необузданной энергіей. Рѣчь его была рѣзкая и бурная; вмѣсто «гнѣва Божія», онъ говорилъ: «ярость Господня»; онъ любилъ сравнивать орудія церкви съ мечами и копьями. Впослѣдствіи, будучи папою, онъ думалъ стать во главѣ рыцарскаго ополченія и идти противъ невѣрныхъ на освобожденіе Іерусалима. Въ терпѣніи онъ видѣлъ не добродѣтель, а зло. Гильдебрандъ низко цѣнилъ людей; сильные міра, государи и епископы, по его мнѣнію, лишь соперничаютъ въ томъ, чтобы погубить церковь. Но на землѣ должна торжествовать справедливость, и во имя нея нѣтъ пощады и сострадания. Св. Петръ, государь и властитель, первый послѣ Бога, сломитъ своей желѣзной силой все, что станетъ ему на дорогѣ. Главное основаніе міровой справедливости—безграничное господство Рима и папы. Епископы лишь исполнители воли папы; смиренными поѣздками въ Римъ должны они выказывать полную преданность свою. Соборы—лишь свидѣтели дѣяній папы. Престолъ св. Петра все можетъ вязать и рѣшить: онъ можетъ уничтожить силу всякой присяги. Церковь—неизмѣримо выше свѣтской власти; нижайшій представитель церкви выше могущественнѣйшаго государя. Папа—верховный правитель на свѣтѣ, короли обязаны безусловно слушаться его, германскій императоръ долженъ стать вассаломъ папы и Рима. Папа рѣшаетъ, кто истинный, законный государь; отлученный имъ король—не король болѣе; какъ пепелъ и солому развѣетъ папа его силу по вѣтру.

Первая мѣра, которую провелъ Гильдебрандъ, была направлена къ

тому, чтобы освободить папъ отъ подчиненія императору и тѣмъ партіямъ, которыя на папскихъ выборахъ боролись въ самомъ Римѣ. На соборѣ въ Римѣ было рѣшено, что папу будутъ избирать одни только *кардиналы*, т.-е. ближніе епископы римской области и священники главнѣйшихъ римскихъ церквей; они должны лишь сообщить о своемъ рѣшеніи римскимъ сеньёрамъ и народу; вѣчное проклятіе было объявлено тому, кто осмѣлится волновать церковь римскую. О какомъ-либо участіи императора не упоминалось.

Чтобы удержать этотъ порядокъ, папѣ нужно было стать снова господиномъ вотчины св. Петра и сломить мѣстныхъ сеньёровъ. Папѣ помогли французскіе норманны, завоевавшіе (у грековъ, арабовъ и лангобардовъ) Сицилію и южную Италію. Сначала норманны были мало почтительны къ св. престолу и взяли въ плѣнъ папу Льва IX. Но его преемникъ, по совѣту Гильдебранда, помирился съ ними и, опираясь на право «Константинова дара», утвердилъ за ними завоеванную землю. Зато норманны принесли папѣ вассальную присягу и обязались помогать римской церкви противъ всякаго ея врага; при выборахъ папы они обѣщали стоять за избранника кардиналовъ. Союзъ этотъ былъ очень важенъ. Папы только что порвали съ греческой церковью (въ 1054 при Львѣ IX); теперь грозилъ также разрывъ съ германскимъ императоромъ вслѣдствіе перемѣны въ порядкѣ папскихъ выборовъ; тѣмъ нужнѣе была папамъ поддержка сильныхъ норманновъ.

Далѣе готовилось крупное измѣненіе во всемъ быту духовенства. До тѣхъ поръ всѣ почти священники и нѣкоторые епископы имѣли семьи. Это привязывало клириковъ къ мѣсту; они старались увеличить свои имущества, чтобы обезпечить дѣтей, нерѣдко передавали имъ свой санъ, составляя такимъ образомъ наслѣдственное духовное сословіе; изъ страха потерять владѣнія они искали расположенія свѣтской власти. Гильдебрандъ дѣлалъ отсюда прямое заключеніе: «церковь не можетъ быть освобождена отъ рабскаго подчиненія свѣтскимъ людямъ, если клирики не будутъ освобождены отъ брака». Это требованіе совпадало со взглядомъ клюнійцевъ, что все духовенство должно жить по-монашески. На нѣсколькихъ соборахъ было провозглашено обязательное *безбрачіе* священниковъ, а затѣмъ папы начали требовать смѣщенія женатыхъ клириковъ. Всюду поднялось сильное сопротивленіе со стороны духовенства. Народъ принималъ въ этомъ дѣлѣ горячее участіе: часть населенія становилась на сторону папы и монаховъ, особенно низшіе классы, недовольные поборами духовенства, другая часть—на сторону священниковъ.

Въ городахъ сѣверной Италіи, особенно въ многолюдномъ промышленномъ Миланѣ, поднялось сильное возстаніе, такъ наз. *Патарія*. Мелкіе рыцари и простой народъ соединились около вождей, которые

въ бурныхъ проповѣдяхъ на улицѣ требовали отъ духовенства евангельской бѣдности, громили богатыхъ и семейныхъ священниковъ, принадлежавшихъ большею частью къ высшему классу, и особенно нападали на архіепископа, допускавшаго симонію и браки духовенства. Возбужденная толпа врывалась въ дома священниковъ, выгоняла ихъ, отнимала имущество. Гильдебрандъ сталъ на сторону возставшихъ. Въ Миланъ пріѣхалъ папскій легатъ для суда надъ архіепископомъ и духовенствомъ. Они должны были торжественно отказаться отъ симоніи и брака священниковъ, архіепископъ принесъ присягу св. Петру. Сила крупнѣйшаго прелата Италіи, который былъ самой важной опорой императора въ этой странѣ, сломилась. Вся Италія была теперь подчинена папѣ.

Но далеко не все было кончено. Въ Германіи, во Франціи вездѣ клирики во множествѣ вооружались противъ мѣры папы, изгоняли его сторонниковъ и оскорбляли его легатовъ. Неудачи не останавливали Гильдебранда и его партію. Они были убѣждены, что только священники-монахи, не связанные ни родствомъ, ни выгодой, ни мѣстомъ поселенія, могутъ безбоязненно служить церкви. Они хотѣли ввести въ церкви порядки чиновничьей службы: клирики, отрѣшенные отъ всякихъ постороннихъ интересовъ, «умершіе для міра», должны знать лишь одну волю своего государя-папы, лишь одинъ законъ—церковныя предписанія.

Папа Григорій VII. Когда Гильдебрандъ сдѣлался самъ папою (1073 г.), подъ именемъ Григорія VII, реформа церкви стала еще рѣшительнѣе. Папа осудилъ совѣтниковъ германскаго короля, уличенныхъ въ симоніи; нѣсколько германскихъ и итальянскихъ епископовъ онъ смѣстилъ и отлучилъ за то же самое. Далѣе Григорій VII выразилъ требованіе, чтобы никто изъ духовенства не принималъ инвеституры отъ свѣтскаго лица; государи не должны мѣшать способнымъ людямъ свободно достигать духовнаго сана.

Всѣ предшествующія перемѣны въ церкви были проведены въ малолѣтство Генриха IV, сына Генриха III; королевская власть не мѣшала папѣ. Но теперь король выросъ и сознавалъ себя сильнымъ; епископы, въ его глазахъ, были чиновники государства, которыхъ онъ назначалъ по давно утвердившемуся обычаю. Генрихъ IV нашелъ постановленіе папы объ инвеститурѣ неслыханнымъ нарушеніемъ королевскихъ правъ. Соборъ, созванный королемъ въ Вормсѣ, объявилъ, что папа руководится злымъ честолюбіемъ, и низложилъ «лжемонаха Гильдебранда»; въ Римъ были отправлены королевскіе послы, чтобы побудить гражданъ и духовенство къ избранію новаго папы. Въ отвѣтъ на это Григорій VII собралъ въ Римѣ французскихъ и итальянскихъ прелатовъ, произнесъ въ свою очередь проклятіе своимъ противникамъ, объявилъ Генриха лишеннымъ власти короля надъ Германіей и Италіей и разрѣшилъ всѣхъ его подданныхъ отъ присяги вѣрности.

Не только та часть духовенства, которая стояла за преобразованіе, приняла сторону папы; многіе сеньёры Германіи были недовольны королемъ. Генрихъ пытался разрушить власть герцоговъ: онъ искалъ поддержки у свободолюбивыхъ горожанъ, особенно по Рейну, и опирался на своихъ министеріаловъ, вольноотпущенныхъ, служившихъ по имѣніямъ и бургамъ королевскихъ наслѣдственныхъ владѣній. Болѣе всего король тѣснилъ саксовъ: въ ихъ странѣ были построены крѣпости, будто бы для защиты отъ славянъ и датчанъ, а въ сущности для господства надъ мѣстными жителями; король со своимъ дворомъ поселился въ Саксоніи и настойчиво взималъ кормы и пошлины со страны. Вспыхнуло возстаніе, но король одолѣлъ саксовъ при помощи южногерманскихъ ополченій и роздалъ своимъ министеріаламъ лены, отобранные у саксонскихъ рыцарей.

Князья, противники усиленія королевской власти въ Германіи, воспользовались теперь папскимъ рѣшеніемъ и, собравшись на съѣздъ, низложили короля. Генриху оставалось только искать примиренія съ папой. Онъ спѣшно, зимой, почти безъ спутниковъ поѣхалъ черезъ занесенные снѣгомъ Альпы просить прощенія у папы. Григорій находился въ крѣпкомъ замкѣ Каноссѣ (въ Тосканѣ); онъ не хотѣлъ сначала принимать короля и заставилъ его прождать нѣсколько дней передъ запертыми воротами. Наконецъ, онъ смягчился; въ одеждѣ кающагося Генрихъ простерся передъ нимъ, и папа простилъ его.

Но въ Германіи уже выбрали другого короля въ присутствіи папскихъ легатовъ. Борьба должна была разгорѣться. Генрихъ вернулся въ Германію, снова потребовалъ на соборѣ низложенія Григорія и выставилъ со своей стороны новаго папу. Онъ разбилъ своего противника, короля, выбраннаго мятежниками, и двинулся съ войскомъ за Альпы. Торговымъ городамъ сѣверной Италіи онъ далъ важныя вольности, и они стали на его сторону. Наконецъ, Генрихъ вступилъ со своимъ папою въ Римъ и короновался императоромъ. Городъ раздѣлился на два укрѣпленные лагеря: въ замкѣ св. Ангела держался Григорій VII, а папскій дворецъ (Латеранъ) и соборъ св. Петра были въ рукахъ императора; на извилистыхъ узкихъ улицахъ происходили жестокія побоища. Нѣмецкіе воины уже взяли Капитолій; въ это время на помощь папѣ явились его союзники, норманны южной Италіи. Они освободили Григорія VII, но разорили вмѣстѣ съ наемными сарацинами Римъ; папа долженъ былъ бѣжать въ ихъ владѣнія и скоро умеръ съ тяжелой мыслью о крушеніи своего дѣла.

Въ этой борьбѣ обѣ стороны, и папа, и императоръ, искали сочувствія и поддержки широкихъ круговъ общества: къ народу обращались съ рѣчами, грамоты объявлялись во всеобщее свѣдѣніе. Интересъ къ поднявшимся вопросамъ былъ великъ: не только при дворѣ и въ до-

махъ крупныхъ сеньёровъ, но также на судебныхъ собраніяхъ, на ярмаркахъ и рынкахъ прислушивались къ новостямъ, вели споры и читали листки, которые составлялись въ защиту папы или императора. Сложилась новая сила—*общественное мнѣніе*; возникло и новое средство, чтобы дѣйствовать на общество—*публицистика*, т.-е. литература, обсуждающая вопросы, которые живо интересуютъ публику.

Главный вопросъ, который разбирали писатели съ той и другой стороны, состоялъ въ томъ, какая власть выше, свѣтская или духовная. Одни утверждали, что на землѣ нѣтъ власти выше папской, другіе говорили, что свѣтскій государь—намѣстникъ Божій на землѣ, и поэтому отъ него зависитъ благо церкви. Этотъ споръ приводилъ къ другому вопросу, о самомъ основаніи власти: отъ кого она исходитъ, кѣмъ дана, Богомъ или людьми? Сторонники императора утверждали, что онъ отвѣтственъ лишь передъ Богомъ. Сторонники папы доказывали, что свѣтскій государь не имѣетъ права требовать себѣ безусловнаго подчиненія: его власть основана на *договорѣ съ народомъ*; дурное правленіе короля есть нарушеніе договора, народъ тогда въ свою очередь не обязанъ соблюдать повиновеніе и въ правѣ свергнуть и прогнать государя.

Книги и листки писались клириками, и притомъ на церковномъ языкѣ, по-латыни. Но тѣмъ не менѣе они быстро расходились. Помимо монастырскихъ и епископскихъ дворовъ во всѣхъ богатыхъ домахъ служили въ качествѣ грамотныхъ людей, писцами, управляющими, врачами—клирики, получавшіе жалованье или жившіе въ ожиданіи доходной церковной должности; они переписывали, переводили на народный языкъ, толковали и излагали выходившія сочиненія.

Конецъ спора объ инвеститурѣ. Генрихъ пережилъ Григорія на 20 лѣтъ. Но преемники властнаго папы не сняли съ императора отлученія, и со смертью главныхъ противниковъ борьба не прекратилась. Въ концѣ долгаго правленія Генриха IV папа поднялъ противъ стараго государя его сына. Но и новый императоръ, Генрихъ V, сталъ дѣйствовать какъ его отецъ, не уступая правъ свѣтской власти и продолжая назначать епископовъ. Наконецъ, князья, для которыхъ всего важнѣе было сохранить за имперіей обширныя земли, управляемыя духовными лицами, добились примиренія между императоромъ и папой. Послѣ долгихъ переговоровъ обѣ стороны приняли *соглашеніе въ Вормсѣ* (1122 г.). Императоръ отказался отъ назначенія епископовъ и аббатовъ; избраніе прелатовъ было предоставлено самому духовенству, но король сохранилъ право присутствовать на выборахъ и рѣшать дѣло въ случаѣ спора; было прибавлено, что ни симоніи, ни насилія не должно быть. Инвеститура какъ бы раздѣлялась на-двое: императоръ уступилъ папѣ посвященіе кольцомъ и посохомъ, т.-е. утвержденіе въ духовномъ санѣ, но

сохранилъ за собой передачу скипетра, т.-е. утвержденіе вновь избраннаго въ свѣтскомъ владѣніи, за что епископъ или аббатъ по прежнему приносилъ ему вассальную присягу.

По этому соглашенію духовенство осталось въ подданствѣ и на службѣ государственной власти; но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно было признано, что клирики принадлежатъ еще къ особой великой общинѣ, которая поднимается надъ границами государствъ, имѣетъ свои законы и свою верховную власть. Поэтому папа торжествовалъ побѣду и велѣлъ написать текстъ вормскаго договора на стѣнѣ своего латеранскаго дворца въ Римѣ.

Однако настоящая выгода досталась не папѣ, а князьямъ въ Германіи; изъ ихъ среды назначались епископы, и они въ дѣйствительности получили вліяніе на выборы епископовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и распоряженіе лучшими землями въ имперіи. Долгая борьба императоровъ съ церковью и съ непокорными вассалами, которыхъ церковь поддерживала, ослабила королевскую власть. Перевѣсъ въ спорѣ зависѣлъ отъ поведенія князей; безъ ихъ посредничества не могло состояться примиреніе папы и императора. Ихъ сила выразилась въ томъ, что съ этого времени помимо *рейхстага,* собранія важнѣйшихъ духовныхъ и свѣтскихъ сеньёровъ, король въ Германіи не могъ предпринять ни одного важнаго дѣла.

III.

Западная Европа въ XII и XIII вѣкахъ.

7. Возвышеніе городовъ.

Города и торговля до XI вѣка. Со времени распаденія старой римской имперіи въ V и VI вв. огромное большинство населенія средней Европы жило въ деревняхъ, хуторахъ и помѣщичьихъ дворахъ. Городовъ осталось немного: большею частью это были или приморскія гавани по берегамъ Средиземнаго моря (Венеція и Амальфи въ Италіи, Марсель во Франціи), которыя держались сношеніями съ востокомъ, или старыя римскія крѣпости, ставшія епископскими резиденціями (Кёльнъ, Майнцъ).

Городовъ было мало потому, что слаба была торговля и незначительно ремесло, работавшее на сбытъ. Покупателями немногихъ предметовъ, шедшихъ издалека, были одни высшіе классы, а торговля этими товарами была въ рукахъ не своихъ, мѣстныхъ купцовъ, а чужихъ странствующихъ, болѣе всего евреевъ. Эти купцы соединялись для взаимной защиты въ большіе караваны и пріѣзжали на опредѣленные сроки въ извѣстныя мѣста. Особенно они посѣщали мѣстопребываніе короля, когда онъ вызывалъ къ себѣ вассаловъ или собиралъ ополченіе, и являлись на крупные церковные праздники близъ важныхъ святынь, которые привлекали множество богомольцевъ и сопровождались большимъ торгомъ. Соединенныя съ торжественными службами и отпущеніемъ грѣховъ, ярмарки эти назывались *мессами,* т.-е. обѣднями.

Ремесло на сбытъ и раздѣленіе труда. Въ концѣ XI вѣка въ большей части западно-европейскихъ странъ стала замѣтна перемѣна. Населеніе сильно увеличилось. Занятая до тѣхъ поръ земля не могла уже кормить всѣхъ. Большія массы жителей стали выселятъся на востокъ Европы въ слабо населенныя славянскія страны и на восточные берега Средиземнаго моря (это движеніе называется крестовыми походами). Но и на старыхъ мѣстахъ нашелся новый источникъ пропитанія: ремесло на сбытъ. Въ извѣстныхъ мѣстностяхъ скоплялись искусные работники опре-

дѣленной отрасли, которые вырабатывали излишекъ предметовъ сверхъ того, что нужно было окрестному населенію, и старались извлечь выгоду изъ сбыта этого излишка въ другіе края.

Особенно развились два производства: *металлическое* и *мануфактурное*. Первое сильно двинулось потому, что придуманы были новыя средства разработки горной руды, и въ европейскихъ горахъ стали извлекать несравненно больше матеріала, чѣмъ раньше. Вмѣстѣ съ тѣмъ вошло въ обычай новое металлическое вооруженіе рыцарей. Цѣлые округа по Рейну занялись оружейнымъ дѣломъ. Шерстяная мануфактура усилилась вслѣдствіе перемѣны простого костюма на болѣе богатый и сложный. Старинная германская одежда состояла изъ льняной рубашки и мѣховой накидки или просто овчины. Такъ ходилъ еще Карлъ Великій. Постепенно стала распространяться шерстяная одежда: цвѣтныя матеріи изъ шерсти были разнообразнѣе и красивѣе облегали тѣло. Новую одежду начали носить люди всѣхъ классовъ. Перемѣна эта была всѣмъ замѣтна; ученый аббатъ въ латинскихъ стихахъ изображалъ, какъ «овца побѣдила ленъ», и при этомъ расхваливалъ ткани, приготовлявшіяся въ различныхъ странахъ. Главными мѣстами шерстяного производства стали Фландрія (область фламандцевъ по рѣкѣ Шельдѣ) и сѣверная Италія, особенно Миланъ и Флоренція.

Для произведеній той и другой отрасли открылся обширный кругъ потребителей изъ всѣхъ слоевъ общества. Оттого ремеслу и могли отдаться жители цѣлыхъ областей; въ то же время они стали зависѣть отъ другихъ областей. Имъ нуженъ былъ подвозъ матеріала для ремесла: такъ фламандскіе ткачи получали сырую шерсть изъ Англіи. Или для нихъ требовался подвозъ предметовъ питанія: такъ фламандскія матеріи отправлялись внизъ, въ Германію и Францію, по Рейну, Маасу и по французскимъ рѣкамъ, и въ обмѣнъ за нихъ привозилось изъ южныхъ земель вино. Такимъ образомъ страны раздѣляли трудъ между собою.

Но и въ другомъ отношеніи трудъ сталъ раздѣляться. Работа ремесленниковъ въ новыхъ производствахъ требовала новаго склада жизни, непохожаго на бытъ крестьянъ. По деревнямъ и на господскихъ дворахъ ремесло служило большею частью дополнительной работой зимою, когда не было полевыхъ занятій. Въ новомъ дѣлѣ работа была сплошной на весь годъ; работники уже не могли ходить въ поле, и другіе должны были взять на себя ихъ пропитаніе. Предметъ новаго ремесла не выходилъ готовымъ изъ одной избы и не могъ быть приготовленъ руками одной семьи. Работу приходилось раздѣлить между нѣсколькими лицами, при чемъ каждый бралъ на себя лишь извѣстную долю дѣла. Такъ, напр., между работниками въ шерстяномъ производствѣ образовались разряды валяльщиковъ, шерстобитовъ, прядильщиковъ, ткачей и кра-

сильщиковъ; шерсть проходила черезъ 10 рукъ, пока не обращалась въ годную для одежды матерію. Вслѣдствіе этого большее количество рабочихъ скоплялось на одномъ мѣстѣ. Сама работа въ новыхъ ремеслахъ была сложнѣе прежней; явились разныя усовершенствованія: самопрялка, валяльная машина. Работа была также тяжеле прежней: между тѣмъ какъ раньше полотно готовили по большей части женщины по деревнямъ, шерстяное дѣло перешло почти исключительно въ руки мужчинъ.

Ремесло и пути сообщенія подъ управленіемъ духовенства. Ремесленники составляли цѣлыя слободы около большихъ монастырей и епископскихъ резиденцій. Церковь заказывала больше всѣхъ и требовала много различныхъ поставокъ: нужны были тонкія ткани для церковныхъ одеждъ, металлическая утварь, тонкая рѣзьба для церковныхъ дверей и алтарей, переплеты для книгъ, наконецъ платье, обувь и съѣстные припасы для многочисленныхъ служащихъ. Церковь возводила и самыя крупныя сооруженія, большіе каменные соборы, водопроводы. Для этихъ работъ имѣлись ремесленники, жившіе на мѣстѣ и постоянно работавшіе на одного крупнаго заказчика, монастырь или епископа съ его *капитуломъ* (составомъ соборныхъ священниковъ), и были другіе перехожіе, которые нанимались временно на извѣстное предпріятіе и вызывались издалека, напр., каменьщики, плотники, канализаторы. Помимо того, аббаты и епископы, получавшіе порученіе отъ королей управлять большими округами, требовали отъ ремесленниковъ крупныхъ поставокъ для своей службы при дворѣ, для походовъ и военной защиты страны. Напр., страсбургскіе ремесленники обязаны были доставлять епископу своему 300 стрѣлъ, извѣстное количество замковъ, сѣделъ, мѣховыхъ накидокъ и т. п., причемъ матеріалъ, нужный для изготовленія этихъ вещей, покупался за счетъ епископа.

Въ монастыряхъ, отдаленныхъ отъ большихъ дорогъ и уединенныхъ въ лѣсахъ, старались собрать всѣ ремесла, нужныя для существованія общины. По старому правилу Бенедикта требовалось помѣстить колодезь, мельницу, садъ, рыбный садокъ и всѣ нужныя производства внутри ограды, «чтобы монахамъ не приходилось бродить внѣ ея». Нѣкоторые крупные монастыри заводили такое большое хозяйство, что его излишекъ выгодно было продавать. Таковы были монастыри *цистерціанцевъ,* вѣтви клюнійцевъ, которая образовалась во французскомъ монастырѣ Сито и далеко распространились на востокъ. Для сообщенія между далеко раскинутыми фермами своими, для снабженія хлѣбомъ большихъ рынковъ и для собственныхъ закупокъ цистерціанскіе монастыри держали много лошадей, вьючныхъ животныхъ и хорошія повозки. Въ числѣ своихъ служащихъ они имѣли особыхъ посыльныхъ и закупщиковъ.

Располагая множествомъ разсѣянныхъ обителей и стараясь привлечь

къ своимъ святынямъ богомольцевъ, крупные цистерціанскіе монастыри взяли на себя еще другое важное дѣло: облегченіе путешествій и провоза товаровъ на большія разстоянія. Они строили гостиницы вдоль большихъ проѣзжихъ дорогъ. Эти страннопріимные дома стояли станціями на длинныхъ и часто опасныхъ, не охраняемыхъ государствомъ трактахъ. Всего больше движенія было черезъ Альпы, и всего труднѣе были здѣсь именно переѣзды. На высотѣ наиболѣе посѣщаемаго прохода на востокъ отъ Монблана архидіаконъ ближняго итальянскаго города, Бернардъ, выстроилъ монастырь-гостиницу. Потомъ эта обитель пріобрѣла отдѣленія по обѣ стороны Альпъ на двухъ торговыхъ путяхъ изъ Италіи во Францію и въ Германію; она высылала своихъ канониковъ въ помощь путникамъ въ самыя трудныя и рискованныя мѣста пути, на высокіе водораздѣлы, на переправы, на пустынные участки. Имя главнаго госпиталя въ Альпахъ, этой «грѣльни для бѣдныхъ и дворца Царя небеснаго», какъ выражались богомольцы, *Большой Бернардъ*, вытѣснило названіе старинной станціи проходившей здѣсь римской военной дороги— «гора Юпитера».

Рынки и купеческія поселенія. Старыя ярмарки, собиравшіяся въ рѣдкіе сроки и въ немногихъ мѣстахъ, были недостаточны для сбыта многочисленныхъ предметовъ ремесла и для постояннаго снабженія множества потребителей. Этой нуждѣ могли удовлетворить только болѣе частые рынки, напр., еженедѣльные, и болѣе повсемѣстные: важно было, чтобы продавецъ и покупатель не употребляли болѣе одного дня на проѣздъ изъ дому на рынокъ и обратно.

Для устройства рынка нужно было согласіе мѣстнаго владѣтеля, короля, сеньёра, епископа, аббата. Обыкновенно такой владѣтель самъ устраивалъ рынокъ, отводилъ для него особое мѣсто, часто около своего укрѣпленнаго замка и позволялъ вывести гостиный дворъ. Онъ давалъ обѣщаніе охранять людей, собиравшихся на рынокъ, отъ грабежа и насилія. Особой грамотой онъ позволялъ извѣстной части зависимыхъ людей «заниматься дѣломъ продажи» вмѣсто того, чтобы «ежедневно служить» (т.-е. нести барщину). Взамѣнъ сеньёръ собиралъ съ торгующихъ взносы за пользованіе лавками, за употребленіе вѣсовъ и монеты. Сеньёръ находилъ вообще выгоду отъ устройства рынка: область его начинала привлекать больше пріѣзжихъ и сбытчиковъ, и онъ получалъ съ постороннихъ больше пошлины, чѣмъ раньше. На случай споровъ и столкновеній при обмѣнѣ сеньёръ назначалъ особаго судью, къ которому присоединялись выборные скабины отъ самихъ торгующихъ. Въ знакъ особой охраны рынка ставился шестъ со шляпой, перчаткой или крестомъ наверху или каменная фигура воителя, въ Германіи такъ наз. статуя Роланда.

Рынокъ привлекалъ въ свою очередь новыхъ поселенцевъ. Всего легче было устроиться на новомъ мѣстѣ свободному человѣку или такому крѣпостному, который уговорился отдавать господину оброкъ и могъ поселиться гдѣ угодно, если правильно уплачивалъ свой взносъ. Подъ охраной господскаго замка или укрѣпленнаго монастыря садился разнообразный, мѣстный и пришлый, промышленный людъ: ремесленники — для того, чтобы прямо изъ мастерскихъ, «через окна» сбывать свои произведенія, затѣмъ купцы, которые могли составить себѣ достаточный заработокъ изъ постояннаго сбыта мѣстныхъ или привозныхъ ремесленныхъ произведеній на одномъ рынкѣ. Примѣромъ такого ремесленно-купеческаго поселенія подъ стѣной замка можетъ служить знаменитый впослѣдствіи городъ Фландріи *Брюгге:* рынокъ его начался съ торга у моста при городской крѣпости, и въ его имени осталась память объ этомъ (Брюгге значитъ мостъ).

Новыя слободы строились вокругъ рыночной площади; лучами расходились отъ нея потомъ улицы, образовавшіяся изъ подъѣздныхъ путей Слобожане возводили у себя особую рыночную церковь, въ отличіе отъ собора, который стоялъ внутри стѣнъ стараго замка.

Жители торговаго поселенія скоро выдѣлялись въ особое, лучшее положеніе сравнительно съ деревенскими. Они легче могли собрать въ своей средѣ сумму денегъ, и сеньёръ могъ получать съ нихъ сразу точно опредѣленные взносы, что̀ было ему выгоднѣе, чѣмъ взыскивать множество разнообразныхъ мелкихъ повинностей съ сельскихъ людей. Располагая деньгами, торговые обыватели могли, въ случаѣ нужды, выручить своего сеньёра, напр., выкупить его изъ плѣна или помочь ему снарядиться на войну. Генрихъ IV, собираясь въ римскій походъ противъ папы Григорія VII, рѣшилъ взять съ торговыхъ поселеній въ Германіи «большія деньги», чтобы «купить на нихъ римлянъ», т.-е. добиться императорской короны. Поэтому сеньёръ давалъ торговымъ людямъ разныя льготы: уменьшалъ штрафы, облегчалъ тяжелую военную повинность, предоставлялъ имъ личную свободу, т.-е. позволялъ свободно переѣзжать и жить, гдѣ угодно, позволялъ распоряжаться самостоятельно своимъ имуществомъ. По разнымъ дѣламъ своимъ торговые люди привыкли вѣдаться сами; у нихъ вырабатывались свои обычаи, не похожіе на уставы господскихъ помѣстій и старинныя Правды. Для того, чтобы охранить торговлю, въ рыночныхъ мѣстахъ устанавливали несравненно болѣе строгія наказанія за проступки и обиды: между тѣмъ какъ по Правдамъ за убійство или увѣчье обидчикъ только платилъ штрафъ и выкупъ, ему грозила въ торговомъ поселеніи казнь.

Накопецъ, большая торговая слобода могла окружить себя стѣной; вмѣстѣ съ промышленниками въ ней садились военные люди, привле-

ченные разными выгодами, и тогда она изъ предмѣстья передъ замкомъ обращалась сама въ защищенный *городъ* (бургъ).

Города. Городъ вообще отличался отъ села: 1) правомъ имѣть рынокъ, 2) освобожденіемъ жителей отъ разнообразныхъ повинностей и уплатой точнаго взноса сеньёру, 3) отдѣльнымъ судомъ, а позднѣе и отдѣльнымъ управленіемъ и 4) укрѣпленнымъ положеніемъ. Населеніе города, промышленное и военное, стало выдѣляться и особымъ именемъ—*burgenses* (бюргеры въ Германіи, буржуа во Франціи). Съ конца XI в. города въ средней и южной Европѣ быстро увеличиваются въ числѣ и растутъ по своимъ размѣрамъ. Иные изъ нихъ—римскіе города, возобновленные и расширенные, таковы: Ліонъ, Тулуза, Бордо, Парижъ, Миланъ, Болонья, Кёльнъ, Страсбургъ, Лондонъ. Другіе возникли изъ епископскихъ резиденцій, напр., Магдебургъ, Базель, Женева. Третьи основаны совсѣмъ заново и поднялись вслѣдствіе усиленной торговли, какъ Гамбургъ, Любекъ, Брюгге.

Въ борьбѣ Генриха IV съ папами и мятежными князьями города сѣверной Италіи и германскіе города по Рейну уже занимали важное мѣсто. Когда князья почти всѣ покинули короля, его принялъ въ свои стѣны городъ Вормсъ, жителей котораго онъ освободилъ отъ пошлинъ. «Король былъ спасенъ,—говоритъ враждебный ему монахъ-лѣтописецъ,—въ этой неодолимой крѣпости, этой несравненной твердынѣ и прочнѣйшемъ убѣжищѣ королевства». Жители Вормса, въ благодарность за дарованныя имъ торговыя выгоды, поставили королю памятную доску, гдѣ было записано ихъ обѣщаніе воздавать ему вовѣки «безсмертныя хвалы».

Горожане держались независимѣе, чѣмъ сельчане, а ихъ господинъ, король, сеньёръ или епископъ, меньше вмѣшивался въ ихъ дѣла. Ихъ нравы и понятія были свободнѣе. Монахи, владѣтели земли, на которой выстроился городъ Аррасъ во Фландріи, жаловались въ XII в., что прежде сельскіе обыватели приходили сами почтительно къ монастырскимъ воротамъ со своими приношеніями и отдавали ихъ иноку, окруженному старостами, а теперь спесивые горожане, занявшіе ихъ мѣсто, большею частью пришлецы, едва пускаютъ къ себѣ въ домъ монаховъ-сборщиковъ, которые являются за полученіемъ должныхъ взносовъ.

Гильдіи и коммуны. У зажиточныхъ и самостоятельныхъ городскихъ жителей возникало желаніе совсѣмъ отдѣлиться отъ своихъ сеньёровъ, князей или епископовъ. Особенно это было замѣтно въ городахъ сѣверной Франціи и Германіи, лежавшихъ близъ Нѣмецкаго моря на устьяхъ судоходныхъ рѣкъ (Сены, Шельды, Мааса, Рейна). Въ этихъ городахъ, разбогатѣвшихъ сбытомъ, главнымъ образомъ, металлическихъ и шерстяныхъ издѣлій, составились союзы купцовъ и ремесленниковъ для взаимной охраны.

Союзы были похожи на военныя дружины, только составъ ихъ былъ другой; для нихъ были особыя названія: *гильдія, ганза, коммуна.* Вступленіе въ союзъ скрѣплялось таинственной клятвой и обрядами, которые сохранились отъ языческихъ временъ. По другому старинному, также языческому, обычаю члены союза сходились на большія шумныя застольныя бесѣды; поэтому союзы назывались также «заговоры» и «трапезы». Члены ихъ обязывались защищать другъ друга вооруженной силой и въ совмѣстныхъ торговыхъ поѣздкахъ. Подъ начальствомъ особаго капитана, или графа ганзы, въ кольчугахъ стройнымъ отрядомъ выѣзжали они съ товарами; кто былъ безъ должнаго оружія, платилъ штрафъ. Союзъ старался обезпечить за сочленами и торговыя выгоды, выключалъ отъ посѣщенія рынка всѣхъ соперниковъ, забиралъ въ свои руки провозъ товаровъ по какой-либо рѣкѣ. Такъ, напр., фламандскіе торговцы 17 городовъ, съ Брюгге во главѣ, устроили «Лондонскую ганзу», которая взяла въ свои руки скупку англійской шерсти для снабженія мастерскихъ своей родины. Въ Парижѣ образовался союзъ «торговцевъ на водѣ», забравшихъ всю торговлю по среднему теченію Сены. Кто хотѣлъ везти товары по рѣкѣ, долженъ былъ приставать къ ихъ компаніи и дѣлать взносъ въ ихъ кассу.

Для веденія дѣлъ гильдія выбирала старшинъ, за которыми имѣлъ надзоръ еще совѣтъ выборныхъ; по временамъ сходилось общее собраніе членовъ. Управленіе союза имѣло правильные счета и книги, нерѣдко выстраивало большое подворье, торговый домъ и склады. У парижскаго союза было множество служащихъ, пріемщиковъ товара, вѣсовщиковъ, мѣнялъ, носильщиковъ, кромѣ того были торговые посредники, которые извѣщали купцовъ о движеніи товаровъ и устраивали торговыя сдѣлки. Гильдія имѣла особаго покровителя въ лицѣ одного изъ святыхъ, выступала въ церковныхъ ходахъ со своей хоругвью; изъ общей кассы выдавали помощь старымъ или больнымъ членамъ, а болѣе всего тратились на заупокойныя службы по умершимъ сочленамъ, чтобы облегчить имъ далекій путь за гробомъ и обезпечить блаженство.

Впереди, во главѣ гильдій стояли крупные купцы. Въ своихъ предпріятіяхъ они сильно рисковали, но могли получить и много выгоды. Въ городахъ зажиточные купцы, члены союзовъ, болѣе всего стремились къ самостоятельности, къ высвобожденію отъ власти сеньёра. Мѣстами поднимались бурные мятежи горожанъ, особенно противъ владѣтельныхъ епископовъ. Во время столкновенія Генриха IV съ папою Григоріемъ VII купцы большого города Кёльна, недовольные управленіемъ своего архіепископа, придрались къ тому, что онъ хотѣлъ забрать для своего гостя одинъ изъ торговыхъ кораблей, и подняли противъ него весь городской народъ. Военныхъ слугъ въ городѣ было мало, и архіепископъ едва

укрылся въ крѣпкомъ соборѣ. Но когда онъ собралъ и привелъ къ городу своихъ рыцарей и крестьянъ, горожане упали духомъ: 600 купцовъ, главные виновники возстанія, опасаясь за свою жизнь и имущество, бѣжали изъ города, а остальной народъ, не имѣя руководителей, сдался на милость архіепископа; однако многіе подверглись казни, и военные люди жестоко разграбили городъ.

Въ городахъ Фландріи и сѣверной Франціи въ XII в. движеніе горожанъ было очень сильно. Обыкновенно во главѣ города поднимался торговый союзъ; къ нему примыкали другіе горожане, и общимъ кличемъ становилось слово «коммуна». Это значило, что всѣ горожане вступили въ союзъ, скрѣпленный присягой; иначе говоря, гильдія, или коммуна, бывшая сначала только дружиной нѣсколькихъ промышленниковъ, обращалась въ *общее соединеніе всего города*, т.-е. всѣхъ самостоятельныхъ его обитателей.

Городскія коммуны добивались своего лишь цѣною тяжелой борьбы. Часто долгіе годы тянулась война между городскимъ ополченіемъ и вассалами, которыхъ приводилъ сеньёръ, свѣтскій князь или епископъ. Коммуна иногда нѣсколько разъ уничтожалась и вновь возстановлялась.

Въ сѣверно-французскомъ городѣ Ланѣ (Laon) горожане возмутились противъ своего епископа, человѣка жаднаго и жестокаго, который не постѣснился однажды умертвить своего врага въ церкви и всюду ѣздилъ въ сопровожденіи своего палача-негра. За большую сумму денегъ епископъ допустилъ коммуну, и король, тоже за деньги, утвердилъ ее. Но когда король пріѣхалъ въ городъ, епископъ задумалъ нарушить обѣщаніе. Горожане предложили королю опять денегъ и просили сохранить коммуну, но епископъ далъ больше: король отмѣнилъ коммуну, однако бѣжалъ изъ города въ страхѣ передъ мятежомъ. Снова поднялись горожане: они закрыли лавки и подняли крикъ: «коммуна! коммуна!» Епископъ презрительно думалъ, что простонародье ничего не добьется; но мятежники на другой день подступили къ его дворцу, убили епископа и бросили трупъ на площади; потомъ они кинулись истреблять клириковъ и рыцарей и жечь ихъ дома. Скоро однако наступило мщеніе со стороны побѣжденныхъ: рыцари, вассалы епископа, взяли городъ, предали зачинщиковъ злой смерти, а ворвавшіеся крестьяне разграбили дома горожанъ. Лишь нѣсколько лѣтъ спустя жители Лана добились отъ новаго епископа уступокъ.

Но во многихъ мѣстахъ города силой или уплатой большой суммы пріобрѣтали отъ сеньёра грамоту, которая давала горожанамъ личную свободу, т.-е. свой собственный судъ и право выбирать старшинъ и совѣтъ. Эти грамоты утверждались нерѣдко королемъ, который въ коммунѣ искалъ союзника противъ сеньёра. Въ городѣ-коммунѣ устройство было похоже на гильдейское: во главѣ стоялъ выборный старшина или *голова* (во французскихъ городахъ — *мэръ*); онъ правилъ вмѣстѣ съ совѣтомъ

«присяжныхъ», въ числѣ 12 или болѣе человѣкъ, которые выбирались всѣми горожанами или сами пополняли свой составъ. Въ иныхъ городахъ совѣтъ образовался изъ состава прежнихъ судей-скабиновъ. Вездѣ правящіе люди были изъ самыхъ зажиточныхъ и видныхъ семей.

Городскія республики. Коммуна становилась небольшой республикой. На рыночной площади ея строили зданіе *думы;* надъ нимъ высилась колокольня (beffroi), похожая на замковую башню сеньёра: сторожа на башнѣ озирали окрестность и били въ набатъ, когда видѣли что-нибудь тревожное; большой колоколъ сзывалъ гражданъ къ оружію, а присяжныхъ призывалъ на совѣтъ. Коммуна получала нерѣдко господство надъ округой, пріобрѣтала во владѣніе земли и собственныхъ крѣпостныхъ. Рѣшенія ея совѣта скрѣплялись городской печатью, на которой былъ изображенъ городской голова на конѣ въ вооруженіи феодальнаго сеньёра. Коммуну нерѣдко принималъ въ число своихъ вассаловъ король или большой владѣтельный князь, и она сама могла имѣть вассаловъ.

Возвышеніе въ коммунахъ незнатныхъ и невоенныхъ, промышленныхъ людей поражало современниковъ и раздражало высшіе классы. Церковный писатель начала XII в., державшій сторону сеньёровъ, называетъ самое имя коммуны «новымъ, ненавистнымъ словомъ», подъ которымъ, какъ онъ говоритъ, кроется освобожденіе бывшихъ рабовъ. Церковное собраніе въ Парижѣ объявило обычаи коммуны «дьявольскими», потому что они лишаютъ церковь суда надъ горожанами.

Одновременно съ сѣверными коммунами пріобрѣли самостоятельность многіе города южной Франціи и сѣверной Италіи (Арль, Марсель, Миланъ, Пиза, Болонья, Генуя, Венеція), но безъ тѣхъ бурныхъ переворотовъ и волненій, которые происходили въ коммунахъ. Въ этихъ странахъ горожанамъ не приходилось отбиваться отъ сильныхъ сеньёровъ. Въ Италіи императоры поддерживали мелкихъ вассаловъ противъ крупныхъ, и большія герцогства скоро раздробились; рыцари нерѣдко жили въ городахъ, искали въ городскихъ стѣнахъ защиты противъ сеньёровъ и соединялись съ промышленными людьми. Города эти разбогатѣли отъ широкой заграничной торговли: съ упадкомъ Византіи рынокъ восточныхъ товаровъ сталъ переходить въ сѣверную Италію и южную Францію, а итальянскіе купцы въ свою очередь начали возить иностранные товары и свои итальянскія мануфактуры на сѣверъ за Альпы.

Во главѣ города становились старшины подъ стариннымъ римскимъ именемъ *консуловъ* (такъ было, напримѣръ, въ Миланѣ), избиравшіеся изъ высшихъ городскихъ классовъ, т.-е. рыцарей и богатыхъ промышленниковъ. Число консуловъ было различно, отъ 2 до 12 и болѣе, обыкновенно по одному отъ каждой части города; они держали судъ и начальствовали надъ ополченіемъ. Въ Венеціи и Генуѣ, вмѣсто нѣсколькихъ смѣ-

нявшихся консуловъ, избирался пожизненно одинъ *дожъ* (dux—начальникъ, князь). Со старшинами вмѣстѣ правилъ *совѣтъ* (въ итальянскихъ городахъ онъ назывался часто credentia, собраніе «присягнувшихъ») изъ 50—100 членовъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда требовалось общее одобреніе гражданъ, созывалось *вѣче* (parlamentum). Итальянскіе города пріобрѣли самостоятельность, большею частью пользуясь отсутствіемъ императоровъ, находившихся за Альпами или занятыхъ борьбою съ папами; очень немногіе изъ нихъ имѣли дарованныя императорами грамоты.

Зависимые города. Лишь въ извѣстныхъ мѣстахъ и лишь часть городовъ западной Европы добились самостоятельности и сравнялись съ сеньёрами. Другіе города—большинство—не дошли до этого; въ нихъ не было ни выборныхъ старшинъ, ни совѣта; судилъ и смотрѣлъ за порядкомъ приказчикъ того сеньёра, на землѣ котораго былъ городъ. Такъ были устроены иные очень крупные города, напримѣръ, Парижъ и Орлеанъ, находившіеся на землѣ, гдѣ сеньёромъ былъ самъ французскій король. Но все-таки и эти города имѣли большое преимущество передъ деревнями. Ихъ жители какъ бы откупались на свободу у сеньёра; за извѣстные правильные взносы они переставали быть его крѣпостными. Вслѣдствіе этого такіе города во Франціи назывались «вольными» (villes franches) или буржуазными (villes de bourgeoisie), такъ какъ въ словѣ «горожанинъ» (bourgeois) и заключалось главнымъ образомъ понятіе о личныхъ «вольностяхъ».

Сеньёры очень хлопотали о томъ, чтобы привлечь горожанъ такими льготами, превзойти уступками другихъ сеньёровъ, своихъ сосѣдей и соперниковъ, или даже переманить ихъ крѣпостныхъ къ себѣ. Во многихъ грамотахъ, которыя давались горожанамъ, значилось слѣдующее условіе: «если крѣпостной проживетъ (въ такомъ-то городѣ) *годъ* и *день* и за это время никто на него не предъявитъ своего права, онъ получаетъ навсегда полную свободу». Такъ сложилось правило, выразившееся въ нѣмецкой поговоркѣ: «городской воздухъ даетъ свободу».

Городской порядокъ. Цехи. Въ городѣ населеніе жило гораздо тѣснѣе, чѣмъ въ деревнѣ. Въ рыночные дни пріѣзжало множество постороннихъ, и на небольшомъ пространствѣ скоплялось еще больше людей. Для поддержанія порядка въ этой тѣсной жизни нужны были особыя правила и уставы, которыхъ не знало село.

Главная забота была о правилахъ торга; горожане старались обезпечить себѣ выгоды торговли, происходившей внутри ихъ стѣнъ: своему человѣку давали преимущества противъ чужого, пріѣзжаго. Чужой купецъ, везшій товары, обязанъ былъ обыкновенно выставить ихъ въ городѣ, черезъ который проѣзжалъ, и только когда хозяева въ городѣ запасутся нужнымъ количествомъ продуктовъ, могъ ѣхать далѣе. Городскія власти наблюдали, чтобы въ торговлѣ не было обмана: строго

опредѣляли размѣръ кусковъ матеріи, вѣсъ хлѣбовъ, старались установить на всѣ предметы точныя, какъ тогда говорили, «справедливыя» цѣны. Городской голова, вступая въ свою должность, давалъ обѣщаніе, что будетъ «старательно слѣдить за точнымъ выполненіемъ законовъ о продажѣ хлѣба, пива, вина и всякаго рода другихъ припасовъ». Надзоръ былъ нуженъ еще и потому, что ни въ одной странѣ не существовало однородныхъ монетъ, вѣсовъ и мѣръ; вездѣ устанавливали свою мѣру, чеканили свою монету; деньги надо было для провѣрки постоянно взвѣшивать. За нарушеніе торговыхъ правилъ грозилъ штрафъ или наказаніе позоромъ: виновнаго возили по городу въ клѣткѣ или на ослѣ, посадивъ задомъ напередъ, или привязывали къ столбу на общее посмѣяніе.

Ремесла въ городѣ заняли совсѣмъ другое мѣсто, чѣмъ въ деревнѣ и на господскомъ дворѣ. Появились новые ихъ разряды, какихъ не было тамъ, гдѣ большинство людей имѣло все, что нужно, въ собственномъ хозяйствѣ. Въ городѣ были многочисленные ткачи, башмачники, портные, мясники и пекаря, мѣховщики, кожевники, горшечники. Городъ держалъ ремесленниковъ въ строгомъ порядкѣ и, какъ прежде сеньёръ или епископъ, онъ требовалъ отъ всѣхъ своихъ жителей поставокъ и барщины на общую пользу; между ремеслами была распредѣлена работа по постройкѣ и чинкѣ городскихъ стѣнъ и крѣпостныхъ рвовъ, по приготовленію оружія и продовольствія и т. д. Оттого торговцы и ремесленники были раздѣлены на «службы» (officia), и въ составъ каждой службы входили обыкновенно люди одинаковыхъ или сходныхъ занятій. Отдѣленія эти назывались также мастерствами (французскія métiers), искусствами (итальянскія arti) и союзами (нѣмецкія Zünfte, Innungen). Мы называемъ ихъ обыкновенно *цехами*.

Дѣленіе на цехи совпадало часто съ раздѣленіемъ города на кварталы и улицы. Городскія власти строго слѣдили за выполненіемъ всѣхъ повинностей. Надъ каждымъ цехомъ они ставили начальника; подчиненные ему ремесленники составляли особый отрядъ въ городскомъ ополченіи. Власти требовали, чтобы въ каждомъ цехѣ было мастеровъ не больше извѣстнаго числа, такъ какъ иначе, если бы допустили любое ихъ число, трудно было бы обезпечить всѣмъ прокормленіе; они требовали, чтобы изъ мастерскихъ выходила хорошая работа, иначе были бы обижены потребители въ городѣ. Поэтому мастерамъ одного цеха былъ предоставленъ судъ надъ товарищами во всемъ, что касалось изготовленія вещей. Всякій, кто хотѣлъ заняться извѣстнымъ ремесломъ, обязанъ былъ примкнуть къ цеху; но мастера требовали отъ новичка доказательства своего искусства, «пробной работы».

При этихъ условіяхъ собственный интересъ заставлялъ мастеровъ каждаго ремесла держаться вмѣстѣ: если бы они стали соперничать и

сбивать другъ другу цѣну, это погубило бы ихъ, такъ какъ количество покупателей было ограничено, и лишній товаръ было трудно сбыть. Поэтому мастера каждаго цеха зорко слѣдили, чтобы въ ихъ средѣ было равенство, чтобы никто не держалъ бо́льшаго противъ другихъ числа рабочихъ, чтобы никто не покупалъ бо́льшаго количества матеріала и не работалъ больше времени на дню. Члены цеха, такъ тѣсно соединенные жизнью, составляли обыкновенно братство, подобное гильдіи. У цеха былъ свой святой, иногда свой придѣлъ въ церкви. Соединяя языческіе и христіанскіе обычаи, «братья» сходились въ торжественные дни на трапезы и попойки и отслуживали по умершимъ сочленамъ поминанія.

Видъ городовъ. Эти старинные европейскіе города были весьма непохожи на наши. Количествомъ населенія они были невелики. Городъ въ 10,000 жителей считался уже очень большимъ.

Хотя горожане жили главнымъ образомъ ремесломъ и торговлей, но у нихъ оставалось еще значительное домовое хозяйство; они частью работали на поляхъ, а главнымъ образомъ держали свой скотъ. У города были свои луга, выгоны и лѣса, своя альменда, которою онъ заправлялъ. Самыя жилища въ городѣ были похожи на большіе сельскіе дворы: вдоль улицъ тянулись заборы, амбары, сараи и конюшни. Дома зажиточныхъ людей напоминали крѣпостные башни и замки. Казалось, что городъ какъ бы распадается на отдѣльныя укрѣпленныя усадьбы. На ночь для безопасности не только запирали городскія ворота, но загораживали цѣпями и притворами отдѣльныя улицы, и по городу ходила вооруженная стража. Строго размѣрена была городская жизнь: утромъ колоколъ съ думской башни звалъ на работу, вечеромъ онъ давалъ знакъ закрывать лавки и тушить огни въ домахъ. Но въ городской тѣснотѣ надъ моремъ домовъ высоко поднимался *соборъ,* построенный усердіемъ горожанъ, ихъ главная гордость.

Уже раньше при монастыряхъ и епископскихъ резиденціяхъ воздвигали просторные соборы съ высокими башнями по обѣ стороны входа (такъ наз. *романскаго* стиля). Эти постройки были дѣломъ духовенства, міряне участвовали въ нихъ лишь взносами.

Съ конца XII в. въ архитектурѣ начинается великая перемѣна. Новыя церкви — огромныя зданія со стройными, необычайно высокими заостряющимися стрѣлою башнями, высокими внутренними сводами, остроконечными окнами и цѣлымъ лѣсомъ острыхъ колонокъ, съ тонкой, точно кружевной, каменной отдѣлкой дверей, выступовъ и оконныхъ переплетовъ, обросшія внутри и снаружи скульптурными фигурами. Новое искусство — *готика, готическій стиль* — возникло въ городахъ сѣверо-восточной Франціи и отсюда стало распространяться въ другія европейскія страны. Оно тѣсно связано съ расцвѣтомъ городской жизни. Готическія сооруженія стали исполняться усиліями свѣтскихъ лю-

дей, ихъ талантами, трудомъ и денежными средствами. Они требовали большой художественной изобрѣтательности и трудныхъ вычисленій; они требовали также огромныхъ тратъ на пріобрѣтеніе матеріала и на вознагражденіе массы искусныхъ рабочихъ въ теченіе долгихъ лѣтъ, нерѣдко за время нѣсколькихъ поколѣній, пока шла работа. Рабочіе, особенно каменьщики, призванные къ сложному и великому дѣлу, горячо занимавшему все населеніе города, складывались въ особый какъ бы священный цехъ. Поэтому въ готикѣ можно видѣть необычайный памятникъ народнаго одушевленія и творческой силы.

Начало освобожденія крестьянъ. Населеніе городовъ составилось по большей части изъ бывшихъ крѣпостныхъ, которые отвоевали или откупили себѣ волю или получили ее въ видѣ уступокъ отъ своихъ бывшихъ господъ. Эти освобожденные люди рабочаго класса вмѣстѣ съ сохранившимися мелкими свободными людьми образовали новый слой общества, *средній* между военными и крѣпостными.

Перемѣна была велика, но она не остановилась на возникновеніи торговыхъ и ремесленныхъ поселковъ. Города служили постоянной приманкой для сельскихъ жителей. Для многихъ крѣпостныхъ городъ былъ убѣжищемъ, куда они уходили отъ тяжелыхъ повинностей и произвола сеньёра; они пользовались либо условіемъ прожитія «года и одного дня» въ стѣнахъ города, либо тѣмъ, что коммуна не выдавала сеньёрамъ крѣпостныхъ и требовала ихъ освобожденія. Часто деревни пустѣли отъ такого ухода, и сеньёры, сами отчаявшись, готовы были напередъ на уступки, на облегченіе повинностей, чтобы удержать крѣпостныхъ. Мѣстами крестьяне, увлекаемые примѣромъ горожанъ, составляли сами *деревенскія коммуны* и добивались отмѣны своихъ повинностей и самостоятельнаго управленія. Но сеньёры и сами устраивали свободныя общины крестьянъ. Когда у сеньёра было много пустырей, дикаго лѣсу и ему хотѣлось заселить и разработать такую мѣстность, чтобы имѣть лишній доходъ, онъ привлекалъ *новоселовъ*. Расчищать лѣсъ, строиться заново, поднимать новь было дѣломъ труднымъ; подневольной работой своихъ крѣпостныхъ тутъ ничего нельзя было добиться; надо было искать охотниковъ, предоставлять имъ льготы, давать подмогу при обзаведеніи. Большею частью на такихъ условіяхъ садились пришлые люди, «гости», какъ ихъ называли; имъ вырѣзывали участокъ въ господскомъ лѣсу, давали избу, отмѣряли усадьбу; ихъ освобождали отъ барщины, на первое время отъ всякихъ сборовъ, а позднѣе съ нихъ брали только одинъ умѣренный взносъ.

Когда на старыхъ мѣстахъ поселенія въ европейскихъ странахъ стало тѣсно, всюду бросились на обширные, почти нетронутые до тѣхъ поръ лѣса. Владѣтели ихъ стали селить «гостей» цѣлыми слободами среди

пустырей, которые отдавались имъ въ разработку. Эти колоніи вольныхъ крестьянъ назывались «новыми» городами (villes neuves) и получали права городовъ. Такихъ *крестьянскихъ городовъ* было много на югѣ Франціи; вмѣсто неправильно скученныхъ и разбросанныхъ строеній, какъ было въ старыхъ деревняхъ, эти города представляли стройный планъ: двѣ широкія улицы пересѣкаются подъ прямымъ угломъ, и на ихъ соединеніи стоятъ рыночныя зданія и дума.

Тѣснота на старыхъ мѣстахъ заставляла германскихъ крестьянъ не только расчищать свои лѣса, но также двигаться на востокъ въ малонаселенныя земли за Эльбой. Долгое время отсюда дѣлали свои набѣги славяне. Германскіе короли и ближніе къ границѣ князья, особенно саксонскіе, остановили набѣги и сами начали завоеванія въ заэльбскихъ и прибалтійскихъ земляхъ. Въ новыхъ владѣніяхъ строили замки и звали на поселеніе крестьянъ. Главными устроителями деревень въ лѣсистыхъ и глухихъ краяхъ были монастыри цистеріанцевъ: они включали крестьянъ въ свои общины въ качествѣ послушниковъ и разселяли ихъ по фермамъ, на которыя дробились ихъ обширныя владѣнія, подъ управленіемъ монаховъ. Крестьяне-переселенцы, которые шли на окраины, пріобрѣтали большею частью свободное положеніе, и, вмѣсто всѣхъ повинностей, платили лишь цензъ.

Въ то время какъ освобождались крестьяне, уходившіе въ города, и появлялись свободные крестьяне-новоселы во вновь поднятыхъ земляхъ и на окраинахъ, положеніе старыхъ крестьянъ, оставшихся на мѣстахъ, становилось также лучше. Причина тому была слѣдующая.

Торговля увеличила количество денегъ въ обращеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ никто не могъ обойтись безъ покупокъ на рынкѣ, и деньги всѣмъ были нужны. Многіе сеньёры, привлекаемые удобствами городского быта, стали жить по городамъ; собственное ихъ хозяйство часто было далеко отъ нихъ, и владѣльцу некогда было обмѣнивать его произведенія, чтобы получить деньги для необходимыхъ покупокъ. Сеньёру было удобнѣе обратить повинности своихъ крестьянъ, платившіяся натурой, въ *денежные взносы* и вмѣсто того, чтобы хозяйничать самому на своей части имѣнія и тянуть крестьянъ на барщину, раздать эту землю крестьянамъ за *оброкъ*. Слѣдовательно, его барщинники обращались въ оброчниковъ, а оброкъ изъ взноса предметами превращался въ уплату денегъ. Крестьянину это было тоже выгоднѣе. Вмѣсто многихъ и частыхъ повинностей и работъ онъ переходилъ на одинъ простой взносъ, уплачиваемый въ опредѣленный срокъ. Онъ могъ теперь свободнѣе распорядиться въ своемъ хозяйствѣ; онъ могъ и уйти, если находилъ себѣ замѣстителя.

Такъ началось въ Западной Европѣ освобожденіе крестьянъ. Оно не похоже на отмѣну крѣпостного состоянія въ Новое время въ нѣкоторыхъ

государствахъ восточной Европы и особенно въ Россіи. Государи совсѣмъ не входили въ это дѣло, не считая тѣхъ случаевъ, гдѣ они сами были сеньёрами и освобождали своихъ личныхъ крѣпостныхъ. Не издавалось никакихъ законовъ объ освобожденіи. Изрѣдка отдѣльный сеньёръ давалъ крестьянамъ грамоту вольности. Освобожденіе притомъ происходило медленно, и полной свободы достигло лишь меньшинство крестьянъ.

8. Крестовые походы и денежное хозяйство.

Цѣли крестовыхъ походовъ. Быстрый ростъ населенія средней Европы повелъ къ образованію городовъ и къ усиленной разработкѣ первобытныхъ лѣсовъ. Но онъ повелъ также къ расширенію границъ, въ которыхъ жило германо-романское населеніе, къ выходу большей его части за старые предѣлы и къ захвату европейцами новыхъ рынковъ для сбыта приготовлявшихся въ Европѣ товаровъ.

Большія массы *рыцарей* и *крестьянъ* уходили уже въ XI в. для пріобрѣтенія новыхъ помѣстій и земледѣльческихъ надѣловъ. Въ многодѣтныхъ рыцарскихъ семьяхъ того времени бывало по 8, 10, 12 сыновей; хотя часть ихъ уже съ дѣтства предназначалась въ монахи, но все же оставалось много наслѣдниковъ, и раздѣлы между ними бывали очень дробны или иныхъ вовсе обдѣляли. Изъ числа людей, лишенныхъ земли или недовольныхъ своимъ владѣніемъ, составлялись отряды и ополченія, которые поступали къ тому или другому вождю и завоевывали съ нимъ цѣлыя новыя области. Такъ французскіе рыцари, частью нормандцы, завладѣли Англіей; изъ той же Нормандіи многіе ушли на югъ и отняли у византійцевъ южную Италію, а у сарацинъ Сицилію. Подвижные норманны и здѣсь не успокоились; Робертъ Гюискаръ, вассалъ папы, союзникъ Григорія VII, бросился воевать съ византійцами на самомъ Балканскомъ полуостровѣ. Немного позднѣе началось движеніе за Эльбу нѣмецкихъ рыцарей и крестьянъ.

Въ этомъ расширеніи старой Европы приняли видное участіе города, лежавшіе у южныхъ выходовъ, близъ Средиземнаго моря, особенно *сѣверно-итальянскіе*, Венеція, Пиза, Генуя. Пиза отняла у сарацинъ Сардинію и заняла нѣсколько мѣстъ въ сѣверной Африкѣ. Венеція разгромила хорватскихъ пиратовъ (на сѣверо-западномъ берегу Балканскаго полуострова) и стала господствовать въ Адріатикѣ: такимъ образомъ она пріобрѣла въ свое полное владѣніе широкій выходъ и ближайшій путь для сношенія запада съ востокомъ. За помощь, которую Венеція оказала своимъ флотомъ царю Алексѣю Комнину противъ норманновъ Роберта Гюискара, итальянскій торговый городъ получилъ важныя выгоды, которыя поставили его въ Византіи внѣ соперничества: купцамъ

Венеціи дано было право свободно покупать и продавать во всѣхъ мѣстахъ имперіи безъ всякой пошлины и не подвергаясь осмотру на таможняхъ. Но этого мало. Итальянскіе приморскіе города, получая восточные товары черезъ посредство Византіи, не имѣли доступа въ мусульманскія страны. Они искали прямыхъ сношеній съ востокомъ, хотѣли занять опорные пункты на Левантѣ (странѣ Восхода), т.-е. на берегахъ и островахъ восточной части Средиземнаго моря. Они старались захватить выгодное положеніе на отдаленныхъ рынкахъ и забрать торговлю по Средиземному морю.

Люди въ то время невольно представляли себѣ, что ихъ предпріятія служатъ исполненіемъ Божіей воли, Божьяго приговора. Вильгельмъ нормандскій, отправляясь на завоеваніе Англіи, испросилъ у папы священное знамя. Въ походы неизмѣнно брали съ собою мощи святыхъ. Если война велась съ невѣрными, съ язычниками, съ мусульманами, она принимала въ глазахъ воюющихъ священный характеръ: они считали ее борьбой за торжество Христовой вѣры и за распространеніе истинной церкви по всему лицу земли. Война становилась тогда подвигомъ во имя Христа, подражаніемъ Ему, несеніемъ Его мученическаго креста. Въ знакъ этого участники похода пришивали крестъ къ знамени, къ платью, выжигали его на тѣлѣ. Среди такихъ подвиговъ одинъ казался особенно важнымъ—пріобрѣтеніе той земли, гдѣ пострадалъ Спаситель.

Молитва на святомъ мѣстѣ считалась особенно дѣйствительной, и потому все время было сильное движеніе богомольцевъ къ могиламъ апостоловъ и угодниковъ, наприм., въ Римъ. Въ своей вѣрѣ люди искали предметовъ осязательнаго поклоненія. Грубыя понятія того времени допускали обманъ и насиліе, когда дѣло шло о пріобрѣтеніи святыни; чтобы завладѣть драгоцѣнными мощами, казалось, всякое беззаконіе было дозволено и даже освящено. Одинъ нормандскій рыцарь отправился въ Бари (въ южной Италіи), гдѣ показывали могилу св. Николая, похитилъ часть мощей и отломилъ кусокъ мраморной плиты отъ гроба, чтобы украсить и освятить ими собственную церковь; онъ былъ увѣренъ, что самъ Богъ оказалъ ему особую помощь въ этомъ дѣлѣ.

Въ числѣ хожденій богомолье въ Іерусалимъ, гдѣ былъ гробъ Господень, занимало особое мѣсто. Оно было трудно по своей отдаленности; оно было сопряжено съ опасностями, когда власть арабовъ въ Сиріи смѣнилась господствомъ болѣе суровыхъ турокъ. Богомолье это само обращалось въ подвигъ; оно принимало вмѣстѣ съ тѣмъ грозный военный видъ, когда европейскіе богомольцы, особенно благочестивые и неукротимые норманны, для взаимной охраны соединялись по нѣскольку тысячъ и появлялись у гроба Господня большими вооруженными отрядами. Отъ такихъ странствованій было недалеко до мысли снарядить цѣлое евро-

пейское общехристіанское ополченіе, чтобы разгромить мусульманъ и пріобрѣсти навсегда святыню. Такое возвышенное предпріятіе по своей цѣли совпадало съ промышленными стремленіями городовъ и съ сильнымъ желаніемъ рыцарей и крестьянъ пріобрѣсти новыя земельныя владѣнія и надѣлы. Изъ соединенія тѣхъ и другихъ побужденій произошли *крестовые походы*, которые занимали европейцевъ особенно въ XII в., (точнѣе отъ 1095 г. до 1204 г.). Гораздо слабѣе это движеніе стало въ XIII в., и въ серединѣ этого столѣтія оно остановилось.

Въ концѣ XI в. сложились еще и особыя условія на востокѣ, которыя вызывали западно-европейскихъ богомольцевъ, воиновъ и переселенцевъ на отдаленное предпріятіе. Сельджукскіе турки отняли у Византіи всю Малую Азію, т.-е. главную часть имперіи, и грозили Константинополю. Изъ столицы были видны на другомъ берегу кибитки турокъ, обтянутыя верблюжьими шкурами. Византійскій царь Алексѣй Комнинъ обратился къ западнымъ христіанамъ съ просьбой оказать ему помощь противъ невѣрныхъ. Онъ думалъ нанять на западѣ солдатъ и воспользоваться ими для отвоеванія потерянныхъ азіатскихъ областей. Но въ посланіи царя къ одному западному сеньёру были и такія неосторожныя слова: «я лучше хочу быть подъ властью вашихъ латинянъ... лучше, чтобы Константинополь достался вамъ, чѣмъ невѣрнымъ; въ немъ находятся драгоцѣнныя святыни Господни».

Одновременно съ завоеваніями турокъ на востокѣ другіе мусульмане сдѣлали сильный натискъ на крайнемъ западѣ, въ Испаніи. Христіане, наступая съ сѣвера, уже отвоевали половину полуострова къ срединѣ XI вѣка; но изъ Африки пришли новыя массы ревностныхъ мусульманъ-мавровъ (Альморавиды), христіане потерпѣли сильное пораженіе и были снова оттѣснены къ сѣвернымъ горамъ.

Первый крестовый походъ. Казалось, европейскимъ христіанамъ надо сплотиться въ священной войнѣ противъ надвигающагося съ двухъ концовъ мусульманства. Въ это время папы заявили притязаніе быть верховными руководителями всего христіанскаго міра; имъ, повидимому, и надо было взять направленіе этого дѣла. Григорій VII уже призывалъ къ походу противъ турокъ и собирался стать самъ во главѣ воинства. Споръ его съ Генрихомъ IV, его пораженіе въ борьбѣ съ императоромъ разстроили предпріятіе. Оно было возобновлено его преемникомъ Урбаномъ II, положеніе котораго было прочнѣе, по крайней мѣрѣ, въ Италіи и во Франціи. Въ 1095 г. Урбанъ II, французъ по происхожденію, созвалъ въ Клермонѣ (въ горахъ средней Франціи) соборъ, на которомъ выступилъ съ проповѣдью крестоваго похода передъ духовенствомъ и громадной толпой народа, собравшейся на полѣ. Съ восторженными криками: «такъ хочетъ Богъ!» приняли крестъ массы людей, духовныхъ

и свѣтскихъ, священниковъ и монаховъ, рыцарей, горожанъ и крестьянъ. Папа обѣщалъ всѣмъ имъ благословенiе церкви, освобожденiе отъ мукъ чистилища, прощенiе долговъ и охрану имущества во время ихъ отсутствiя. Дѣло, начатое папою, продолжали проповѣдники, отправившiеся въ разные концы Францiи, Италiи, Англiи и Германiи вербовать новыхъ крестоносцевъ. Изображая яркими чертами святость религiознаго подвига, они не забывали описать плодородiе восточныхъ земель, обильную добычу, богатства и удобства жизни.

Въ средѣ народа проповѣдники вызвали сильное возбужденiе, которое выразилось различно. Мѣстами избивали ожесточенно евреевъ-торговцевъ. Множество владѣльцевъ снимались съ мѣста, распродавали все, что только можно было, изъ своего имущества, закладывали землю и снаряжались въ путь. Между ними были крупные сеньёры. Герцогъ нормандскiй заложилъ герцогство своему брату, королю Англiи, за 10,000 фунтовъ серебромъ. Простой людъ поднимался, часто не имѣя яснаго понятiя ни о пути, ни о врагахъ. Много бродягъ, много задолжавшихъ и разоренныхъ, безпутныхъ и безпокойныхъ людей приставали въ надеждѣ на добычу.

Собрались двѣ очень различныя массы ополченiй: одна была составлена изъ простого народа, плохо вооруженнаго, не имѣвшаго правильно устроеннаго продовольствiя; разрозненными отрядами, подъ начальствомъ проповѣдниковъ и бездомныхъ рыцарей, эта масса шла изъ Францiи и Германiи на юго-востокъ сухимъ путемъ въ Константинополь. Эти крестоносцы вынуждены были жить грабежомъ; большая часть была истреблена по дорогѣ венграми и болгарами, черезъ владѣнiя которыхъ они проходили, и не дошла до Константинополя.

Другая группа правильныхъ ополченiй рыцарскихъ, подъ начальствомъ нѣсколькихъ крупныхъ сеньёровъ, собиралась медленно. Главная масса рыцарей была изъ Францiи, сѣверной и южной; въ Италiи поднялось множество норманновъ вокругъ сына Гюискарова, Богемунда. Норманны были и безъ того передовыми борцами противъ мусульманъ; но у Богемунда имѣлась и другая цѣль: онъ собирался продолжать дѣло отца и завоевать Византiю. Видное мѣсто въ походѣ заняли также приморскiе города сѣверной Италiи. Часть крестоносцевъ двигалась въ Италiю съ тѣмъ, чтобы моремъ переправиться въ Константинополь, мѣсто общаго сбора. Итальянскiе города взяли на себя перевозку войскъ на судахъ, а позднѣе доставку въ Азiю, на мѣсто войны, припасовъ, снарядовъ и подкрѣпленiй. Крестоносцы отправлялись большею частью съ женами и слугами, везли съ собою имущество, утварь, деньги, кто былъ побогаче—принадлежности охоты и рыбной ловли. За войскомъ тянулся не только большой обозъ, но и всякаго рода мелкiе торговцы и забавники, шуты, музыканты и т. п. Переселялись по-настоящему, со всѣмъ,

къ чему дома привыкли. Феодальный міръ передалъ воинственнымъ колонистамъ и свои понятія: въ ополченіи не было общаго предводителя, каждый сеньёръ готовъ былъ дѣйствовать на свой страхъ; бароны и рыцари плохо слушались главныхъ вождей, не разъ отказывались помогать имъ въ рѣшительную минуту или, напротивъ, увлекали ихъ впередъ противъ ихъ воли.

Когда ополченія стали сходиться въ Константинополѣ, царь Алексѣй, положеніе котораго между тѣмъ поправилось, нашелъ, что эти союзники страшнѣе, чѣмъ сами турки. Сеньёры отказывались принести ему присягу вѣрности и обѣщать, что отвоюютъ для Византіи потерянныя ею области; Алексѣй сталъ собирать наемныхъ турокъ и славянъ противъ нихъ и поспѣшилъ переправить крестоносцевъ въ Малую Азію. Но съ этихъ поръ сама Византія не переставала быть приманкой и цѣлью для западныхъ завоевателей: всякій разъ, когда проходили новыя ополченія черезъ Константинополь, столица подвергалась опасности быть захваченной.

Крестоносцы взяли обратно Никею, разбили недалеко отъ нея турокъ въ большой битвѣ и пробили себѣ путь изъ Малой Азіи въ Сирію. Благодаря этому Византія опять вернула себѣ западную часть Малой Азіи и берега полуострова. Но крестоносцы и не думали помогать Византіи. Богемундъ явно враждовалъ съ имперіей, и царь соединился даже съ турками противъ норманновъ. Западные сеньёры болѣе всего заняты были тѣмъ, чтобы захватить себѣ новыя княжества между Евфратомъ, моремъ и Египтомъ. Имъ много помогло то, что мусульмане, владѣвшіе Сиріей, враждовали между собою: сѣверъ принадлежалъ суннитамъ-туркамъ, а югъ съ Іерусалимомъ передъ самымъ приходомъ крестоносцевъ отняли шіиты, египетскіе султаны Фатимиды.

Въ теченіе двухъ лѣтъ тяжелой борьбы крестоносцы завоевали Антіохію, въ которой остался Богемундъ, Эдессу за Евфратомъ и города по берегу Средиземнаго моря. Число ихъ однако очень уменьшилось; иные вожди, утомленные трудностями войны, ушли обратно въ Европу, между оставшимися сеньёрами поднялись споры за владѣнія, среди которыхъ почти забыли о главной цѣли похода. Наконецъ, простые воины начали мятежъ и заставили нѣкоторыхъ вождей идти на Іерусалимъ. На послѣднемъ переходѣ масса христіанъ бросилась на гору, чтобы скорѣе увидать святой городъ. Видъ Іерусалима вызвалъ горячій восторгъ и громкія рыданія. Съ вѣрой въ чудо, по указанію одного отшельника, жившаго на Масличной горѣ, кинулись крестоносцы на штурмъ стѣнъ. Но ихъ отбили, и осаду пришлось повести правильно, при помощи машинъ, доставленныхъ съ моря генуэзцами. Лѣтомъ 1099 г. Іерусалимъ былъ взятъ. Побѣдители учинили жестокую рѣзню мусульманъ на улицахъ и въ большой Омаровой мечети.

Устройство Іерусалимскаго королевства. Въ Сиріи образовались 4 государства крестоносцевъ, изъ которыхъ главное было Іерусалимское королевство, на югѣ. Въ христіанскихъ владѣніяхъ установились феодальные порядки, господствовавшіе въ Европѣ.

Государство раздѣлялось на сеньёріи; сеньёріи—на бароніи и рыцарскіе лены, съ которыхъ требовалась конная служба. На земляхъ, выданныхъ въ надѣлъ пришлымъ христіанскимъ воинамъ, работали туземцы, большею частью греко-православнаго исповѣданія или христіане-сектанты. Они платили оброки и считались прикрѣпленными къ землѣ; въ ихъ положеніи не произошло никакой перемѣны отъ прихода завоевателей, они только получили новыхъ господъ надъ собой вмѣсто прежнихъ мусульманъ. Участь ихъ была хуже, чѣмъ доля крѣпостныхъ въ Европѣ, такъ какъ ихъ не охранялъ обычай.

Феодальные порядки получили во владѣніяхъ, основанныхъ крестоносцами, еще особую силу, какой они не имѣли въ Европѣ. Іерусалимскій король, выбранный изъ числа вождей похода, зависѣлъ отъ рѣшеній «высокой палаты» (Haute cour), т.-е. собранія главныхъ сеньёровъ королевства. Это былъ собственно судъ для разбора дѣлъ, касавшихся владѣнія и службы ленниковъ; своими приговорами (*ассизами*) онъ старался оградить преимущества вассаловъ отъ притязаній короля. Собраніе сеньёровъ захотѣло также закрѣпить важнѣйшія изъ этихъ постановленій посредствомъ записи, тогда какъ въ Европѣ условія владѣнія и службы держались на устномъ обычаѣ. Они назывались потомъ «Письма св. Гроба» (запись хранилась въ ларѣ церкви Гроба Господня).

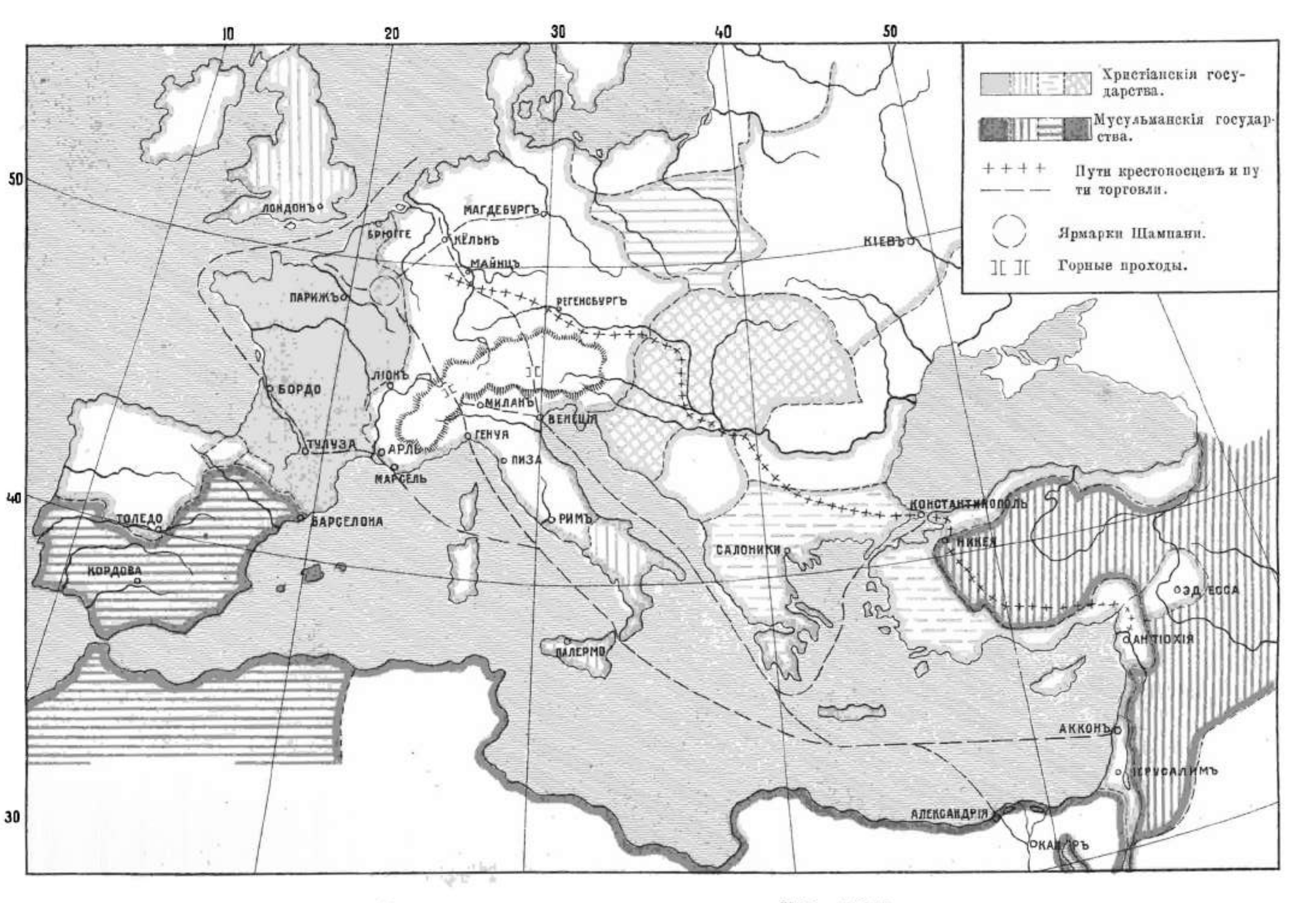
Въ порядкахъ Іерусалимскаго королевства было слѣдующее условіе: на обиду или несправедливое требованіе вассалы имѣли право отвѣтить своему сеньёру, въ томъ числѣ королевскіе вассалы—королю, *стачкой*, или пріостановкой своей службы. При опасномъ положеніи христіанскихъ государствъ это условіе было очень не кстати: они могли удержаться только при непрерывной оборонѣ и при подчиненіи военныхъ людей сильному руководству правителей.

Итальянскіе города и усиленіе европейской торговли. Въ городахъ Сиріи итальянскія приморскія республики, особенно Генуя и Венеція, пріобрѣли совершенно отдѣльное мѣсто; имъ досталась главная доля всего выигрыша въ завоеваніи. За помощь, которую онѣ подали съ моря въ первые годы завоеваній—Венеція черезъ годъ послѣ взятія Іерусалима послала 200 кораблей,—онѣ были освобождены отъ пошлинъ въ торговлѣ, получили во всѣхъ городахъ цѣлые кварталы съ базарами и церквами, а въ большихъ приморскихъ пунктахъ по трети всего города. Эти доли считались заморскими владѣніями европейскихъ республикъ и управлялись назначенными отъ нихъ консулами.

Въ торговлѣ онѣ достигли цѣли. Подвозъ въ Европу восточныхъ матерій, а особенно пряностей, цѣннаго дерева, красильныхъ веществъ, предметовъ роскоши сосредоточился въ ихъ рукахъ. Закупая эти товары прямо съ конечныхъ станцій восточныхъ дорогъ, индійскихъ и арабскихъ, онѣ расширили сбытъ привозныхъ товаровъ, направлявшихся въ среднюю Европу, за Альпы. Въ Венеціи образовался обширный складъ и торговый домъ германскихъ купцовъ, пріѣзжавшихъ для закупки восточныхъ товаровъ. Это германское подворье носило подобно другимъ торговымъ конторамъ и базарамъ, устроеннымъ итальянцами, заимствованное съ востока названіе «фондако» (отъ арабскаго слова funduk, въ свою очередь взятаго съ греческаго pandochion). Прежніе торговцы Европы, евреи, были вытѣснены христіанскими купцами разныхъ странъ. Съ этой поры евреи утратили большія преимущества, которыми они раньше пользовались. Сеньёры лишили ихъ той охраны, какую давали имъ прежде. Въ городахъ евреевъ перестали допускать къ извѣстнымъ занятіямъ; поселеніе ихъ запирали въ особый тѣсно скученный кварталъ.

Съ тѣхъ поръ какъ итальянскіе города забрали торговлю съ востокомъ, оживилось движеніе и по старымъ путямъ поперекъ Европы. Центромъ разныхъ дорогъ, расходившихся за Альпами на востокъ и сѣверъ, служила пограничная область между Германіей и Франціей, *Шампань*. Здѣсь и образовались крупныя общеевропейскія ярмарки. Шампанскія мессы собирались 6 разъ въ году по очереди въ нѣсколькихъ городахъ, тянулись каждая около мѣсяца и отдѣлялись другъ отъ друга небольшими сроками. Такимъ образомъ здѣсь былъ почти непрерывный большой торгъ, на который собирались купцы всѣхъ европейскихъ странъ.

Каждая месса начиналась съ крупной продажи шерстяныхъ матерій и заканчивалась общимъ расчетомъ; различныя уплаты и взысканіе процентовъ были пріурочены къ шести долямъ года. На ярмарки стекались деньги со всѣхъ концовъ западной Европы, поэтому здѣсь удобно было производить обмѣнъ монетъ. Обиліе денегъ давало возможность покупать ихъ; купцы, сеньёры, короли и папы могли здѣсь заключать займы. Въ свою очередь на шампанскихъ мессахъ предъявлялись къ уплатѣ векселя по прежнимъ займамъ. Это была большая общеевропейская *биржа*. Для охраны торговаго порядка и особенно для того, чтобы обезпечить вѣрность ярмарочныхъ сдѣлокъ, изъ купцовъ назначались особые «оберегатели ярмарокъ». Они творили судъ надъ нарушителями порядка, могли отлучать, т.-е. выключать неисправныхъ плательщиковъ отъ участія въ ярмаркѣ, или требовать, чтобы долгъ былъ взысканъ властями того города, изъ котораго пріѣзжалъ купецъ, а если власти отказывали въ этомъ, то судьи могли положить *торговое отлученіе* и на весь городъ.

Крестовые походы и торговля XII—XIII вв.

Положеніе христіанъ въ Сиріи и новые походы. Итальянскіе города расширили европейскую торговлю и увеличили свою морскую силу; но они мало помогали сохранить христіанскія владѣнія на востокѣ. Скорѣе они вредили этимъ государствамъ, ни въ чемъ имъ не подчиняясь и преслѣдуя свои особые интересы. Положеніе сирійскихъ крестоносныхъ владѣній было вообще непрочно. Составъ ихъ населенія былъ очень пестрый. Туземцы, мусульмане, евреи и христіане иного толка, чѣмъ западные, не получили одинаковыхъ правъ съ пришлыми поселенцами. Они недовѣрчиво относились къ крестоносцамъ, легко отпадали или передавались врагамъ. Но и между пришельцами, которыхъ на востокѣ звали *франками* (или по ихъ исповѣданію—*латинами*), не было единства. Каждая европейская народность держалась и здѣсь отдѣльно.

Вся удача крестоносцевъ произошла отъ разлада среди мусульманъ, споривших изъ-за Сиріи. Между тѣмъ мусульмане не только не хотѣли уступать важныхъ областей, которыя отрѣзывали ихъ отъ морскихъ сношеній; они не могли спокойно отдать и Іерусалима, который былъ для нихъ также священнымъ городомъ. Война за вѣру со стороны христіанъ вызвала такую же религіозную войну со стороны мусульманъ. Шіиты поселили у самой границы христіанскихъ владѣній на Ливанскихъ горахъ союзъ персидскихъ ревнителей вѣры, строившихъ неприступные горные замки и дававшихъ обѣтъ безпощаднаго истребленія враговъ ислама. Ихъ звали гашишинами отъ хмельного напитка, которымъ они возбуждались, а по французскому произношенію *ассасинами* (слово, которое стало означать убійцъ вообще).

Число христіанскихъ воиновъ, оставшихся отъ перваго похода, было невелико, и европейскія колоніи въ Сиріи не могли удержаться безъ постояннаго притока новыхъ поселенцевъ. Массы богомольцевъ двинулись теперь моремъ изъ Европы въ завоеванную святую землю. Итальянскіе купеческіе города брали на себя ихъ перевозку и на этомъ одномъ зарабатывали огромную выгоду. Часть странниковъ возвращалась въ Европу, но многіе искали военнаго дѣла, продолженія борьбы съ мусульманами и добычи или новаго владѣнія. Помощь прибывшихъ крестоносцевъ была очень нужна первымъ поселенцамъ; но между ними и новыми пришельцами возникало разногласіе. Для того, чтобы прочно устроиться въ Сиріи, надо было войти въ разнообразныя сношенія съ тамошними мирными мусульманами, а также съ туземными христіанами. Старые поселенцы и ихъ потомки, родившіеся въ Сиріи (*пулланы*), стали болѣе терпимы къ людямъ другой вѣры и народности. Напротивъ, вновь прибывавшіе большею частью были настроены непримиримо и воинственно и вызывали столкновенія съ туземцами; они осуждали пулланъ, какъ народъ испорченный, принявшій восточные нравы.

Въ Европѣ долго держалось религіозное одушевленіе, направлявшее массы на походы. Когда грозила большая опасность христіанскимъ владѣніямъ на востокѣ, папы поднимали новую проповѣдь общаго крестоваго похода: такъ было 50 лѣтъ спустя послѣ перваго похода, когда месопотамскіе турки взяли Эдессу, передовой постъ христіанъ на востокѣ за Евфратомъ, придвинулись къ морю и разрѣзали посрединѣ христіанскія владѣнія. Такъ было еще 30 лѣтъ спустя: сирійскій султанъ Саладинъ присоединилъ Египетъ и съ двухъ сторонъ двинулъ свои силы на Іерусалимское королевство; христіанскіе владѣтели были въ ссорѣ между собою. Саладинъ взялъ въ плѣнъ короля Іерусалима, и священный городъ отошелъ обратно къ мусульманамъ (1187).

Послѣ этого въ далекій походъ (третій) для новаго освобожденія Іерусалима собрались германскій императоръ Фридрихъ Барбаросса, короли французскій и англійскій. Изъ нихъ первый погибъ въ Малой Азіи, другой вернулся съ берега Сиріи, третій, Ричардъ Львиное Сердце, безъ успѣха воевалъ съ Саладиномъ.

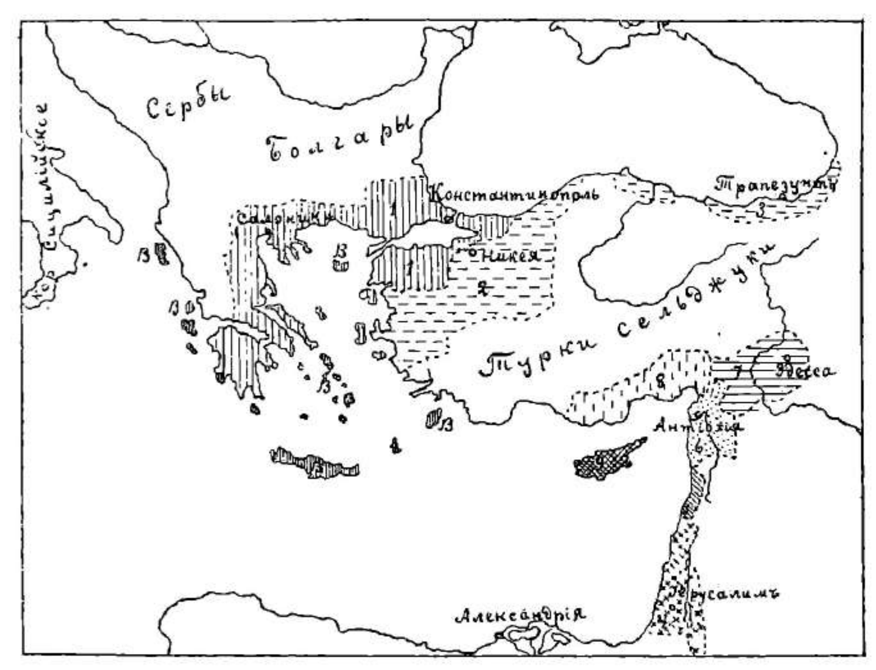
Папы объявляли большіе сборы податей на крестовые походы и старались увлечь крупныхъ государей Европы. При вступленіи на престолъ иной государь долженъ былъ торжественно обѣщать крестовый походъ подъ страхомъ папскаго отлученія, если обѣщаніе не будетъ выполнено. Три раза ходили на востокъ германскіе короли, четыре раза—французскіе, разъ англійскій и разъ венгерскій король. Большіе походы оставались однако безуспѣшными. Трудности пути черезъ Малую Азію разстраивали ополченія, которыя обыкновенно и не доходили до Сиріи.

Послѣ потери Іерусалима въ концѣ XII вѣка у христіанъ осталась лишь узкая береговая полоса въ Сиріи съ большимъ портомъ *Акконъ*, которую они удерживали около ста лѣтъ. Настроеніе въ Европѣ постепенно измѣнилось. Неудачи останавливали колонистовъ и воинственныхъ богомольцевъ. Иной сборщикъ податей на крестовый походъ долженъ былъ видѣть, какъ давали деньги нищему со словами: «возьми во имя Мохамеда, который сильнѣе Христа!» Приморскіе города, несмотря на папскія запрещенія, продавали мусульманамъ оружіе и сбывали на восточные рынки европейскихъ рабовъ. Въ началѣ XIII в. была продана въ Египетъ огромная партія подростковъ и дѣтей, которые собрались по примѣру взрослыхъ въ крестовый походъ и попали въ руки торговцевъ рабами.

Въ двухъ большихъ походахъ XIII в. крестоносцы уклонились въ сторону. Одинъ разъ (въ 1204 г.) французскіе и итальянскіе рыцари вмѣстѣ съ венеціанцами захватили Константинополь, разграбили его богатства и свергли туземную династію. На мѣстѣ Византіи была основана *Латинская имперія*: фландрскій графъ, голосами 6 французскихъ

бароновъ и 6 венеціанцевъ, былъ избранъ римскимъ императоромъ; рядомъ съ нимъ итальянскій сеньёръ сѣлъ королемъ въ Салоникѣ, а на югѣ образовались мелкія сеньёріи; острова и лучшіе берега Эгейскаго моря были отданы венеціанцамъ, которые получили на востокѣ полный торговый перевѣсъ. Въ Константинополѣ, подчинившемся духовной власти папы, былъ избранъ латинскій патріархъ, родомъ венеціанецъ.

Въ другой разъ французское ополченіе подъ начальствомъ короля Людовика Святого двинулось на Египетъ; мусульмане заперли его среди рукавовъ Нила, король былъ взятъ въ плѣнъ, и экспедиція кончилась.

Государства крестоносцевъ на востокѣ. 1) Латинская имперія (1204—1261); 2 и 3)—имперія грековъ, Никейская и Трапезунтская, оставшіяся отъ Византіи. 4) Іерусалимское королевство (1099—1188); 5), 6) и 7) княжества Триполи, Антіохія и Эдесса; 8) Малая Арменія, 9) Кипрское королевство. *В*—владѣнія венеціанцевъ.

Къ концу XIII в. христіане потеряли на материкѣ Азіи послѣднія владѣнія; за ними сохранился лишь островъ Кипръ.

Еще долго, въ теченіе двухъ столѣтій, продолжался призывъ къ крестовымъ походамъ. Но колонизація востока окончилась. Европа выслала огромныя массы, которыя погибли въ войнахъ или были вытѣснены назадъ. Прочныя выгоды сохранили лишь южно-европейскіе города, особенно итальянскіе. Они удержали свое положеніе на восточныхъ рынкахъ. Съ султанами Сиріи, Туниса и Египта они заключили выгодные договоры и получили право за небольшую пошлину вывозить и вво-

зить въ эти страны любые товары и располагать въ нихъ складочными мѣстами. Морскія республики завели огромные флоты и захватили господство въ Средиземномъ морѣ.

Военно-духовные ордена. Крупныя военныя предпріятія, связанныя съ крестоносным движеніемъ, повели къ развитію класса *рыцарей*. Разрозненные раньше на службѣ у отдѣльныхъ сеньёровъ, они стали теперь въ далекихъ походахъ и въ колоніяхъ соединяться въ товарищества. Рыцарскій союзъ одушевлялся общей высокой цѣлью служенія Богу и, помимо борьбы съ невѣрными, ставилъ себѣ другія благочестивыя задачи: помогать бѣднымъ и больнымъ богомольцамъ, охранять безоружныхъ на пути къ святынямъ. Члены союза принимали также обѣты чистой жизни, близкіе къ обѣтамъ монашескимъ: отказываясь отъ семьи и собственности, они соединялись въ общину «бѣдныхъ» для совмѣстной жизни, отрекались отъ собственной воли и подчинялись безусловно выборному настоятелю; отличіе отъ монаховъ состояло только въ ихъ воинской задачѣ. Такія военно-монашескія общины назывались *рыцарскими орденами*.

Черезъ 20 лѣтъ послѣ взятія Іерусалима изъ французскихъ рыцарей составился орденъ *тампліеровъ* (т.-е. рыцарей храма, такъ какъ первоначально они помѣщались въ углу королевскаго двора, гдѣ по преданію было мѣсто стариннаго іудейскаго храма). По ихъ примѣру сложились въ военный орденъ итальянскіе рыцари; они присоединились къ болѣе старинной монашеской общинѣ, основанной итальянскими купцами еще до перваго крестоваго похода и устроившей въ Іерусалимѣ госпиталь подъ покровительствомъ св. Іоанна. Осюда названіе ордена — *госпиталиты* или *іоанниты*. Во имя взгляда, что «господа рыцарей—бѣдные», рыцари провожали неимущихъ паломниковъ, снабжая ихъ лошадьми и припасами; когда братья возвращались со сбора пожертвованій, они клали полученное въ больничной залѣ передъ призрѣваемыми. Но эти обычаи потомъ остались лишь въ видѣ обряда: рыцари вскорѣ стали чуждаться черной работы, и ордена воспроизвели въ своей средѣ то самое дѣленіе на классы, какое было въ тогдашнемъ обществѣ: они состояли изъ воиновъ благороднаго происхожденія, духовенства, или капеллановъ такого же званія и простого люда, братіи служащей, ходившей за больными, работавшей на рыцарей. Во главѣ ордена стоялъ *великій магистръ*, окруженный капитуломъ, какъ епископъ.

Рыцари орденовъ считали себя передовыми борцами противъ невѣрныхъ; они выстроили рядъ сильныхъ горныхъ крѣпостей вдоль восточной степной границы Сиріи (особенно замѣчателенъ іоаннитскій *Кракъ*, или замокъ курдовъ); они стояли въ то время впереди всѣхъ въ военномъ и инженерномъ искусствѣ. Замки орденовъ были послѣдними опорами христіанъ въ Сиріи, уступившими лишь подъ конецъ натиску мусульманъ.

Рыцарскіе ордена получали утвержденіе папы и были совершенно независимы отъ государствъ, среди которыхъ находились ихъ владѣнія. Папа видѣлъ въ нихъ свою армію. Онъ осыпалъ рыцарей, особенно тампліеровъ, льготами и милостями. Монастыри, замки и владѣнія орденовъ были освобождены отъ всякихъ взносовъ, отъ подчиненія епископамъ; единственнымъ ихъ епископомъ считался папа; они получали право давать отпущеніе грѣховъ, какое имѣлъ только папа, совершать богослуженіе на землѣ, на которую былъ положенъ *интердиктъ* (отлученіе), и даже прощать и хоронить у себя отлученныхъ. Кромѣ того особой папской буллой (грамотой), начинавшейся словами: «Всякое даяніе благо», тампліеры получили полную независимость отъ какой бы то ни было власти: никому они не были должны приносить присяги или клятвы на вѣрность.

Такое возвеличеніе орденскихъ рыцарей, которыхъ восторженно звали атлетами Христа и новыми Маккавеями, привлекло къ нимъ массу благочестивыхъ дареній: дарители думали, что они пріобщаются той святой силы, которую проявляютъ рыцари въ крестоносной борьбѣ. Ордена принимали такимъ образомъ въ число своихъ «собратьевъ» государей и крупныхъ сеньёровъ, приносившихъ имъ присягу въ вѣрности, не бросая мірской жизни. Скоро въ рукахъ орденовъ соединились обширныя имѣнія, дома и учрежденія въ Сиріи и во всѣхъ странахъ Европы. Тампліеры были такъ богаты, что могли купить у англійскаго короля завоеванный имъ островъ Кипръ. У нихъ насчитывали до 10,000 имѣній. Самый бытъ рыцарей измѣнился вслѣдствіе этого. Іоанниты еще оставались вѣрны первой своей цѣли: они продолжали борьбу въ средѣ христіанъ, но передъ натискомъ мусульманъ они отступали на западъ, сначала на Кипръ, потомъ на Родосъ, наконецъ, на Мальту. Но тампліеры съ уничтоженіемъ христіанскихъ владѣній въ Сиріи перешли въ Европу. Рыцари стали жить большими господами; ихъ дѣло ограничилось управленіемъ огромнымъ ихъ хозяйствомъ. У нихъ образовались большіе запасы денегъ, которыя они давали взаймы, какъ банкиры.

Подобные же ордена рыцарей образовались и въ самой Европѣ тамъ, гдѣ поднималась борьба за вѣру: въ Испаніи ордена возникли для войны съ мусульманами-маврами. На юго-восточномъ берегу Балтійскаго моря для борьбы съ языческими литовскими племенами былъ поселенъ *Тевтонскій* (нѣмецкій) орденъ, основанный въ Палестинѣ передъ самымъ взятіемъ Іерусалима. Его перевели въ началѣ XIII в. въ Пруссію, между низовьями Вислы и Нѣмана. Цѣлью Тевтонскаго ордена была проповѣдь христіанства и распространеніе вѣры оружіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ его поселеніе было колоніей нѣмцевъ, далеко закинутой на востокъ отъ Германіи: рыцари получали большіе земельные надѣлы, съ ними рядомъ селились свободные нѣмецкіе крестьяне, переселенцы изъ южной Гер-

маніи, а туземное населеніе обращалось въ крѣпостное состояніе. Среди этихъ рыцарей сохранились воспоминанія о святой землѣ и о первой борьбѣ съ невѣрными: мѣстностямъ и поселеніямъ давали сирійскія и палестинскія имена, Іерусалимъ, Эммаусъ, а города и рыцарскіе замки, построенные для того, чтобы держать руку надъ подвластнымъ населеніемъ, получили названіе отъ горныхъ крѣпостей Сиріи, Кёнигсберга, т.-е. королевской горы, Кульма, т.-е. вершины, хотя они стояли на совершенно ровныхъ мѣстахъ.

Свѣтское рыцарство. Орденскія правила повліяли на нравы класса воиновъ. По стариннымъ пѣснямъ, воитель заводитъ дикія ссоры, безпощадно рѣжетъ и грабитъ, сожигаетъ беззащитныхъ, забываетъ клятву и данное слово, распаляется до безумія. Со времени крестовыхъ походовъ подъ вліяніемъ высокаго дѣла, которое открылось воину на землѣ, стало развиваться понятіе о *рыцарской чести*. Рыцарь долженъ оберегать слабаго, держать слово и быть вѣрнымъ своему сеньёру, помогать церкви, быть безстрашнымъ и никому не давать себя въ обиду. Исполняя эти завѣты, онъ какъ бы вступаетъ въ великое идеальное братство воиновъ всей христіанской земли, пріобрѣтаетъ почетное званіе рыцаря. Создались постепенно и особыя рыцарскія учрежденія и обряды, которые должны были служить подготовкѣ рыцаря и поддержанію его добродѣтелей.

Почетными рыцарями становились большею частью воины благороднаго происхожденія, т.-е. феодальные владѣльцы. Однако рыцарское званіе не давалось самимъ рожденіемъ; его надо было получить чрезъ посвященіе. Такое посвященіе давалось за особыя заслуги, на полѣ битвы или при достиженіи извѣстнаго возраста—двадцати одного года, послѣ особаго военнаго воспитанія. Ради того, чтобы дать такую подготовку, будущаго рыцаря отдавали очень рано (часто съ 7 лѣтъ) на службу ко двору сеньёра. Мальчикъ служилъ «отрокомъ», съ 15 лѣтъ становился конюшимъ, оруженосцемъ (valet, écuyer) рыцаря-покровителя и слѣдовалъ за нимъ повсюду, въ битвѣ стоялъ рядомъ съ конемъ рыцаря, держалъ его щитъ, подавалъ запасное оружіе и вмѣстѣ бился.

Посвященіе въ рыцари вело свое начало отъ старинныхъ, еще языческихъ военныхъ обычаевъ, которые заключались въ томъ, что совершеннолѣтнему надѣвали полное вооруженіе и передавали мечъ. Въ христіанскія времена передачу оружія совершали обыкновенно передъ битвой или послѣ нея со словами: во имя Бога, св. Михаила и св. Георгія и т. п. Позднѣе церковь ввела религіозные обряды, стараясь облагородить военное дѣло. Обрядъ переносили на какой-либо крупный праздникъ; посвящаемый постился наканунѣ въ церкви, исповѣдовался и причащался. При посвященіи онъ смѣнялъ платья различнаго цвѣта, что означало пріобрѣтеніе качествъ и добродѣтелей истиннаго воина. Онъ становился на

колѣни передъ посвящавшимъ, отъ котораго получалъ «послѣдній ударъ» ладонью по лицу или мечомъ по спинѣ. Затѣмъ рыцарю дарили посвященное оружіе, онъ вскакивалъ на боевого коня и показывалъ свою ловкость.

Охота и воинскія упражненія заполняли главнымъ образомъ время рыцарей. Тамъ, гдѣ ихъ сходилось много, устраивались *турниры*. Они произошли изъ старинныхъ военныхъ игръ и изъ конныхъ маневровъ, въ которыхъ сшибались и разбѣгались цѣлые отряды. Въ XI вѣкѣ во Франціи, изъ военныхъ плясокъ и примѣрныхъ боевъ возникъ особый искусственный видъ борьбы. Въ турнирахъ бойцы выступали попарно или двумя рядами другъ противъ друга передъ большой публикой, въ которой видное мѣсто занимали дамы рыцарскаго общества. Иногда рыцари лишь показывали свое искусство: главное дѣло было усидѣть на конѣ и вышибить тупымъ копьемъ противника съ сѣдла; но бывали также серьезныя схватки, въ которыхъ рыцари рѣшали вопросы чести. Даже простыя состязанія распаляли участвующихъ и легко переходили въ ожесточенныя столкновенія, такъ что турниры нерѣдко кончались нѣсколькими смертями. Въ видѣ приза побѣдитель бралъ вооруженіе противника или цѣной побѣды становилась потеря личной свободы; тогда побѣжденный выкупалъ ее денежной суммой. Многіе бѣдные рыцари добывали себѣ такимъ способомъ достояніе, переходя изъ одного замка, съ одного турнира къ другому. Среди этой жизни вообще появился типъ рыцарей странствующихъ, искателей приключеній.

На турнирахъ рыцари выходили въ шлемахъ, закрывавшихъ лицо: ихъ узнавали и называли по какимъ-либо знакамъ и рисункамъ на щитѣ или небольшомъ знамени, напримѣръ по изображенію льва, дракона, павлина. Эти знаки, иногда стариннаго языческаго происхожденія, передавались изъ рода въ родъ и образовали *гербы*, т.-е. печати на документахъ и вывѣски на домахъ знатныхъ фамилій и самихъ королей. Сложную науку различенія гербовъ хорошо знали стражи турнира, герольды, которые возглашали начало и конецъ состязаній, славили побѣдителей и останавливали разгорѣвшійся бой.

Для рыцаря не считалась обязательной даже простая грамотность, но къ рыцарскому совершенству относили умѣнье держать себя въ обществѣ: рыцарство вѣдь и возникло отъ сближенія разрозненныхъ раньше по замкамъ воиновъ. Свѣтскому обхожденію рыцари учились болѣе всего при дворѣ крупнаго сеньёра или короля. Сложились правила приличія, какъ встрѣчать и провожать людей, какъ поддерживать бесѣду, въ особенности, какъ вести себя за столомъ. По рыцарскимъ наставительнымъ книгамъ видно, что общество было еще очень грубо; мало было чистоты въ темныхъ помѣщеніяхъ, лишенныхъ стеклянныхъ оконъ; въ обѣденныхъ залахъ, освѣщаемыхъ смолистыми факелами, на полу лежали рас-

топтанные цвѣты и солома; ѣду брали руками прямо изъ блюдъ, бросая кости глодавшимъ въ углу собакамъ.

Рыцарское обхожденіе однако помогло смягченію нравовъ. Особенно видно это на положеніи женщинъ. По старинному праву женщина не имѣла собственной воли и состояла подъ опекой отца или мужа. По феодальнымъ понятіямъ дѣвушка или вдова можетъ имѣть цѣну, какъ наслѣдница лена; феодальные браки поэтому были большею частью простой торговой сдѣлкой; сеньёръ часто насильно выдавалъ наслѣдницу, чтобы вознаградить какого-нибудь вассала новымъ надѣломъ, иногда сдавалъ невѣсту съ аукціона тому, кто больше заплатитъ за ленъ. Въ рыцарскомъ обществѣ сложился другой взглядъ: уваженіе къ женщинѣ и нѣжная забота о ней. На рыцарей отчасти дѣйствовала мысль о защитѣ слабыхъ, отчасти обстоятельства самой жизни, въ которой женамъ и вдовамъ бароновъ приходилось нерѣдко защищать замки, ободрять и воодушевлять воюющихъ, даже самимъ идти въ походъ, какъ это было у крестоносцевъ. Церковь помогла этому возвеличенію женщины, соединивъ въ образѣ Богоматери черты мягкости, безконечной любви и заступничества. Въ рыцарской средѣ, особенно при дворахъ крупныхъ сеньёровъ, преклоненіе передъ женщиной приняло особый видъ служенія дамѣ-избранницѣ сердца. Рыцарь былъ обязанъ выбрать даму, которой онъ посвящалъ свое оружіе и въ честь которой совершалъ подвиги; онъ приносилъ ей присягу и служилъ, какъ вассалъ. Любовь къ дамѣ была возведена на степень возвышеннаго чувства, воспламеняющаго человѣка на крупныя и смѣлыя дѣла; рыцарскія понятія учили, что для любви не должно быть никакихъ сдержекъ и преградъ.

Рыцарская литература. Главнымъ развлеченіемъ рыцарскаго общества были пѣсни и повѣсти, въ которыхъ болѣе всего и отразились рыцарскія понятія и мечтанія. Въ пѣсняхъ возвеличивались идеальныя чувства рыцаря, особенно его любовь къ дамѣ; въ стихотворныхъ и прозаическихъ повѣстяхъ изображались въ сказочной чудесной формѣ приключенія, страданія и побѣды идеальныхъ рыцарей. Эти поэмы назывались *романами*, такъ какъ въ отличіе отъ церковной и ученой латинской литературы они были составлены на разговорномъ романскомъ языкѣ.

Авторы произведеній (ихъ звали въ сѣверной Франціи *труверами*, т.-е. сочинителями, изобрѣтателями, въ южной—*трубадурами*), большею частью сами рыцари, скрывали, обыкновенно, свои имена; стихи заучивались пѣвцами и сказителями, которые переѣзжали со скрипкой, служившей для аккомпанемента, изъ замка въ замокъ. Это были уже большею частью люди не рыцарскаго званія; отсюда ихъ названіе *менестрели* (отъ министеріаловъ, т.-е. слугъ). Другое ихъ имя *жонглеры;* они были вмѣстѣ съ тѣмъ забавниками, плясунами и акробатами,

а нерѣдко также присоединяли искусство знахарей, аптекарей, цырюльниковъ и коноваловъ.

Рыцарскіе разсказы и поэмы имѣютъ въ основѣ старинныя языческія сказанія и христіанскія легенды; они заимствуютъ изъ исторіи фигуры Александра Македонскаго или Карла Великаго, но переносятъ ихъ въ другой вѣкъ и окружаютъ фантастической обстановкой: напр., Карлъ изображался во главѣ крестоваго похода, идущаго на Іерусалимъ. Одинъ и тотъ же сюжетъ добавлялся и видоизмѣнялся безъ конца. Хотя рыцари всѣхъ странъ сближались между собою въ понятіяхъ и обычаяхъ, но у каждой народности былъ свой излюбленный кругъ сказаній: въ Германіи сказаніе о Нибелунгахъ, въ которомъ сплетена трагическая участь свѣтлаго героя (солнечнаго бога) Зигфрида съ гибелью богатырскаго поколѣнія Нибелунговъ; во Франціи повѣсть о Роландѣ и сподвижникахъ Карла Великаго, а также перешедшее изъ Англіи кельтское сказаніе о королѣ Артурѣ и воителяхъ его волшебнаго Круглаго стола. Повсюду распространилось возвеличенное крестовыми походами сказаніе о св. Граалѣ, лучезарной драгоцѣнной чашѣ, въ которую пролилась кровь Христова и лицезрѣніе которой, доступное лишь рыцарю высшей добродѣтели, даетъ на землѣ нетлѣнное счастье.

Вся эта литература полна изображенія жестокихъ страстей и чистѣйшей добродѣтели; тутъ—сила неукротимая, благородство безъ границъ, вѣрность до самозабвенія, ненависть безпощадная и невѣроятныя проклятія; то яростное отверженіе Бога и связь съ дьяволомъ, то мученическая смерть за вѣру; дикіе звѣри, поразительныя встрѣчи, невозможныя совпаденія; для героевъ нѣтъ разстояній, и выборъ мѣста дѣйствія не стѣсняетъ разсказчика.

Эти преувеличенія были по вкусу слушателей. Но не одни только чувства, свойственныя военному классу, выражаетъ рыцарская поэзія. Въ разработку сказаній вкладывались болѣе глубокія общечеловѣческія мысли. Германскій рыцарь-поэтъ, Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ, пересказывая въ поэмѣ *Парсиваль* легенду о св. Граалѣ, представилъ своего героя, молодого рыцаря (Парсиваля) простецомъ и чистой душой, которому счастье (открытіе Грааля) дается само, помимо всякихъ поисковъ, тогда какъ оно ускользаетъ отъ тѣхъ, кто его хочетъ приготовить себѣ и кто полагается на свой умъ и свои силы. Но такое счастье слѣпо и непрочно, оно не есть настоящая жизнь; Парсиваль видѣлъ святыню, но легкомысленно разстался съ ней. Далѣе поэтъ изображаетъ, какъ путемъ страданій, въ мучительной борьбѣ и сомнѣніяхъ, открывается глубина человѣческаго духа, и человѣкъ постигаетъ высшее благо жизни.

Рыцарскія понятія и учрежденія сложились въ XII вѣкѣ и достигли наибольшаго расцвѣта около 1200 года. Они соединяли людей различ-

ныхъ слоевъ большого военнаго класса. Рыцарскаго званія искали короли, видя въ немъ почетъ для себя; рыцарской обстановкой они старались придать блескъ своему двору. А съ другой стороны, мелкимъ военнымъ людямъ, простымъ министеріаламъ, иногда вольноотпущеннымъ посвященіе въ рыцари открывало доступъ въ высшее общество. Рыцарство всего раньше и сильнѣе развилось во Франціи, позднѣе въ Германіи, гораздо слабѣе въ Англіи и въ Италіи.

Столкновенія рыцарства и городовъ. Въ сѣверной Италіи города распространили власть далеко за предѣлы своихъ стѣнъ. Здѣсь рано распались большія герцогства, но изъ нихъ не образовалось и самостоятельныхъ бароній; части герцогствъ были захвачены ближайшими городами. Такъ Миланъ, Венеція, позднѣе Флоренція пріобрѣли себѣ большія области. Города въ Италіи не остались островами въ мірѣ феодаловъ, какъ коммуны во Франціи; они раздѣлили между собою всю страну. Въ Италіи происходили первыя и наиболѣе рѣзкія столкновенія рыцарскаго и городского общества. Но рыцари, враждебные горожанамъ, были здѣсь чужіе, изъ Германіи. Приводившій ихъ съ собою германскій императоръ былъ сторонникомъ старыхъ порядковъ хозяйства и управленія, противоположныхъ новымъ, городскимъ. Самую замѣчательную борьбу противъ него выдержали ломбардскіе города во второй половинѣ XII в.

Имперія Штауфеновъ. Съ середины XII в. въ теченіе столѣтія 1139—1254) короли германскіе выбирались (съ однимъ перерывомъ) изъ княжескаго дома Штауфеновъ, или Гогенъ-Штауфеновъ, отъ имени одного изъ ихъ бурговъ въ Швабіи. Собственныя владѣнія этихъ князей и королевскія вотчины, которыя имъ достались по родству съ франконскими императорами, составляли обширныя земли въ юго-западной Германіи и вдоль теченія верхняго Рейна по важной торговой дорогѣ. Въ этой населенной и богатой странѣ Штауфены располагали множествомъ замковъ. Управленіе имѣній велось по-старому; населеніе, обложенное натуральными повинностями, поставляло припасы, матеріалы и товары для королевскаго двора, свиты и воиновъ; сборъ оброчныхъ предметовъ, счетъ и правильный подвозъ ихъ на мѣста находился подъ надзоромъ многочисленныхъ министеріаловъ, дворовыхъ людей, большею частью крѣпостного происхожденія, поднимавшихся нерѣдко на королевской службѣ до рыцарскаго званія.

Строгіе сеньёры у себя дома, Штауфены требовали отъ вассаловъ королевства полной феодальной службы, участія въ съѣздахъ и походахъ и привода второстепенныхъ зависимыхъ вассаловъ. Особенно настойчивъ въ этомъ отношеніи былъ Фридрихъ I (1152—1190), прозванный въ Италіи Барбароссой (краснобородымъ). Фридрихъ относился враждебно къ неза-

висимости городовъ: они должны, въ его глазахъ, нести свои повинности на сеньёровъ для того, чтобы тѣ въ свою очередь могли исполнить феодальныя обязанности въ отношеніи короля. Городъ Майнцъ, уже имѣвшій вольности, не захотѣлъ платить подати, которую архіепископъ города требовалъ, чтобы покрыть свои расходы, когда Фридрихъ позвалъ сеньёровъ въ римскій походъ. Споръ дошелъ до короля, и онъ рѣшилъ дѣло въ пользу архіепископа; когда граждане убили архіепископа, Фридрихъ явился для суровой расправы; множество людей бѣжало, стѣны города были сломаны, и его вольности уничтожены.

Согласно такимъ поступкамъ, Фридрихъ Барбаросса понималъ и свою власть: онъ считалъ имперію господствомъ надъ всѣмъ свѣтомъ; всѣ другіе государи—вассалы императора, всѣ земли и королевства—его лены. Люди, служившіе при дворѣ и въ судахъ императора придали его взглядамъ новый видъ. Въ это время въ школахъ Италіи, особенно въ *Болоньѣ*, усиленно изучалось римское право. Фридрихъ принялъ ученыхъ юристовъ, и они вставляли въ грамоты и въ приговоры тѣ выраженія о величіи власти государя, которыя они знали по законамъ римскихъ императоровъ, Константина, Θеодосія и Юстиніана. Главное изъ этихъ выраженій было: «что угодно государю, то имѣетъ силу закона» (quicquid principi placuit, legis habet vigorem). Фридрихъ взялъ болонскую школу подъ свое покровительство и призналъ ея профессоровъ равными рыцарямъ.

По обычаю, Фридрихъ двинулся въ началѣ своего правленія съ войскомъ въ Италію, чтобы короноваться въ Римѣ; еще пять разъ потомъ ходилъ онъ за Альпы. Но папа не владѣлъ Римомъ, когда пришелъ Фридрихъ. Простой народъ въ Римѣ, купцы и ремесленники соединились съ мелкими рыцарями, захватили штурмомъ Капитолій и низвергли управленіе консуловъ, набиравшихся изъ крупныхъ семей; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ изгнанъ папа, и Римъ былъ объявленъ республикой; во главѣ управленія народъ поставилъ «священный сенатъ». Среди общаго возбужденія большое вліяніе пріобрѣлъ ученый священникъ и проповѣдникъ Арнольдъ изъ Брешіи, получившій образованіе въ Парижѣ. Арнольдъ, строгій въ своей жизни и горячо убѣжденный, возставалъ противъ свѣтской власти папы. Онъ училъ, что духовенство должно жить лишь десятиной, а не владѣніемъ землей, такъ какъ это противно христіанству; не должно быть у него и свѣтской власти, которая исключительно принадлежитъ государямъ и республикамъ.

Когда Барбаросса подошелъ къ Риму, ему предложили корону одновременно римскій народъ и папа, который только что произнесъ надъ Римомъ проклятіе. Король, не признававшій правъ народа, принялъ корону отъ папы подъ условіемъ выдать ему Арнольда; напротивъ, от-

вергъ предложенie римлянъ и отвѣтилъ ихъ посламъ, что вся сила и слава стариннаго Рима перешла теперь къ нему. Фридриху пришлось однако отвоевывать Римъ. Во время самой церемонiи коронованiя, римляне взялись за оружiе, и на улицахъ произошелъ жестокiй бой. Арнольда схватили, и императоръ отдалъ проповѣдника на казнь. Но и съ папой Фридрихъ не могъ поладить. Его распоряженiя въ Италiи затрогивали папу, какъ одного изъ итальянскихъ государей. На рейхстагѣ въ Безансонѣ папскiй легатъ напомнилъ Фридриху: «отъ кого же императоръ получилъ власть, какъ не отъ папы?» При этихъ словахъ одинъ изъ германскихъ сеньёровъ съ обнаженнымъ мечомъ бросился на прелата, и самъ императоръ едва остановилъ кровопролитiе.

Барбаросса и ломбардскiе города. Новымъ походомъ въ Италiю Фридрихъ рѣшилъ установить свои права во всей полнотѣ. Главное его вниманiе привлекали стоявшие на пути большiе промышленные города Ломбардiи, которые управлялись независимо. Между городами была рознь; сильный Миланъ, стараясь сосредоточить у себя торговое движенiе, принизилъ и разрушилъ сосѣднiя общины, Лоди и Комо. Фридрихъ перешелъ Альпы съ большимъ ополченiемъ вассаловъ; нѣкоторые итальянскiе города присоединились къ нему. Миланъ сдался на его милость.

Императоръ остановился лагеремъ у переправы черезъ рѣку По на Ронкальскомъ полѣ. Сюда на торжественное собранiе, въ которомъ рѣшено было «выяснить законы имперiи, вышедшiе изъ обычая и позабытые», при участiи ученыхъ болонскихъ юристовъ, были вызваны представители городовъ, чтобы доказать свои права на самостоятельность. Тѣ города, которые не могли предъявить королевскихъ грамотъ на вольности, должны были откупаться. Но императоръ старался вообще сократить права городовъ и задержать ростъ ихъ силы. Юристы, сторонники его власти, объявили множество *регалiй*, т.-е. королевскихъ правъ, между которыми были вновь ими открытыя и никогда раньше не примѣнявшiяся: право распоряжаться землями, взимать пошлины, чеканить монеты, назначать чиновниковъ по городамъ. Въ качествѣ такихъ чиновниковъ императоръ началъ ставить въ общинахъ Ломбардiи, вмѣсто выборныхъ консуловъ, *подестъ* изъ преданныхъ ему людей.

Эти условiя отказались принять городъ Миланъ и папа. Миланъ изгналъ пословъ Фридриха, отправленныхъ для назначенiя подесты. Началась долгая осада большого города. Болѣе двухъ лѣтъ оборонялся Миланъ отъ войскъ императора. Наконецъ, истощенные голодомъ жители сдались и, съ архiепископомъ во главѣ, явились босые, посыпавъ пепломъ головы, съ веревками на шеѣ, въ лагерь. Императоръ сначала велѣлъ имъ всѣмъ выселиться; въ покинутомъ городѣ онъ устроилъ судъ надъ мятежниками. Жители общинъ, пострадавшихъ отъ насилiй Милана, по-

требовали разрушенія города. Императоръ предоставилъ имъ Миланъ. Городъ подожгли съ четырехъ концовъ; всѣ его стѣны, башни и даже церкви были разобраны до основанія. На мѣстѣ Милана хотѣли оставить пустырь навѣки и провели въ знакъ этого плугомъ борозду. Лучшія земли, принадлежавшія городу, императоръ взялъ себѣ. Бывшіе граждане Милана были обращены въ крестьянъ, раздѣлены по четыремъ деревнямъ и посажены на тяжслую сельскую работу; надъ ними были поставлены императорскіе приказчики, и ихъ подчинили оброкамъ натурой и барщинѣ.

Торжество императора грозило и папѣ, такъ какъ Фридрихъ хотѣлъ распоряжаться надъ итальянскими епископами и надъ римской областью. Въ это время папою былъ выбранъ, подъ именемъ Александра III, тотъ кардиналъ, который въ Безансонѣ вызвалъ своимъ отвѣтомъ императору такую бурю. Фридрихъ отказался признать его; чтобы показать божественное происхожденіе императорской власти, онъ велѣлъ объявить святымъ *(канонизировать)* Карла Великаго. Новый папа выступилъ защитникомъ независимости Италіи; онъ отлучилъ императора и поднялъ противъ него сицилійское королевство норманновъ, Венецію и другіе сѣверные города, составившіе нѣсколько союзовъ. Самый важный былъ *ломбардскій союзъ* изъ 15 городовъ; среди него появились миланцы, которые начали возстановлять свой городъ. Союзники выстроили среди императорскихъ владѣній свою крѣпость и назвали ее въ честь папы Александріей.

Фридрихъ не могъ привести большого войска изъ Германіи; самый сильный его вассалъ, баварскій герцогъ изъ дома Вельфовъ, Генрихъ Левъ, отказалъ ему въ помощи и покинулъ его на альпійскомъ проходѣ. Городскія ополченія Ломбардіи напали на императора при Леньяно, недалеко отъ Милана; въ серединѣ ихъ находилась большая повозка съ высокимъ священнымъ знаменемъ союзниковъ; на ней и кругомъ нея стояла дружина почетныхъ защитниковъ, поклявшихся умереть со святыней. Ломбардцы побѣдили; императоръ былъ сбитъ съ лошади и едва спасся, его воины разсѣялись. Барбаросса долженъ былъ уступить городамъ и папѣ. Въ Венеціи при посредствѣ папы былъ созванъ съѣздъ, на которомъ впервые города, какъ самостоятельная сила, вели переговоры съ императоромъ. Города объявили, что они хотятъ такого міра, чтобы «была сохранена честь Италіи и не нарушена ихъ свобода». Гордый императоръ бросился къ ногамъ папы у собора св. Марка въ Венеціи; при отъѣздѣ изъ церкви онъ поддерживалъ стремя папы, самъ идя пѣшкомъ. Съ него было снято отлученіе. На совѣщаніи папа сидѣлъ на тронѣ, имѣя по одну сторону императора, по другую—сицилійскаго короля. Ломбардскіе города получили опять независимость, выборныхъ консуловъ, свой судъ, право составлять союзы; они были освобождены отъ повинностей, кромѣ обязанности содержать императора при проѣздѣ.

Фридрихъ потерпѣлъ полную неудачу противъ городовъ. Сѣверная Италія почти вовсе ускользнула отъ его власти. Но императоръ, искусный и неутомимый политикъ, вознаградилъ себя на другомъ. Онъ женилъ своего сына на наслѣдницѣ сицилійскаго королевства, которое до тѣхъ поръ служило главной опорой папъ. Такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ богатое и важное владѣніе для своего дома на южной окраинѣ, у моря, которое служило въ это время оживленнымъ сношеніямъ съ востокомъ. Барбаросса окончилъ свою жизнь, какъ рыцарь, въ большомъ (третьемъ) крестовомъ походѣ, двинувшемся на освобожденіе Іерусалима.

Денежное хозяйство и политика. Въ XIII вѣкѣ европейскій обмѣнъ былъ въ полномъ ходу; города стянули къ себѣ значительную часть населенія; многіе изъ нихъ достигли самостоятельности и составляли большую силу. Въ полномъ расцвѣтѣ была подвижная жизнь рыцарства, изъ котораго могли составляться большія военныя массы. Средиземное море открылось европейцамъ. Посредствомъ сухопутныхъ дорогъ поперекъ Европы соединилась съ южной торговлей сѣверная по морямъ Нѣмецкому и Балтійскому. Различныя области Европы и различные классы населенія вступили въ денежный оборотъ. Вслѣдствіе этого сталъ измѣняться характеръ государствъ и пріемы политики правителей.

Прежде государство опиралось на народное или феодальное ополченіе, на натуральныя повинности населенія, которое давало по требованію государя вооруженныхъ людей или работниковъ; общихъ податей не было; сборы съ населенія шли въ видѣ запасовъ ко дворамъ сеньёровъ или крупнѣйшаго сеньёра, короля, и потреблялись тамъ. Теперь появилось новое средство: образовались *капиталы*, т.-е. денежные излишки отъ обмѣна и отъ взносовъ зависимыхъ людей, которые можно было собрать и снова пустить въ оборотъ, употребить на новыя крупныя цѣли.

Капиталъ можетъ въ рукахъ отдѣльнаго владѣльца, хозяина, промышленника, служить для расширенія имѣнія, торговаго и ремесленнаго предпріятія, для найма большаго числа рабочихъ, закупки большаго количества матеріала и болѣе широкаго сбыта товаровъ. Въ рукахъ у крупнаго города, епископа, сеньёра или короля капиталъ даетъ возможность нанять и вооружить значительныя военныя силы, выстроить флотъ, открыть торговлю, завести правильныя отдаленныя сношенія. Распоряженіе капиталомъ, связанные съ нимъ денежные расчеты составляютъ *денежное хозяйство*; оно очень отличается отъ стараго управленія большими вотчинами. Денежное хозяйство гораздо сложнѣе. Въ немъ ясно отдѣляются доходъ и расходъ, которые мало замѣтны при старомъ, вотчинномъ хозяйствѣ, такъ какъ тамъ не приходится покупать на сторонѣ и для обмѣна припасать излишекъ. Въ крупныхъ предпріятіяхъ, основанныхъ на денежномъ оборотѣ, необходимо вычи-

слять впередъ доходъ и расходъ и опредѣлять впередъ желательный излишекъ. Такая вычисляемая впередъ сумма оборота составляетъ *финансы*. Раньше всего финансами стали располагать города, такъ какъ на ихъ рынкахъ скорѣе всего и получались денежные излишки.

Въ городахъ, появился впервые новый налогъ, возникшій отъ развитія торговаго дѣла. Это былъ *акцизъ*, т.-е. сборъ со всякой продаваемой и покупаемой вещи. Его платилъ продавецъ за выгоду, получаемую имъ отъ продажи, но въ свою очередь онъ бралъ излишекъ съ покупателя, увеличивая цѣну вещей. О такомъ сборѣ не могло быть рѣчи раньше, когда обмѣнъ былъ слабъ. Въ старину сбирали лишь десятину или талью, т.-е. часть урожая и приплода, въ опредѣленные сроки, съ опредѣленныхъ разрядовъ обязанныхъ людей. Торговля открыла возможность получать подать непрерывно со всѣхъ людей, участвующихъ въ обмѣнѣ.

Настоящими большими финансовыми силами въ XIII в. стали *двѣ крупныя державы Европы*, которыя вступили между собою въ борьбу. Это были Штауфены, соединявшіе германскія и итальянскія владѣнія, и папы.

Могущество папства. Иннокентій III. Съ пріобрѣтеніемъ сицилійскаго королевства сила Штауфеновъ стала еще больше; она еще болѣе грозила римской церкви, земли которой очутились точно въ тискахъ среди королевскихъ владѣній. Къ счастью для папъ, скоро умеръ старшій сынъ Барбароссы, императоръ Генрихъ VI.

Папа Иннокентій III (1198—1216) сталъ поддерживать въ Германіи враждебныхъ Штауфенамъ Вельфовъ. Главою Вельфовъ при Барбароссѣ былъ Генрихъ Левъ. За измѣну Фридрихъ лишилъ его Баваріи, но онъ сохранилъ другое герцогство, Саксонію. Сынъ Генриха Льва, Оттонъ IV, рѣшеніемъ папы получилъ императорскую корону противъ младшаго сына Барбароссы. У Штауфеновъ остались княжескія вотчины въ Германіи и сицилійское королевство. Сеньёры, духовенство и города въ Германіи и Италіи раздѣлились на двѣ партіи. Сторонники папы звались *гвельфами* (по итальянскому произношенію вмѣсто вельфовъ); противники—*гибеллинами* (можетъ быть, по имени одного изъ замковъ, принадлежавшихъ Штауфенамъ). Въ Италіи большая часть городовъ примыкала къ гвельфамъ. Но и внутри городовъ было раздѣленіе: городское рыцарство и старинныя купеческія семьи принадлежали большею частью къ гибеллинамъ; новое купечество и ремесленники простого происхожденія (popolo) составляли партію гвельфовъ.

При Иннокентіи III папская власть достигаетъ наибольшей силы своей. Со времени Григорія VII духовенство во всѣхъ странахъ зависѣло отъ папскихъ рѣшеній, направляло въ Римъ всѣ свои споры и жалобы. Эти многочисленныя обращенія къ верховному суду папы *(апелляціи)* повели къ устройству при *папской куріи* (дворѣ) большой судебной па-

латы съ раздѣленіями и огромнымъ количествомъ служащихъ. Множество лицъ обращалось, кромѣ того, въ Римъ съ самыми различными вопросами, касавшимися не только спасенія души, но и свѣтскихъ дѣлъ, владѣній, наслѣдствъ, браковъ и т. д., дѣлъ, по которымъ хотѣли слышать верховное рѣшеніе направителя душъ. Папа Иннокентій III объявилъ, что иначе и быть не можетъ: всѣ вопросы и сомнѣнія по различнымъ статьямъ права должны быть обращаемы къ римской церкви, «учительницѣ и матери», для того, чтобы тотъ, кто установилъ право, самъ могъ его истолковать. Вслѣдствіе этого невѣроятно разраслась папская канцелярія, въ которой соединялась обширная переписка входящихъ и исходящихъ бумагъ.

Всѣ эти сношенія служили также источникомъ новаго огромнаго обогащенія папской казны и папскихъ чиновниковъ. Апелляціи, жалобы, просьбы о назначеніи на свободныя мѣста оплачивались въ Римѣ большими суммами. При Иннокентіи III папскій дворъ сталъ получать еще новый доходъ, помимо тѣхъ взносовъ, которые раньше платило духовенство. Это былъ *крестоносный сборъ*. Крупныя крестоносныя ополченія нельзя было снарядить, отвезти на востокъ и прокормить, не собравши раньше большихъ денежныхъ суммъ. Руководители походовъ, папы, въ своихъ воззваніяхъ говорили, что содержаніе войска противъ мусульманъ должно быть оплачено всѣми остальными христіанами. Послѣ взятія Іерусалима султаномъ Саладиномъ во Франціи и въ Англіи короли установили было такъ называемую Саладинову десятину на освобожденіе святого города. Но эта подать показалась народу совершенно необычной и вызвала сильное раздраженіе; французскій король долженъ былъ обѣщать «навѣки», что никто болѣе не посмѣетъ взимать такую подать.

То, что не удалось королямъ, удалось папѣ. Иннокентій III на одномъ соборѣ въ началѣ своего правленія изобразилъ яркими красками страданія христіанъ въ святой землѣ и заявилъ, что отдаетъ часть полученій римской церкви на походъ. Тогда духовенство обѣщало папѣ $^1/_{30}$ своихъ доходовъ на то же дѣло. Эти сборы были вскорѣ повторены, и размѣръ ихъ увеличился. Папа сталъ собирать крестоносную подать на новыя войны за вѣру, возникавшія уже въ самой Европѣ; таковъ былъ походъ на еретиковъ альбигойцевъ въ южной Франціи, получившій благословеніе папы. Въ оправданіе такихъ сборовъ папа объявилъ, что всѣ церкви и благочестивыя учрежденія подчинены ему, какъ государю, и онъ можетъ распоряжаться ихъ доходами и богатствами. Между тѣмъ доходы церквей получались съ обширныхъ земель, населенныхъ крѣпостными, и со всѣхъ вообще мірянъ, которые отдавали духовенству десятину. Крестоносная подать была десятина съ десятины; такимъ образомъ папы собирали черезъ посредство духовенства со всего народа.

Сила папы въ отношеніи всего духовенства на западѣ особенно за-

мѣтна на перемѣнѣ, которая произошла въ большихъ церковныхъ собраніяхъ. Соборы перестали быть совѣщаніями равныхъ между собою руководителей отдѣльныхъ церковныхъ общинъ. Папа созывалъ ихъ въ своемъ римскомъ дворцѣ, Латеранѣ. На Латеранскомъ соборѣ 1215 г. присутствовало 453 епископа, но они лишь выслушали и послушно скрѣпили рѣшеніе папы, какъ придворные, собранные только для того, чтобы придать блескъ обстановкѣ неограниченнаго государя.

Располагая денежными средствами гораздо болѣе крупными, чѣмъ свѣтскіе государи, вмѣшиваясь въ самыя различныя свѣтскія дѣла, имѣя всюду подчиненныхъ и зависимыхъ людей, а въ Римѣ большой штатъ управленія, папа былъ какъ бы великимъ монархомъ Европы. Онъ возвысилъ теперь и титулъ свой. До тѣхъ поръ папы считались преемниками и замѣстителями ап. Петра. Иннокентій III объявилъ, что папа— намѣстникъ «не какого-либо апостола или человѣка, а Самого Христа». Нѣкоторыя страны стали какъ бы въ прямую зависимость отъ папы. Такова была основанная крестоносцами на мѣстѣ Византіи Латинская имперія. Англійскій и арагонскій короли, допустившіе вмѣшательство Иннокентія III въ дѣла своихъ государствъ, признали себя его вассалами. Императору папа писалъ: «Дорогой сынъ, мы соединены въ единой душѣ и единомъ сердцѣ. Кто же отнынѣ посмѣетъ сопротивляться намъ, когда мы носимъ тѣ два меча, чтó апостолы показали Господу, сказавши: вотъ два меча! а Господь отвѣтилъ: этого довольно!» Но въ глазахъ Иннокентія III не могло быть и рѣчи о равенствѣ между «двумя мечами» христіанства. Въ своемъ рѣшеніи о передачѣ императорскаго сана онъ писалъ, что «имперія принадлежитъ папѣ и по началу, и по концу». По началу потому, что папа перенесъ имперію изъ Византіи, по концу потому, что императоръ возвышенъ лишь въ силу возложенія рукъ первосвященника.

Вельфскій императоръ, получившій поддержку папы, повелъ себя однако такъ же, какъ Штауфены: заявилъ притязаніе на господство въ Римѣ и въ итальянскихъ городахъ. Тогда Иннокентій III, по его собственнымъ словамъ, раскаялся, что «создалъ человѣка». Подъ папской опекой находился внукъ Барбароссы, сицилійскій король Фридрихъ II. Иннокентій помогъ ему теперь противъ Оттона IV. Папа считалъ Фридриха вѣрнымъ сыномъ церкви; передъ самою смертью Иннокентія молодой Штауфенъ отвоевалъ себѣ германскую корону.

Сицилійское королевство. Фридрихъ II, болѣе итальянецъ, чѣмъ нѣмецъ по своимъ интересамъ, близко стоялъ къ образованнымъ арабамъ, которыхъ было еще много въ его сицилійскомъ королевствѣ. Онъ держался свободныхъ взглядовъ въ религіозныхъ вопросахъ и соединялъ широкія и разностороннія свѣдѣнія по различнымъ наукамъ. Сдержанный и скрытный, онъ сталъ опаснѣйшимъ врагомъ папства.

Владѣнія Фридриха II состояли изъ двухъ совершенно не похожихъ частей, феодальной, раздробленной между князьями Германіи, и стройно управляемаго сицилійскаго королевства, въ которомъ норманны воспроизвели византійскіе и арабскіе порядки. Въ первой онъ былъ выборный государь, вполнѣ располагавшій лишь небольшой вотчиной, въ другой—наслѣдственный полный владѣтель всего государства. Фридрихъ и держался въ той и другой половинѣ совершенно различныхъ пріемовъ.

Въ силу *Конституцій сицилійскаго королевства,* изданныхъ въ городѣ Мельфи, онъ утвердилъ въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ неограниченную власть короля. Во вступленіи къ сицилійскимъ законамъ объяснено, что вслѣдствіе грѣхопаденія людей стала нужна на землѣ власть государя, чтобы сдерживать пороки и произволъ и исполнять волю Божію; древній народъ римскій перенесъ всю власть на императора; кто противъ него поднимаетъ мятежъ, тотъ—все равно, что возстаетъ противъ царства небеснаго. Запрещается разсуждать о постановленіяхъ государя; святотатственно судить о томъ, достойно ли назначаетъ государь своихъ слугъ. Сеньёры, духовенство и города въ сицилійскомъ королевствѣ потеряли самостоятельность; были запрещены, подъ страхомъ казни и отнятія имущества, частныя войны между баронами; они потеряли право строить укрѣпленные замки и носить оружіе, если не были на королевской службѣ. Сеньёры лишились суда надъ зависимыми людьми въ своихъ вотчинахъ; сами они подчинялись королевскому суду, сеньёръ за убійство присуждался не къ штрафу, а къ казни. Духовенство также было подчинено королевскому суду и уплатѣ налоговъ, одинаково распространенныхъ на всѣ классы. Было запрещено продавать для церкви и жертвовать въ ея пользу земли. Города потеряли право выбирать консуловъ и старшинъ и управляться самостоятельно. Судъ, надзоръ за порядкомъ, управленіе финансами были поручены многочисленнымъ чиновникамъ, большею частью изъ мелкаго рыцарства и ученыхъ юристовъ. Они назначались на годъ и зависѣли прямо отъ короля.

Королевское управленіе раздѣлялось на двѣ куріи: 1) финансовъ и 2) большую или судебную, во главѣ которой стоялъ назначаемый королемъ «великій юстиціарій» (судья). Этотъ сановникъ, названный въ законѣ «зеркаломъ права», рѣшалъ самъ по важнѣйшимъ государственнымъ проступкамъ и принималъ апелляціи, т.-е. жалобы, на рѣшенія низшихъ судовъ. Это было особенно крупнымъ отличіемъ отъ феодальнаго порядка, въ которомъ на судъ сеньёра некуда было жаловаться. Большое вниманіе было обращено на увеличеніе доходовъ страны; Фридрихъ старался извлечь выгоду изъ оживленной промышленности и торговли въ королевствѣ. Помимо прямыхъ налоговъ, взимались акцизы съ

продаваемыхъ товаровъ, скота, рыбы, хлопка, кожи, свѣчей и т. п. Но король сильно ограничивалъ самостоятельность своихъ подданныхъ въ промышленномъ дѣлѣ; онъ удержалъ за собой исключительное право торговли (*монополію*) солью, металлами, шелкомъ.

Сицилійское королевство было богатѣйшимъ въ Европѣ. На крупныя средства казны Фридрихъ завелъ вмѣсто феодальнаго ополченія настоящую армію на жалованьи и большой военный флотъ. Его наемники состояли по большей части изъ мусульманъ, которыхъ Фридрихъ переселилъ массой изъ Сициліи въ Италію и расположилъ въ двухъ лагеряхъ. За ними были сохранены обычаи, языкъ и вѣра, и Фридрихъ получилъ преданныхъ солдатъ, которыхъ водилъ противъ непокорныхъ городовъ и противъ папы.

Упадокъ императорской власти въ Германіи. Совершенно иная была политика Фридриха II въ Германіи. Здѣсь онъ былъ какъ бы чужимъ, иностраннымъ государемъ; три четверти времени своего правленія онъ провелъ въ Италіи. Вотчина его въ Германіи очень уменьшилась, и доходы съ нея были невелики. Императору нельзя было распоряжаться; напротивъ, для того, чтобы имѣть поддержку въ главныхъ сеньёрахъ, свѣтскихъ князьяхъ и прелатахъ, онъ долженъ былъ сдѣлать имъ важнѣйшія уступки. Въ Германіи императоръ былъ только «головой среди другихъ органовъ тѣла»; князья, говорилось въ грамотахъ, создаютъ и охраняютъ его славу, а потому «призваны съ нимъ вмѣстѣ ко власти». Поэтому особымъ постановленіемъ князьямъ была предоставлена верховная власть въ ихъ владѣніяхъ; императоръ обѣщалъ не принимать въ свои города людей, зависимыхъ отъ князей, не строить у нихъ замковъ, не чеканить монеты и не вмѣшиваться въ судъ въ ихъ областяхъ. Но особенно важно было то, что императоръ, въ угоду князьямъ, отступался вовсе отъ городовъ и отдавалъ ихъ въ полное распоряженіе князьямъ. Въ другомъ постановленіи города названы были «ядовитымъ растеніемъ», которое надо «вырвать съ корнемъ». Императоръ уничтожалъ и воспрещалъ всякіе союзы между городами для взаимной поддержки, всякіе уговоры, гильдіи и товарищества внутри города, выборы старшинъ и совѣта помимо согласія епископовъ. Городамъ было запрещено получать доходы съ крестьянъ, судить за предѣлами своихъ стѣнъ, принимать въ число своихъ гражданъ не живущихъ въ городѣ рыцарей.

Эти постановленія сократили въ сильнѣйшей мѣрѣ императорскую власть въ Германіи; они были началомъ полнаго раздробленія страны между князьями. На первыхъ порахъ Фридрихъ II получилъ то, что ему было нужно: свободу дѣйствій въ Италіи. Противъ его грозной силы за Альпами поднялся опять союзъ ломбардскихъ городовъ. Но Фридрихъ разбилъ войско ломбардцевъ и раздѣлилъ сѣверную Италію на двѣ обла-

сти, во главѣ которыхъ поставилъ королевскихъ намѣстниковъ; судъ и управленіе были отданы въ руки чиновниковъ на жалованьи, какъ въ сицилійскомъ королевствѣ.

Торжество папства надъ имперіей. Папа не могъ потерпѣть такого подчиненія Италіи: оно грозило бы паденіемъ власти римскаго престола. Папа Григорій IX, почти столѣтній старикъ, отлучилъ Фридриха отъ церкви и соединился противъ него съ Венеціей и Генуей. Но послѣ смерти этого папы въ теченіе двухъ лѣтъ не могли выбрать новаго. Фридрихъ II захватилъ на морѣ генуэзскій флотъ, который везъ враждебныхъ ему прелатовъ на соборъ. Господство императора окончилось съ избраніемъ папою Иннокентія IV.

Новый папа, опасаясь попасть въ плѣнъ, тотчасъ же уѣхалъ изъ Италіи и созвалъ въ Ліонѣ соборъ, главнымъ образомъ изъ французскихъ и англійскихъ прелатовъ. Здѣсь онъ повторилъ отлученіе надъ императоромъ, предложилъ германскимъ князьямъ выбрать другого государя и объявилъ, что самъ распорядится сицилійской короной. Фридрихъ старался заинтересовать въ своемъ дѣлѣ другихъ государей и оправдать свое поведеніе противъ церкви, которая, какъ онъ говорилъ, разбогатѣла и забыла духовныя цѣли, и противъ ея служителей, «опьяненныхъ земными наслажденіями и мало заботящихся о Господѣ». На это папа отвѣчалъ, что его власть выше императорской и что онъ имѣетъ такое же право меча, какъ и свѣтскій государь. Иннокентій IV былъ искусный политикъ и поднялъ всюду враговъ противъ Фридриха. Города въ сѣверной Италіи опять возмутились, прогнали гарнизоны императора и сожгли большой его лагерь, который онъ назвалъ «Побѣдой»; лучшіе совѣтники Фридриха измѣнили ему. Среди этихъ неудачъ императоръ внезапно умеръ.

Со смертью его въ 1250 г. рушилось и господство Штауфеновъ, а папство торжествовало побѣду. Въ Германіи гибелью старшаго сына Фридриха окончилась династія. Въ Италіи папы продолжали истребительную борьбу противъ послѣднихъ Штауфеновъ и отдали сицилійское королевство французскому принцу Карлу Анжуйскому, надѣясь въ немъ найти послушнаго союзника.

Союзъ германскихъ городовъ во время междуцарствія. Въ Германіи съ паденіемъ Штауфеновъ королевская власть въ теченіе почти 20 лѣтъ «междуцарствія» вовсе отсутствовала. Князья, прелаты и города управлялись и оборонялись, какъ могли. Много насилій, грабежей, особенно со стороны мелкихъ незанятыхъ въ военномъ дѣлѣ рыцарей, оставались безнаказанными; болѣе всего терпѣли купцы на дорогахъ, переправахъ и мостахъ; всякій мѣстный владѣлецъ забиралъ съ нихъ пошлину. Народъ назвалъ это безначаліе господствомъ «кулачнаго права».

Городскіе жители особенно живо чувствовали невзгоды; города въ Германіи и сдѣлали замѣчательную попытку установить «общій миръ»: они старались замѣнить своимъ союзомъ отсутствующую верховную власть, которая призвана охранять промыслы и работу. Сначала соединились рейнскіе города: Майнцъ, Вормсъ, Кёльнъ, Страсбургъ, и объявили, что будутъ дѣйствовать «во имя святой церкви и святой имперіи, на общую пользу богатыхъ и бѣдныхъ, бѣлаго и чернаго духовенства, свѣтскихъ людей и евреевъ». Ихъ первая цѣль была оградить торговлю, сдѣлать безопасными дороги и рѣки, охранить имущество промышленниковъ. Составленный ими *Рейнскій союзъ* рѣшилъ снарядить на общія средства военныя суда со стрѣлками и охранять по всей рѣкѣ переправы. Онъ объявилъ, что будетъ оберегать всѣхъ крестьянъ, которые станутъ держать вмѣстѣ съ городами земскій миръ.

Къ союзу примкнули потомъ другіе, сѣверные и восточные города, и нѣкоторые князья. Члены союза хотѣли крѣпко соединиться для единодушнаго избранія императора. Но тутъ обнаружилось, что торговые интересы городовъ сильно расходятся. Кёльнъ и города по нижнему Рейну, торговавшіе съ Англіей, хотѣли видѣть государемъ англійскаго принца. Совсѣмъ иныя выгоды были у южнонѣмецкихъ городовъ, сносившихся черезъ Альпы съ Италіей. Единодушное избраніе не состоялось, и Рейнскій союзъ распался. Союзъ показывалъ, сколько денежной силы и сколько энергіи было у городовъ въ то время. Но города не могли объединить страну.

Папскіе доходы. Побѣда папы надъ Штауфенами была крупнѣйшимъ торжествомъ римской церкви. Тринадцатый вѣкъ, время двухъ Иннокентіевъ, представляетъ эпоху наибольшей силы папства. Основа власти папъ была теперь иная, чѣмъ за 150—200 лѣтъ передъ тѣмъ, во времена Григорія VII. Тогда спорили за инвеституру, т.-е. римская церковь хотѣла распоряжаться землями въ разныхъ частяхъ Европы. Теперь, въ XIII вѣкѣ, она опиралась на новое богатство европейскаго общества. Папы стали въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ пользоваться денежными средствами, которыя получались отъ развитія промышленности и торговли.

Главнымъ источникомъ дохода папской куріи были крестоносныя подати. Крестовые походы снаряжались въ XIII вѣкѣ очень туго, но сборы суммъ на ихъ устройство увеличивались. Все дѣло въ томъ, что папы дали другое примѣненіе деньгамъ. Они прибѣгали къ мысли, что крестовый походъ есть защита «Христова наслѣдства»; въ числѣ святынь этого наслѣдства сама церковь гораздо болѣе цѣнна, чѣмъ обладаніе Палестиной. Поэтому первая обязанность вѣрующаго, это—защищать папу и владѣнія св. Петра противъ всякаго непослушнаго государя, даже самого императора. Отсюда уже дѣлали выводъ, что всѣ вой-

ны, которыя ведетъ папа — благочестивыя, священныя войны, равныя крестовому походу. Иннокентій IV въ борьбѣ со Штауфенами объявилъ даже, что низверженіе этого противника превосходитъ всѣ дѣла благочестія. Такимъ образомъ папы громили и уничтожали своихъ политическихъ враговъ на средства, собранныя со всего христіанскаго міра. На эти деньги нанимались солдаты, покупались противъ короля его подданные. На соборѣ въ Ліонѣ въ 1274 г., когда крестовые походы на востокъ совсѣмъ прекратились, была назначена «общая десятина» по всему западу на протяженіи отъ Исландіи и Гренландіи до Дуная и отъ Португаліи до Швеціи и Польши.

Помимо того папы получали большіе *постоянные* доходы. Англія, Польша и сѣверныя страны Европы платили такъ наз. денарій св. Петра. Особенно важны были уплаты со стороны епископовъ и аббатовъ при посѣщеніи ими Рима и при вступленіи въ санъ; въ послѣднемъ случаѣ за утвержденіе ихъ папой они отдавали $^1/_3$ годового дохода со своего духовнаго владѣнія. Для этого надо было точно опредѣлить самый доходъ, и папы зорко смотрѣли, чтобы не было утайки. При сомнѣніи курія посылала *ревизора*, который производилъ слѣдствіе, или вызывала къ себѣ подозрѣваемыхъ въ утайкѣ и допрашивала свидѣтелей.

Однако въ Римѣ папа не могъ остаться единственнымъ обладателемъ и распорядителемъ огромныхъ финансовъ церкви. Кардиналы, коллегія которыхъ выбирала папу и составляла его главный совѣтъ, потребовали себѣ участія въ постоянныхъ доходахъ и получили половину ихъ. Для взиманія податей папа посылалъ по странамъ особыхъ *коллекторовъ* (собирателей) изъ среды духовныхъ лицъ. Коллекторы производили на мѣстѣ разслѣдованіе о доходахъ: плательщики, епископы, священники, монахи, должны были показать подъ присягой, сколько у нихъ полевыхъ сборовъ, сколько скота и домашней птицы, запасовъ въ кладовыхъ и амбарахъ, золота и серебра, какіе они получаютъ отъ прихожанъ подарки и т. д. Все дрожало при ихъ приближеніи, и часто слышны были жалобы на жадность куріи. Въ случаѣ неисправности въ уплатѣ подати плательщикамъ грозило папское отлученіе. Папскіе чиновники добирались до всего и были безпощадны. Въ тогдашнемъ сельскомъ хозяйствѣ мало продавали и нерѣдко не умѣли обозначить цѣны вещей: сборщики заставляли плательщиковъ продавать скотъ, хлѣбъ, овощи и т. д. и проставляли сами подробныя таблицы цѣнъ.

Уплата была нерѣдко весьма затруднительна. Папская курія требовала металлическихъ денегъ, а въ то время торговля не всюду еще проникла. На сѣверѣ во многихъ мѣстахъ могли платить лишь шкурами, кожами, моржовыми клыками и т. п. И въ средней Европѣ не вездѣ были достаточные запасы денегъ; приходилось часто плавить золотую и

серебряную посуду и отдавать вещи за цѣну металла. Или, наконецъ, для того, чтобы заплатить куріи, приходилось занимать деньги въ долгъ. Монеты были очень различныя, и въ мѣшкахъ папскихъ сборщиковъ получался самый пестрый подборъ; порченую, стертую монету надо было переплавлять или вымѣнивать на лучшую.

Денежная торговля въ Европѣ. Для всѣхъ этихъ дѣлъ, для мѣны, займовъ и т. д. при папскихъ сборщикахъ состояли купцы, которые назывались «мѣнялами и посредниками папы римскаго». Это большею частью были итальянцы, торговавшіе за Альпами и посѣщавшіе европейскія ярмарки; многіе итальянскіе промышленные и торговые дома имѣли отдѣленія въ Англіи, Франціи, Германіи и держали тамъ своихъ дѣловыхъ помощниковъ; имъ было необходимо также имѣть въ этихъ мѣстахъ денежные запасы. Они и предъявляли свои услуги при сборѣ папскихъ податей: ссужали монетой прелатовъ, которые не имѣли наличныхъ для уплаты куріи, доставляли вообще *кредитъ* нуждающимся въ деньгахъ и облегчали пересылку денегъ въ Римъ. Курія, чтобы не дожидаться медленнаго прибытія суммъ, получала отъ купцовъ впередъ требуемыя деньги. Долгъ духовенства въ разныхъ странахъ переводился такимъ образомъ на купцовъ, и они взыскивали потомъ на свой счетъ съ большей выгодой для себя папскую подать. У кредитора всегда было противъ неисправнаго должника чрезвычайное средство, папское отлученіе: подъ его угрозой задолжавшій прелатъ поневолѣ долженъ былъ платить.

Черезъ посредство итальянскихъ купцовъ было вообще удобно получать суммы издалека, потому что при тогдашнихъ путяхъ сообщенія было долго и неудобно везти самыя деньги; купцы же имѣли возможность, не пересылая наличныхъ, переводить уплату изъ одного своего отдѣленія въ другое; отправитель уплачивалъ купцу гдѣ-нибудь на Рейнѣ или въ сѣверной Франціи, купецъ пересылалъ въ Италію, въ свой собственный или въ дружественный торговый домъ, лишь вексель и, сумма выплачивалась получателю, напр., въ Римѣ или другомъ пунктѣ Италіи. Такимъ образомъ итальянскіе купцы сдѣлались первыми устроителями *банкирскаго дѣла* въ Европѣ. Отъ ихъ обихода заимствованы и выраженія: банкъ (первоначально banca—мѣняльный столъ), рискъ (risico), банкротъ (banca rotta—опрокинутый столъ, т.-е. признаніе торговца несостоятельнымъ) и т. д. Ихъ именемъ, *ломбардами*, стали называть по всей Европѣ банкировъ, мѣнялъ и ссудчиковъ.

Ломбарды пользовались своимъ особеннымъ положеніемъ и извлекали выгоду изъ рѣдкости денегъ. И за пересылку, и особенно за ссуду они брали очень крупный процентъ, нерѣдко доходившій до 60% въ годъ. Эта лихва противорѣчила христіанскимъ понятіямъ и вызывала въ обществѣ сильное раздраженіе. Народъ считалъ ростовщиковъ величайшими

грѣшниками и вѣрилъ, что въ аду ихъ ждутъ самыя жестокія мученія; иные изъ нихъ сами въ великомъ страхѣ на смертномъ одрѣ дѣлали распоряженіе, чтобы отдать назадъ неправильно взятыя деньги или употребить ихъ на душеспасительныя цѣли.

Папы, въ качествѣ духовныхъ руководителей всего христіанства также осуждали процентъ и ростъ: въ своихъ буллахъ (указахъ) они строго запрещали брать съ должниковъ какой-либо излишекъ и оплачивать только «ущербъ, который можетъ потерпѣть заимодавецъ». Но они сами должны были нарушать свой законъ: заключая долги, они платили процентъ своимъ кредиторамъ. Банкиры и ссудчики пользовались оговоркой въ папскихъ буллахъ относительно «ущерба»: они ставили должнику короткій срокъ и начисляли ему огромные проценты за просрочку, объясняя, что именно просрочка приноситъ имъ ущербъ. Кромѣ того, вошелъ въ обычай такой обходъ: на векселѣ писали не ту сумму, которая была занята, а сразу вписывали въ обязательство проценты будущіе съ суммой вмѣстѣ; при уплатѣ такимъ образомъ взимались проценты, хотя они нигдѣ не были упомянуты. Оттого долго могло держаться противорѣчіе: процентъ былъ запрещенъ, но въ то же время онъ взимался въ высокомъ и тяжеломъ размѣрѣ.

Папская политика извлекала выгоду изъ новаго денежнаго хозяйства, но она вмѣстѣ съ тѣмъ двигала его впередъ: плательщики и должники куріи для того, чтобы исполнять повинности, должны были готовить и сбывать товары на рынокъ, входить въ сношенія съ денежными торговцами и заставлять въ свою очередь обязанныхъ имъ людей платить не натурой, а деньгами.

9. Духовная жизнь.

Странники и народные проповѣдники. Съ развитіемъ промысловъ въ городахъ, съ расширеніемъ торговли усилилось движеніе по дорогамъ, появилось множество странниковъ, искателей заработка, а также людей, сбитыхъ со своей привычной колеи. Въ средѣ многочисленнаго странствующаго люда были разные типы. Были горячіе богомольцы, ходившіе въ веригахъ и подвергавшіе себя всенародно жестокому бичеванію. Были мелкіе торговцы, предлагавшіе рѣдкости и реликвіи (останки) изъ Святой земли. Между ходебщиками выдѣлялись книгоноши, въ то время главные распространители литературныхъ сочиненій. Были побиравшіеся схоляры, или «бродячіе клирики», т.-е. студенты высшихъ школъ, которые по бѣдности не могли доучиться въ одномъ мѣстѣ и зарабатывали себѣ хлѣбъ на дорогѣ то ремесломъ, то обученіемъ грамотѣ, то милостыней,—обыкновенно веселая и буйная братія, разносившая всюду свои насмѣшливыя пѣсни и разсказы. Были во множествѣ нищіе, кото-

рые составляли цѣлый классъ и по временамъ скоплялись въ томъ или другомъ мѣстѣ; напр., при выборѣ германскихъ королей во Франкфуртѣ къ съѣзду вассаловъ и промышленниковъ собиралось столько нищихъ, что они располагались лагеремъ за городомъ и выстраивали себѣ цѣлый поселокъ избушекъ. Наконецъ, были перехожіе пѣвцы и разсказчики повѣстей, музыканты, забавники и актеры.

Эти люди перебирались съ ярмарки на ярмарку, изъ города въ городъ, отъ одного замка въ другой; черезъ нихъ передавали письма, отъ нихъ узнавали новости и свѣдѣнія объ отдаленныхъ странахъ, они могли занести и проповѣдь новаго ученія. Въ чертахъ жизни этой странствующей братіи, въ ея бродяжничествѣ, бѣдности, всенародныхъ покаяніяхъ, нехитрой проповѣди и обученіи, многіе находили особую добродѣтель, особый святой подвигъ. Легенда о св. Алексіи представляла эти лишенія и скитанія въ просвѣтленномъ видѣ; она разсказывала, какъ богатый юноша въ день своей свадьбы ушелъ изъ дворца и отъ родительской семьи, одѣлся въ лохмотья, скрылся въ средѣ нищихъ и прокаженныхъ и лишь подъ конецъ долгихъ тяжелыхъ странствованій вернулся на родину, чтобы умереть у порога родного дома. Въ то время очень любили слушать это сказаніе, положенное на трогательную пѣснь.

Еще другая мысль примѣшивалась къ возвеличенію странствующаго бѣдняка. Многіе осуждали жизнь высшаго духовенства, нападали на богатыхъ, роскошествующихъ руководителей церкви, которые забываютъ о своемъ призваніи. Недовольные говорили, что истинные пастыри должны быть бѣдны и безкорыстны, должны свою жизнь сдѣлать *подражаніемъ Христу* въ Его земномъ пути и бѣднымъ апостоламъ. Иные готовы были искать новыхъ священниковъ скорѣе всего въ средѣ странствующаго люда. Уже Арнольдъ Брешіанскій, будучи профессоромъ въ Парижѣ, набиралъ нищихъ студентовъ и думалъ составить изъ нихъ союзъ проповѣдниковъ, которые бы обратились съ доступнымъ словомъ къ простому народу и принесли ему утѣшеніе.

Къ концу XII в. такихъ союзовъ было много, особенно среди подвижного населенія торговыхъ и промышленныхъ городовъ южной Франціи и сѣверной Италіи. Въ самомъ имени одного изъ этихъ союзовъ, «ліонскіе бѣдняки», отразилась мысль о подражаніи земной жизни Христа и апостоловъ. Проповѣдники, какъ описываетъ ихъ современникъ, «жили безъ крова, ходили босые, въ грубой черной или сѣрой шерстяной одеждѣ, обыкновенно по-двое, ничего не имѣя при себѣ, всѣмъ дѣлясь другъ съ другомъ, какъ апостолы, нагіе, слѣдуя за нагимъ Христомъ». Народъ звалъ ихъ также «добрыми людьми». Скоро около нихъ составились цѣлыя религіозныя общины; онѣ начали входить въ сношенія между собою и распространяться дальше по другимъ странамъ, на востокъ по

Германіи до Польши и Венгріи, на западъ по Испаніи. Чаще всего членовъ этихъ общинъ звали, особенно во Франціи, *вальденцами* (происхожденіе этого имени неизвѣстно, но французскіе вальденцы вели себя отъ Пьера Вальда, богатаго ліонскаго купца, который отдалъ все свое имущество, по примѣру св. Алексія, чтобы стать бѣднымъ апостоломъ).

Еретики. Проповѣдуя евангельскую жизнь, руководители вальденцевъ учили, что нѣтъ другого источника истины, кромѣ Писанія, а въ немъ особенно важенъ Новый Завѣтъ. Чтобы ознакомить простыхъ людей съ Библіей, ее перевели на народные языки, итальянскій, французскій и нѣмецкій. Книгоноши тайно распространяли народныя библіи, но помимо того народъ учился со словъ проповѣдниковъ, которые отлично знали тексты и притчи и заставляли искусно запоминать отрывки и молитвы. Мѣстами къ нимъ примыкали союзы рабочихъ, напримѣръ, ткачей, соединявшихся для взаимной защиты.

Сначала вальденцы не отдѣлялись отъ церкви; при папѣ Александрѣ III вальденскіе проповѣдники отправились въ Римъ, чтобы просить утвержденія ихъ союза и позволенія открыто учить. Папа поручилъ провѣрить ихъ знанія ученому придворному прелату, который и предалъ проповѣдниковъ осмѣянію въ собраніи духовенства; по его мнѣнію, они оказались не сильны въ богословскихъ тонкостяхъ. Въ отвѣтѣ своемъ прелатъ торжественно напомнилъ, что лишь посвященнымъ клирикамъ принадлежитъ слово, остальная же община должна благоговѣйно внимать; «у источника должно черпать воду, а не изъ грязныхъ лужъ на улицахъ». Церковь стала скоро подозрѣвать въ нихъ *еретиковъ*, и среди отвергнутыхъ ею вальденцевъ все болѣе начала распространяться вражда къ самой церкви, которую они считали испорченной и полной грѣха. Еретики отвергали чистилище и заупокойныя молитвы, которыя, по ученію церви, могли освобождать отъ загробныхъ мученій; они говорили, напротивъ, что души идутъ прямо въ рай или въ адъ, а духовенство не можетъ давать облегченія за гробомъ; поэтому церковныя жертвы и поминанія только обманъ народа и выдумки, внушенныя жадностью священниковъ. Кто хочетъ вести «чистую жизнь», долженъ сторониться этихъ обрядовъ и воздерживаться отъ лжи и божбы.

Вражда въ господствующей церкви была еще сильнѣе у тѣхъ еретиковъ, которые приняли распространившееся съ востока ученіе павликіанъ или богомиловъ. Богомильство проникло въ XI в. въ Италію и Францію по большимъ торговымъ путямъ. Его послѣдователи учили, что весь міръ рѣзко дѣлится на двѣ половины, чистую, духовную, Божію, и грѣховную, матеріальную, сатанинскую, и относили ко второй католическую церковь; въ ней они и видѣли соединеніе всего зла; она была въ ихъ глазахъ домомъ лжи, синагогой злодѣевъ, а клирики и монахи—

отверженными Богомъ фарисеями. Въ противоположность этому они называли себя «чистыми», *катарами* (по-гречески kathari). Народъ звалъ ихъ также болгарами, а во Франціи они извѣстны были подъ именемъ *альбигойцевъ* отъ города Альби на юго-западѣ, гдѣ они составляли почти все населеніе и гдѣ у нихъ былъ главный епископъ.

Катары образовали свое особое духовенство, которое они выводили отъ апостольской церкви. Ихъ священники выбирали на особыхъ собраніяхъ епископовъ, получавшихъ отъ своихъ товарищей посвященіе посредствомъ наложенія рукъ; у нихъ были также, по образцу раннихъ христіанскихъ общинъ, діаконы и діакониссы для благотворительнаго дѣла. Они признавали главой своей церкви лицо, жившее въ Константинополѣ, «еретическаго папу», какъ выражались католики.

Катары отступали не только отъ католической церкви, но и отъ христіанства. Это была какъ бы особая религія. Они по-своему толковали Библію, очень далеко отъ прямого смысла; они учили, что Спаситель не могъ воплотиться, такъ какъ все тѣлесное исходитъ отъ дьявола; Онъ лишь принималъ подобіе, тѣнь человѣка. Они отвергали христіанское крещеніе водой: по ихъ вѣрѣ должно быть только духовное крещеніе; его символъ состоитъ въ наложеніи рукъ. Безъ этого обряда, называвшагося у катаровъ «утѣшеніемъ», нельзя было, по ихъ убѣжденію, спасти свою душу. Но утѣшеніе могли давать лишь немногіе люди особенно чистыхъ, святыхъ нравовъ, которые воздерживались отъ семейной жизни, не принимали мясной пищи, проводили всю жизнь въ странствованіи, не работали, жили гостепріимствомъ и подаяніемъ и знали истинное ученіе; скрываясь подъ различными видами, рыцарей, купцовъ и т. д., они умѣли узнавать другъ друга по особымъ знакамъ. Они считались «совершенными» (perfecti) и составляли настоящую Божью общину избранныхъ. Остальные, обращавшіеся къ нимъ за утѣшеніемъ, ожидавшіе ихъ пріѣзда, были просто «вѣрующіе» (credentes): они считались внѣ общины и могли оставаться въ составѣ католической церкви.

Въ дѣйствіяхъ «совершенныхъ» были черты стариннаго волшебства; предполагалось, что люди окружены множествомъ злыхъ духовъ, которыхъ «совершенные» старались отогнать. Въ «утѣшеніи» катары видѣли таинственную силу, которая дѣйствуетъ помимо воли и настроенія самого утѣшаемаго. Особенно часто давалось утѣшеніе передъ смертью: катары вѣрили, что оно прямо переноситъ душу въ рай, избавляя ее отъ безконечныхъ странствованій, на которыя иначе осудилъ человѣка первородный грѣхъ. Поэтому бывали случаи, что принявшіе утѣшеніе добровольно умирали съ голоду, чтобы не лишиться его силы. Многіе люди колебались и въ страхѣ за свою душу искали поддержки въ церкви и у еретиковъ одновременно. Такъ держали себя сильные графы тулуз-

скіе, владѣтели большей части южной Франціи. Они благоволили еретикамъ, не разрывая однако съ церковью; при одномъ изъ нихъ жилъ католическій епископъ, но графъ возилъ съ собой также одного изъ еретическихъ «совершенныхъ», чтобы въ случаѣ внезапной болѣзни не лишиться предсмертнаго утѣшенія.

Къ концу XII вѣка катары занимали, особенно въ южной Франціи, сплошь цѣлые округа, совершенно отпавшіе отъ римской церкви: они выступали вполнѣ открыто. Папы были очень обезпокоены возрастаніемъ ихъ силы. Пытались посылать къ нимъ богослововъ и проповѣдниковъ для спора и обличенія, но посылаемые ничего не могли сдѣлать, тѣмъ болѣе, что вожди еретиковъ были большею частью искуснѣе и образованнѣе; безполезно было также передавать епископамъ право суда надъ еретиками.

Дѣло измѣнилось со вступленіемъ на папскій престолъ Иннокентія III. Онъ рѣшилъ истребить ересь войной и поднялъ противъ южно-французскихъ альбигойцевъ крестовый походъ сѣверно-французскихъ рыцарей, которымъ были обѣщаны новые надѣлы. Папскій легатъ сопровождалъ ополченіе, которое избивало еретиковъ и жестоко грабило занятые ими города и замки. Въ теченіе 20 лѣтъ нѣсколько разъ останавливалась и снова разгоралась борьба. Она привела къ опустошенію юга Франціи и паденію той образованности, которою онъ отличался отъ сѣвера. Но, можетъ быть, еще дѣйствительнѣе противъ еретиковъ оказался учрежденный папою церковный судъ *инквизиціи*, цѣль котораго главнымъ образомъ состояла въ истребленіи «совершенныхъ», т.-е. руководителей и проповѣдниковъ. Безъ нихъ не могло быть и общинъ. Ересь стала замирать по мѣрѣ того, какъ уничтожали весь ихъ составъ. Еще раньше однако тотъ же великій папа Иннокентій III пришелъ къ мысли воспользоваться духовными средствами, которыми такъ сильна была ересь, т.-е. соединить съ своей стороны странствующую братію, образовать изъ нищихъ проповѣдниковъ орденъ и отвлечь этимъ отъ ереси множество колеблющихся. Внутри самой католической церкви поднималось движеніе, которое папы приспособили для этой цѣли.

Нищенствующіе ордена. Это была проповѣдь Франциска изъ Ассизи (въ средней Италіи). Францискъ, бражничавшій сынъ богатаго купца, бросилъ, какъ св. Алексій по легендѣ, родной домъ и довольство и сталъ подвижникомъ. Странствованіе и нищета окружены были въ его глазахъ поэтическимъ свѣтомъ. Онъ называлъ бѣдность царицей всѣхъ добродѣтелей, желанной невѣстой, съ которой онъ обрученъ. Во всякомъ нищемъ онъ видѣлъ, «какъ въ зеркалѣ, Господа и бѣдную Матерь Его». Къ Франциску примкнуло нѣсколько послѣдователей, отдавшихъ все имущество свое церкви, чтобы «послѣдовать за Христомъ». Они поставили шалаши около часовни Богородицы и начали ходить по окрестно-

стямъ съ проповѣдью евангельскаго житія. Въ своей рѣчи къ народу Францискъ вдохновлялся образомъ Спасителя, бѣднаго и милосерднаго, простого, смиреннаго и близкаго къ грѣшникамъ. Онъ называлъ братскую общину свою *миноритами*, т.-е. малѣйшими, нижайшими во Христѣ.

Многое въ дѣйствіяхъ и внѣшнемъ видѣ миноритовъ напоминало вальденцевъ: темныя рясы, подпоясанныя веревкой, хожденія по-двое, привѣтствіе, которое они произносили при входѣ: миръ дому сему!», доступная народу проповѣдь. Францискъ и его послѣдователи не замкнулись въ кельяхъ, не отдѣлялись отъ міра, а напротивъ, искали подвига въ его средѣ; изнуряя себя постомъ и лишеніями, они не впадали въ печаль и уныніе, не сторонились угрюмо отъ красоты внѣшняго міра: Францискъ хотѣлъ перенести братскую любовь на все окружающее, на звѣрей и птицъ, деревья и цвѣты, солнечный свѣтъ и огонь. Самъ онъ и собравшіеся около него ученики искали «радости во Господѣ». Ихъ молитвы и обращенія, сопровождаемыя оживленными жестами и припѣвами, были похожи на пѣсни странствующихъ жонглеровъ. Они и сами называли себя «забавниками Божіими». Вездѣ они увлекали массы народа своею проповѣдью. Число послѣдователей Франциска также росло. Рядомъ съ миноритами сложился женскій монашескій союзъ *клариссъ*, основанный св. Кларой, ученицей Франциска. Къ нимъ примкнули еще *терціаріи* (т.-е. третій разрядъ), люди, остававшіеся въ свѣтскомъ быту, но принявшіе обѣты чистой жизни, посвященной добрымъ дѣламъ.

Союзъ францисканцевъ не остался однако свободнымъ евангельскимъ обществомъ, какъ этого хотѣлъ его основатель. Папа Иннокентій III, съ которымъ Францискъ видѣлся въ Римѣ, не довѣряя проповѣди миноритовъ, согласился утвердить ихъ союзъ лишь при условіи, чтобы они стали настоящими монахами, приняли постриженіе и вполнѣ подчинились церкви. Преемники Иннокентія, къ великому огорченію мечтателя Франциска, еще болѣе старались обратить *орденъ нищенствующихъ монаховъ* въ послушное орудіе церкви. Римская церковь объявила Франциска святымъ, но исказила его дѣло. Орденъ получилъ уставъ, право имѣть собственныя церкви и важныя преимущества, напр., исповѣдовать и прощать грѣхи всюду безъ позволенія мѣстнаго духовенства, отправлять богослуженіе въ странахъ, подверженныхъ интердикту, за что францисканцамъ давали важныя порученія; ихъ посылали, чтобы возстановить поколебленное уваженіе къ римскому престолу.

Но орденъ сохранилъ извѣстныя народныя черты и вмѣстѣ съ тѣмъ приспособился къ новымъ условіямъ *городской жизни*. Минориты не имѣли обычныхъ монастырей и, какъ нищіе, по правилу не могли владѣть землею. Они обыкновенно жили, разсѣянные по городамъ, въ самыхъ скученныхъ кварталахъ. Однако въ рукахъ ордена, быстро распростра-

нившагося по всѣмъ странамъ Европы, скопились огромныя богатства. Онъ привлекалъ множество дареній; масса людей хотѣли быть похороненными на кладбищахъ святыхъ братьевъ или обезпечить себѣ панихиды въ ихъ церквахъ, чтобы вѣрнѣе достигнуть блаженства. Съ этой цѣлью дѣлались вклады въ орденъ или ему дарили доходы съ домовъ и квартиръ, съ торговыхъ и ремесленныхъ предпріятій. Орденъ въ свою очередь обращалъ получаемыя имъ суммы на новыя предпріятія, на устройство *благотворительныхъ* учрежденій, а также на образованіе особыхъ кассъ, такъ наз. «горокъ благочестія» (montes pietatis), которыя служили для сбереженій богатымъ людямъ и для ссуды мелкому люду: согласно церковному запрету въ нихъ не брали лихвы, а взимали лишь небольшой процентъ за траты и веденіе дѣла. Такимъ образомъ орденъ жилъ средствами новаго денежнаго хозяйства и орудовалъ его доходами; проповѣдь его болѣе всего раздавалась въ городахъ.

Орденъ очень разбогатѣлъ; но первоначальное назначеніе его—заботиться прежде всего о бѣдныхъ—не забывалось и впослѣдствіи; къ францисканцамъ охотнѣе всего примыкали братства рабочихъ людей, устраиваемыя для взаимной поддержки на случай болѣзни, старости и безработицы. Бѣдные мастера и работники не имѣли возможности купить себѣ въ одиночку дорогую поминальную мессу; въ братствѣ они составляли складчину, нѣчто въ родѣ взаимнаго страхованія; на эти средства францисканцы служили панихиду по умершемъ сочленѣ братства, а товарищи обязывались являться на поминанье. Такъ смягчалось то неравенство между богатыми и бѣдными, которое установилось раньше даже въ дѣлѣ вѣры и спасенія души. Въ своемъ сочувствіи къ простому люду францисканцы иногда поднимали проповѣдь объ улучшеніи его земной участи. Они призывали къ равенству людей; говорили, что земныя блага должны быть общими: «рабство — созданіе злыхъ и развращенныхъ людей; если бы Богъ хотѣлъ допустить рабство, Онъ бы при началѣ міра указалъ, кому быть рабомъ, кому—господиномъ».

Еще одна черта осталась въ орденѣ отъ его первоначальнаго характера. Нищіе проповѣдники были живымъ укоромъ богатымъ и роскошествующимъ прелатамъ; и хотя римская церковь осыпала миноритовъ знаками расположенія, среди нихъ всегда была группа строгихъ ревнителей, *спиритуаловъ* (людей духа), которые стояли за обѣты полнаго отреченія и нападали на духовенство, погрузившееся въ мірскую суету; особенно громили они властолюбивую римскую курію и самого папу, извратившихъ, по ихъ мнѣнію, христіанство. Въ своемъ увлеченіи они обращались къ памяти Франциска, который представлялся имъ вторымъ Христомъ, открывшимъ собой новый, послѣдній вѣкъ на землѣ.

Одновременно съ устройствомъ миноритовъ папы утвердили другой

орденъ нищенствующихъ монаховъ — *доминиканскій.* Его основатель, испанецъ Доминикъ, участвовалъ въ первыхъ совѣщаніяхъ о борьбѣ съ еретиками въ южной Франціи и убѣдился, что они превосходятъ католическихъ священниковъ и монаховъ своею начитанностью и умѣньемъ спорить. У него возникла настойчивая мысль приготовить ученыхъ проповѣдниковъ и толкователей, которые оберегали бы чистоту церковнаго ученья. Доминиканцы, «орденъ братьевъ-проповѣдниковъ», получили устройство по образцу миноритовъ, но кругъ ихъ дѣятельности былъ другой. Въ то время какъ францисканцы вращались среди разнообразныхъ слоевъ народа, доминиканцы болѣе замыкались въ школѣ и за рабочимъ столомъ; изъ ихъ среды выходили профессора богословія и ученые обличители. Въ качествѣ духовныхъ воителей церкви, они выбрали девизомъ изображеніе собаки съ горящимъ факеломъ въ пасти. Папы поручили имъ свой новый духовный судъ, отдѣленія котораго были устроены съ начала XIII в. въ разныхъ мѣстахъ для преслѣдованія еретическихъ мнѣній, а вмѣстѣ съ тѣмъ также для истребленія колдовства и старинныхъ народныхъ вѣрованій.

Инквизиція. Названіе этого суда, «инквизиція еретической порчи», значитъ буквально розыскъ, слѣдствіе, и было ему дано въ отличіе отъ стариннаго народнаго и свѣтскаго суда. Въ прежнемъ судѣ не было допроса судьи, а былъ споръ двухъ сторонъ, обвинителя и обвиняемаго, при чемъ свидѣтели подкрѣпляли присягами утвержденіе того или другого. Духовный судъ, по образцу римскаго права, начиналъ дѣло самъ, на основаніи донесеній, ставилъ подсудимому рядъ вопросовъ, и весь ходъ допроса подробно записывался. Народный судъ былъ устный и гласный; инквизиція принимала письменные доносы, скрывала имя обвинителей, дѣйствовала тайно, въ закрытыхъ засѣданіяхъ и не давала обвиняемому защиты.

Папскіе инквизиторы ни отъ кого не зависѣли, но требовали поддержки мѣстныхъ властей и могли сами налагать отлученіе. Пріѣзжая въ какую-либо мѣстность, такой судья объявлялъ, чтобы всѣ, знающіе за собой или за другими какой-либо грѣхъ въ дѣлѣ вѣры, принесли признаніе или указали на виновныхъ и подозрѣваемыхъ, и назначалъ особый срокъ для покаяній и донесеній. Большое число добровольныхъ шпіоновъ и доносчиковъ приходили на помощь инквизиціи. По прошествіи «льготнаго мѣсяца» судья принимался за дѣло и допрашивалъ признавшихся и указанныхъ доносомъ. Кто разъ попадалъ на допросъ, обыкновенно и осуждался, такъ какъ заранѣе предполагалась виновность, и судья ставилъ себѣ цѣлью уловить подсудимаго; онъ могъ всегда прибѣгнуть и къ пыткѣ, которая вынуждала признаніе. Инквизиція, или «Святое учрежденіе», никого не упускала изъ виду и если не судила

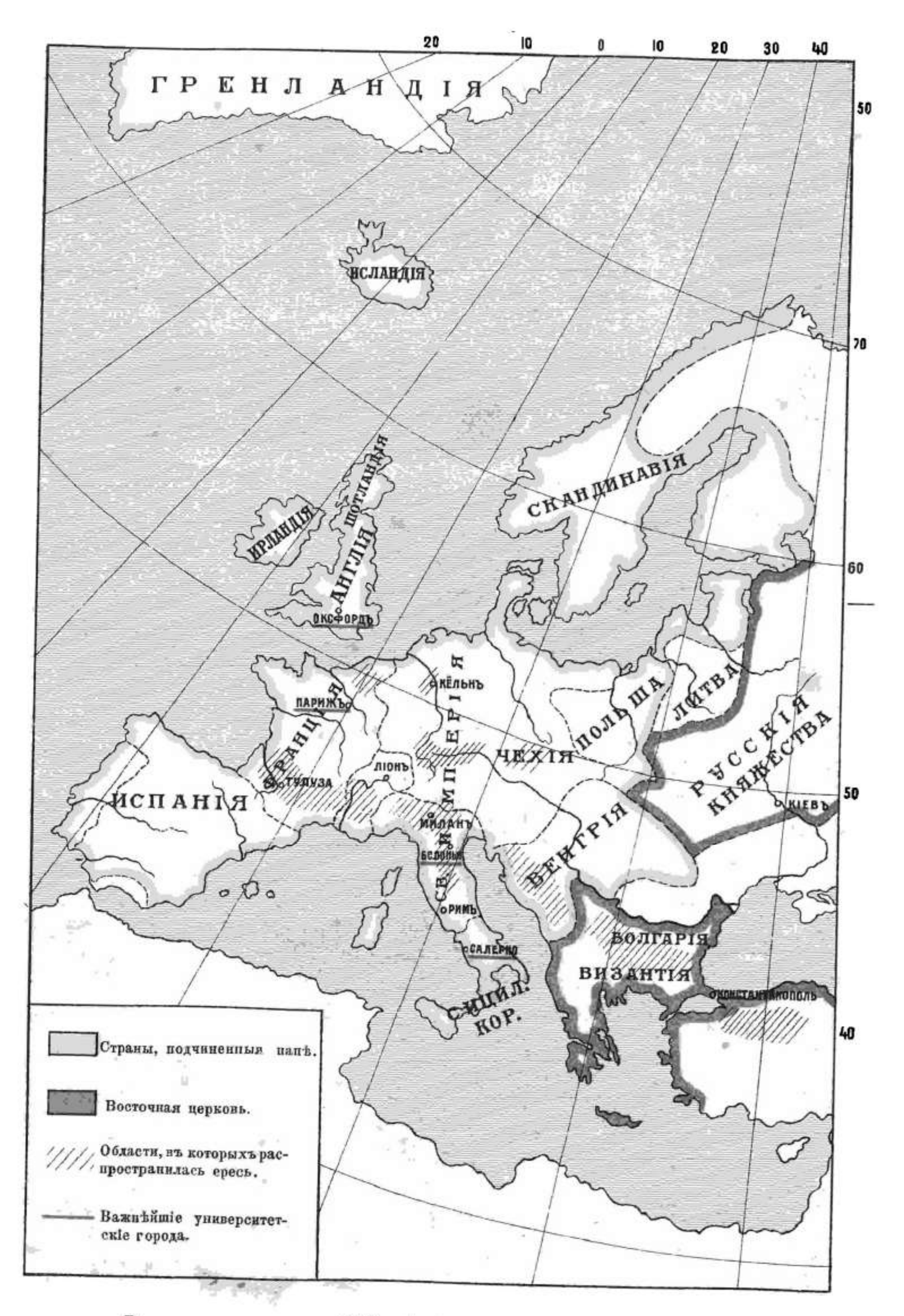
тотчасъ же, то заносила подозрительныхъ въ особую книгу, чтобы привлечь рано или поздно. Раскаявшіеся еретики отдавались на вѣчное заключеніе. Тѣ, которые отпирались на допросѣ, подлежали смерти. Но такъ какъ церковь не могла проливать крови, то ихъ отдавали свѣтской власти для казни: ихъ ждало сожженіе на кострѣ живыми. Имущество осужденныхъ отбиралось у семьи. Такимъ отобраніемъ достатка воспользовались крестоносцы, отправлявшіеся противъ альбигойцевъ, а также сѣверно-французскіе короли, которые поддерживали церковь при истребленіи ереси и получили въ южной Франціи богатѣйшія имѣнія.

Невѣроятная строгость духовнаго суда объясняется особымъ взглядомъ того времени, что ересь—величайшій грѣхъ, что ошибка въ дѣлѣ вѣры происходитъ отъ злой воли человѣка и что истребленіе этого зла—дѣло, въ высшей степени угодное Богу. Этотъ взглядъ былъ обстоятельно развитъ и доказанъ самыми выдающимися учеными XIII в., а къ тому же эти ученые были свѣтилами доминиканскаго ордена, которому было поручено истреблять ересь.

Наука и школы. Церковь нуждалась въ обученныхъ людяхъ для замѣщенія инквизиціонныхъ судовъ, для проповѣди и литературной защиты своего ученія, для своего сложнаго управленія. Государи, крупные князья и большіе города также имѣли нужду въ услугахъ такихъ людей. Вслѣдствіе этого стали возникать крупныя *высшія школы*.

Долгое время школы были лишь при нѣкоторыхъ монастыряхъ и крупныхъ соборахъ (капитулахъ). Онѣ не служили общему образованію, а лишь готовили священниковъ, учителей, переписчиковъ книгъ. Всѣ, кто выходилъ изъ нихъ, считались клириками и имѣли монашескую тонзуру (выбритую макушку головы). Школа была *латинская*, т.-е. изучали лишь языкъ церкви и литературы. Дѣти сначала выучивали съ голоса учителя наизусть псалтырь, потомъ учили азбуку и читали выученные уже тексты; затѣмъ шло письмо, пѣніе и счетъ. Учиться было трудно: слишкомъ много надо было запоминать со словъ: правила и пріемы были сложны, наглядныхъ пособій не имѣлось вовсе, безпощадно и непрерывно дѣйствовала розга учителя. «Ученики, которые невинно живутъ и охотно учатся,—истинные мученики», говоритъ одинъ писатель около 1200 г.; по тогдашнему разсказу, ученіе даже Христа-мальчика началось съ того, что учитель наказалъ Его за непрошенное замѣчаніе. Оттого люди высшихъ классовъ избѣгали отдавать своихъ дѣтей въ школу, и въ ней учились большею частью сыновья небогатыхъ и простыхъ родителей. Оттого же очень немногіе, самые даровитые и, главное, самые выносливые ученики добирались до слѣдующей ступени знанія.

Она называлась «семью свободными искусствами» и дѣлилась на два отдѣла: въ первомъ, *трехнаучномъ* (trivium), были словесныя науки, грам-

Власть папъ въ XIII вѣкѣ и раздѣленіе церквей.

матика, реторика (искусство «сочинять», т.-е. литературно выражаться) и діалектика (искусство разсуждать, доказывать и спорить); во второмъ, *четырехнаучномъ* (quadrivium), были музыка (т.-е. главнымъ образомъ церковное пѣніе), ариѳметика (съ таинственной игрой чиселъ), геометрія (т.-е., въ сущности, описаніе земли, животныхъ и растеній, иначе естественная исторія, перемѣшанная съ миѳами и повѣрьями) и астрономія (вычисленіе календаря, а особенно Пасхи, и гаданіе по звѣздамъ).

Въ XII в. города начали заботиться о расширеніи школъ. Въ Италіи городскіе совѣты взяли школы подъ свой надзоръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ важная перемѣна произошла въ самомъ преподаваніи. До тѣхъ поръ источниками для изученія языка, для познанія природы и для философіи, т.-е. общаго истолкованія явленій міра, служили немногіе древніе писатели; ихъ знали въ отрывкахъ или передѣлкахъ, составленныхъ дѣятелями ранней христіанской церкви. Между тѣмъ пробудился научный интересъ, и въ поискахъ за первоначальной и болѣе широкой основой знанія западно-европейскіе ученые открыли два цѣльныхъ источника: Сводъ Юстиніана (сначала въ Италіи черезъ византійцевъ) и Аристотеля.

Мысли этого греческаго философа цѣнились необычайно высоко, но его знали долго лишь въ неполномъ и искаженномъ видѣ вслѣдствіе совершенной недоступности подлинника. Въ серединѣ XII в. въ Испаніи были переведены на латинскій языкъ толкованія къ Аристотелю кордовскихъ ученыхъ, мусульманина Ибнъ Рошда (по романскому произношенію Аверроеса) и его ученика, еврея Маймонида, а вмѣстѣ съ тѣмъ были переведены (съ арабскаго) сочиненія и самого Аристотеля. Этотъ возрожденный Аристотель быстро обошелъ всю Европу и составилъ главное содержаніе діалектики; она обратилась въ большую сложную систему схоластической (т.-е. школьной) философіи, или *схоластики*.

Университеты. Этотъ подъемъ науки выдвинулъ замѣчательныхъ учителей, привлекавшихъ большое число учениковъ. Такъ образовались знаменитыя школы: въ Болоньѣ, гдѣ изучалось римское право по Своду Юстиніана, въ Салерно, гдѣ первое мѣсто занимала медицина, и въ Парижѣ (при соборѣ Богоматери и на горѣ св. Женевьевы), гдѣ выше всего стали богословіе и философія. Школы, собиравшія множество учащихся, *студентовъ,* изъ разныхъ странъ, стали называться «общими» или «главными» (studium generale). Это и есть начало нашихъ университетовъ.

Названіе *университетовъ* высшія школы получили отъ обществъ или союзовъ (universitates), которые составляли между собою учащіеся, а потомъ и преподаватели для взаимной поддержки. Между пришлыми студентами было много бѣдныхъ, которые приходили издалека пѣшкомъ, съ котомками на плечахъ. Они разыскивали въ городѣ земляковъ, уже вступившихъ въ школу; составлялись кружки, землячества, наподобіе

гильдій купцовъ, торговавшихъ на чужбинѣ, а изъ ихъ соединенія возникали большія общества единоплеменниковъ, «націи». Студенты, по большей части чужіе въ городѣ, добивались защиты противъ остальныхъ горожанъ, старались обезпечить себѣ дешевыя квартиры, недорогія цѣны на припасы, выгородить себѣ самостоятельный судъ по дѣламъ, которыя ихъ касались; они выбирали изъ своей среды старшинъ (ректоровъ), и къ ихъ общему союзу, «университету студентовъ», примыкали и профессора. Городъ признавалъ *студенческій университетъ* такъ же, какъ онъ допускалъ самостоятельные союзы промышленниковъ, монаховъ - благотворителей и т. п. Первымъ такимъ университетомъ сталъ на западѣ Болонскій въ XII вѣкѣ. Въ Парижѣ, нѣсколько позднѣе, около 1200 г., король при столкновеніи студентовъ съ горожанами, которое повело къ большому побоищу, сталъ на сторону первыхъ; они были освобождены отъ подчиненія королевскому приказчику и получили особый церковный судъ. Поселенія студентовъ заняли цѣлую половину города за Сеной, такъ наз. впослѣдствіи *латинскій* кварталъ.

Такъ же, какъ студенты, и преподаватели, *магистры*, составляли союзы; ихъ цѣль была сдѣлать свое преподаваніе независимымъ отъ церковныхъ властей, т.-е. отъ монастырей, епископовъ и соборовъ. Папа Иннокентій III сталъ на сторому ученыхъ: онъ принялъ парижскихъ магистровъ подъ свое прямое покровительство такъ же, какъ папы взяли подъ свою охрану рыцарскіе и монашескіе ордена. Образовался *профессорскій университетъ;* основное право его состояло въ томъ, что его члены опредѣляли знанія подготовленныхъ ими ученыхъ и, выдавая дипломы, давали имъ въ свою очередь право «повсемѣстно» учить. Это повело къ тому, что университетъ сталъ вообще самостоятельно вѣдаться во всѣхъ дѣлахъ, связанныхъ съ наукою и преподаваніемъ.

Въ Парижѣ впервые сосредоточилось преподаваніе всѣхъ наукъ; изъ отдѣльныхъ областей знанія составились *факультеты*, т.-е. особые союзы профессоровъ, выбиравшіе изъ своей среды декановъ. Факультетъ философіи составлялъ младшій курсъ; на немъ преподавались прежнія семь свободныхъ искусствъ. Младшіе студенты или «артисты» (отъ artes liberales) составляли огромное большинство въ университетѣ. Получившіе дипломъ магистра искусствъ переходили на одинъ изъ старшихъ факультетовъ—богословія, права или медицины; здѣсь студентовъ было немного; нѣкоторые изъ нихъ были преподавателями у артистовъ. Въ Парижѣ студенты также дѣлились на націи; старшіе студенты всѣхъ націй выбирали изъ своей среды *ректора*, который слѣдилъ за общимъ порядкомъ въ университетѣ, за поведеніемъ студентовъ, защищалъ ихъ передъ судомъ; въ качествѣ старшины многолюднаго факультета артистовъ, ректоръ сдѣлался важнѣйшимъ лицомъ въ университетѣ, сталъ созывать общія собранія и руководить ими.

Парижскій университетъ собиралъ тысячи слушателей и занималъ первое мѣсто въ Европѣ въ теченіе трехъ вѣковъ. Сравнивая страны по ихъ славѣ, говорили, что «Италія имѣетъ папство, Германія—имперію, Парижъ—университетъ». Одинъ изъ папъ выразился, что Парижъ «словно солнце ученія распространяетъ по всему міру свѣтъ яснаго знанія». Особенно выдѣлялся его богословскій факультетъ, называвшійся по имени большого студенческаго общежитія *Сорбонной*. Тамъ преподавали всѣ крупные ученые схоластики; тамъ старался получить образованіе всякій клирикъ, который мечталъ о видной дѣятельности и службѣ. Сорбонна стояла стражемъ православія въ Европѣ, и въ свою очередь ученіе ея докторовъ служило опорой церкви наравнѣ съ самыми священными и старинными христіанскими книгами и постановленіями.

Въ университетъ рано вступали, часто 15 лѣтъ, въ нихъ долго учились, и студенты высшихъ факультетовъ были обыкновенно совсѣмъ зрѣлые люди. Обстановка ученія была не хитрая. Профессоръ диктовалъ съ каѳедры, студенты сидѣли на полу и записывали, какъ могли. Они носили длинную одежду клириковъ. Изученіе науки было не похоже на наше. Науку не считали свободнымъ полемъ изслѣдованія. Для каждаго предмета прежде всего старались отыскать *авторитетъ*, т.-е. твердую опору въ видѣ книги съ непреложными и непоколебимыми мыслями: таковы были Библія и собранія важнѣйшихъ церковныхъ мнѣній (особенно «Книга сентенцій» Пьера Ломбара въ концѣ XII в.), римскіе своды законовъ и Аристотель, «предтеча Христа въ познаніи природы». Обученіе («лекціи») состояло въ томъ, что читались, толковались и сопоставлялись различныя мѣста, выбранныя изъ этихъ книгъ. Въ текстахъ искали не только простого яснаго смысла словъ, но также особаго скрытаго таинственнаго значенія.

Наука того времени не была также обширнымъ собраніемъ фактовъ и наблюденій, провѣренныхъ и разъясненныхъ. О явленіяхъ природы знали мало и представленія были фантастичны; съ бытомъ другихъ народовъ и съ прошлой жизнью человѣчества были почти незнакомы; знали лишь то, что содержалось въ священной исторіи, и нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній о древнихъ грекахъ и римлянахъ. Наука состояла главнымъ образомъ въ тонкомъ различеніи смысла словъ; этимъ путемъ выводили общія понятія. Вопросы, занимавшіе ученыхъ, кажутся намъ теперь искусственными и ухищренными. Вотъ примѣръ ихъ. Можетъ ли Богъ знать больше, чѣмъ Онъ знаетъ? (вопросъ Ломбара). Были ли видны раны на тѣлѣ воскресшаго Христа? Былъ ли голубь, въ образѣ котораго явился Духъ Святый, настоящей птицей? (вопросы Ѳомы Аквинскаго).

Этому свойству науки въ средніе вѣка соотвѣтствовалъ главный школьный пріемъ въ университетахъ—*диспуты*, т.-е. публичные споры.

Обыкновенно диспуты происходили каждую недѣлю; одинъ изъ магистровъ говорилъ рѣчь и выставлялъ въ заключеніе нѣсколько мнѣній (тезисовъ); другіе магистры по очереди старались опровергнуть эти мнѣнія и выставляли въ противоположность имъ свои тезисы; тѣ и другіе, по строго опредѣленнымъ пріемамъ разсужденій, выводились изъ всѣмъ извѣстныхъ общихъ понятій. Старшіе студенты (бакалавры, по-французски bacheliers, или bas-chevaliers, т.-е. оруженосцы, потому что они какъ бы напоминали военныхъ слугъ при рыцаряхъ-магистрахъ) разрѣшали споръ сравненіемъ тѣхъ и другихъ тезисовъ между собою. Иногда споръ вели другъ противъ друга двѣ группы студентовъ подъ руководствомъ магистровъ. Словесные турниры эти доводили нерѣдко до ожесточенія; противники бросались другъ на друга съ оружіемъ или вступали въ рукопашную; чтобы предупредить столкновеніе, ихъ иногда раздѣляли барьеромъ.

Ученыя направленія. Между учеными появились постепенно большія общія разногласія, смотря по тому, какимъ они слѣдовали авторитетамъ и какихъ держались общихъ пріемовъ разсужденія. Важное разногласіе состояло въ томъ, какъ смотрѣть на общія понятія, имѣющіяся въ нашемъ умѣ. Одни ученые, слѣдовавшіе Платону, утверждали, что помимо отдѣльныхъ предметовъ, среди которыхъ мы живемъ, существуютъ «вещи вообще», или совершенные образцы всѣхъ земныхъ вещей, человѣкъ вообще, дерево вообще и т. д.; эти образцы, или идеи—вѣчны и пребываютъ въ высшемъ мірѣ; вещи, окружающія насъ, лишь преходящіе снимки, слабое подобіе ихъ. Общія понятія въ нашемъ умѣ означаютъ, что мы видимъ въ вещахъ ихъ идеи, ихъ вѣчные образцы; если что дѣйствительно существуетъ, такъ именно идеи; онѣ и есть настоящія res или realia (дѣйствительность); отсюда имя этихъ ученыхъ—*реалисты*. Другіе говорили, что общія понятія—простыя слова, придуманныя людьми для того, чтобы обозначать схожіе предметы; существуютъ только эти предметы, и, слѣдовательно, «вещи вообще» ни что иное, какъ слова, знаки, nomina; потому эти ученые назывались *номиналистами*.

Еще другое различіе возникало между учеными. Одни считали путемъ къ познанію истины разсудокъ, другіе—вдохновеніе, углубленіе въ самого себя. Въ глазахъ первыхъ, истины вѣры могутъ быть доказаны; по убѣжденію вторыхъ, онѣ могутъ быть внушены лишь внутреннимъ голосомъ человѣка, приблизившагося въ своемъ сердцѣ къ божеству; поэтому они признавали вдохновеніе—любовью къ Богу. Первыхъ называютъ *схоластиками*, вторые же—*мистики*.

Руководители церкви съ величайшимъ вниманіемъ слѣдили за поворотами мнѣній и спорами ученыхъ. Въ то же время ученые въ своихъ разсужденіяхъ постоянно подвергались опасности высказать взгляды,

несогласные съ тѣмъ, что было нужно для церкви. Въ половинѣ XII в. во Франціи соборомъ духовенства былъ осужденъ, какъ еретикъ, парижскій профессоръ *Абеляръ*, замѣчательный лекторъ и искусный діалектикъ. Ему было поставлено въ особую вину сочиненіе подъ заглавіемъ «Да и нѣтъ», гдѣ онъ сопоставлялъ противорѣчія въ сочиненіяхъ церковныхъ писателей. Главнымъ противникомъ его выступилъ мистикъ *Бернаръ* изъ монастыря *Клерво*, пламенный проповѣдникъ, который пріобрѣлъ славу необыкновенной святости своимъ *аскетизмомъ* (истязаніемъ тѣла и отреченіемъ отъ всѣхъ мірскихъ интересовъ).

Церковь старалась провести въ число университетскихъ учителей людей, вѣрныхъ католическому ученію. Особенно настойчиво вводили папы доминиканцевъ въ Парижскій университетъ. Крупнѣйшими учеными XIII в., которые согласовали научныя понятія съ требованіями католичества, были доминиканцы Альбертъ «Великій» (въ Германіи), прозванный «универсальнымъ докторомъ», и Ѳома Аквинскій (въ Италіи), «ангелъ школы». Въ своей «Суммѣ богословія» Ѳома Аквинскій излагаетъ всѣ человѣческія понятія, относящіяся къ церкви и свѣтскому быту, государственному порядку, торговлѣ и промыслу, семейному устройству и т. д. Его цѣль—свѣрить всю эту совокупность понятій съ основами вѣроученія. Онъ приходитъ къ заключенію, что истина, которая исходитъ отъ разума, вполнѣ согласна съ истиной, идущей отъ христіанской вѣры; но для него наука—лишь «служанка богословія», по выраженію того времени. Католическая церковь возвела Ѳому Аквинскаго въ святые; еще и въ наше время она готова опираться на его взгляды.

Во многомъ противоположность Ѳомѣ Аквинскому представляетъ его современникъ, англійскій францисканецъ Роджеръ Бэконъ, учившій въ Оксфордскомъ университетѣ. Интересъ Бэкона былъ направленъ на изученіе природныхъ явленій при помощи наблюденія и опыта. Бэконъ зналъ свойство магнитной стрѣлки, составъ пороха, увеличительныя стекла, его занимали астрономическія вычисленія. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ съ увѣренностью говорилъ о неизвѣданныхъ еще силахъ природы, которыя позволятъ человѣку ускорить въ невѣроятной степени движеніе по водѣ и по сушѣ, подниматься на воздухъ и далеко простирать зрѣніе. Занятія, которымъ отдавался Бэконъ, вызвали противъ него обвиненія въ колдовствѣ, и онъ долженъ былъ провести подъ конецъ жизни 14 лѣтъ въ заключеніи.

Вѣчное Евангеліе. Но и между мистиками нѣкоторые рѣзко отклонились отъ принятаго церковью ученія. Таковы были послѣдователи «Вѣчнаго Евангелія». Ученіе это изложено было впервые въ концѣ XII в. аббатомъ Іоахимомъ изъ монастыря Фіоре въ южной Италіи и перешло потомъ въ другія страны. Сущность его въ томъ, что міръ пройдетъ три вѣка. Вѣкъ Бога-Отца, или Ветхій Завѣтъ, уже пройденъ; онъ былъ

временемъ преобладанія плоти, внѣшняго закона и господства свѣтской власти. За нимъ идетъ вѣкъ Бога-Сына, или Евангелія, понимаемаго буквально, время соединенія духовныхъ интересовъ съ мірскими и силы бѣлаго духовенства. Это нынѣшній вѣкъ; онъ приближается къ концу, и за нимъ предстоитъ третій вѣкъ,—Бога-Духа Св., когда возьметъ верхъ духовная природа человѣка, наступитъ торжество истиннаго, отрекшагося отъ плоти монашества. Люди приблизятся тогда къ ангеламъ и поймутъ глубокій смыслъ Евангелія Вѣчнаго. Это ученіе захватило многихъ ревностныхъ францисканцевъ; они относили къ разбогатѣвшей церкви все, что говорилось о царствѣ плоти, въ своемъ орденѣ видѣли носителя Вѣчнаго Евангелія, а въ основателѣ ордена, Францискѣ,—второго Христа, которымъ открывается царство Духа; они предсказывали скорое наступленіе переворота, который будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ страшнымъ судомъ надъ порочными государями и клириками.

Церковь осудила и преслѣдовала это ученіе, но оно продолжало держаться въ небольшихъ сектахъ. Самая замѣчательная изъ нихъ, образовавшаяся въ Нидерландахъ и по Рейну, называлась «братьями свободнаго духа». Въ своемъ убѣжденіи, что душа человѣка несетъ въ себѣ высшее откровеніе, эти мистики превращали всѣ событія и предсказанія Писанія въ перемѣны, происходящія внутри человѣка: рожденіе Христа означало у нихъ возникновеніе въ душѣ человѣка чистаго возвышеннаго желанія; Страшный судъ, это—муки раскаянія, испытываемыя человѣкомъ. Душа переживаетъ въ себѣ всю жизнь Христа; познавая Бога, она сливается съ Нимъ; слѣдовательно, учили они, Христосъ воплощается безконечное множество разъ въ каждой чистой душѣ; сама душа человѣка есть Богъ.

Народный театръ. Возникновеніе высшихъ школъ дало сильный толчокъ умственной дѣятельности. Университеты вмѣстѣ съ тѣмъ представляли новое усиленіе городского класса, такъ какъ въ нихъ по преимуществу учились люди средняго состоянія, изъ мелкаго рыцарства и буржуазіи. Въ то время какъ развивалась университетская наука, масса народа искала просвѣщенія у проповѣдниковъ и въ большихъ театрально-духовныхъ зрѣлищахъ.

Театръ у христіанъ на западѣ возникъ, какъ у древнихъ грековъ, изъ богослуженія. Въ самихъ празднествахъ, которыя сохранили въ себѣ языческіе обычаи, было много живописнаго и драматическаго. Народъ по-своему воспроизводилъ въ процессіяхъ священныя событія. Въ городѣ Руанѣ на Рождество передъ службой наглядно изображались пророчества о Христѣ: въ церкви собирались хоры «язычниковъ» и «евреевъ», приходили въ разныхъ костюмахъ Моисей и пророки, до Іоанна Крестителя; среди пророковъ былъ вѣщій римскій поэтъ Виргилій и языческая про-

рочица Сивилла. Царь Навуходоносоръ посылалъ воиновъ съ идоломъ, которому должны были поклониться отроки, ихъ вели къ подобію печи изъ просмоленной матеріи и зажигали ее; затѣмъ начиналась обѣдня. Въ большіе праздники среди литургіи духовенство само устраивало для поученія простого народа, не понимавшаго латинскихъ словъ службы, живыя картины и небольшія сцены, въ которыхъ изображались подходящія событія священной исторіи: ясли съ восковымъ младенцемъ, къ которому приходятъ на поклоненіе пастухи и волхвы, омовеніе ногъ въ Тайной вечери, несеніе креста, встрѣча у гроба Господня ангела съ мироносицами; при этомъ клирики одѣвались въ соотвѣтственные костюмы.

Постепенно стали расширять эти представленія, вносить въ нихъ новые, сочиненные разговоры на народномъ языкѣ, развлекать зрителей шутливыми замѣчаніями и веселыми фигурами, при чемъ комическая роль доставалась дьяволу. Въ такомъ видѣ зрѣлища стали неподходящими для обстановки церкви, ихъ перенесли на паперть, къ церковной оградѣ, а еще позднѣе ихъ начали представлять на большой городской площади. Исполненіе перешло въ руки свѣтскихъ людей: горожане разныхъ классовъ распредѣляли между собою роли, или составлялось особое братство исполнителей. Изъ этого образовались большія *мистеріи* (misterium отъ ministerium, литургія); въ нихъ изображался или кругъ событій, связанныхъ съ извѣстнымъ праздникомъ, или вся земная жизнь Христа, или даже вся священная исторія—отъ сотворенія міра до Вознесенія—въ сокращенномъ видѣ.

Мистеріи давались обыкновенно около праздника Троицы; представленіе продолжалось съ утра до вечера. Всѣ принимавшіе участіе видѣли въ немъ угодное Богу дѣло и старались придать ему возможно больше блеска и украшенія. Представленію предшествовалъ большой «смотръ», т.-е. по городу проходила процессія участниковъ священной драмы въ роскошныхъ костюмахъ. На помостѣ, кругомъ котораго подъ открытымъ небомъ размѣщались зрители, былъ воспроизведенъ въ видѣ строеній и декорацій весь міръ: съ боку въ башнѣ помѣщался адъ, входъ въ который имѣлъ видъ раскрытой пасти змѣя; тамъ виднѣлось пламя, слышенъ былъ лязгъ желѣза, и стоялъ грохотъ и ревъ театральныхъ дьяволовъ, выхватывавшихъ по временамъ заглазѣвшагося зрителя. Затѣмъ были изображены Іерусалимъ, Римъ, Египетъ, гора съ ковчегомъ Ноя и т. д.; Моисей велъ народъ израильскій, съ Христомъ-младенцемъ родители бѣжали въ Египетъ; Онъ Самъ странствовалъ съ апостолами, въѣзжалъ въ Іерусалимъ и т. д. Мѣнялось мѣсто дѣйствія, но не въ видѣ чередованія актовъ и декорацій; занавѣса не было, дѣйствующія лица стояли всѣ передъ зрителями, переходили и появлялись въ извѣстную минуту, гдѣ было нужно. На возвышеніи позади было изображеніе

рая, небесъ и самого престола Божія. Были приспособленія и машины, чтобы представить страхи ада, чудеса, полетъ по воздуху, удаленіе на небо. Напряженно смотрѣла масса на это зрѣлище и особенно съ замираніемъ сердца, со слезами на глазахъ переживала страсти Господни.

Народная сатира. Въ большомъ ходу были также болѣе короткія представленія «чудесъ», т.-е. эпизодовъ изъ житій Богородицы и святыхъ, но вмѣстѣ съ этими трогательными пьесами исполнялись еще другія зрѣлища, простыя по своему дѣйствію и забавныя, которыя произошли отъ старинныхъ языческихъ праздниковъ и обычаевъ. Долго держался, напримѣръ, обычай изображать драматически борьбу лѣта и зимы: два парня, одинъ въ вѣнкѣ и цвѣтахъ, другой обвитый мохомъ, перебранивались и пересмѣивались, и, наконецъ, первый сваливалъ, «убивалъ» второго; выступали въ спорѣ и другія пары, напримѣръ, христіанинъ и еврей, рыцарь и мужикъ, честь и позоръ, старость и молодость; или сожигали чучело зимы, водружали разукрашенное майское дерево, вокругъ котораго ходили хороводомъ, или наряжались, надѣвали маски и двигались въ причудливомъ шествіи, высмѣивая фигуры знакомыхъ и незнакомыхъ людей или изображая мертвецовъ. Съ этими плясками и переодѣваніями соединялись насмѣшливыя пѣсни, каррикатурныя сцены и изображенія жизни на изнанку. Отсюда образовались фарсы, «шутовскія дѣйствія», которыя заключали въ себѣ насмѣшку надъ нравами общества или какого-нибудь класса его, рыцарей, духовенства, купцовъ, крестьянъ. Эти комическія пьесы давались нерѣдко послѣ мистерій, чтобы разсѣять созданное ими тяжелое настроеніе.

Насмѣшка могла заходить очень далеко и не ограничивалась подмостками театра: на Рождество въ самой церкви молодые клирики устраивали пародію на службу, выбирали шутовского епископа, вводили его на ослѣ въ церковь, приводили забавниковъ и пѣли мессу навыворотъ; это былъ «праздникъ полоумныхъ», остатокъ языческихъ сатурналій съ ихъ безчинствами, который церковь впослѣдствіи запретила. Но та же потребность сильно отвлечься и встряхнуть на время мрачныя мысли и страхъ смерти выражалась въ другихъ чертахъ: скульпторъ изображалъ въ обстановкѣ церкви, на стѣнахъ смѣшныя и грубоватыя сцены и фигуры; проповѣдники, особенно на Пасху, чтобы вызвать веселье, достойное радостнаго праздника, смѣшили народъ различными выходками, ужимками и анекдотами, въ родѣ того, какъ Пилатъ торговалъ епископскими мѣстами, а Люциферъ избилъ сатану до полусмерти за то, что тотъ не сумѣлъ искусить Христа.

Театръ и каррикатура развились въ подвижной средѣ городского общества. Здѣсь сложилась и особая литература, не похожая на духовную и на рыцарскую. Главныя ея черты—бытовыя наблюденія и сати-

ра, изображеніе человѣческихъ недостатковъ. Любимый видъ этой литературы—басни, небольшія анекдотическія повѣсти (fabliaux) и сказанія о животныхъ, подъ именами которыхъ кроются человѣческіе характеры. Самыя сказки о животныхъ занесены съ востока; разные авторы съ XII по XIV в. связали ихъ вмѣстѣ и переработали въ большой сложный *Романъ о Лисѣ* (Ренарѣ или Рейнгардѣ). Его содержаніе—торжество хитроумной Лисы надъ болѣе сильными, но недогадливыми или чванными противниками, Волкомъ, Медвѣдемъ и др. Въ романѣ о Лисѣ насмѣшка была направлена сначала противъ властолюбивой церкви, позднѣе—противъ придворной и рыцарской жизни; все, что воспѣвали рыцари, обращено въ пародію; суховатый умъ горожанина, недовѣрчивый къ изображенію сильныхъ страстей и великихъ подвиговъ, подмѣчалъ въ жизни скорѣе ея отрицательныя стороны.

IV.

Новыя государства и новое общество.

Націи и новыя государства. Общество феодальнаго времени было раздроблено; отдѣльныя его группы жили тѣснымъ кругомъ мѣстныхъ интересовъ. Крупныя предпріятія только на время соединяли большія массы людей и уводили ихъ изъ узкой среды. Королевства этой поры составляли слабые союзы, легко распадавшіеся; ихъ границы были очень непрочны. Съ тѣхъ поръ, какъ между странами западной Европы возрасли сношенія и стали увеличиваться ихъ богатства, а въ населеніи начали слагаться болѣе широкія понятія объ окружающемъ мірѣ, общество и государство испытали на себѣ важныя перемѣны.

Въ предѣлахъ большихъ странъ массы разноплеменнаго населенія объединились въ нѣсколько *націй*. Въ средѣ націи главною связью служитъ общій языкъ и общая литература, которая развиваетъ и поддерживаетъ понятіе о единой родинѣ и одинаковыхъ интересахъ. Въ XIV в. въ Европѣ обозначились слѣдующія націи: нѣмцы въ Германіи (Deutsche), итальянцы и испанцы на южныхъ полуостровахъ, французы и англичане. Изъ нихъ послѣднія три націи образовали каждая большое государство; первыя двѣ распались на много среднихъ и мелкихъ государствъ. Но всѣ эти государства, какъ большія, такъ и мелкія, были гораздо болѣе сплочены, имѣли гораздо болѣе стройное и сложное управленіе, чѣмъ феодальныя королевства. Устройство этихъ *новыхъ государствъ* сложилось окончательно въ XIV—XV вѣкахъ, но начало ихъ образованія приходится на два предшествующіе вѣка, XII и XIII.

10. Англія.

Государство Вильгельма Завоевателя. Раньше всего образовалось сплоченное государство въ Англіи.

Англійское королевство выдѣлялось во всей Европѣ своимъ новымъ порядкомъ со времени Вильгельма (съ конца XI в.). Нормандскій за-

воеватель былъ и строгимъ, властнымъ правителемъ. Онъ держалъ въ страхѣ не только туземное покоренное населеніе Англіи, но и сбродную пришлую дружину, которая была разсажена по захваченнымъ замкамъ и имѣніямъ. Мелкіе люди, находившіеся подъ покровительствомъ сильныхъ сеньёровъ, были отданы въ ихъ подчиненіе. Пришлые воители и туземные господа, прощенные побѣдителемъ и сохранившіе свое положеніе, стали получать прокормленіе отъ работы и взносовъ крѣпостныхъ, приписанныхъ къ ихъ мэнорамъ. На всѣ земли легли условія вассальной службы, и водворилось французское правило: «надъ всякой землей долженъ быть сеньёръ». Но англійскій феодализмъ былъ непохожъ на феодальный строй материковыхъ странъ. Считалось, что всѣ владѣтели земли «держатъ» ее отъ короля. Въ то время какъ во Франціи, напр., рыцари были обязаны службой лишь ближнему сеньёру и лишь ему присягали, Вильгельмъ требовалъ присяги вѣрности не только отъ своихъ прямыхъ, «главныхъ» вассаловъ, но и отъ всѣхъ остальныхъ военныхъ людей, состоявшихъ въ дружинахъ и на службѣ у сеньёровъ.

Три раза въ году, на Рождество, Пасху и Троицу, король созывалъ съѣздъ бароновъ и рыцарей. Они должны были пріѣзжать въ полномъ вооруженіи, со свитами и слугами, а онъ являлся передъ ними во всемъ блескѣ богатаго двора, надѣвая корону. Но эти съѣзды не имѣли участія въ управленіи. Они не были похожи на старый англосаксонскій витенагемотъ и не ограничивали власти короля: это были только придворные праздники и смотры войска.

Сеньёры въ Англіи не могли сдѣлаться тѣми самостоятельными князьями, какими стали графы и герцоги на материкѣ. Владѣнія ихъ не составляли сплошныхъ областей, а лежали въ разныхъ мѣстахъ разбросанно. Сеньёры были устранены отъ управленія графствами, на которыя раздѣлялась Англія. Настоящими начальниками областей были назначаемые и смѣняемые королемъ чиновники (*шерифы*); они сидѣли въ судѣ, гдѣ судились свободные люди, смотрѣли за порядкомъ и преслѣдовали нарушителей, управляли королевскими имѣніями и собирали королевскіе доходы, созывали военные отряды и командовали ими. Для того, чтобы принизить значеніе сеньёровъ, король сохранилъ старыя англосаксонскія собранія съ участіемъ мелкихъ свободныхъ людей, созывавшихся по сотнямъ и графствамъ (т.-е. уѣздамъ, которые образовались изъ старинныхъ областей). Король объявилъ, что будетъ держаться «добрыхъ и несомнѣнныхъ» законовъ своего предшественника въ Англіи, Эдуарда; съ этой цѣлью онъ приказалъ опросить подъ присягой мѣстныхъ жителей о существовавшихъ обычаяхъ и записать ихъ. Онъ хотѣлъ показать, что власть его стоитъ одинаково надъ покоренными и покорителями.

Скоро въ странѣ прекратились всякія попытки сопротивленія завое-

вателю. Напротивъ, когда пришлые бароны пробовали выказать непокорность королю, туземное населеніе стояло на его сторонѣ. При этихъ условіяхъ король могъ взыскивать строго и безпощадно военную службу и другія повинности. Въ случаѣ смерти вассала король распоряжался его землей, взималъ плату съ наслѣдника или, если таковаго не было, передавалъ ее другому лицу за плату, иногда въ теченіе нѣкотораго времени не замѣщалъ лена вовсе и удерживалъ съ него доходъ, за неисправность службы бралъ тяжелые штрафы.

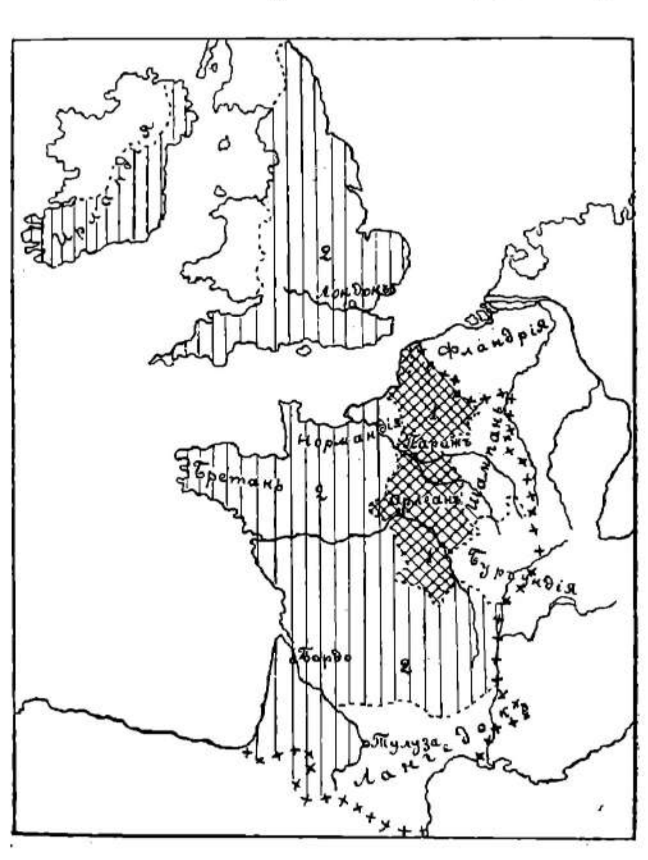
Для того, чтобы обратить службу и повинности въ правильный доходъ, Вильгельмъ произвелъ обстоятельную *перепись* населенія Англіи и его имущества. Перепись вели королевскіе люди, посланные въ разные концы Англіи; они призывали къ себѣ для допроса помѣщиковъ и ихъ приказчиковъ, а отъ каждаго села священника, старосту и нѣсколько крестьянъ. Призванные показывали подъ присягой число людей въ округѣ и ихъ званіе, сколько было сеньёровъ, рыцарей и простыхъ свободныхъ людей, сколько полузависимыхъ, сколько крѣпостныхъ крестьянъ и батраковъ, сколько рабовъ, кто чѣмъ владѣетъ и сколько платитъ взносовъ, сколько земель подъ плугомъ, сколько штукъ скота и т. д. Эта перепись, получившая въ народѣ имя «Книги страшнаго суда», одна достаточно показываетъ силу англійскаго короля; нигдѣ въ тогдашней Европѣ правитель не могъ бы добиться ничего подобнаго.

Только одна сила составляла нѣкоторый противовѣсъ королю—церковь. Раньше завоеванія англо-саксонское духовенство плохо подчинялось папѣ и не хотѣло принять реформу, которую во второй половинѣ XI в. проводили клюнійцы. Съ Вильгельмомъ вмѣстѣ пришли французскіе прелаты и монахи, сторонники реформы; имъ розданы были мѣста епископовъ и аббатовъ въ Англіи. Папа благословилъ походъ Вильгельма, такъ какъ онъ обѣщалъ подчинить англійскую церковь римской куріи. Правда, Вильгельмъ отказался дать Григорію VII вассальную присягу; онъ вмѣшивался въ назначеніе епископовъ и раздавалъ бенефиціи; епископы не могли отлучать вассаловъ короля безъ его дозволенія. Однако церковь получила большую силу: обширныя владѣнія ея равнялись имѣніямъ короля и сеньёровъ, вмѣстѣ взятымъ; на ея землѣ и подъ ея охраной жило множество людей, подчиненныхъ только церковному суду; церковные судьи, кромѣ того, судили всѣхъ остальныхъ людей по множеству свѣтскихъ дѣлъ, гдѣ требовалась клятва, напр., по дѣламъ семейнымъ, о наслѣдствахъ и завѣщаніяхъ.

Сыновья Завоевателя (*нормандская династія*) держались установленныхъ имъ порядковъ. Только при внукѣ Завоевателя, Стефанѣ, военные люди вышли изъ повиновенія, стали разбойничать и совершать наѣзды на мирное населеніе. Одинъ изъ современныхъ писателей разсказываетъ,

какъ сначала заставили «несчастный народъ строить замки, а когда кончилась постройка, замки наполнились дьяволами и лихими людьми. И влекли туда всѣхъ, у кого подозрѣвали какое-нибудь богатство, похищали днемъ и ночью мужчинъ и женщинъ и пытали несказанными казнями, чтобы вынудить у нихъ золото и серебро».

Государство Генриха II. Смутѣ этой положилъ конецъ Генрихъ II, потомокъ Завоевателя по женской линіи. Генрихъ былъ изъ рода западно-французскихъ графовъ Плантагенетовъ (династія *Плантагенетовъ* въ Англіи 1154—1485). Онъ присоединилъ къ англійской коронѣ свои обширныя наслѣдственныя и пріобрѣтенныя бракомъ владѣнія по Луарѣ и Гароннѣ, въ средней Франціи и по западному ея краю; вмѣстѣ съ Нормандіей эти французскія земли англійскаго короля составляли около двухъ третей французскаго королевства. Кромѣ того, онъ покорилъ часть Ирландіи. Такимъ образомъ Генрихъ былъ самымъ крупнымъ владѣтелемъ Европы; его союза искали императоръ (въ то время Барбаросса), папа, короли южной Европы и крестоносцы въ далекой Сиріи. Его сила была особенно опасна для французскаго короля, которому Генрихъ II приходился вассаломъ, хотя владѣніями превосходилъ своего сюзерена по крайней мѣрѣ разъ въ шесть. Эти владѣнія англійскаго короля на материкѣ вызывали постоянныя войны съ Франціей, тянувшіяся около трехъ вѣковъ съ перерывами.

Англія и Франція въ XII вѣкѣ. 1) Владѣнія французскаго короля. 2) Владѣнія англійскаго короля Генриха II Плантагенета. + + + Граница французскаго королевства.

Генрихъ II былъ сильный, горячій, необыкновенно дѣятельный чело-

вѣкъ. «Онъ никогда не садится и съ утра до вечера на ногахъ», говорилъ его современникъ. Генрихъ постоянно былъ въ походахъ или въ объѣздахъ своихъ владѣній на материкѣ и на островѣ. Управленіе Англіей сосредоточивалось въ тѣсномъ совѣтѣ, или *палатѣ короля* (curia regis); ея главные сановники, такъ называемый «юстиція», т.-е. королевскій намѣстникъ, канцлеръ, казначей, по большей части назначались изъ духовныхъ лицъ, такъ какъ король не хотѣлъ связывать себя, а въ рукахъ свѣтскихъ людей эти должности, по феодальному обычаю, легко сдѣлались бы наслѣдственными. Здѣсь подготовлялись важныя королевскія рѣшенія (*ассизы*) о военномъ дѣлѣ, судѣ и управленіи. Съѣздъ вассаловъ созывался потомъ только для того, чтобы скрѣплять эти рѣшенія. Король хотѣлъ вездѣ установить порядокъ, въ которомъ такъ нуждалась страна послѣ смуты.

Прежде всего онъ приказалъ срыть разбойничьи замки; затѣмъ надо было приняться за розыскъ и наказаніе грабителей и лихихъ людей, порожденныхъ смутнымъ временемъ, и за разборъ множества споровъ и обидъ, оставшихся послѣ него. Король мало довѣрялъ областнымъ начальникамъ, которые также привыкли къ произволу, и хотѣлъ строгихъ неотступныхъ дѣйствій. Онъ сдѣлалъ свою палату верховнымъ судомъ; часть дѣлъ «вызывалась» въ нее изъ областей, а для разбора другихъ Генрихъ II посылалъ изъ года въ годъ въ объѣздъ по графствамъ членовъ палаты. Рѣшеніемъ *великой ассизы* эти «странствующіе судьи» должны были держаться новаго порядка въ разслѣдованіи дѣлъ.

Начало суда присяжныхъ. Въ прежнемъ судѣ, происходившемъ въ сотняхъ и графствахъ, не знали вовсе разслѣдованія. Когда былъ споръ, противниковъ заставляли рѣшать дѣло поединкомъ или приводить соприсяжниковъ изъ среды своихъ близкихъ, которые клятвами могли бы подтвердить истину ихъ словъ. Когда на кого-нибудь падало обвиненіе въ убійствѣ или другомъ злодѣяніи, подозрѣваемый долженъ былъ «очиститься» клятвой или тяжелымъ тѣлеснымъ испытаніемъ: его бросали въ воду и смотрѣли, «хочетъ ли его принимать вода», или же заставляли держать раскаленную полосу желѣза. Такимъ образомъ при тяжбахъ (по-нашему въ *гражданскихъ* дѣлахъ) судьи смотрѣли, чѣмъ кончится поединокъ, или сосчитывали, на сторонѣ кого изъ противниковъ больше присягавшихъ; приговоромъ своимъ они только скрѣпляли то, что имъ показалъ «божій судъ», т.-е. признавали правоту за побѣдившимъ. При обвиненіи (въ *уголовномъ* дѣлѣ) судьи также не добирались до обстоятельствъ дѣла, не допрашивали ни подсудимаго, ни свидѣтелей, а рѣшали виновность по виду обжоговъ на тѣлѣ, въ которыхъ видѣли также божье указаніе.

Королевскіе судьи должны были производить *разслѣдованія* по всѣмъ

дѣламъ. Розыскъ и допросъ (инквизиція) примѣнялись уже раньше въ судѣ церкви, которая приняла многіе римскіе судебные обычаи. Генрихъ II, при которомъ въ Англію проникли знатоки римскаго права, воспользовался этимъ пріемомъ судебнаго разслѣдованія, но прибавилъ къ нему важное новое средство. Именно, въ тяжбахъ каждому изъ споривших было позволено вмѣсто поединка просить вызова свидѣтелей изъ мѣстныхъ жителей (обыкновенно—двѣнадцати человѣкъ); свидѣтели подъ присягой показывали, что̀ имъ извѣстно по данному дѣлу, и на основаніи раскрывшихся обстоятельствъ судьи рѣшали споръ. Эта перемѣна служила для многихъ большимъ облегченіемъ. Поединокъ былъ и плохимъ, и несправедливымъ средствомъ для установленія истины. Онъ обыкновенно обращался въ пользу богатаго, который могъ выставить вмѣсто себя на бой сильныхъ наемниковъ; для бѣднаго поединокъ былъ ко всему еще дорогъ и разорителенъ. Поэтому современники говорили, что король провелъ эту перемѣну на пользу неимущихъ.

Королевскимъ судьямъ было предписано держаться такого же опроса *присяжныхъ* изъ мѣстныхъ жителей и въ различныхъ важныхъ уголовныхъ дѣлахъ—объ измѣнѣ, убійствѣ и т. п. Присяжные призывались собственно въ качествѣ свидѣтелей; при ихъ помощи устанавливали обстоятельства дѣла, но ихъ показанія служили судьямъ главнымъ основаніемъ къ тому, чтобы обвинить или освободить заподозрѣнное лицо, слѣдовательно они оказывали вліяніе на приговоръ.

Обычай, введенный Генрихомъ II, стали примѣнять все чаще и чаще; присяжные скоро получили главное значеніе въ ходѣ суда. Сто лѣтъ спустя въ Англіи присяжные были уже не свидѣтелями, помогавшими судьѣ, а рѣшителями дѣла; къ нимъ перешло настоящее право судей—произносить главный приговоръ о виновности или невиновности подсудимаго. Такимъ образомъ нововведеніе Генриха II было началомъ важнаго для Англіи, а въ настоящее время и для всѣхъ европейскихъ странъ, *суда присяжныхъ*.

Финансовое управленіе. Королевское управленіе, кромѣ суда, выдавалось еще въ одномъ отношеніи. Во время смуты доходы короля очень упали. Генрихъ II опять поднялъ ихъ настойчивымъ взысканіемъ повинностей. Его предпріятія, борьба съ Франціей, завоеваніе Ирландіи, требовали большихъ средствъ. Немыслимо было всюду водить съ собою англійскихъ рыцарей-помѣщиковъ; занятые хозяйствомъ своихъ имѣній, они не могли бы содержать и кормить себя въ походахъ. Чтобы использовать ихъ повинность, король переводилъ службу рыцарей на деньги и взималъ съ нихъ «щитовую подать», т.-е. съ каждаго, не ходившаго на войну, сумму, достаточную для вооруженія и содержанія наемнаго солдата; войны велись наемными отрядами.

Для веденія королевской казны и счета доходовъ королевскіе совѣтники собирались въ особое отдѣленіе, или палату *шахматной доски*. Они сидѣли за столомъ, покрытымъ клѣтчатой матеріей (отсюда названіе), принимали денежныя суммы, которыя два раза въ годъ, на Пасху и въ ноябрѣ, привозили изъ области шерифы, и провѣряли ихъ счета. На длинной палкѣ отмѣчали зарубками полученное количество денегъ и по обѣ стороны зарубки писали цифры; потомъ расщепляли палку вдоль, такъ что получались двѣ полосы съ одинаковыми знаками, и оставляли одну половину въ казначействѣ, а другую отдавали въ видѣ квитанціи плательщику; когда онъ пріѣзжалъ для новой уплаты, обѣ половинки опять складывались вмѣстѣ и свѣрялись. Часть взносовъ поступала натурой, хлѣбомъ, скотомъ, лошадьми, соколами и т. д.

Изъ Шахматной доски дѣлались всѣ выдачи на королевскій дворъ, его свиту и войско, уплаты по долгамъ, издержки на управленіе; въ ней разбирались всѣ споры по взысканію налоговъ. Все управленіе въ теченіе года проходило передъ этой палатой. Между королевскими доходами видное мѣсто занимали суммы, доставляемыя судомъ. При тяжбахъ спорившіе должны были платить большія пошлины въ пользу короля; за неявку въ судъ или опозданіе брали большой штрафъ. Особенно выгадывалъ король, взимая деньги за «прощеніе»; это значило, что опальный заранѣе, до суда надъ нимъ, покупалъ себѣ милость короля и поступалъ опять подъ его охрану. Этимъ средствомъ пользовались также, чтобы вымогать деньги у людей безвинныхъ: имъ грозили враждой короля, отказомъ въ королевской охранѣ въ случаѣ неуплаты выкупа съ ихъ стороны. Это была темная сторона королевскаго суда. Поэтому мѣстами новый судъ вызывалъ такой страхъ среди жителей, что они прятались въ лѣсъ при его приближеніи.

Новый порядокъ давалъ странѣ спокойствіе, но въ немъ было много жестокаго. Исполнители, особенно королевскіе шерифы, производившіе взысканія, навлекали на себя обвиненіе въ произволѣ. Король былъ и къ нимъ безпощаденъ, ихъ управленіе онъ также провѣрялъ опросомъ присяжныхъ; однажды въ теченіе года онъ смѣнилъ всѣхъ шерифовъ, такъ какъ всѣ оказались виноваты въ незаконныхъ дѣйствіяхъ, взяткахъ или утайкѣ денегъ. И все же въ новомъ управленіи оставалось много тяжелаго для населенія. Въ самой грозной личности Генриха II соединялись черты великаго правителя и безжалостнаго вымогателя.

Споръ королевской власти съ церковью. Сильное недовольство народа выразилось въ томъ, что очень многіе стали на сторону духовенства, во время его столкновенія съ королемъ. Церковь, и безъ того получившая большую долю при завоеваніи Англіи, во время смуты стала почти независимой. Суды церкви руководились своимъ закономъ, такъ называемымъ

каноническимъ правомъ, которое составилось изъ ученія отцовъ церкви и римскихъ законовъ. Судебные приговоры церкви отличались мягкостью, наказанія были слабы; оттого въ народѣ сочувствовали этому суду. Но была и другая сторона: церковный судъ часто проявлялъ небрежность; онъ оставлялъ на свободѣ многихъ, виновныхъ въ тяжкихъ проступкахъ, напр. въ убійствѣ, нерѣдко людей совершенно испорченныхъ, оставлялъ только потому, что они носили имя клириковъ; или же церковный судъ ограничивался только разстриженіемъ такихъ клириковъ, но все же не выдавалъ ихъ свѣтскимъ властямъ.

Такой король, какъ Генрихъ II, не могъ потерпѣть этихъ неустройствъ. Въ своемъ стремленіи завести однообразные и строгіе пріемы суда и управленія, онъ рѣшился ограничить самостоятельность церкви. На съѣздѣ сеньёровъ и прелатовъ въ Кларендонѣ король провелъ рѣшеніе, чтобы его уполномоченные участвовали въ церковномъ судѣ по уголовнымъ дѣламъ; духовнымъ лицамъ было воспрещено выѣзжать изъ Англіи безъ позволенія короля и приносить апелляціи папѣ въ Римъ. Противъ Кларендонскихъ рѣшеній выступилъ первый архіепископъ Англіи, Томасъ Бекетъ.

Раньше, въ качествѣ канцлера, онъ былъ ревностнымъ исполнителемъ воли короля, и потому Генрихъ II провелъ его въ архіепископы. Но Бекетъ, ставши во главѣ церковной силы, совершенно измѣнилъ свои взгляды; онъ высказался также горячо противъ тяжелыхъ поборовъ для содержанія королевскихъ чиновниковъ. Онъ хотѣлъ найти поддержку у папы и потому бѣжалъ во Францію, нарушая этимъ кларендонское рѣшеніе. Однако папа Александръ III, стѣсненный Барбароссой, не рѣшился въ такое время поднимать ссору съ англійскимъ королемъ. Бекетъ былъ вынужденъ вернуться въ Англію; народъ восторженно встрѣтилъ его при въѣздѣ въ Лондонъ, привѣтствуя въ немъ главнаго заступника противъ корыстолюбія и произвола королевскихъ чиновниковъ. Еще злѣе разгорѣлась теперь вражда съ королемъ. Когда Бекетъ отлучилъ другого архіепископа, принявшаго сторону короля, Генрихъ не могъ скрыть своего крайняго раздраженія. Придворные хотѣли угодить королю; нѣсколько рыцарей бросились отыскивать Бекета и убили архіепископа въ церкви. Королю эта смерть повредила. Въ народѣ признали Бекета мученикомъ, пострадавшимъ за свое заступничество. Король долженъ былъ принести на его могилѣ покаяніе и очистить себя присягой отъ обвиненія въ убійствѣ. Онъ долженъ былъ взять назадъ и большую часть кларендонскихъ рѣшеній. Это была первая крупная неудача королевской власти въ Англіи.

Развитіе богатства и города въ Англіи. Устройство, созданное нормандскими королями и Генрихомъ II, основывалось на сильномъ и по-

стоянномъ дѣйствіи главной, *центральной* власти. Классы населенія неотступно привлекались къ несенію повинностей и должны были подчиняться государю и его чиновникамъ. Между тѣмъ общество къ концу XII вѣка очень измѣнилось сравнительно съ тѣмъ, каково оно было за 100 лѣтъ передъ тѣмъ, при завоеваніи: въ немъ значительно прибавилось богатства и самостоятельности. Особенно это было замѣтно на городахъ.

Слабые и разоренные при Вильгельмѣ, наполненные большею частью крѣпостнымъ населеніемъ, они сильно поднялись отъ обширнаго торговаго обмѣна, въ который вступила Англія въ XII в. Этой торговлѣ помогли какъ разъ владѣнія королей на материкѣ, черезъ которыя шли важнѣйшіе пути отъ Средиземнаго моря и изъ средней Европы. Въ Лондонѣ при Генрихѣ II сходились золото и пряности изъ Аравіи, шелкъ изъ Индіи, вина изъ Франціи, мѣха съ сѣвера. Изъ Англіи стали вывозить шерсть, которую въ большомъ количествѣ доставляло скотоводство, очень успѣшное благодаря превосходнымъ лугамъ. Правда, англичане мало ѣздили по морю и не имѣли флота; подвозъ иностранныхъ товаровъ и вывозъ англійскаго сырья были въ рукахъ чужихъ, большею частью фламандскихъ и нѣмецкихъ купцовъ, которые составляли ганзы для торговли съ Англіей и имѣли въ прибрежныхъ городахъ склады. Но все же и въ Англіи выдвинулся собственный купеческій классъ, который забралъ внутреннюю торговлю, т.-е. закупку сельскихъ товаровъ, подвозимыхъ на городскіе рынки, и обмѣнъ между городами.

Купцы составляли по отдѣльнымъ городамъ союзы, съ цѣлью ограждать на рынкахъ свои преимущества и выключать отъ торговли всѣхъ постороннихъ; кто хотѣлъ торговать, долженъ былъ вступить въ союзъ и заплатить большой взносъ. Союзы эти соединились по всей Англіи въ большую *купеческую гильдію*, утвержденную королемъ. Въ этой общеанглійской гильдіи опять видно отличіе сильно объединеннаго англійскаго государства отъ материковыхъ странъ, гдѣ купеческіе союзы были разрознены и не имѣли утвержденія отъ высшей власти. Разбогатѣвшіе торговлей горожане откупались отъ крѣпостной службы и замѣняли большими общими взносами повинности, которыми были обязаны королю. Члены гильдіи, выбиравшіе въ своей средѣ старшинъ и совѣтъ, привыкали къ самостоятельности. Въ ихъ руки переходило все управленіе городовъ, избраніе головы (мэйора) и городской думы; короли, за новые взносы, утверждали это самостоятельное управленіе грамотами (хартіями).

Въ Англіи не было ожесточенной борьбы городского населенія за свои права, и короли не были враждебны усиленію городовъ. Но въ случаѣ общаго возстанія противъ королевскаго управленія много значило участіе зажиточныхъ, привыкшихъ къ самостоятельности, горожанъ. Особенно выдѣлялся городъ *Лондонъ*, который сталъ въ XII в. столицей Англіи. Въ

немъ было до 140 церквей; его граждане, «почти равнявшіеся со знатью», какъ говоритъ старинное описаніе города, выбирали собственнаго шерифа и судей.

Великая хартія вольностей. Сыновья Генриха II были плохими продолжателями отца. Старшій, Ричардъ Львиное Сердце, образецъ странствующаго рыцаря, покинулъ страну и ушелъ въ крестовый походъ. Младшій, его преемникъ, Іоаннъ по прозванію Безземельный, вызывалъ общее раздраженіе своими неудачами, своимъ крайнимъ непостоянствомъ и грубымъ произволомъ. Въ борьбѣ съ французскимъ королемъ (Филиппомъ II Августомъ) Іоаннъ потерялъ почти всѣ владѣнія Плантагенетовъ, лежавшія на материкѣ; особенно тяжела была утрата Нормандіи, съ которой Англія стояла въ оживленной торговлѣ. Затѣмъ Іоаннъ вооружилъ противъ себя папу, могущественнаго Иннокентія III.

Король отказался признать первымъ архіепископомъ Англіи Лангтона, который былъ избранъ духовенствомъ по указанію папы. Мало того, изгналъ соборный капитулъ, выбравшій Лангтона, и захватилъ церковныя имущества, чтобы вынудить духовенство къ повиновенію. Многіе прелаты бѣжали изъ Англіи. Иннокентій III отвѣтилъ на это наложеніемъ на всю Англію *интердикта:* богослуженіе и всѣ церковныя требы прекратились, мертвыхъ не хоронили, колокола замолкли. Такъ какъ король все еще не сдавался, папа отлучилъ его самого и отрѣшилъ его подданныхъ отъ присяги вѣрности. Тогда Іоаннъ перешелъ къ полному униженію; онъ согласился на всѣ требованія папы, призналъ Англію леномъ римской куріи, принесъ вассальную присягу папскому легату и обязался платить ежегодную дань куріи.

Теперь поднялись противъ Іоанна бароны и рыцари. Давно среди нихъ было раздраженіе за то, что король разорялъ ихъ штрафами и частымъ сборомъ щитовыхъ денегъ, за то, что онъ держалъ ихъ сыновей въ качествѣ заложниковъ и заставлялъ ихъ выкупать, отдавалъ съ торговъ руку вдовъ и дѣвицъ, наслѣдницъ леновъ. Ихъ недовольство возросло, когда король сталъ искать средствъ для вознагражденія церкви и особенно, когда Іоаннъ потерпѣлъ неудачу въ большомъ походѣ противъ французскаго короля, предпринятомъ съ цѣлью отвоеванія Нормандіи. Бароны сѣверной Англіи, болѣе независимые, отказались служить; когда же король потребовалъ взноса съ неходившихъ на войну, большинство англійскихъ бароновъ взялись за оружіе, несмотря на угрозы папы, который сталъ теперь на сторону короля. Напротивъ, Лангтонъ и большая часть англійскаго духовенства вступили въ союзъ съ возставшими. Они объявили себя «войскомъ Бога и святой церкви». Когда имъ открылъ свои ворота богатый Лондонъ и присоединились другіе города, король, всѣми покинутый, отчаялся. На съѣздѣ въ Реннимедской рав-

нинѣ онъ согласился подписать составленную баронами *Великую хартію вольностей* (1215 г.).

До тѣхъ поръ въ Англіи устанавливала порядокъ королевская власть. Теперь противъ ея злоупотребленій поднялись люди, обязанные службой, и, желая оградиться отъ произвола, предъявили королю свои требованія. При этомъ они старались точно оговорить условія своей службы и свои преимущества. Но имъ нужно было подумать также о другихъ, которые шли съ ними въ союзѣ противъ короля. Поэтому въ хартіи были выговорены права и вольности всѣхъ классовъ. Хартія представляла какъ бы договоръ, заключенный государемъ отъ имени всего народа. Главныя черты ея слѣдующія:

1. Король долженъ былъ отказаться отъ всякихъ произвольныхъ и несправедливыхъ взысканій съ бароновъ и рыцарей, отъ торговли ленами. Онъ могъ требовать лишь того, чтó допускалъ феодальный обычай. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ хартіи выговорена была «свобода англійской церкви», права города Лондона и другихъ общинъ, бурговъ и портовъ. Король допускалъ свободный проѣздъ по странѣ купцовъ и другихъ людей.

2. Самое важное ограниченіе состояло въ томъ, что у короля было отнято право произвольно взимать новые взносы и повинности, помимо обычныхъ феодальныхъ. Щитовыя деньги и подмоги (субсидіи) онъ могъ получить не иначе, какъ съ согласія *общаго собранія всего королевства*, т.-е. совѣта крупныхъ и мелкихъ королевскихъ вассаловъ. Въ хартіи подробно было указано, какъ король долженъ созывать этотъ совѣтъ: графовъ и большихъ бароновъ онъ будетъ вызывать лично и поименно, остальныхъ черезъ шерифовъ, и будетъ напредъ объявлять предметъ обсужденія.

3. Король обѣщалъ правильный судъ для всѣхъ. Судъ не долженъ разорять людей. Судьи королевскіе лишаются права постоя и взысканія припасовъ съ жителей; штрафы не должны превышать состоянія осужденныхъ и оставлять ихъ безъ средствъ къ существованію. Особенно важно было общее право, объявленное въ хартіи: «Никто не будетъ схваченъ, посаженъ въ тюрьму, лишенъ имущества, объявленъ внѣ закона, изгнанъ или введенъ въ убытки, ни на кого не падетъ королевская опала, иначе какъ въ силу *законнаго приговора людей, равныхъ обвиненному по званію, или въ силу закона страны*». Этими словами свобода человѣка была поставлена подъ охрану установившагося обычая и подъ защиту совѣсти людей, одинаковыхъ по положенію съ обвиняемымъ: это значило, что король не могъ замѣнить судъ своимъ приказомъ или отдать рѣшеніе въ руки чиновниковъ, подчиненныхъ его волѣ.

4. Хартія заканчивалась условіемъ, посредствомъ котораго возставшіе старались обезпечить соблюденіе договора со стороны короля; всѣ ба-

роны избираютъ изъ своей среды совѣтъ двадцати пяти, которые, въ случаѣ нарушенія хартіи королемъ, должны призвать къ возстанію на защиту общихъ правъ «коммуну всей земли», т.-е. весь народъ.

Бароны не требовали въ хартіи ничего новаго, ничего такого, что не входило бы въ феодальные обычаи и понятія всѣхъ странъ; но нигдѣ еще эти обычаи и понятія не были такъ, какъ здѣсь, собраны вмѣстѣ въ одно цѣлое въ видѣ охраны правъ всего населенія.

Великая хартія показываетъ, что Англія по своему государственному устройству была впереди другихъ странъ Европы. Въ материковыхъ странахъ феодальные владѣтели были разъединены и рѣдко или вовсе не встрѣчались въ общихъ дѣйствіяхъ. Въ Англіи король постоянно обращался ко всему ихъ составу, взыскивалъ со всѣхъ за разъ, привлекалъ всѣхъ къ опросамъ и разбирательствамъ, которые производились его чиновниками. Они привыкли къ общему дѣлу и теперь въ защитѣ своихъ интересовъ также соединились вмѣстѣ. Пытаясь сами устроить порядокъ взамѣнъ королевскаго управленія, они показали, что умѣютъ думать о дѣйствіяхъ общихъ, необходимыхъ въ государствѣ.

Начало парламента. Бароны потребовали отъ короля присяги на вѣрность хартіи и постарались распространить ее по всей странѣ въ спискахъ, которые были положены на храненіе въ церквахъ и монастыряхъ. Но Іоаннъ рѣшилъ не выполнять хартіи. Папа освободилъ его отъ соблюденія присяги и объявилъ, что договоръ «незаконенъ и позоренъ», а бароны—хуже сарацинъ. Король собралъ наемниковъ, и баронамъ пришлось звать противъ него чужеземную помощь французскаго принца. Хартія также нарушалась много разъ въ теченіе долгаго правленія сына Іоаннова, Генриха III. Не было средствъ, чтобы постоянно слѣдить за управленіемъ и предупреждать произволъ короля и его подчиненныхъ. Когда нарушались условія хартіи, приходилось опять поднимать возстаніе для того, чтобы обезпечить выговоренныя въ ней права. Статья о созывѣ общаго собранія для утвержденія налоговъ вовсе не исполнялась, и даже, когда короля вынуждали на новое утвержденіе хартіи, статью эту вычеркивали.

Между тѣмъ образъ дѣйствія короля вызывалъ во многихъ раздраженіе. Генрихъ такъ же, какъ раньше его отецъ, сталъ подъ защиту римскаго престола и предоставилъ папѣ распоряжаться въ Англіи, какъ въ собственной вотчинѣ. Папскій легатъ почти неотлучно пребывалъ въ Англіи и громилъ противниковъ короля отлученіями. Итальянскимъ прелатамъ раздавали бенефиціи въ Англіи. Ихъ полученія втрое превышали доходы короля. Въ странѣ появлялись римскіе полномочные сборщики десятины на крестовый походъ; обильныя деньги, взимавшіяся ими, папа употреблялъ на борьбу съ императоромъ. Однажды Иннокентій IV, по-

казывая своимъ придворнымъ на золотую кайму въ одеждѣ англійскаго прелата, замѣтилъ: «Эта Англія—просто рай сокровищъ; но кому много дано, съ того и много взыщется». Вмѣстѣ съ тѣмъ Генрихъ открывалъ при своемъ дворѣ просторъ иностранцамъ, особенно изъ южной Франціи, нерѣдко искателямъ добычи и проходимцамъ, раздавалъ имъ должности и доходы. Этимъ была особенно недовольна аристократія, графы и бароны, отстраненные отъ управленія. На *парламентахъ*, т.-е. съѣздахъ королевскихъ вассаловъ, поднимались жалобы и обвиненія.

Положеніе короля сдѣлалось опаснымъ, когда во главѣ недовольныхъ сталъ Симонъ де Монфоръ. Онъ былъ собственно французскій графъ, сынъ побѣдителя альбигойцевъ, одинъ изъ иностранцевъ, поднявшихся на англійской службѣ. Король сначала благоволилъ къ Монфору, выдалъ за него сестру и поручилъ ему управлять англійскими владѣніями въ южной Франціи, но потомъ они поссорились. Подвергнутый опалѣ, Монфоръ не могъ примириться со своей бездѣятельной жизнью. На него, человѣка благочестиваго, произвела сильное впечатлѣніе проповѣдь францисканцевъ о справедливомъ порядкѣ на землѣ; въ перепискѣ и бесѣдахъ съ выдающимися прелатами, онъ составилъ себѣ убѣжденіе, что необходимо преобразовать церковь и государство. Когда король взялся помогать папѣ противъ Штауфеновъ и запутался въ большомъ долгу передъ римской куріей, аристократія собралась на вооруженный съѣздъ въ Оксфордѣ и совершенно ограничила королевскую власть. Этотъ «бѣшеный парламентъ», какъ его прозвали сторонники короля, передалъ все управленіе совѣту немногихъ бароновъ, избранному общимъ собраніемъ; было рѣшено ежегодно смѣнять шерифовъ и правильно собирать парламентъ не менѣе трехъ разъ въ теченіе года.

Но бароны не въ силахъ были замѣнить королевское правленіе своимъ. На шерифовъ, которыхъ они назначали, посыпались тѣ же жалобы, что и раньше. Король повелъ войну противъ аристократіи. Обѣ стороны попытались еще призвать, въ качествѣ посредника, французскаго короля Людовика IX. Но когда Людовикъ осудилъ новый порядокъ, Монфоръ опять взялся за оружіе, захватилъ въ плѣнъ короля вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола и установилъ надъ ними свою опеку.

Всего важнѣе было то, что Монфоръ сталъ искать теперь поддержки у другихъ классовъ. Въ областныхъ собраніяхъ графствъ всего болѣе дѣла лежало на рыцаряхъ, т.-е. среднихъ и мелкихъ помѣщикахъ. Они являлись въ судъ въ качествѣ присяжныхъ, вмѣстѣ съ шерифомъ держали порядокъ въ области, распредѣляли и собирали налогъ. По своему имущественному положенію и интересамъ они расходились съ крупными баронами, но близко стояли къ зажиточнымъ горожанамъ. Монфоръ понялъ, что оба класса, рыцари и горожане, столь важные въ управлені

мѣстномъ, въ графствахъ и городскихъ общинахъ, не могутъ быть устраняемы отъ общаго государственнаго управленія.

Въ январѣ 1265 года онъ созвалъ *великій парламентъ*; здѣсь рядомъ съ прелатами и баронами, приглашенными поименно, сидѣли впервые выборные представители отъ населенія графствъ, по два рыцаря на каждое, и отъ городовъ. Въ первый разъ «общины» (коммуны), т.-е. соединенія людей среднихъ классовъ, были призваны на совѣщаніе королевства, тогда какъ въ предшествующіе парламенты созывались лишь крупные владѣтели. Одинъ изъ сторонниковъ Монфора написалъ латинскую поэму, приглашая короля подчиниться закону. «Пусть,—говоритъ поэтъ,—спрашиваютъ совѣта всей общины, всего народа въ королевствѣ: онъ лучше всего знаетъ собственные законы и не такъ невѣжественъ, чтобы учиться у чужихъ, чтобы у нихъ узнавать обычаи, которые передали ему предки».

Монфоръ удержался недолго. Сынъ короля, Эдуардъ, выскользнулъ изъ плѣна и въ свою очередь разбилъ Монфора, который погибъ въ сраженіи; сторонники его были объявлены мятежниками. Всѣ уступки были взяты назадъ. Но въ памяти народа Монфоръ остался святымъ человѣкомъ, и дѣло, начатое имъ, не исчезло. Парламентъ 1265 года послужилъ образцомъ для послѣдующихъ собраній. Такъ же, какъ Монфоръ искалъ противъ короля поддержки у рыцарей и горожанъ, и король сталъ искать поддержки въ тѣхъ же классахъ противъ аристократіи.

Утвержденіе парламента. Устройство налоговъ. Побѣдитель Монфора, Эдуардъ I, по энергіи и характеру былъ похожъ на Генриха II. Онъ велъ нѣсколько крупныхъ войнъ: подчинилъ западный край острова, Уэльсъ, гдѣ держались независимые до тѣхъ поръ бритты, завоевалъ Шотландію и напалъ на Францію. Большія внѣшнія предпріятія заставляли его обращаться къ парламенту.

Для того, чтобы нанимать отряды и платить имъ жалованье, королю не хватало уже старинныхъ «щитовыхъ денегъ» и «подмогъ», которыя собирались съ вассаловъ. Надо было привлекать ко взносамъ другіе классы свободныхъ людей, особенно горожанъ, доходы которыхъ сильно возрасли благодаря торговлѣ. Прежде налогъ взимали только съ земельныхъ имуществъ (недвижимости). У горожанъ главныя богатства были товары, домашняя обстановка, драгоцѣнности (движимость). Налогъ на эти предметы могъ принести много денегъ правительству. Опредѣлить налогъ можно было двояко: или, оцѣнивая доходы отдѣльныхъ лицъ, взимали прямо съ состоятельныхъ людей (*прямой* налогъ); или правительство брало въ свою пользу часть стоимости товаровъ, находившихся въ складахъ и портахъ; вслѣдствіе этого продавцы должны были увеличивать цѣны на товары, чтобы возвращать свою выгоду; покупатели,

уплачивая болѣе высокія цѣны, отдавали такимъ способомъ налогъ казнѣ, но не прямо, а черезъ посредство купцовъ (*косвенный* налогъ).

При назначеніи тѣхъ и другихъ налоговъ было трудно обойтись, не спрашивая плательщиковъ. Купцы, напр., постоянно жаловались на то, что у нихъ забираютъ въ пользу казны товары слишкомъ неожиданно или слишкомъ часто. Власти встрѣчали сопротивленіе, часто бывала утайка товаровъ, иногда доходило до большихъ волненій. Люди, облагаемые налогомъ, крайне интересовались и назначеніемъ размѣра налога, и сроками его взиманія, и тѣмъ, чтобы онъ былъ равномѣрно распредѣленъ; они требовали себѣ участія въ обсужденіи этихъ вопросовъ, и вслѣдствіе того было неизбѣжно приглашать ихъ въ парламентъ. Это и понималъ хорошо Эдуардъ I.

Въ 1295 году, тридцать лѣтъ спустя послѣ великаго парламента Симона де-Монфора, король созвалъ въ Вестминстерскомъ дворцѣ въ Лондонѣ такое же большое собраніе изъ бароновъ и прелатовъ вмѣстѣ съ выборными представителями отъ графствъ и городовъ. Съ этихъ поръ такой составъ парламента стали считать правильнымъ. Въ пригласительной грамотѣ король, словами Юстиніанова закона, самъ указывалъ на важное значеніе парламента: «справедливѣйшій законъ, установленный предусмотрительностью священныхъ государей,—говорилъ онъ,—предписываетъ, чтобы то, что всѣхъ касается, всѣми и обсуждалось; ясно отсюда, что общую опасность надо устранять мѣрами, принятыми сообща».

Черезъ два года послѣ этого за парламентомъ было окончательно признано великое право, провозглашенное еще въ Великой хартіи. Для войны съ Франціей Эдуардъ I требовалъ большихъ суммъ. У духовенства онъ хотѣлъ взять половину его доходовъ. Но папа Бонифацій VIII какъ разъ въ это время запретилъ духовенству платить какіе-либо взносы въ пользу свѣтской власти. Раздраженный король велѣлъ отобрать имущество перваго архіепископа Англіи и объявилъ опалу всему духовенству. Но вслѣдъ за прелатами и крупные сеньёры, обязанные ленной службой, отказались помогать королю и вооружились для сопротивленія. Когда же Эдуардъ потребовалъ общаго ополченія, доставки припасовъ со всѣхъ графствъ и задержалъ всю шерсть, свезенную въ портовые города, поднялись и горожане.

Было похоже на возстаніе 1215 года, за 82 года передъ тѣмъ. Но Эдуардъ I былъ не похожъ на Іоанна. Онъ не довелъ дѣла до оружія и самъ пошелъ на соглашеніе съ *сословіями* (т.-е. разрядами населенія, заявлявшими свои права въ государствѣ). Общій парламентъ обѣщалъ ему подати при условіи, если король подтвердитъ всѣ прежнія вольности. Хартія была вновь утверждена и въ ней возстановили вычеркнутую раньше статью о томъ, что налогъ можно взимать не иначе, какъ съ

согласія общаго собранія королевства. Было рѣшено, чтобы разъ въ годъ хартія читалась народу, и на голову ея противниковъ призывалось проклятіе. Эдуардъ I сдержалъ слово и никогда уже больше не нарушалъ принятаго условія.

Это были важныя измѣненія. Со времени короля Эдуарда въ Англіи установились *правильные налоги*, изъ году въ годъ взимаемые на большія нужды государства. Вмѣстѣ съ ними началось и правильное участіе парламента въ управленіи государствомъ.

Самоуправленіе. Парламентъ возникъ изъ феодальныхъ съѣздовъ времени нормандскихъ королей. Великая перемѣна, которая произошла за время отъ Генриха II до Эдуарда I, состояла сначала въ томъ, что король вынужденъ былъ допустить вассаловъ, собиравшихся па съѣзды, къ участію въ дѣлахъ управленія; далѣе въ томъ, что расширился самый составъ этихъ собраній; въ концѣ XIII в. они уже показывали желанія и потребности различныхъ классовъ населенія.

Большія общія собранія королевства соотвѣтствовали обычаямъ и понятіямъ англійскаго народа. Все то, что касалось интересовъ мѣстнаго населенія графствъ, рѣшалось на совѣтахъ, въ которые собирались люди всѣхъ классовъ, сеньёры, прелаты, выборные представители отъ мелкихъ помѣщиковъ, отъ горожанъ и даже отъ крестьянъ. Королевскій чиновникъ, шерифъ, держалъ порядокъ въ уѣздѣ при постоянномъ содѣйствіи выборныхъ людей. Эта обязанность скоро совсѣмъ перешла на лицо, выбираемое мѣстнымъ населеніемъ, на *мирового судью*. Само населеніе графства черезъ довѣренныхъ людей раскладывало въ своей средѣ налогъ и собирало его. Казна должна была договариваться съ отдѣльными графствами, и бывали случаи отказа съ ихъ стороны. Наконецъ, совѣтъ графства имѣлъ право обращаться къ королю съ прошеніями и жалобами. Такимъ образомъ каждое графство представляло самостоятельное общество, имѣло *самоуправленіе*. Ежемѣсячныя собранія его совѣта были какъ бы малыми парламентами. Такое же самоуправленіе имѣли города.

Въ большой парламентъ всего королевства сходились выборные отъ графствъ и городовъ, т.-е. отъ самостоятельныхъ мѣстныхъ обществъ. Привычныя имъ начала самоуправленія они переносили на веденіе общихъ государственныхъ дѣлъ.

XIV вѣкъ. Англійская нація. Война Эдуарда I съ Франціей болѣе всего вызвана была торговыми интересами, и вообще этотъ король сильно двинулъ впередъ англійскую промышленность. Эдуардъ старался пріобрѣсти гавани на противоположномъ берегу материка и открыть прямой доступъ въ промышленную Фландрію, составлявшую вассальное княжество Франціи. Англія сбывала въ суконныя мастерскія Фландріи свою

шерсть; англичанамъ было важно держать въ своихъ рукахъ перевозъ товара черезъ проливъ и имѣть на той сторонѣ его склады. Съ этою цѣлью была устроена особая компанія торговцевъ «складочниковъ» (staplers). Они вывозили изъ Англіи шерсть и кожи; обратно они стали ввозить въ Англію хлѣбъ изъ балтійскихъ странъ. Въ предшествующіе вѣка Англія была почти исключительно земледѣльческой страной; подвозъ товаровъ съ моря былъ въ чужихъ рукахъ. Теперь начинается мореходство англичанъ. Короли принимаютъ мѣры для охраны англійскихъ купцовъ и ведутъ войны для того, чтобы расширить торговыя сношенія.

При внукѣ Эдуарда I, Эдуардѣ III, заморскія предпріятія, начатыя съ торговыми цѣлями, обратились въ продолжительную войну съ Франціей, такъ наз. *Столѣтнюю*.

Эдуардъ III, по своимъ вкусамъ подвижной рыцарь и расточительный сеньёръ, заявилъ притязаніе на французскую корону и нѣсколько разъ вступалъ съ войскомъ въ сѣверную Францію. Его наемные отряды, набранные большею частью изъ йоменовъ, т.-е. мелкихъ землевладѣльцевъ и крестьянъ или изъ иностранцевъ, южныхъ французовъ и ирландцевъ, были хорошо обучены стройнымъ движеніямъ и согласному бою; пѣшіе англійскіе стрѣлки (оружіемъ ихъ былъ большой арбалетъ, лукъ-самострѣлъ) одерживали побѣды надъ неповоротливой французской рыцарской кавалеріей. Одно время Эдуардъ III владѣлъ почти всѣми землями западной Франціи, которыя были раньше въ рукахъ Генриха II. Онъ захватилъ также важный для англійской складочной торговли *Калэ*— на самомъ узкомъ мѣстѣ пролива противъ англійскаго берега. Но владѣнія на материкѣ были непрочны. Англійскій король не могъ держать въ завоеванной странѣ постоянныхъ гарнизоновъ. За недостаткомъ средствъ случалось бросать удачно начавшійся походъ, распускать войско, которое обращалось тогда въ разбойничьи шайки. Къ концу долгаго правленія Эдуарда III почти всѣ завоеванія во Франціи, кромѣ Калэ и Бордо, были опять потеряны.

Когда нужны были сразу большія суммы, король занималъ у итальянскихъ, особенно у флорентійскихъ банкировъ; онъ находился у нихъ въ неоплатномъ долгу. Постоянная нужда въ деньгахъ заставляла также непрерывно обращаться къ парламенту. Созывъ парламента сдѣлался при Эдуардѣ III правильнымъ дѣломъ. Въ теченіе 50 лѣтъ его правленія парламентъ созывался 70 разъ.

Парламентъ сталъ входить во всѣ важнѣйшія дѣла управленія. Въ устройствѣ его установился къ этому времени отчетливый порядокъ. Ясно обозначились два отдѣленія парламента, двѣ *палаты*. Въ первой, *верхней*, прелаты, крупные сеньёры и бароны *(лорды)* призывались личнымъ приглашеніемъ короля, чтобы «рѣшать государственныя дѣла и давать королю совѣты». Вошло въ обычай звать всякій разъ однихъ

и тѣхъ же лордовъ, а послѣ ихъ смерти переносить приглашеніе на ихъ сыновей; такимъ образомъ званіе лорда Верхней палаты стало наслѣдственнымъ. Во вторую, *нижнюю*, или палату *общинъ*, вызывались выборные отъ графствъ и городовъ, чтобы «соглашаться и выполнять». Но въ дѣйствительности ихъ значеніе было гораздо больше. Общины выражали свои желанія въ видѣ почтительныхъ прошеній *(петицій)*; однако онѣ соглашались соизволить подати только въ томъ случаѣ, когда получали удовлетворительный отвѣтъ на свои жалобы, касавшіяся различныхъ сторонъ внутренняго управленія. Король и его совѣтъ вынуждены были прислушиваться къ желаніямъ парламента и обращать его петиціи въ постановленія закона *(статуты)*.

Такое обсужденіе въ парламентѣ приводило къ провѣркѣ *(контролю)* управленія королевскихъ совѣтниковъ. Въ случаѣ недовольства, если можно было доказать злоупотребленія, парламентъ требовалъ королевскихъ совѣтниковъ къ своему суду. Обвиняла Нижняя палата, приговоръ произносила Верхняя. Въ послѣдній годъ правленія Эдуарда III два главные совѣтника короля были осуждены парламентомъ и смѣщены со своихъ должностей.

Въ англійскомъ государственномъ порядкѣ XIV в. выражалось объединеніе различныхъ частей населенія Англіи въ *націю*. Объединеніе началось во время совмѣстной борьбы классовъ, бароновъ, рыцарей и горожанъ, противъ королевской власти; оно продолжалось при посредствѣ парламентовъ, въ которыхъ сходились вмѣстѣ представители этихъ классовъ. Единство англійской націи видно было особенно въ томъ, что въ XIV в. въ странѣ установился одинъ *общій языкъ*. Со времени норманскаго завоеванія при дворѣ и въ военномъ классѣ господствовалъ французскій языкъ, и лишь низшіе классы сохранили прежній германскій англосаксонскій говоръ. Теперь старый народный языкъ, добавленный иностранными романскими словами, снова вошелъ въ силу въ обществѣ, въ литературѣ и въ государственныхъ дѣлахъ.

Эдуардъ III въ концѣ своего правленія обращался къ парламенту съ рѣчами на англійскомъ языкѣ. Въ судѣ была также предписана англійская рѣчь. Во второй половинѣ XIV в. жилъ и первый замѣчательный англійскій писатель, Чосеръ. Его «Кентерберійскіе разсказы» не похожи на рыцарскую литературу, на легенды и поучительныя произведенія предшествующаго времени. Это—бытовыя картины и повѣсти въ новомъ вкусѣ. Разсказы, короткіе, занимательные и остроумные, вложены въ уста различныхъ богомольцевъ, собирающихся въ главной святынѣ Англіи, Кентербери; богомольцы эти—люди всѣхъ классовъ и состояній, начиная отъ всесовершеннаго и изящнѣйшаго кавалера, здоровеннаго монаха-любителя охоты, разгульнаго клирика, бѣднаго проповѣдника

Христовой любви и застѣнчиваго, увлеченнаго книгами студента—до ремесленника и мужика, подавленныхъ тяжелой и неблагодарной работой; цѣлый рядъ характеровъ со своеобразной манерой и говоромъ, въ изображенiи, согрѣтомъ мягкой симпатiей къ нимъ автора.

Освобожденiе крестьянъ. Въ то время какъ высшiе и среднiе классы въ Англiи устанавливали парламентскiй порядокъ, низшiе переживали весьма трудное положенiе. Къ XIV в. въ Англiи совершился крупный переворотъ въ состоянiи крестьянъ. Крѣпостныя отношенiя въ Англiи не отличались особой суровостью; повинности англiйскихъ вилланов были точно опредѣлены, они могли защищаться отъ произвола помѣщика, обращаясь въ судъ. Притомъ въ Англiи осталось болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, свободныхъ крестьянъ. Оттого освобожденiе крестьянъ въ Англiи произошло скорѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Это освобожденiе началось такъ же, какъ и въ другихъ странахъ, вслѣдствiе перехода отъ натуральныхъ повинностей къ денежнымъ.

Многiе владѣльцы начали съ XIII в. жить въ городахъ, при королевскомъ дворѣ, участвовали въ походахъ или прiѣзжали на парламенты; получать изъ своего хозяйства продукты имъ было бы неудобно; разные товары, подвозимые съ моря, они должны были покупать на деньги. Поэтому во многихъ помѣстьяхъ владѣльцы стали продавать произведенiя своего хозяйства на рынкахъ: хлѣбъ — въ городахъ, а шерсть большею частью за границу. Чтобы имѣть въ распоряженiи деньги, имъ было также выгоднѣе переводить своихъ вилланов съ барщины на *денежные оброки*. Рабочiй день высчитывался въ извѣстную сумму, въ пенни (2—3 копейки) или полпенни; эта плата помножалась на число рабочихъ дней въ году, и получалась точно опредѣленная годовая сумма. Помѣщикъ соглашался на такую перемѣну еще и потому, что крѣпостная работа была, по большей части, плоха, и господскiе приказчики часто жаловались на нерадивость крѣпостныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и взносы натурой, которые дѣлали крестьяне, все болѣе переводились на денежную плату. Раньше всего стали дѣлать это на земляхъ королевскихъ и церковныхъ, а потомъ и у другихъ помѣщиковъ.

Крестьянамъ была также выгодна эта перемѣна. Прекращался надзоръ за ихъ работой съ господскаго двора. Имъ не нужно было болѣе отрываться отъ своихъ полей, и они могли какъ угодно распоряжаться своимъ временемъ. Вилланы становились тѣмъ, чѣмъ уже были свободные пользователи земли за цензъ: они обращались въ арендаторовъ. По большей части они заключали съ господиномъ, владѣльцемъ земли, письменное условiе (копи, отсюда ихъ названiе *копигольдеры*), по которому земля отдавалась пользователю на срокъ его жизни, или на срокъ двухъ, трехъ жизней—того, кто уговаривался, его сына и внука. Владѣ-

лецъ получалъ порядочную сумму при отдачѣ земли и небольшіе ежегодные взносы. По прошествіи срока владѣлецъ могъ отдать участокъ новому лицу или оставить за прежнимъ пользователемъ, но при этомъ опять платилась вступная цѣна.

Съ переходомъ на денежный взносъ крестьянамъ открывались и другіе пути. Крестьянинъ могъ большимъ взносомъ совсѣмъ откупиться отъ своихъ повинностей или выкупить у помѣщика ту землю, на которой онъ сидѣлъ. Тогда онъ становился *свободнымъ собственникомъ* этой земли. Или же крестьянинъ могъ уговориться съ помѣщикомъ на короткій срокъ, послѣ котораго обѣ стороны были свободны разойтись или вновь уговориться; тогда онъ становился *срочнымъ арендаторомъ*. Во всякомъ случаѣ крестьянинъ получалъ *свободу передвиженія*, т.-е. право передавать свой участокъ другому пользователю и избирать себѣ новое занятіе.

Все это дѣлалось не сразу. Сначала освобождали отдѣльныхъ людей, потомъ стали освобождать цѣлыя деревни. Въ иныхъ мѣстахъ повинности крестьянъ отмѣнялись совсѣмъ, въ другихъ оставались только частью.

Когда исчезла крѣпостная работа, измѣнилось и господское хозяйство. Прежде помѣщикъ имѣлъ въ сосѣдней деревнѣ обязанныхъ рабочихъ: помимо крестьянъ, приходившихъ на еженедѣльныя работы и на помочи въ горячее время года, когда ихъ кормили на господскомъ дворѣ, онъ еще требовалъ къ себѣ въ усадьбу и въ домъ женщинъ и дѣтей крѣпостныхъ: они составляли его прислугу, работали въ огородѣ, въ дѣвичьей, въ мастерскихъ, на конюшнѣ и т. п. Съ освобожденіемъ крѣпостныхъ помѣщики потеряли этихъ подневольныхъ рабочихъ. Для различныхъ занятій въ своемъ хозяйствѣ имъ надо было нанимать батраковъ и слугъ. На работу къ нимъ нанимались частью тѣ же освободившіеся крестьяне, особенно малоземельные, которымъ не хватало достатка съ собственныхъ участковъ. Помимо того появились перехожіе люди, вовсе лишенные земли и жившіе исключительно наемной работой.

Отношенія этихъ рабочихъ къ владѣльцамъ были иныя, чѣмъ въ крѣпостное время. Рабочіе были свободные люди; если условія не нравились имъ, они могли не принять работы или уйти отъ дѣла, или требовать себѣ болѣе высокой платы. Въ деревнѣ образовались новые классы, свободныхъ арендаторовъ и свободныхъ рабочихъ, и новые порядки — *вольнаго найма рабочихъ*. Интересы этихъ классовъ могли очень разойтись съ интересами помѣщиковъ, могла подняться вражда между тѣми и другими. Въ половинѣ XIV в. между господами и сельскими рабочими возникло сильное столкновеніе.

Волненія рабочихъ и крестьянъ. По всей Европѣ прошла страшная чума, которую современники назвали черной смертью. Около года она

свирѣпствовала въ Англіи и унесла огромное число людей, можетъ быть, половину всего народа. Въ теченіе полутора вѣка потомъ Англія не могла вернуть прежняго населенія. Обширныя пространства земли обратились въ пустыри; число рабочихъ очень уменьшилось, а между тѣмъ они были теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, нужны господамъ, такъ какъ за смертью множества крестьянъ не было никакого дохода отъ аренды, и господамъ приходилось брать крестьянскіе участки опять въ собственное хозяйство. Сознавая это, рабочіе соглашались идти къ помѣщикамъ только за высокую плату, вдвое по крайней мѣрѣ дороже прежняго. Теперь очень жалѣли тѣ помѣщики, у которыхъ рабочіе дни были не задолго до того переведены за деньги; за всякій рабочій день, высчитанный въ полпенни, они должны были платить батраку два или три пенса. Многіе оставались вовсе безъ рабочихъ.

Въ парламентъ посыпались отъ помѣщиковъ жалобы на своеволіе рабочихъ. Въ обѣихъ палатахъ не было вовсе представителей отъ крестьянъ. Напротивъ, сеньёры и рыцари, сходясь вмѣстѣ въ парламентѣ, могли сговориться, чтобы принять общія мѣры противъ рабочихъ; владѣльческій классъ имѣлъ средства, чтобы издавать односторонніе и несправедливые приговоры въ парламентѣ. За него стоялъ и король со своимъ совѣтомъ: правительство было обезпокоено тѣмъ, что въ странѣ бродили незанятые люди; со времени войны съ Франціей, къ рабочимъ присоединились еще бывшіе наемники, терявшіе хлѣбъ, когда ихъ отряды распускались. Вслѣдствіе этого король Эдуардъ III издалъ въ согласіи съ желаніемъ парламента очень суровый *уставъ о рабочихъ* (1349 г.). Уставъ строго воспрещалъ отказываться отъ предлагаемой работы и устанавливалъ плату, равную той, какую давали до чумы, т.-е. очень низкую для наступившихъ временъ. Собственникъ получалъ право брать насильно на работу всякаго человѣка, не занятаго въ ремеслѣ или торговлѣ и не имѣющаго земли или своего дѣла. Мѣстная полиція должна помогать помѣщикамъ. Рабочаго, который бы сталъ противиться или ушелъ бы съ поля, шерифъ долженъ былъ сажать подъ стражу. Особенно строго были воспрещены всякіе союзы между рабочими, заключаемые съ цѣлью взаимно помогать другъ другу и добиваться возвышенія платы.

Помѣщики собирались какъ будто опять закрѣпостить рабочихъ. На уставѣ 1349 года дѣло не остановилось. За однимъ закономъ, за одной угрозой слѣдовали другіе. Чтобы дать помѣщикамъ рабочихъ во что бы то ни стало, было рѣшено требовать у городскихъ мастеровъ отпуска ихъ подмастерьевъ и учениковъ на лѣтнее время въ деревню. Для нарушителей устава придумывали новыя наказанія. За попытку побѣга назначали долгую тюрьму, и, кромѣ того, бѣглецъ долженъ былъ по-

лучить на лбу клеймо отъ раскаленнаго желѣза, съ изображеніемъ буквы F (отъ falsity—измѣна).

Но никакія строгости не достигали цѣли. Сами помѣщики, чтобы не лишиться вовсе рабочихъ, перебивали ихъ другъ у друга за высокую плату. Между тѣмъ въ сельскомъ населеніи росло раздраженіе. Въ то время, какъ среди помѣщиковъ поговаривали о возстановленіи старыхъ крѣпостныхъ повинностей, крестьяне видѣли въ самихъ законахъ о рабочихъ остатокъ рабства и хотѣли уничтожить его. Малоземельные жадно ловили толки о томъ, что земля должна принадлежать всѣмъ людямъ, такъ какъ люди всѣ равны между собою отъ рожденія. Среди простого народа ходили горячія воззванія. Особенно любили читать стихъ о «Снѣ Петра-пахаря», въ которомъ прославлялся крестьянскій трудъ, а земледѣльцу, за его святое дѣло, былъ обѣщанъ рай на землѣ. Въ деревняхъ слышались проповѣди на тему народной поговорки: «когда Адамъ пахалъ, а Ева пряла, не было дворянъ!»

Проповѣдниками нерѣдко выступали нищенствующіе монахи и простые священники. Низшее духовенство было по большей части на сторонѣ крестьянъ, особенно *викаріи*, т.-е. тѣ клирики, которыхъ нанимали прелаты и владѣтели бенефицій, уклоняясь отъ своихъ обязанностей. Викаріи за ничтожную плату совершали службы и требы, бѣдствовали одинаково съ простонародьемъ и были близки къ нему. Эту бѣдность возвели теперь въ высокій завѣтъ; оксфордскій профессоръ Уиклифъ, выступавшій противъ богатой и развращенной римской церкви, разсылалъ всюду своихъ учениковъ, и студенты-проповѣдники шли съ вѣрою, что они, въ качествѣ «бѣдныхъ священниковъ», призваны обновить міръ.

Возстаніе Уота Тайлера. Черезъ 30 лѣтъ послѣ Черной смерти, при внукѣ Эдуарда III, Ричардѣ II, произошло большое народное возстаніе. Оно вспыхнуло послѣ того, какъ къ тягостямъ вилланов прибавился непосильный налогъ—поголовная подать, назначенная для того, чтобы покрыть траты въ войнѣ съ Франціей. Недовольство въ народѣ возрасло еще больше вслѣдствіе способа, какимъ стали взыскивать недоимки. Нѣсколько придворныхъ откупили у короля сборъ этихъ денегъ, внесли впередъ нужную сумму въ казну и отправились съ вооруженными людьми по областямъ выколачивать недоимки. Тогда лѣтомъ 1381 г. стали собираться въ юго-восточной Англіи большія вооруженныя массы народа; сборщики были перебиты, и ихъ головы воткнуты на копья; высланные королемъ для разбора дѣла судьи должны были бѣжать. Возставшіе разсылали грамоты къ жителямъ другихъ областей, предлагая вмѣстѣ «добыть свободу и измѣнить худые обычаи королевства». Всюду поднимались недовольные: къ крестьянамъ присоединялись низшіе классы горожанъ. Мятежники расправлялись съ ненавистными должностными лицами

или прогоняли ихъ; особенно преслѣдовали законовѣдовъ, въ которыхъ видѣли главныхъ пособниковъ класса помѣщиковъ; крестьяне вторгались въ замки, уничтожали дорогую обстановку и разрывали грамоты, въ которыхъ записаны были несправедливыя повинности.

Главныя массы подъ начальствомъ Уота Тайлера подступили къ Лондону. Недалеко отъ столицы на высокомъ мѣстѣ они прослушали проповѣдь священника Джона Болла, проклятаго во всѣхъ церквахъ Англіи и только что освобожденнаго народомъ изъ тюрьмы. Боллъ говорилъ, что всѣ люди были сначала равны, но нечестивцы стали угнетать своихъ ближнихъ, и такъ явилось рабство, противное волѣ Божьей. Пришелъ часъ сбросить многовѣковое иго. Надо стереть съ лица земли важныхъ господъ, судей и всѣхъ, кто можетъ быть вреденъ простому человѣку. Только тогда будутъ миръ и безопасность, когда у всѣхъ будетъ равная свобода, равная знатность и равная власть. Возставшіе крестьяне вошли со знаменами въ Лондонъ, и многіе жители столицы присоединились къ нимъ; въ замкѣ Тоуэръ были схвачены и перебиты королевскіе совѣтники, между ними первый архіепископъ Англіи. Король въ страхѣ обѣщалъ исполнить всѣ требованія возставшихъ: уничтожить всѣ виды зависимости и рабства, чтобы не было больше ни одного виллана въ Англіи, дать всѣмъ право свободно продавать и покупать, уменьшить взносы крестьянъ, платимые за землю, и отставить дурныхъ своихъ совѣтниковъ. Послѣ этого большая часть крестьянъ разошлась по домамъ. Остались менѣе довѣрчивые и болѣе требовательные съ Уотомъ Тайлеромъ во главѣ.

Между тѣмъ король сталъ отовсюду собирать рыцарей, чтобы подавить мятежъ. Съ возставшими обошлись измѣннически. Король выѣхалъ къ нимъ на свиданіе у воротъ города. Когда Уотъ Тайлеръ началъ излагать новыя желанія народа о томъ, чтобы лѣса и рѣки стали общимъ достояніемъ, лондонскій городской голова внезапнымъ ударомъ поразилъ его на смерть. Толпа бросилась было мстить за убитаго вождя, но король вдругъ крикнулъ: «я вашъ предводитель, слѣдуйте за мной, и вы получите все, что вамъ нужно». Однако это былъ обманъ. Рыцари, растерявшіеся въ началѣ возстанія, собрались вокругъ короля большими массами и помогли ему разогнать и перебить мятежныя ополченія. Король нарушилъ свои обѣщанія. По графствамъ были отправлены судьи въ сопровожденіи отряда всадниковъ, съ приказомъ всюду разорвать выданныя народу грамоты. Созванный королемъ парламентъ подтвердилъ, что всѣ выданныя вилланамъ вольности вредны для лордовъ и общинъ и гибельны для государства; поэтому они совершенно неправильны и уничтожаются. «Богъ да сохранитъ насъ подписать такую грамоту даже, если бы намъ грозила неминуемая смерть; лучше намъ потерять жизнь, чѣмъ наши наслѣдства».

Возстаніе не достигло цѣли; но и помѣщикамъ, несмотря на ихъ рѣшимость, не удалось вернуть крестьянъ къ прежнему положенію. Въ XV в. старыя повинности крестьянъ вышли всюду изъ обычая. Наемныхъ рабочихъ не могли сдѣлать классомъ обязанныхъ людей. Освобожденіе крестьянъ въ Англіи почти закончилось; осталось лишь немного крѣпостныхъ вилланов. Но освобожденіе не было выгодно для благосостоянія большей части крестьянъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе они лишались владѣнія землею, и поля переходили въ руки крупныхъ владѣтелей.

Перемѣны хозяйства въ XV в. Причина этого заключалась въ большой перемѣнѣ всего хозяйства въ Англіи. Чѣмъ больше расширялась англійская торговля, тѣмъ менѣе вырабатывали въ странѣ зерна, тѣмъ меньше занимались земледѣліемъ. Напротивъ, все болѣе становилось выгоднымъ разводить скотъ, особенно овецъ: шерсть сбывали въ большомъ количествѣ за границу, а также она шла все большими массами на приготовленіе матерій въ самихъ англійскихъ городахъ. Скотоводство требуетъ гораздо большаго пространства земли, чѣмъ земледѣліе, и гораздо меньше рабочихъ. Для крупныхъ владѣльцевъ вся выгода была въ томъ, чтобы перейти къ этому виду хозяйства: они легко могли воспользоваться широкою площадью земли, а число рабочихъ, составлявшихъ главный расходъ, они, напротивъ, охотно готовы были сократить. Уже это было невыгодно для мелкаго люда, для малоземельныхъ, находившихъ раньше работу въ помѣщичьемъ хозяйствѣ. Но были и другія неудобства для крестьянъ.

Издавна владѣнія помѣщика и крестьянъ составляли одну общину и лежали небольшими полосами вперемежку. Когда жатва была собрана, снимали изгороди, раздѣлявшія полосы отдѣльныхъ владѣльцевъ, вся земля поступала въ общее пользованіе, и на общій выгонъ посылали скотъ со всѣхъ владѣній. Теперь крупному стадовладѣльцу, особенно если онъ хлопоталъ о разведеніи лучшей породы скота, важно было выдѣлить и *отгородить* совсѣмъ свое владѣніе. Ради этого помѣщикъ выдѣлялъ себѣ часть изъ общихъ угодій, лѣса, пустошей, и старался обмѣнять свои черезполосные участки такимъ образомъ, чтобы сложить себѣ сплошное округленное имѣніе. Загораживая имѣніе кругомъ, онъ отнималъ землю свою изъ общаго пользованія и стѣснялъ этимъ другихъ мелкихъ владѣльцевъ старинной общины: прежній общій земельный запасъ не могъ имъ больше служить на пользу. Это разоряло многихъ мелкихъ владѣльцевъ, они бросали землю, продавали ее большимъ помѣщикамъ и уходили въ города на занятіе ремесломъ и торговлей.

Тамъ, гдѣ лордъ не хотѣлъ самъ хозяйничать и сдавалъ землю арендаторамъ, онъ тоже поступалъ часто къ невыгодѣ небогатыхъ пользователей: именно, вмѣсто того, чтобы уговариваться со многими мелкими

арендаторами, которымъ пришлось бы помогать сѣменами, орудіями и т. п., лордъ сдавалъ все имѣніе одному богатому откупщику, принимавшемуся за дѣло съ собственнымъ капиталомъ. И это опять вело къ тому, что множество крестьянъ, снимавшихъ землю у помѣщиковъ, должно было покидать старинное мѣстожительство и уходить на посторонніе заработки. Одинъ писатель середины XV в. жалуется, что крестьянскіе дворы разрушены, деревни обезлюдѣли, земледѣліе упало, поля обратились въ пастбища. Онъ приводитъ въ примѣръ свою родину, находившуюся въ серединѣ Англіи: въ иныхъ мѣстахъ число крестьянскихъ дворовъ уменьшилось вчетверо или еще: гдѣ было 21 дворъ, остался 1, гдѣ было 12, не осталось ни одного. На мѣстѣ снесенныхъ дворовъ стояли одинокія помѣщичьи усадьбы. Такимъ образомъ освобожденіе крестьянъ въ Англіи для многихъ было связано съ *обезземеленіемъ*.

Многіе средніе владѣльцы, рыцари, также не могли поспѣть за перемѣной хозяйства. Кто изъ нихъ не въ силахъ былъ справиться съ своимъ имѣніемъ при новыхъ порядкахъ, искалъ постороннихъ занятій, наемной службы въ военныхъ предпріятіяхъ, въ управленіи у короля или у крупныхъ сеньёровъ. У лордовъ образовались изъ бѣдныхъ рыцарей большія свиты такъ называемыхъ «ливрейныхъ людей», которыхъ они кормили въ своихъ замкахъ и одѣвали въ свои гербовые цвѣта. Въ первой половинѣ XV в. эти многочисленные незанятые люди были отвлечены новыми походами англійскихъ королей во Францію. Во второй половинѣ вѣка, когда англичанъ совершенно вытѣснили съ материка, эти массы военныхъ людей бросились въ междоусобную войну.

Война Красной и Бѣлой Розы. Междоусобіе вызвано было споромъ двухъ линій въ правящемъ домѣ Плантагенетовъ. Ричарда II свергъ его родственникъ, герцогъ Ланкастерскій, одинъ изъ крупнѣйшихъ владѣльцевъ Англіи. Парламентъ призналъ короля низложеннымъ и передалъ корону побѣдителю. Это поставило новаго короля, Генриха IV, въ зависимое положеніе отъ парламента. Палаты громко поднимали голосъ противъ королевскихъ совѣтниковъ, заставляли короля мѣнять составъ своего совѣта, недовѣрчиво провѣряли всѣ расходы. Генрихъ IV долженъ былъ также угождать духовенству и ради этого преслѣдовать отступниковъ отъ церкви, особенно многочисленныхъ «бѣдныхъ священниковъ», и ихъ послѣдователей, называвшихся *лоллардами*. Его сынъ Генрихъ V, возобновилъ походы во Францію и въ короткое время завоевалъ половину ея съ Парижемъ. Но при неспособномъ третьемъ королѣ Ланкастерской династіи, Генрихѣ VI, эти владѣнія были потеряны.

Въ Англіи выступили съ притязаніями на корону герцоги Іоркскіе (бѣлая роза въ гербѣ), такъ же, какъ Ланкастеры, потомки Эдуарда III. Между Іорками и Ланкастерами (красная роза) раздѣлилась аристократія.

Большіе сеньёры, окруженные свитами, владѣя укрѣпленными замками, распоряжались въ странѣ: въ судахъ они назначали присяжныхъ, въ парламентъ они посылали своихъ людей, чиновники въ областяхъ отъ нихъ зависѣли. Какъ будто вернулись старыя феодальныя времена. Одинъ изъ сеньёровъ, Уорикъ, располагалъ 63 замками, кормилъ въ нихъ нѣсколько тысячъ человѣкъ и изъ одной своей прислуги могъ составить отрядъ въ 600 человѣкъ. Уорикъ распоряжался короной и по очереди «дѣлалъ короля» изъ той и другой династіи. Въ теченіе 30 лѣтъ колебалась борьба. Сначала одолѣли Іорки, потомъ и они потеряли корону. Въ войнѣ и на плахѣ погибли всѣ представители обѣихъ династій, и взаимно истребили другъ друга представители аристократическихъ родовъ. Въ 1485 году корона досталась отдаленному родственнику Ланкастеровъ, Генриху VII *Тюдору*.

Англія въ концѣ XV вѣка. Во время смутъ внѣшнее могущество Англіи упало; на ея счетъ поднялась ея старая соперница, Франція. Большое разореніе прошло по странѣ. Въ долгихъ междоусобіяхъ одичали нравы. Къ 1500 году Англія уже не стоитъ впереди другихъ государствъ Европы по своему богатству и управленію.

Но характеръ хозяйства въ Англіи мало измѣнился за это время. Все болѣе сокращалось въ странѣ земледѣліе и развивались скотоводство, индустрія и мореходство. Вывозъ Англіи возрасталъ и расширялся. Рядомъ съ торговцами «складочниками» появилась новая компанія «купцовъ-искателей», которые пролагали англійскимъ товарамъ новые коммерческіе пути на материкѣ. Въ средѣ промышленныхъ людей стала устанавливаться мысль, что Англія—всемірный поставщикъ: чужестранные купцы должны къ ней обращаться за предметами первой необходимости, шерстью и сукномъ; англичане должны стараться продавать свои товары возможно дороже; нужно также ограничить вывозъ шерсти, чтобы оставить лучшій матеріалъ для домашней разработки. Англія должна заботиться о своихъ корабляхъ, тогда она будетъ покойна за бурнымъ проливомъ, отдѣлившимъ ее отъ материка. «Самъ Богъ восхотѣлъ», такъ говорится въ одномъ наставленіи для промышленниковъ, «чтобы англичане пользовались господствомъ, правили надъ всѣми христіанскими королями и подчиняли своей волѣ всѣхъ покупателей; болѣе всѣхъ народовъ обязаны они славить Бога. Дѣло короля—обдумать, какія богатства даровалъ Богъ его государству и какъ сообразно ихъ природѣ и свойствамъ можно наилучше устроить народъ и распредѣлить его въ работѣ».

Генрихъ Тюдоръ сталъ именно вести политику согласно этимъ понятіямъ. Вскорѣ послѣ воцаренія онъ объяснялъ парламенту, что богатство страны исключительно зависитъ отъ успѣховъ торговли и мануфактуры; главная цѣль состоитъ въ томъ, чтобы вытѣснить изъ Англіи

иностранные продукты и замѣнить ихъ произведеніями собственнаго ремесла. Это важно также для того, чтобы дать занятіе бродячимъ, безпокойнымъ людямъ, которыхъ создала смута. Въ это время промышленники, правительства и ученые путешественники на западной окраинѣ Европы усиленно искали океаническихъ путей къ берегамъ Азіи, и начались первыя открытія въ Америкѣ. Король Генрихъ VII принялъ живое участіе въ этомъ движеніи.

Король могъ выступить теперь съ большей энергіей и самостоятельностью. Война Розъ истребила почти всѣ старинные крупные роды, которые заполняли Верхнюю палату и ограничивали въ XIV и XV вв. королевскую власть. Генрихъ VII не нашелъ и трехъ десятковъ лордовъ и посадилъ въ Верхнюю палату новыхъ людей, близко ему обязанныхъ. Онъ вообще сократилъ значеніе сеньёровъ: они должны были распустить свиты, своихъ «ливрейныхъ людей», и не могли болѣе держать артиллерію, которую король объявилъ своей исключительной принадлежностью. Чтобы покончить со смутой и отнять у сеньёровъ власть надъ мѣстнымъ судомъ и чиновниками, король отдѣлилъ въ своемъ совѣтѣ особую *Звѣздную палату*. Это былъ судъ для преслѣдованія измѣны; но подъ этимъ прикрытіемъ король наказывалъ и истреблялъ всѣхъ враговъ своей власти; Звѣздной палатѣ было поручено также удалять недостаточно преданныхъ и исполнительныхъ чиновниковъ и провѣрять списки присяжныхъ въ судахъ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы устранить подкупъ. Имущество многочисленныхъ осужденныхъ забиралось въ казну. Изъ накопившихся владѣній король роздалъ много новыхъ пожалованій; всюду были посажены новые помѣщики, обязанные и преданные ему. Все это сдѣлало парламентъ гораздо сговорчивѣе, чѣмъ онъ былъ до смуты. Уже во время междоусобія парламентъ созывали рѣдко и больше для того, чтобы утверждать рѣшенія партіи, захватывавшей власть. Не часто созывали его и при Тюдорѣ: всего 7 разъ въ теченіе 24 лѣтъ правленія.

11. Франція и Испанія.

Французское королевство въ XI и XII вв. Въ XI вѣкѣ Франція была на одну треть меньше современной. Она доходила на востокѣ только до Мааса и до Роны, и сухопутная граница ея составляла почти прямую линію отъ устья Шельды до устья Роны; ея нынѣшнія восточныя области, романскія по языку, входили въ составъ Германской имперіи (на сѣверѣ) и Бургундскаго королевства (на югѣ). Но и въ этомъ размѣрѣ Франція не представляла цѣлаго. Королевская власть, слабая и ничтожная, только по имени соединяла страну. Въ дѣйствительности же французскій король былъ лишь однимъ изъ нѣсколькихъ крупныхъ сеньё-

ровъ Франціи. Другіе сеньёры, считавшіеся его вассалами, были независимы отъ него.

На сѣверо-западѣ Бретань, со своимъ кельтскимъ населеніемъ и своеобразнымъ языкомъ, была совершенно обособлена. Нормандія, занятая сначала чуждымъ племенемъ, соединилась потомъ съ Англіей. Южная половина страны за Луарой даже не называлась Франціей; это была Аквитанія,—какъ бы особое королевство. Въ самой южной полосѣ отъ Пиреней до Альпъ говорили на особомъ романскомъ языкѣ, провансальскомъ, или *лангдокъ* (langue d'oc—языкъ, на которомъ «да» выражается словомъ ос); здѣсь было свое устройство, своя образованность. Югъ былъ просвѣщеннѣе сѣвера. Онъ сохранилъ въ судѣ римскія черты: здѣсь придерживались писаннаго права, тогда какъ на сѣверѣ руководились въ судѣ мѣстными обычаями, передававшимися по памяти. Военный классъ не получилъ на югѣ такой силы; въ странѣ осталось много мелкихъ свободныхъ людей, не попавшихъ въ вассальную зависимость; положеніе крестьянъ было легче. Въ XII в. большая часть юга Франціи отдѣлилась отъ католической церкви, держалась альбигойства и имѣла свой церковный порядокъ.

Въ концѣ X в. во Франціи послѣдняго Каролинга замѣнилъ король, выбранный изъ числа сеньёровъ, графъ Гюгъ Капетъ. Собственныя владѣнія его преемниковъ, королей *Капетинговъ*, были расположены по средней Сенѣ (съ Парижемъ) и средней Луарѣ (съ г. Орлеаномъ): земли эти прорѣзывались чужими владѣніями, а внутри нихъ, кромѣ того, дорогу перегораживали замки непокорныхъ вассаловъ короля. Проѣздъ короля изъ одного имѣнія въ другое нерѣдко обращался въ походъ. Короли въ XI в. дѣлали мелкіе захваты и прикупки къ своей наслѣдственной землѣ, вели усобицы съ вассалами своей вотчины и отнимали у нихъ замки. Одинъ изъ королей въ XI в. нанялся воевать за деньги къ небольшому сеньёру Нормандіи; тотъ же король не постѣснился ограбить итальянскихъ купцовъ, ѣхавшихъ съ грузомъ на ярмарку.

Въ XI и XII вв. у Капетинговъ было мало средствъ: торговля обѣгала по обѣ стороны ту часть Франціи, гдѣ находилась ихъ вотчина: торговый путь шелъ восточнѣе, чрезъ Шампань, гдѣ происходили важнѣйшія въ Европѣ ярмарки, и южнѣе, отъ устья Роны, по Гароннѣ и далѣе моремъ въ Англію. Владѣтели южныхъ областей Франціи казались гораздо значительнѣе короля; къ одному изъ нихъ поэтому и обратился Григорій VII съ призывомъ итти на востокъ.

Усиленіе французскаго короля около 1200 года. Къ концу XII в. обстоятельства сложились благопріятнѣе для сѣверныхъ королей. Во-первыхъ, въ сѣверной Франціи поднялись всюду города съ богатымъ купечествомъ и самостоятельнымъ ремесломъ. Короли поддержали движеніе

городовъ. За тѣми городами, которые добывали вольности въ борьбѣ противъ сеньёровъ, они утверждали грамоты. Тѣмъ городамъ, которые были на ихъ собственной землѣ, они давали льготы, продолжая, однако, посылать туда своихъ приказчиковъ. Первые образовали рядъ пограничныхъ крѣпостей, на которыя короли могли опереться; послѣдніе давали имъ увеличенный доходъ. Во-вторыхъ, на сѣверѣ, вслѣдствіе дробленія леновъ между многими наслѣдниками, скоплялась масса безземельныхъ и незанятыхъ рыцарей. Они уходили сначала въ южную Италію, въ Англію и на востокъ въ крестовые походы. Къ концу XII в. эти движенія остановились; французскій король получилъ въ свое распоряженіе большія военныя силы, которыя онъ могъ двинуть на сѣверъ для захвата Нормандіи, чтобы пробить себѣ доступъ къ морю, и на югъ для пріобрѣтенія богатаго средиземно-морского края съ его оживленной торговлей.

Въ XII в. французская народность проявила вообще живую дѣятельность. Далеко на востокъ протянулись французскія колоніи и распространилась французская рѣчь. Поднялся парижскій университетъ, и Франція выдвинула самыхъ замѣчательныхъ ученыхъ Европы. Во Франціи же въ это время зародилось и новое сложное и возвышенное искусство. На сѣверо-востокѣ, именно въ земляхъ королевской вотчины, въ С. Дени, усыпальницѣ королей, и въ Реймсѣ, мѣстѣ ихъ коронованія, были впервые выстроены огромные готическіе соборы. Короли этой эпохи были, правда, чужды умственному подъему народа; это были воители и собиратели казны. Но они искусно пользовались всѣми выгодами положенія сѣверной Франціи. Основателемъ сильнаго французскаго королевства можно считать Филиппа II Августа (1180—1223).

Почти половина Франціи, вся западная приморская полоса отъ устья Сены до Пиреней была въ то время въ рукахъ англійскихъ Плантагенетовъ, Генриха II и его сыновей. На эти владѣнія и бросился Филиппъ II, пользуясь затрудненіями, которыя испытывали Плантагенеты въ самой Англіи. Онъ отнялъ у Іоанна Безземельнаго Нормандію и отстоялъ свое пріобрѣтеніе въ большой битвѣ при *Бувинѣ*, противъ англичанъ и ихъ союзниковъ, германскаго императора Оттона IV и фландрскаго графа, который привелъ ополченія богатыхъ фламандскихъ городовъ. Филиппъ въ свою очередь созвалъ милиціи (ополченія) французскихъ коммунъ и выставилъ множество наемныхъ солдатъ. Англійскій король большой суммой купилъ миръ; онъ потерялъ также земли по Луарѣ. Немного позднѣе къ сѣверной Франціи были присоединены населенныя и богатыя области юга, Лангдока, захваченныя сѣверно-французскими рыцарями въ крестовомъ походѣ противъ еретиковъ. Вожди крестоносцевъ разорили страну, избили много народу, выдали воинамъ

изъ отнятыхъ земель болѣе 400 леновъ, но не могли удержать властъ и передали всѣ права на свое завоеваніе французскому королю. Вотчина короля стала теперь въ 4—5 разъ больше всякой другой крупной сеньёріи во Франціи, и отношеніе сеньёровъ къ королю измѣнилось. Доходъ съ королевскихъ владѣній былъ въ концѣ правленія Филиппа II вдвое больше, чѣмъ при его началѣ.

Управленіе королевской вотчины стало дѣломъ весьма сложнымъ. Она раздѣлялась на небольшія волости, надъ которыми были поставлены приказчики *(прево)* изъ простого званія. Прево брали управленіе на откупъ; важнѣйшимъ ихъ дѣломъ было собирать доходы, взыскивать повинности, наблюдать за порядкомъ и судить королевскихъ крѣпостныхъ; но они вмѣшивались также въ столкновенія между королевскими крестьянами и мелкими рыцарями; въ городахъ прево было начальниками гарнизоновъ и ополченій. Для надзора за приказчиками и для управленія военными людьми королевской службы были поставлены намѣстники *(бальи)* изъ знатныхъ людей; въ рукахъ каждаго изъ нихъ нѣсколько сосѣднихъ волостей соединялись въ округъ, подобный нашему уѣзду. Отличіе бальи и прево отъ прежнихъ графовъ и старостъ состояло въ томъ, что ихъ должности не были наслѣдственными; они больше зависѣли отъ короля, и король часто мѣнялъ ихъ, чтобы поддержать эту зависимость.

Филиппъ II придавалъ большое значеніе ремеслу и торговлѣ. Его цѣлью было устранить преобладаніе иностранныхъ купцовъ. Такими купцами въ значительной мѣрѣ были евреи, пользовавшіеся большими преимуществами до тѣхъ поръ. При Филиппѣ II начинаются жестокія преслѣдованія евреевъ; король отбиралъ ихъ имущество и обращалъ ихъ синагоги въ церкви. Нѣсколько разъ принимались рѣшенія изгнать ихъ изъ страны, и затѣмъ король мирился на большомъ выкупѣ, позволяя имъ остаться въ странѣ. Говорятъ, онъ сравнивалъ ихъ съ губкой, которую опускаютъ въ воду, чтобы выжать потомъ, намекая на ихъ ростовщичество и на то, что собранныя ими съ народа деньги поступаютъ потомъ вымогательствомъ короля въ казну. Мѣры эти повели къ сильному сокращенію торговли евреевъ и къ выселенію ихъ; торговое и банкирское дѣло стало переходить въ руки французскихъ купцовъ. Король самъ пускался на ростовщичество, чтобы увеличить свои доходы. Онъ забиралъ ходившую въ употребленіи монету, перечеканивалъ серебро съ сильной примѣсью мѣди и выпускалъ порченую монету по прежней цѣнѣ, т.-е. выгадывалъ всю разницу между дѣйствительной и показанной (номинальной) ея стоимостью. Съ теченіемъ времени обманъ, конечно, замѣчали, и монету принимали въ обиходѣ за цѣну, низшую противъ показанной; но это тѣмъ не менѣе вносило разстройство въ торговлю.

Новое королевское управленіе, смѣнявшее господство бароновъ и охранявшее страну отъ ихъ усобицъ, заключало въ себѣ извѣстныя выгоды; но въ немъ было много и темныхъ сторонъ.

Монархія Людовика Святого. Внукъ Филиппа II, Людовикъ IX Святой (1226—1270 гг.), своею ревностью къ вѣрѣ выдѣлялся между современниками. Среди общаго охлажденія къ крестовымъ походамъ, онъ два раза отвѣчалъ на призывъ папъ и во второмъ походѣ сложилъ голову. Онъ слушалъ двѣ обѣдни каждый день, носилъ чашу въ процессіяхъ, омывалъ ноги бѣднымъ и смиренно выслушивалъ внушенія за грѣхи свои. Людовикъ взялъ подъ свое особое покровительство доминиканцевъ-инквизиторовъ и вообще нищенствующихъ монаховъ; это были его духовники и ревизоры, которыхъ онъ посылалъ для провѣрки управленія.

Осталось его «Наставленіе» сыну, въ которомъ изложены его взгляды на обязанности короля. Главное, что королю подобаетъ, это быть справедливымъ: «въ судѣ своемъ не отклоняйся отъ правды ради чего бы то ни было. Если случится разбирать споръ между богатымъ и бѣднымъ, держи сторону скорѣе бѣднаго, чѣмъ богатаго, пока не дознаешься истины». «Если придется тебѣ итти войной на вассала, который оскорбилъ церковь или обидѣлъ бѣднаго, или отказалъ кому-либо въ правосудіи и не подчинился увѣщанію твоему, смотри, чтобы война не принесла разоренія бѣдному народу». Но есть и жестокіе совѣты, внушенные религіозными понятіями. «Смотри болѣе всего, чтобы не было грѣха на землѣ твоей, т.-е. пустой божбы и всего, что дѣлается къ хулѣ Господа, или Богоматери, или святыхъ. Гони ересь съ земли твоей и особенно соблюдай ненависть къ іудеямъ и всѣмъ людямъ, кто противъ вѣры, такъ чтобы страна твоя была отъ нихъ очищена».

Людовикъ вѣрилъ въ возможность установленія Божьяго порядка въ христіанскомъ мірѣ. Поэтому онъ выступалъ посредникомъ въ большихъ европейскихъ спорахъ: разъ между Фридрихомъ II Штауфеномъ и папою, другой разъ между англійскимъ королемъ и возставшими противъ него баронами. Во внутреннихъ дѣлахъ королевства вниманіе Людовика болѣе всего было обращено на судъ. То, что онъ сдѣлалъ для суда, болѣе всего напоминаетъ Генриха II въ Англіи.

Судебная реформа. Король вмѣшивался въ судъ сеньёровъ съ тѣмъ, чтобы прекратить старинный способъ рѣшать споры и тяжбы посредствомъ поединка. Однажды король привлекъ къ суду своему сеньёра, который казнилъ трехъ студентовъ за то, что они охотились въ его господскомъ лѣсу. Другіе сеньёры, присутствовавшіе въ королевскомъ судѣ, требовали, чтобы, *по обычаю*, обвиняемому было дано защититься посредствомъ поединка. Король отказалъ на томъ основаніи, что «въ дѣлахъ бѣдныхъ людей или церкви, или тѣхъ лицъ, которыя вызываютъ

жалость, не должно быть поединка». Раздраженные сеньёры удалились, и король безъ нихъ постановилъ приговоръ. Одинъ баронъ замѣтилъ насмѣшливо: «если бы я былъ королемъ, я бы приказалъ вѣшать бароновъ!» Король не оставилъ замѣчанія безъ отвѣта: «нѣтъ, конечно, я не буду этого дѣлать, но я стану ихъ наказывать за проступки!»

Въ королевской вотчинѣ судебные бои между тяжущимися были запрещены. Было также запрещено, чтобы потерпѣвшій вызывалъ на поединокъ самихъ судей, рѣшеніемъ которыхъ онъ былъ недоволенъ. Лицу, недовольному приговоромъ, было предоставлено объявить рѣшеніе «облыжнымъ» и *апеллировать* къ верховному сеньёру, королю. Людовикъ принималъ самъ жалобы отъ людей всякаго рода и разбиралъ множество дѣлъ у воротъ своего дворца въ Парижѣ или подъ дубомъ въ Венсенской рощѣ. Королевскіе судьи, люди знакомые съ римскимъ правомъ, измѣнили производство суда: они производили слѣдствіе, допрашивали свидѣтелей, вели запись судебнаго дѣла. Король старался также сократить усобицы и самоуправство феодаловъ. Онъ запретилъ вовсе частную войну на земляхъ своей вотчины. Во владѣніяхъ другихъ сеньёровъ поссорившіеся должны были соблюдать сорокадневный срокъ перемирія между объявленіемъ распри и началомъ войны, чтобы дать возможность вмѣшаться суду. Наконецъ, онъ увеличивалъ, сколько возможно, число «королевскихъ дѣлъ», т.-е. такихъ, по которымъ прямо вступался королевскій судъ; въ разрядъ этихъ дѣлъ относили все, что нарушало общественное спокойствіе, поджоги, разбои и т. п.

Всѣми этими мѣрами Людовикъ не нарушалъ феодальныхъ обычаевъ, и бароны не могли жаловаться, что онъ попираетъ ихъ признанныя права. Король дѣлалъ только то, на что былъ въ правѣ сюзеренъ, заботливо входившій въ дѣла своихъ вассаловъ и подданныхъ. Англійскій король достигъ того же самаго за 100 лѣтъ передъ тѣмъ. Народъ цѣнилъ въ Людовикѣ больше всего его одинаковое вниманіе къ людямъ всякаго званія. Но тѣмъ не менѣе сеньёры должны были скоро почувствовать на себѣ руку короля. Они постоянно могли ожидать жалобы на свой судъ въ королевскую палату и должны были отвѣчать передъ этой палатой.

Усиленіе центральной власти. Еще въ другомъ отношеніи стѣснилъ ихъ Людовикъ IX. Во время раздробленія государства каждый самостоятельный сеньёръ чеканилъ свою монету. Въ торговлѣ встрѣча и обмѣнъ разнообразныхъ монетъ вызывали большія затрудненія; постоянно происходилъ обманъ — монету портили при перечеканкѣ. Людовикъ особымъ приказомъ установилъ полновѣсную золотую и серебряную *королевскую монету;* подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія было воспрещено обрѣзывать или переливать деньги, вышедшія изъ королевской монетной мастерской. Въ королевской вотчинѣ принималась только эта монета; въ земляхъ

сеньёровъ ее должны были принимать на ряду съ другими монетами, но эти монеты должны были отличаться отъ королевской, и во всѣхъ случаяхъ нарушенія закона о монетѣ въ чужихъ сеньёріяхъ судилъ только король. Силою этихъ преимуществъ королевская монета скоро стала вытѣснять всѣ другія. За короля въ этомъ дѣлѣ стояли торговцы городовъ; для скрѣпленія указа о монетахъ онъ созвалъ видныхъ буржуа Парижа, Орлеана и другихъ городовъ, и они вмѣстѣ съ нимъ подписали грамоту.

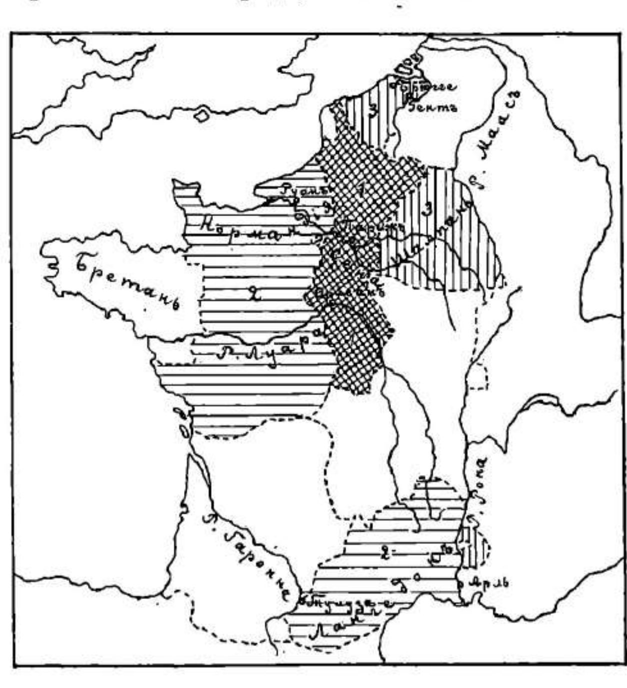
Въ теченіе 50 лѣтъ, отъ 1200 г. до половины XIII столѣтія, не только чрезвычайно увеличились размѣры королевской вотчины, но и въ огромной степени возросло количество дѣлъ, которыя восходили до главнаго *(центральнаго)* королевскаго управленія. Устройство этого управленія и раздѣленіе въ немъ вѣдомствъ очень напоминало англійскій дворъ XII в. Въ королевской куріи точно такъ же выдѣлились *счетная палата* (похожая на «шахматную доску») и *судебная*; за послѣдней во Франціи осталось названіе *парламента*, которое въ Англіи примѣняли къ общимъ съѣздамъ вассаловъ.

Чѣмъ больше скоплялось дѣла въ палатахъ королевской куріи, тѣмъ больше измѣнялся и ея старый составъ. Сеньёры могли пріѣзжать на совѣщаніе съ королемъ лишь время отъ времени, на короткіе два-три срока въ году. Между тѣмъ курія должна была для разбора дѣлъ, провѣрки счетовъ и т. д. собираться непрерывно, и потому все больше и больше значенія получали ея постоянные члены, т.-е., помимо дворцовыхъ совѣтниковъ, разные низшіе служащіе во дворѣ короля; между ними все болѣе выдвигались полезные для сложныхъ дѣлъ хозяйства и суда, обученные люди, особенно знатоки права, прошедшіе университетъ, *легисты* (законники); это были частью клирики, частью мелкіе рыцари, люди, всѣмъ обязанные королю и крѣпко стоявшіе за его интересы.

Войны и финансовое управленіе Филиппа IV. Новой силы достигло французское королевство на смѣнѣ XIII и XIV вѣковъ при Филиппѣ IV Красивомъ (умеръ въ 1314 г.). Королевская вотчина до этой поры раздвигалась на югъ и западъ. Главныя пріобрѣтенія Филиппа IV были сдѣланы на востокѣ: онъ получилъ *Шампань* съ ея важными ярмарками, а затѣмъ протянулъ руку на богатую населенную *Фландрію*, главный центръ шерстяного производства въ Европѣ. Говорятъ, французская королева, при посѣщеніи Брюгге, была поражена роскошными костюмами горожанокъ и замѣтила: «у насъ одна, а здѣсь 600 королевъ!».

Во главѣ управленія Брюгге, Гента, Иперна и другихъ городовъ стояли крупные предприниматели суконной промышленности. Это были купцы, державшіе въ зависимости кустарей, которымъ они доставляли матеріалъ и у которыхъ они брали готовый товаръ для оптоваго сбыта. По своему денежному положенію эти «суконодѣлы» были похожи на на-

шихъ фабрикантовъ; но они не имѣли фабрикъ, т.-е. большихъ общихъ мастерскихъ съ хозяйскими орудіями; рабочіе ихъ были мелкіе мастера, которые работали отдѣльно другъ отъ друга по своимъ домамъ съ собственными инструментами. Главнымъ поставщикомъ сырой шерсти для фламандскихъ ткачей была Англія; поэтому города Фландріи примыкали къ ней ближе, чѣмъ къ Франціи, и готовы были держаться союза съ нею. Сначала Филиппъ IV завладѣлъ всей Фландріей; но тяжелые взносы, положенные королемъ на промышленные города, вызвали возстаніе и жестокое избіеніе французовъ («фламандская вечерня»). Рыцарское войско короля было разбито пѣшей милиціей фламандскихъ ткачей при Куртрэ; въ соборѣ этого города побѣдители повѣсили 4,000 позолоченныхъ шпоръ, которыя они сняли съ зарѣзанныхъ ими всадниковъ. Зато нанятый королемъ генуэзскій флотъ разгромилъ фламандскіе корабли въ устьѣ Шельды. Филиппъ IV удержалъ лишь небольшую частью Фландріи и то посредствомъ важной торговой уступки въ пользу сукнодѣловъ: онъ запретилъ вывозъ сырой шерсти изъ предѣловъ французскаго королевства, чтобы доставить имъ дешевый товаръ.

Франція въ XIII вѣкѣ. Увеличеніе королевской вотчины. 1) Владѣнія короля около 1200 года. 2)Пріобрѣтенія Филиппа II Августа и Людовика IX Святаго. 3) Пріобрѣтенія Филиппа IV Красиваго.

Для войны за Фландрію королю нужны были крупныя денежныя средства. Но казна не имѣла правильныхъ большихъ доходовъ. Полученія съ королевскихъ имѣній были недостаточны для покрытія тратъ. Съ обывателей поступали лишь штрафы за проступки или особыя почетныя приношенія, напр., королю за его пріѣздъ. Филиппъ IV придумывалъ множество способовъ, чтобы добыть суммы у отдѣльныхъ владѣльцевъ, городовъ и промышленныхъ союзовъ: то онъ выпрашивалъ добровольные дары, то бралъ въ видѣ займа или, наконецъ, вымогалъ

угрозой. Разъ взявши взносъ, король возвращался къ тому же лицу или общинѣ съ новымъ требованіемъ, какъ бы считая, что уплата обратилась въ повинность.

Многія коммуны, выдавая займы королю, сильно должали сами; ихъ денежныя дѣла разстраивались также отъ крупныхъ штрафовъ, налагавшихся королевскимъ парламентомъ въ Парижѣ, который получилъ надъ ними верховный судебный надзоръ и наказывалъ городъ за малѣйшее волненіе, обиду, нанесенную сеньёру и т. п. Въ разоренную коммуну являлся обыкновенно королевскій чиновникъ для приведенія въ порядокъ финансовъ, и она теряла свою самостоятельность. Рыцарямъ позволялось откупаться отъ военной службы, но тогда въ имѣніе являлся для оцѣнки дохода королевскій финансовый чиновникъ. Во всѣхъ этихъ мелкихъ случаяхъ король проявлялъ необычайную настойчивость и изобрѣтательность; его правленіе можно бы назвать придирчивой и повсемѣстной *конфискаціей*, т.-е. отобраніемъ въ казну или обложеніемъ повинностями въ пользу казны.

Столкновеніе короля съ церковью. Въ своихъ финансовыхъ пріемахъ Филиппъ IV встрѣтилъ однако крупнаго противника. Онъ рѣшился сбирать подати съ церковныхъ владѣній, платившихъ до тѣхъ поръ лишь въ Римъ. Папа Бонифацій VIII, властный и неуступчивый старикъ, объявилъ особой буллой, что безъ согласія его куріи духовенство не можетъ быть принуждаемо ко взносамъ въ пользу государства. Король отвѣтилъ на это запрещеніемъ вывозить изъ Франціи золото и серебро, т.-е. сильно стѣснилъ доходы и поступленія, шедшіе въ пользу самого папы. Бонифацій только что отпраздновалъ въ Римѣ учрежденный имъ *юбилей*, т.-е. праздникъ вѣка (1300 г.), который было рѣшено повторять каждыя 100 лѣтъ. На юбилей собрались со всѣхъ странъ массы богомольцевъ, которымъ было обѣщано полное прощеніе грѣховъ за поклоненіе апостольскимъ церквамъ. Папа появлялся на праздникѣ среди народной толпы въ большомъ блескѣ, одѣтый въ знаки императорской власти; впереди него несли мечъ, и онъ возглашалъ себя Цезаремъ. Папа звалъ государей въ Римъ и говорилъ, что рѣшитъ всѣ споры и дастъ миръ всему свѣту. Въ сознаніи своей силы, онъ отправилъ французскому королю новую буллу. Папа обвинялъ короля въ дурномъ управленіи и говорилъ: «Богъ, положивъ на насъ бремя апостольскаго служенія, поднялъ насъ надъ государями, чтобы разрушать, уничтожать, разсѣивать, строить и насаждать во имя Его».

Въ отвѣтъ на это посланіе король выставилъ защитниковъ своей власти. Онъ позволилъ легистамъ, занятымъ въ королевскомъ совѣтѣ и судахъ, написать нѣсколько сочиненій съ рѣзкими нападками на притязанія папы; авторы ихъ выдвигали свое новое ученіе о власти, они утвер-

ждали, что выше короля нѣтъ на землѣ никого и что *воля государева равна закону*. Чтобы найти опору въ странѣ, Филиппъ IV созвалъ въ Парижѣ 1302 г. *большое собраніе* изъ представителей духовенства, сеньёровъ, бароновъ и городскихъ старшинъ отъ главныхъ общинъ сѣвера и юга. Въ своей рѣчи передъ собраніемъ король заявилъ опять о независимости своей власти и просилъ поддержки. Бароны и городскіе представители громко высказались, что присоединяются къ нему вполнѣ; на землѣ, такъ выражались нѣкоторые изъ нихъ, надъ королемъ нѣтъ никого, кромѣ Бога. Духовенство осталось въ смущеніи, колеблясь между волей короля и папы.

Филиппъ IV запретилъ прелатамъ ѣхать въ Римъ на соборъ. Папскій посолъ, который везъ грамоту объ отлученіи короля, былъ схваченъ во Франціи и посаженъ въ тюрьму. Королевскіе легисты произвели заочный судъ надъ папой, объявили его еретикомъ и преступникомъ, низложили съ престола, а одинъ изъ нихъ отправился въ Италію, чтобы привести приговоръ въ исполненіе. Къ французскимъ легистамъ присоединились итальянскіе бароны, враги папы; въ городкѣ Ананьи, въ Апеннинскихъ горахъ, они застали Бонифація, напали на его дворецъ и осыпали папу насмѣшками и оскорбленіями; глубоко огорченный этимъ, Бонифацій скоро скончался. На папскій престолъ былъ избранъ французскій прелатъ, подъ именемъ Климента V. Онъ принялъ посвященіе въ Ліонѣ, отказался ѣхать въ Римъ на томъ основаніи, что тамъ борьба партій лишитъ его свободы, и поселился въ южной Франціи, въ Авиньонѣ. Филиппъ IV вышелъ полнымъ побѣдителемъ изъ столкновенія съ папой, и съ этого времени вообще начинается *ослабленіе папства*.

Королю удалось еще уничтожить орденъ тампліеровъ и воспользоваться его огромными богатствами. Филиппъ IV поднялъ противъ нихъ обвиненіе въ ереси и колдовствѣ. Всѣ рыцари, находившіеся въ разныхъ мѣстахъ Франціи, были сразу арестованы съ ихъ магистромъ. Судъ надъ ними былъ въ сущности жестокой ловушкой; обвиняемыхъ заставили пытками признаться въ совершенно невозможныхъ проступкахъ противъ религіи. Созвали соборъ, на которомъ новый папа, послушное орудіе въ рукахъ короля, произнесъ проклятіе надъ орденомъ и закрылъ его. Магистръ ордена и 150 рыцарей были сожжены, какъ еретики, въ саду королевскаго дворца, а имущество ордена было конфисковано.

Генеральные штаты. По дѣлу ордена тампліеровъ Филиппъ созывалъ такъ же, какъ по дѣлу съ папой, собраніе сеньёровъ, прелатовъ и представителей городовъ. Собранія эти вошли въ обычай и созывались также при преемникахъ Филиппа IV, когда король искалъ поддержки у главныхъ владѣтелей и промышленниковъ страны. Въ большомъ собраніи король сразу могъ получить согласіе на крупную сумму сбора съ

разныхъ областей и городовъ, и это избавляло его отъ необходимости вступать въ мелочныя отдѣльныя соглашенія.

Собранія эти, какъ и въ Англіи, были продолженіемъ стариннаго съѣзда вассаловъ при дворѣ сюзерена. Но составъ и характеръ ихъ измѣнился въ сравненіи со временемъ феодальнаго раздробленія: главной причиной было расширеніе королевской вотчины, которая равнялась теперь половинѣ королевства. Вслѣдствіе этого увеличилось и число прямыхъ подданныхъ короля. Съ возрастаніемъ его силы, крупные самостоятельные сеньёры, духовные и свѣтскіе, стали гораздо послушнѣе; раньше каждый былъ занятъ лишь дѣлами своей области; теперь они должны были вникать въ общее положеніе королевства. Наконецъ, король присоединилъ къ военнымъ и духовнымъ людямъ въ собраніи еще уполномоченныхъ отъ важныхъ городовъ. Это была та же перемѣна, какую произвелъ въ Англіи Симонъ де-Монфоръ, созвавъ великій парламентъ.

Но французское собраніе было не похоже на англійское тѣмъ, что члены его различались по званію и рѣзко дѣлились на *сословія* (états, штаты). Рыцари, т.-е. мелкіе владѣльцы, несшіе военную службу, не были, какъ въ Англіи, представителями цѣлыхъ округовъ и не сидѣли вмѣстѣ съ горожанами. Они совѣщались вмѣстѣ съ сеньёрами, отдѣльно отъ остальныхъ, и образовали сословіе «благородныхъ», или *дворянъ* (nobles, noblesse). Отдѣльно также совѣщалось духовное сословіе и отдѣльно горожане (буржуазія), которые считались, въ сравненіи съ первыми двумя, низшимъ, «третьимъ» сословіемъ (tiers état). Только для общаго отвѣта сходились всѣ три штата вмѣстѣ, и оттого ихъ собраніе называлось *штаты*, или *генеральные штаты* (états généraux). Югъ Франціи былъ настолько еще отдѣленъ по устройству и управленію отъ сѣвера, что тамъ собирались особые штаты Лангдока. Въ томъ же составѣ стали собирать *провинціальные штаты* въ отдѣльныхъ областяхъ.

Какъ англійскій парламентъ XIV вѣка, такъ и французскіе штаты были непохожи на народное представительство нынѣшнихъ европейскихъ государствъ. Въ нихъ не было уполномоченныхъ отъ всѣхъ разрядовъ населенія; крестьяне совсѣмъ не имѣли представителей. Далеко не ко всѣмъ городамъ обращался король, притомъ тѣ, которые призывались, присылали обыкновенно своихъ головъ, а не своихъ выборныхъ отъ всего своего населенія. Сеньёры и прелаты были вовсе не выборные люди, а являлись лично, въ качествѣ какъ бы мелкихъ государей при крупнѣйшемъ государѣ, королѣ.

Правленіе Филиппа IV, особенно его вымогательство, оставило сильное раздраженіе въ странѣ. Сеньёры были недовольны тѣмъ, что король вовсе отнялъ у нихъ чеканъ монеты. Послѣ его смерти началось воз-

станіе. Его сынъ долженъ былъ, по требованію возставшихъ, повѣсить Мариньи, главнаго финансоваго пособника короля Филиппа. Сеньёрамъ, рыцарямъ и нѣкоторымъ городамъ были выданы отдѣльныя льготныя хартіи. Здѣсь замѣтна опять разница съ Англіей. Французское государство въ сравненіи съ англійскимъ было гораздо менѣе слажено. Въ Англіи сословія уже въ 1215 г. совѣщались и дѣйствовали вмѣстѣ. Во Франціи еще и сто лѣтъ спустя сословія шли врозь, каждое имѣя въ виду только свою выгоду. Въ Англіи благодаря неустанной и одинаковой работѣ судовъ установился «общій законъ» для всей страны. Во Франціи между областями было мало связи и въ предѣлахъ старыхъ сеньёрій сохранились особые обычаи и особое устройство. Вслѣдствіе этого въ большомъ столкновеніи съ Англіей въ XIV в. французское государство терпѣло сильныя неудачи.

Столѣтняя война. Короли новой династіи *Валуа* (младшей линіи Капетинговъ, воцарившейся послѣ смерти бездѣтныхъ сыновей Филиппа Красиваго) были въ затрудненіи отъ розни, которая поднималась между дворянствомъ и буржуазіей.

Въ XIV в. Фландрія стала терять свое исключительное положеніе въ шерстяномъ производствѣ. Мануфактура распространилась въ сосѣднихъ странахъ и въ различныхъ городахъ Франціи. Вслѣдствіе этого и ярмарки Шампани, служившія для закупки мануфактурныхъ товаровъ купцами различныхъ странъ Европы, утратили свое значеніе и пришли въ упадокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ у французскаго правительства возникла новая забота—поддержать промышленность въ собственной странѣ. Для производителей шерстяныхъ издѣлій было всего важнѣе располагать дешевой сырою шерстью и другими первоначальными матеріалами. Съ этою цѣлью Филиппъ IV и его сыновья запретили вывозъ изъ Франціи шерсти и красильныхъ веществъ. Но такія мѣры были невыгодны для сельскихъ хозяевъ, которые, напротивъ, при свободномъ вывозѣ, могли получать лучшія цѣны за шерсть и кожи. Послѣ дворянскихъ возстаній, Валуа склонились на сторону землевладѣльцевъ и позволили опять свободно вывозить сырые продукты. По всему складу своей придворной жизни они примыкали къ рыцарству и были сами блестящими его представителями. Ихъ политика вызывала поэтому раздраженіе промышленнаго класса городовъ, которое еще увеличилось вслѣдствіе неудачъ начавшейся большой войны съ Англіей (съ 1340 года).

Главнымъ предметомъ спора Англіи съ Франціей была промышленная Фландрія. Область эта считалась зависимой отъ французскаго короля (графъ Фландріи былъ его вассалъ), но крайне нуждалась въ тѣсномъ союзѣ съ Англіей, такъ какъ оттуда шла шерсть, а «вся Фландрія,—говорили ея промышленники,—держится суконнымъ производствомъ

Фламандскіе города отправили въ Англію богатаго купца изъ Гента, Якова Артевельде, и предложили Эдуарду III корону Франціи (Эдуардъ основывалъ свои права на томъ, что онъ по матери потомокъ Филиппа Красиваго, но во Франціи незадолго до того на съѣздѣ бароновъ, рѣшеніе которыхъ скрѣпилъ Парижскій университетъ, было объявлено, что по *салическому*, т.-е. старофранкскому, закону женская линія не можетъ наслѣдовать). Англійскій король принялъ предложеніе фламандцевъ. Отдѣленная лишь проливомъ, ихъ область могла послужить ему отличной опорой для высадки и военныхъ дѣйствій. Фламандцы подъ его верховной властью получили почти полную независимость.

Въ то время, какъ разгорѣлась война между Франціей и Англіей, во Фландріи происходили сильныя столкновенія въ средѣ самого промышленнаго городского населенія. Здѣсь рѣзко разошлись интересы купцовъ-предпринимателей и рабочихъ ткачей. Между тѣмъ какъ мануфактура распространилась на другія страны, стало труднѣе сбывать фламандскія матеріи; тогда фабриканты начали сбавлять плату мастерамъ, зависѣвшимъ отъ нихъ. Ткачи подняли возстаніе, которое сопровождалось избіеніемъ крупныхъ промышленниковъ; среди нихъ погибъ и основатель независимости Фландріи, Яковъ Артевельде.

Англійскія войска, несмотря на малочисленность, въ сраженіяхъ имѣли перевѣсъ надъ французскими. Англичане бились новымъ строемъ. Ихъ отряды, раздѣленные на стрѣлковъ изъ лука и солдатъ, вооруженныхъ длинными ножами, отличались чрезвычайной подвижностью; напротивъ, французская кавалерія въ тяжелыхъ доспѣхахъ, не обученная общимъ движеніямъ, была неповоротлива; рыцари, отдѣльно взятые, были искусны въ турнирахъ, но въ массѣ, если ихъ задвигали въ неудобную для разбѣга мѣстность, они обращались въ безпомощную кучу. При *Креси* эти рыцари, измученные долгимъ переѣздомъ подъ проливнымъ дождемъ, бросились на свѣжія силы противника и были перебиты англійской пѣхотой. Война ложилась тяжелымъ бременемъ на Францію. Король созывалъ нѣсколько разъ Генеральные штаты и просилъ у нихъ чрезвычайной денежной помощи. Но штаты, соглашаясь на подать, поднимали свой голосъ, указывали на злоупотребленія королевскихъ чиновниковъ, взимавшихъ налоги и управлявшихъ финансами, и требовали себѣ участія въ этомъ управленіи.

Реформы Штатовъ, революція въ Парижѣ и возстаніе крестьянъ. Въ пятидесятыхъ годахъ XIV в. французская монархія переживала очень опасное положеніе. Новое нашествіе англичанъ привело къ неудачной для французовъ битвѣ при *Пуатье*, гдѣ былъ взятъ въ плѣнъ король Іоаннъ и множество рыцарей. Англичане потребовали за плѣнныхъ огромнаго выкупа. Молодой дофинъ (это былъ титулъ наслѣдника престола

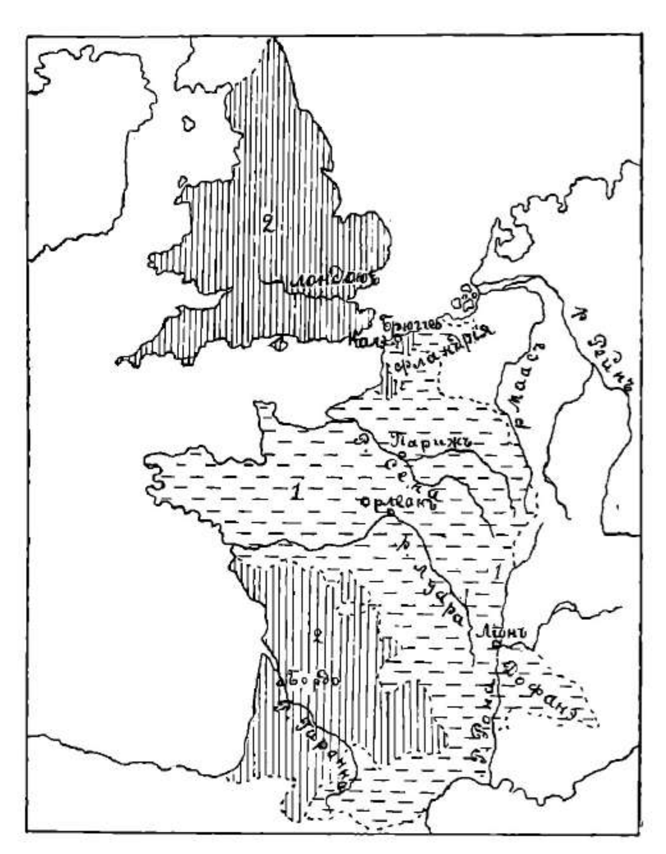
со времени недавняго пріобрѣтенія *Дофинэ* въ юго-восточной Франціи, между Роной и Альпами) былъ вынужденъ созвать *штаты въ Парижѣ* (1356). Въ собраніи было мало сеньёровъ и рыцарей, и главный перевѣсъ принадлежалъ уполномоченнымъ третьяго сословія отъ богатыхъ сѣверно-французскихъ городовъ; они составляли половину общаго числа членовъ. Среди собравшихся замѣтно было сильное раздраженіе противъ королевскаго управленія; они потребовали прежде всего суда надъ главными совѣтниками короля. Грозный и внушительный видъ имѣло это собраніе особенно потому, что оно сошлось въ столицѣ: Парижъ былъ крупнѣйшимъ городомъ тогдашней Европы съ многочисленными цехами и сильной купеческой гильдіей. Населеніе его принимало горячее участіе въ политикѣ. «Старшина парижскихъ купцовъ», Этьенъ Марсель, всего рѣзче нападалъ въ собраніи штатовъ на королевское управленіе. Опираясь на сочувствіе массы парижанъ и на могущество купеческаго союза, Марсель сталъ неограниченно распоряжаться въ городѣ, чтобы принудить правительство на уступки. Когда дофинъ Карлъ распустилъ было штаты, Марсель запретилъ торговцамъ принимать порченую королемъ монету, которую за годъ до того 18 разъ перечеканивали съ убавкой. Затѣмъ онъ приказалъ цехамъ прекратить работу и взяться за оружіе.

Снова пришлось созвать штаты. Марсель, его союзники изъ буржуазіи и одинъ изъ прелатовъ, Лекокъ, епископъ Ланскій, предложили планъ преобразованія государства. Дофинъ подписалъ составленный ими *великій ордонансъ* (указъ): въ силу него штаты должны собираться правильно два раза въ году, независимо отъ приглашенія короля; только штаты могутъ установлять новые налоги, и собирать ихъ будутъ уполномоченные штатовъ; все управленіе королевства должно стать подъ постоянный надзоръ штатовъ. Дофина заставили взять въ королевскій совѣтъ новыхъ лицъ, выбранныхъ штатами, а эти совѣтники начали съ того, что отставили отъ должностей всѣхъ членовъ королевскаго парламента и счетной палаты.

Положеніе было похоже на то, какое Англія переживала за 100 лѣтъ передъ тѣмъ, когда Монфоръ при посредствѣ созваннаго имъ парламента ограничилъ власть и управленіе короля. Но была также разница, и послѣдствія получились иныя. Во Франціи за ограниченіе короля штатами стояли почти одни лишь богатые горожане сѣвера; дворянство и духовенство держались въ сторонѣ и скорѣе относились враждебно къ перемѣнамъ. На новое собраніе штатовъ дворяне вовсе не явились, а прелатовъ было очень мало. Среди крупной буржуазіи выдѣлялись своей особенной настойчивостью парижскіе представители, другіе города слабо ихъ поддерживали. Было много недовольныхъ потому, что новые королевскіе совѣтники изъ богатыхъ купцовъ, изыскивая денежныя средства,

своеобразно положили налоги: по ихъ раскладкѣ больше всего приходилось платить бѣднымъ сравнительно со своимъ доходомъ, меньше всего богатымъ. Многіе депутаты другихъ городовъ уѣхали изъ Парижа назадъ домой, увидавши, что Марсель готовитъ новую угрозу противъ дофина.

Когда Карлъ распустилъ навязанный ему совѣтъ и объявилъ, что хочетъ править безъ опекуновъ, купеческій голова вооружилъ парижанъ, раздѣленныхъ на военные сотни и десятки, и привелъ ихъ во дворецъ. Здѣсь на глазахъ Карла онъ велѣлъ перебить его приближенныхъ. Самъ принцъ спасся только потому, что Марсель надѣлъ на него свою шапку съ цвѣтами (краснымъ и синимъ) города Парижа. Испуганный дофинъ принялъ всѣ требованія, но въ тотъ же вечеръ бѣжалъ изъ города, и около него начали собираться недовольные господствомъ парижскихъ купцовъ.

Франція и Англія во время Столѣтней войны. 1) Владѣнія Французскаго короля. 2) Владѣнія англійскаго короля по миру 1360 года.

Марсель искалъ союза съ городами Фландріи и съ крестьянами, возставшими въ сѣверной Франціи. Мятежъ крестьянъ, такъ наз. *жакерія*, т.-е. возстаніе «Яшки-простачка», какъ презрительно выражались о мужикѣ помѣщики, былъ вызванъ бѣдствіями войны. Деревни остались незащищенными, ихъ грабили какъ враги, такъ и свои рыцари, забирая припасы и укрѣпляя замки. Поля были брошены, и начался голодъ. Къ несчастіямъ прибавился еще большой выкупъ за плѣнныхъ, взятыхъ при Пуатье, всею тяжестью падавшій на зависимыхъ крестьянъ; все раздраженіе, накопившееся раньше противъ сеньёровъ, противъ разорительныхъ охотъ, усобицъ и наѣздовъ рыцарей, постоевъ королей со свитой и т. п.,

вышло теперь наружу. Массами собирались крестьяне, разоряли помѣщичьи замки и со страшной жестокостью избивали владѣтелей и ихъ семьи. „Они думали уничтожить дворянъ всего свѣта, чтобы ни одинъ не остался“, выражается историкъ дворянинъ Фруассаръ, современникъ Столѣтней войны. Жаки выбрали изъ своей среды короля, и Марсель вступилъ съ нимъ въ сношенія.

Но крестьянскія массы были быстро разсѣяны ополченіями рыцарей и перебиты съ тѣмъ же звѣрствомъ; англійскіе рыцари дѣйствовали заодно съ французскими дворянами. Между тѣмъ дофинъ Карлъ созвалъ особое собраніе штатовъ внѣ Парижа и подступилъ къ столицѣ съ войскомъ. Среди потерявшагося населенія города въ уличной схваткѣ Марсель погибъ отъ руки одного изъ своихъ.

Дофинъ отмѣнилъ всѣ ограниченія королевской власти, которыя были у него вынуждены въ трудные годы. Но сдѣлавшись королемъ (Карломъ V), онъ принялъ во вниманіе различныя жалобы и желанія, которыя выражались въ собраніяхъ штатовъ, особенно депутатами (выборными) третьяго сословія. Всего болѣе они жаловались на злоупотребленія королевскихъ чиновниковъ, происходившія при взиманіи налоговъ на военныя издержки. Для того, чтобы устранить обманъ и притѣсненіе со стороны податныхъ чиновниковъ, дѣло распредѣленія налога и дѣло сбора его были отдѣлены одно отъ другого и поручены разнымъ лицамъ. Карлъ V избѣгалъ штатовъ и обращался для совѣщаній къ *нотаблямъ*, т.-е. свѣдущимъ или вліятельнымъ лицамъ разнаго званія, которыхъ онъ приглашалъ по собственному выбору. Въ ихъ числѣ были, какъ выражался королевскій указъ, „принцы королевской крови, прелаты, дворяне, профессора-богословы и юристы и большое число другихъ мудрыхъ людей“. Король былъ человѣкъ вдумчивый съ глубокимъ интересомъ къ знанію, почти монашескаго образа жизни, очень далекій отъ рыцарскихъ нравовъ первыхъ Валуа; часто его видѣли въ бесѣдахъ съ докторами университета; въ его большомъ дворцѣ, *Луврѣ*, была пристроена башня, заключавшая въ себѣ библіотеку съ ученымъ кабинетомъ короля.

При Карлѣ V успѣхъ въ войнѣ съ Англіей перешелъ на сторону французовъ. Они усвоили себѣ новое военное искусство. Медленно отнимали французскіе отряды одну за другой крѣпости, занятыя англичанами на сѣверѣ и западѣ Франціи; при осадахъ впервые примѣняли *огненную артиллерію* въ видѣ небольшихъ ступокъ, заложенныхъ порохомъ и метавшихъ кверху камни и ядра. У англичанъ осталось лишь нѣсколько прибрежныхъ городовъ, между ними Бордо и Калэ.

Распаденіе Франціи въ началѣ XV вѣка. Въ первой половинѣ XV в. Франція опять испытала иноземное нашествіе, междоусобія и разореніе

внутри. Капетинги собирали королевскую вотчину по частямъ съ большими усиліями. Но они видѣли въ ней прежде всего достояніе своего дома; поэтому многодѣтные короли, начиная съ Людовика Святого, раздавали части вотчины своимъ младшимъ дѣтямъ. Такъ образовались въ разныхъ частяхъ Франціи *удѣльныя княжества;* ихъ обладатели хотя и были родственниками короля, но вели себя часто, какъ самостоятельные государи, заключали союзы съ иностранными державами, враждовали съ королемъ и между собою. Къ концу XIV в. изъ этихъ владѣній образовались новыя сеньеріи, и какъ будто вновь возникъ феодальный строй; это былъ „феодализмъ принцевъ".

Самый сильный изъ удѣльныхъ князей былъ герцогъ бургундскій. Его владѣнія только одною частью входили въ составъ Франціи. Другая доля (по Верхней Ронѣ, часть прежняго Арелата) лежала въ предѣлахъ германской имперіи. Нѣсколько позднѣе онъ пріобрѣлъ богатыя промышленныя области по Шельдѣ, Маасу и Нижнему Рейну—Фландрію, Брабантъ, Люксембургъ и Голландію. Бургундскіе герцоги владѣли цѣлымъ государствомъ; оно не заключало въ себѣ одной націи, а составлялось изъ разнообразныхъ народностей. Всего важнѣе для нихъ были промышленные *Нидерланды*, т.-е. земли, лежавшія на низовьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ Нѣмецкое море (нынѣшнія Бельгія и Голландія). Ради торговыхъ выгодъ бургундскимъ герцогамъ нужно было держаться союза съ имперіей и съ Англіей.

Опираясь на поддержку бургундскаго герцога, англійскій король Генрихъ V возобновилъ походы Эдуарда III. Съ такимъ же успѣхомъ разбилъ онъ французскую армію, вступилъ въ Парижъ и заставилъ признать себя наслѣдникомъ французской короны; впавшій въ сумасшествіе король Карлъ VI отстранилъ отъ престола своего сына. Франція была присоединена къ Англіи (1421 г.). Но Генрихъ V скоро умеръ. Весь сѣверъ Франціи до Луары долженъ былъ признать его малолѣтняго сына. Дофинъ Карлъ, сынъ безумнаго короля, едва удерживалъ восточныя и южныя области. Англичане осадили Орлеанъ, крупнѣйшій городъ Франціи послѣ Парижа. Со взятіемъ Орлеана, они открыли бы себѣ путь на югъ, и тогда дѣло дофина должно было погибнуть. Судьба города живо занимала всю Францію. Въ такой мѣрѣ, казалось, исчерпались всѣ человѣческія усилія борьбы, что Орлеанъ могъ избавиться лишь чудомъ.

Въ жестокихъ схваткахъ подъ осажденнымъ городомъ удалось отбить англичанъ; тогда придали особое значеніе тому, что въ рядахъ французскихъ войскъ, съ согласія дофина, сражалась, поднявъ бѣлое королевское знамя, крестьянская дѣвушка Жанна д'Аркъ. Склонная къ видѣніямъ, слышавшая таинственные голоса, Жанна вѣрила, что святые направили ее освободить Орлеанъ и передать дофину корону. Послѣ

успѣха подъ Орлеаномъ ей удалось также, избѣгая англійскихъ войскъ, провести дофина въ Реймсъ на коронованіе (онъ сталъ королемъ Карломъ VII). Но затѣмъ Жанна попалась въ плѣнъ бургундцамъ, которые выдали ее англичанамъ. Враги такъ же, какъ и люди, увлеченные ея вѣрою, готовы были признать въ ней сверхъестественную силу, но сочли эту силу не божественнымъ откровеніемъ, а дьявольскимъ навожденіемъ, и Жанна была сожжена, какъ колдунья, на кострѣ въ Руанѣ.

Возстановленіе Франціи. Постоянная подать и постоянное войско. Въ средѣ массы французовъ замѣтно было сильное одушевленіе; но помимо того сложился рядъ внѣшнихъ обстоятельствъ, благопріятныхъ для французской монархіи. Англичане въ чужой странѣ утомились войной. Бургундскій герцогъ, ихъ союзникъ, помирился съ Карломъ VII. Однако еще въ теченіе 20 лѣтъ тянулась война; подъ конецъ англичане потеряли всѣ владѣнія во Франціи, удержавъ лишь Калэ. Эти событія середины XV в. можно считать окончаніемъ такъ наз. Столѣтней войны. При дружномъ содѣйствіи областей и сословій король сталъ вводить прочное военное и податное устройство. Почти каждый годъ король созывалъ штаты и совѣтовался съ ними.

На собраніи штатовъ въ Орлеанѣ въ 1439 г. было рѣшено соизволить королю сборъ прямого налога, *тальи* (taille), въ размѣрѣ 1,200,000 ливровъ. Король продолжалъ потомъ собирать этотъ налогъ ежегодно, не обращаясь болѣе къ штатамъ. Такимъ образомъ подать изъ возобновляемой время отъ времени подмоги обратилась въ *постоянную*. Она сдѣлалась главнымъ источникомъ дохода монархіи. Представители сословій не поставили ограниченій, которыя бы вынуждали короля обращаться къ нимъ при всякой нуждѣ въ деньгахъ, какъ въ Англіи; они не закрѣпили за собой права провѣрять расходы короля и его политику. Съ этой поры короли обращались къ штатамъ рѣдко, только подъ давленіемъ очень тяжелыхъ обстоятельствъ. Правильныхъ собраній штатовъ не образовалось. Карлъ VII воспользовался тальей для того, чтобы завести и содержать постоянное войско.

Война съ Англіей со времени Карла V велась «большими компаніями», т.-е. наемными отрядами. Наемники набирались изъ людей различныхъ странъ, испанцевъ, итальянцевъ, бельгійцевъ и т. п. Они соединялись обыкновенно около извѣстнаго выдающагося *капитана*, т.-е. генерала. Такому капитану поручали не только собрать войско и руководить имъ, но и одѣть и кормить его. Онъ былъ крупнымъ поставщикомъ, которому дѣлали заказъ и платили общую уговоренную сумму. Съ окончаніемъ войны выдача изъ казны денегъ военному предпринимателю прекращалась. Тогда наемники, лишенные всякихъ средствъ, или искали новаго предпріятія, переходили къ недавнему врагу, или обращались въ раз-

бойниковъ и грабили ту самую страну, которую только что защищали. Образовавшаяся для изгнанія англичанъ сорокатысячная армія наемниковъ, такъ называемые *арманьяки* (набранные графомъ Арманьякомъ), за свои насилія были прозваны «живодерами». Къ концу войны король думалъ лишь о томъ, какъ избавиться отъ этого страшнаго сброда, «выпустить изъ королевства дурную кровь»; ихъ направили на сосѣднія страны, въ раздробленную Германію, гдѣ они долго безпрепятственно грабили.

Въ виду страшнаго зла отъ чужихъ наемниковъ Карлъ VII старался создать *постоянную національную армію* на жалованьи. Этой цѣли должны были, во-первыхъ, служить «вольные стрѣлки», которыхъ ставилъ каждый приходъ по одному на 50 домовъ. Они были свободны отъ налога, должны были упражняться по воскресеньямъ въ стрѣльбѣ изъ лука и нѣсколько разъ въ годъ сходиться на смотры. Во-вторыхъ, возникли «отряды королевскаго приказа», которые раздѣлялись на небольшія группы, такъ наз. «копья». Копье составлялось изъ 6 человѣкъ, стоявшихъ въ бою вмѣстѣ: копейщика на лошади, 3 стрѣлковъ, 1 аллебардиста или солдата, вооруженнаго ножомъ, и слугу. Въ копейщики, или *жандармы* (gens d'armes), поступали теперь массами обѣднѣвшіе дворяне. Старая феодальная служба, для которой вассалы вооружались на свой счетъ, съ измѣненіемъ быта, стала непосильна большинству помѣщиковъ и вышла изъ употребленія: они искали теперь службы, вознаграждаемой деньгами. Эту службу могъ дать главный военный наниматель—король.

Весь характеръ войны измѣнился. Когда стало необходимостью нанимать солдатъ, содержать на казенный счетъ и заводить дорогія военныя орудія, перевѣсъ получалъ тотъ, у кого были болѣе обильныя и постоянныя денежныя средства. Въ XV вѣкѣ въ Европѣ изъ этого сложилось основное правило, которое гласило: «нервъ войны—деньги» (pecunia—nervus belli). Главныя средства для найма военныхъ доставляло уплатой податей *третье сословіе*.

Капиталисты въ управленіи. Услуги богатыхъ представителей этого сословія были крайне важны для короля. Они ссужали казну, давали впередъ деньги для большихъ предпріятій. Такъ, для окончанія Столѣтней войны король сдѣлалъ заемъ у крупнаго торговца и банкира Жака Кёра. Владѣя серебряными и мѣдными рудниками, Кёръ получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ свои руки чеканку монеты и сталъ королевскимъ казначеемъ. Кёръ разбогатѣлъ главнымъ образомъ въ торговлѣ съ Левантомъ. Его многочисленныя морскія галеры привозили шелкъ и пряности въ обмѣнъ за французское сукно. Его главный домъ находился на югѣ въ Монпелье, съ отдѣленіями въ крупныхъ французскихъ городахъ и конторами въ приморскихъ пунктахъ.

Обезпеченіемъ ссуды служили различныя статьи королевскихъ доходовъ; банкирамъ предоставляли самимъ возвращать себѣ долгъ изъ того, что получалось съ королевскихъ имѣній, изъ сбора податей и пошлинъ. Иными словмми—капиталиста вводили въ самое дѣло королевскаго управленія. Когда нужно было доставить ссуду, онъ соединялъ быстро значительныя суммы, обращаясь къ торговымъ домамъ *(фирмамъ)*, съ которыми находился въ сношеніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался устроить въ королевскомъ управленіи свое родство. Такъ, послѣ Кёра, въ теченіе 50 лѣтъ, первое мѣсто въ управленіи государственными финансами занимала семья де Бонъ, суконодѣлы города Тура. Жакъ де Бонъ, въ теченіе 30 лѣтъ состоявшій главноуправляющимъ финансовъ (général de finances), получилъ званіе барона; и вообще короли возводили служившихъ у нихъ людей третьяго сословія въ дворянство. Изъ финансовыхъ чиновниковъ и изъ судей, служившихъ въ парламентѣ, составился новый классъ *облагороженныхъ*, «дворянство мантіи», называвшееся такъ въ отличіе отъ стараго военнаго «дворянства шпаги».

Участь этихъ новыхъ союзниковъ королевской власти была однако полна риска. Король давалъ своимъ финансовымъ пособникамъ большія полномочія; придворные и сеньёры заискивали расположенія денежнаго человѣка, такъ какъ отъ него зависѣли подарки, пенсіи и доходныя должности, раздаваемыя королемъ, но въ случаѣ неудачи какого-либо финансоваго проекта платился главный предприниматель, королевскій банкиръ. Жакъ Кёръ подвергся немилости короля, былъ обвиненъ въ незаконныхъ оборотахъ и утайкѣ денегъ. Его имущество было конфисковано, и онъ едва спасся бѣгствомъ на востокъ. Позднѣе Жакъ де Бонъ былъ обвиненъ въ томъ же самомъ и кончилъ жизнь на плахѣ.

Промышленная политика Людовика XI. Сынъ Карла VII, Людовикъ XI (съ 1461 года) былъ самъ настоящимъ королемъ-предпринимателемъ. Въ одномъ ордонансѣ его говорится: «торговля—дѣло капитальное для блага и пользы общаго дѣла, для поддержанія жизни подданныхъ».

Начиная войну съ главнымъ врагомъ своимъ, герцогомъ бургундскимъ, Людовикъ потребовалъ, чтобы большіе города выслали ему по два представителя отъ купечества. Этому съѣзду купцовъ онъ сказалъ, что хочетъ съ ними «столковаться, какія принять мѣры для обезпеченія безопасности торговли, чтобы наши подданные съ Божьей помощью получали больше выгоды». Людовикъ XI поддерживалъ въ Англіи Ланкастеровъ противъ Іорковъ. Когда Ланкастеры на короткій срокъ изгнали Іорковъ, французскій король быстро снарядилъ двухъ купцовъ изъ Тура (одинъ изъ нихъ былъ де Бонъ) и на свой рискъ уговорилъ ихъ свезти въ Лондонъ парчу, пряности, тонкія матеріи и устроить выставку; они должны будутъ выхваливать достоинства товара и убѣдить жителей Англіи

на дѣлѣ, что французскіе купцы въ силахъ снабжать ихъ не хуже другихъ націй. Попытка короля завязать эти торговыя сношенія съ Англіей не удалась: Іорки вернулись, весь грузъ французскихъ купцовъ былъ отнятъ на пути въ морѣ, и король выплатилъ имъ неустойку.

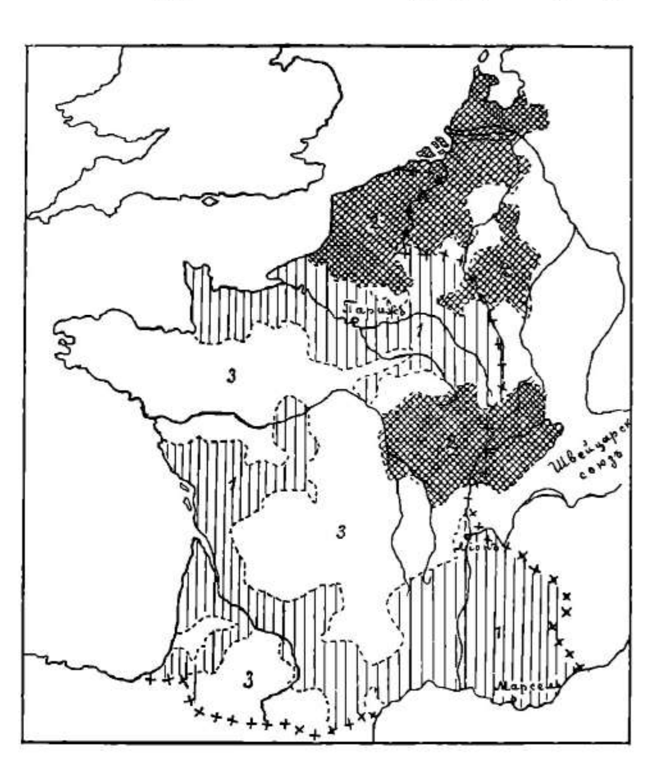
Людовикъ XI былъ болѣе счастливъ на югѣ: онъ пріобрѣлъ Провансъ, область между Нижней Роной и Альпами съ важнѣйшимъ портомъ на Средиземномъ морѣ, Марселью. Теперь у него сложился огромный планъ сосредоточить во Франціи всю торговлю съ Левантомъ: король думалъ образовать большую общефранцузскую торговую компанію при участіи всѣхъ купцовъ королевства и на общій капиталъ быстро построить множество судовъ, чтобы «въ другихъ странахъ не успѣли и опомниться». Планъ этотъ онъ изложилъ крупнымъ промышленникамъ Парижа, Ліона, Тура и другихъ большихъ городовъ. Но они смутились передъ такимъ дѣломъ и сослались на то, что большинство не привыкло къ морскому плаванію, что такой суммы достать нельзя и что народъ страдаетъ отъ голода.

Такъ же сильно занимала Людовика XI индустрія. Особенно хлопоталъ онъ о томъ, чтобы привить во Франціи шелковую мануфактуру. Король вычислялъ, что на покупку иностранныхъ шелковыхъ матерій уходитъ ежегодно огромная сумма; если устроить французскія мастерскія, эта сумма будетъ сберегаться въ странѣ; кромѣ того, получатъ занятіе отъ устройства фабрикъ въ одномъ только Ліонѣ около 10,000 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ всѣхъ состояній, и между ними, соображалъ король, «клириковъ и дворянъ, нынѣ праздныхъ». Король потребовалъ поэтому, чтобы ліонскіе граждане на свой счетъ пригласили искусныхъ иностранныхъ мастеровъ и рабочихъ шелковаго дѣла. Но ліонцы стали упираться; тогда король пригрозилъ, что отниметъ у города недавно заведенныя въ немъ крупныя ярмарки, и ліонцы согласились.

Всѣ эти мѣры короля были направлены въ одну сторону: онъ думалъ, что торговля и индустрія, столь важныя для государства, требуютъ *покровительства* государственной власти, т.-е. охраны, поддержки и руководительства съ ея стороны. Покровительство однако принимало у Людовика XI видъ непрерывнаго, часто мелочнаго вмѣшательства. Сотрудникъ короля и историкъ эпохи, Филиппъ де Комминъ, замѣчаетъ, что Людовикъ занятъ былъ «постоянно множествомъ вещей, безъ которыхъ онъ могъ бы отлично обойтись». Эта была безпокойная натура, вѣчно въ проектахъ: «во-время отдыха мысль его все продолжала работать». Людовикъ XI былъ такимъ же неутомимымъ и безконечно изобрѣтательнымъ политическимъ предпринимателемъ. Въ долгой борьбѣ, полной увертокъ и обмана, онъ покончилъ съ феодализмомъ принцевъ и объединилъ почти всю Францію.

Объединеніе Франціи при Людовикѣ XI. Къ началу его правленія вотчина короля вслѣдствіе раздачи удѣловъ такъ уменьшилась, что соста-

вляла меньше половины королевства; притомъ ея сѣверная и южная половины были отдѣлены другъ отъ друга широкой полосой княжескихъ владѣній. Князья образовали противъ короля «союзъ общаго блага» и сильно стѣснили его. Самый могущественный изъ нихъ, герцогъ бургундскій Карлъ (Безразсудный), одно время держалъ короля въ плѣну у себя. Людовикъ шелъ на всякія уступки и при первой возможности нарушалъ условія; отправляясь въ качествѣ друга въ гости къ бургундскому герцогу, онъ въ то же время разжигалъ мятежъ среди подданныхъ герцога. По понятіямъ Коммина тутъ не было ничего особеннаго: «кто преуспѣваетъ, тому и честь».

Франція при Людовикѣ XI. 1) Владѣнія короля. 2) Владѣнія герцога бургундскаго. 3) Удѣлы другихъ владѣтелей. + + + граница королевства.

Слабая сторона бургундскаго государства состояла въ томъ, что оно было перерѣзано по срединѣ. Герцогъ Карлъ старался захватить земли, которыя бы связали обѣ половины, и добиться королевскаго титула изъ рукъ императора. Людовикъ XI всюду поднялъ враговъ противъ Карла; на сѣверѣ онъ поддерживалъ волненія фламандскихъ городовъ, на югѣ платилъ деньги горожанамъ и крестьянамъ *Швейцарскаго союза*, которые боялись бургундскихъ захватовъ. Швейцарская пѣхота три раза разбивала бургундскихъ копейщиковъ. Въ послѣднемъ сраженіи со швейцарцами Карлъ погибъ. Его французскія владѣнія тотчасъ захватилъ Людовикъ XI. Остальная часть бургундскаго наслѣдства—Нидерланды и Франшъ Конте (по склону Юрскихъ горъ)—вмѣстѣ съ рукой дочери Карла досталась Максимиліану Габсбургу, будущему императору германскому. Послѣ этой удачи съ другими сеньёрами было легче справиться. Одни были взяты силой и погибли, осужденные пристрастными судьями,

надъ которыми висѣла угроза короля или которымъ выдана была впередъ часть имущества подсудимыхъ; другіе подчинились добровольно.

Французская монархія вернула оторвавшіеся отъ нея удѣлы и пріобрѣла новыя княжества. Король отнялъ у сеньёровъ право обмѣниваться посольствами и письмами съ иностранными правительствами. Онъ присвоилъ себѣ надзоръ за *почтовымъ* движеніемъ. На границѣ особые чиновники должны были прочитывать письма и посылки и пропускать лишь то, въ чемъ не усмотрятъ ничего предосудительнаго для государства; курьеры должны были переѣзжать границу по большимъ дорогамъ, иначе они подвергались аресту.

Объединитель большей части земель, составляющихъ нынѣшнюю Францію, человѣкъ больной, тщедушный и подозрительный, долго оставался въ памяти народа такимъ, каковъ онъ былъ въ послѣдніе годы правленія, когда жилъ въ уединеніи небольшого замка среди болотъ; окруженный иноземной шотландской стражей, подъ защитой множества ловушекъ, наводя ужасъ трупами повѣшенныхъ на деревьяхъ жертвъ своей расправы, среди немногихъ приближенныхъ, которыхъ онъ вытянулъ изъ грязи, со злой усмѣшкой или жесткимъ словомъ на губахъ. Самъ никогда не затрудняясь нарушить договоръ, онъ никому не вѣрилъ; мучимый страхомъ смерти, онъ не переставалъ одарять церкви и монастыри и возить святыню къ себѣ домой; въ его шляпу были вдѣланы драгоцѣнныя реликвіи, и съ нея свѣшивались свинцовыя статуэтки Богородицы и святыхъ; онъ постоянно снималъ ее съ головы и молился передъ ней.

Политическій строй Франціи въ 1500 году. Правленіе Людовика XI создало множество недовольныхъ. За двадцать лѣтъ онъ увеличилъ прямой налогъ вчетверо противъ того размѣра, который нашелъ при вступленіи. Послѣ смерти его, правительница (старшая сестра малолѣтняго наслѣдника, Карла VIII) вынуждена была, уступая голосу недовольныхъ, созвать Генеральные штаты въ Турѣ (1484 г.). На это собраніе сошлись представители всѣхъ частей Франціи. Послѣ того какъ канцлеръ передъ лицомъ штатовъ поздравилъ французскій народъ, сказавъ, что онъ отличается отъ другихъ «неослабнымъ послушаніемъ», одинъ изъ дворянъ выразилъ противоположное мнѣніе: «верховная власть,—говорилъ онъ собранію,—принадлежитъ народу, и народъ создалъ королей своимъ выборомъ. Короли существуютъ не для того, чтобы извлекать выгоду отъ народа и обогащаться на его счетъ, но для того, чтобы, забывая о собственныхъ интересахъ, обогащать его, дѣлать счастливымъ. Если они поступаютъ наоборотъ, они—тираны». Депутаты предъявили свои *наказы* (cahiers), т.-е. жалобы и желанія, выраженныя пославшими ихъ выборщиками. Особенно жаловались они на тяжесть налога и требовали

уменьшенія его до размѣра, какой былъ «во времена Карла VII». Желая провѣрять королевское управленіе, депутаты настаивали, чтобы штаты собирались правильно каждые два года. Правительство приняло наказы, но ограничилось неопредѣленными обѣщаніями и распустило штаты.

Ихъ не созывали послѣ этого въ теченіе 75 лѣтъ. Король могъ обходиться безъ нихъ. Главное средство финансовъ состояло въ прямомъ налогѣ; его привыкли взимать, безъ обращенія къ штатамъ, а его размѣръ зависѣлъ отъ опредѣленія *королевскаго совѣта*. Во Франціи не установилось обычая правильно созывать штаты подобно тому, какъ въ опредѣленные сроки обращались къ парламенту въ Англіи. Во французскихъ областяхъ не было, какъ въ Англіи, учрежденій, которыя бы имѣли привычку самоуправленія и могли напоминать о созывѣ общихъ собраній. Оттого судьба штатовъ во Франціи была иная, чѣмъ парламента въ Англіи. Они не были отмѣнены, но ихъ перестали созывать, хотя осталась память, что король долженъ править при содѣйствіи «трехъ сословій».

Государства Пиренейскаго полуострова. Къ концу XV в. сложилось еще третье крупное государство на крайнемъ западѣ Европы, Испанія.

Мусульмане въ теченіе $3^1/_2$ столѣтій владѣли большею частью Пиренейскаго полуострова. Только на сѣверѣ, въ горахъ Астурійскихъ и Пиренейскихъ, держались независимыя христіанскія владѣнія, составляя узкую полосу; ея западный край былъ занятъ отбившимися отъ мавровъ потомками стараго населенія Испаніи, восточный — поселенцами пограничной марки имперіи Карла Великаго. Когда кордовскій халифатъ Омайядовъ распался на мелкія владѣнія эмировъ, христіане начали продвигаться съ сѣверныхъ горъ; здѣсь они совершали тѣ самыя опустошенія, которыми такъ страшны были кочевники, напримѣръ, турки на востокѣ Европы и Азіи. Сеньёръ Діасъ, прозванный Сидомъ (господиномъ), котораго легенда сдѣлала потомъ ошибочно національнымъ героемъ Испаніи, нанимался на службу къ христіанамъ и къ мусульманамъ, грабилъ церкви и мечети. Когда въ XI в. изъ Африки прибыли новыя массы религіозно настроенныхъ воителей (Альморавиды), христіане были отброшены назадъ. Это было только знакомъ къ ожесточенной крестоносной борьбѣ христіанъ съ мусульманами, одновременной съ крестовыми походами европейцевъ на востокъ. На Пиренейскій полуостровъ также двинулись чужіе колонисты и рыцари, особенно французы; но успѣхъ былъ иной, чѣмъ у восточныхъ крестоносцевъ. Къ срединѣ XIII в. почти весь полуостровъ былъ въ рукахъ христіанъ. У мусульманъ осталась лишь область на крайнемъ югѣ у пролива, *Гренада*.

Христіане въ своемъ движеніи на югъ полуострова образовали нѣсколько государствъ, по своему строю и особенностямъ напоминающихъ государства крестоносцевъ въ Сиріи: тутъ было многочисленное воин-

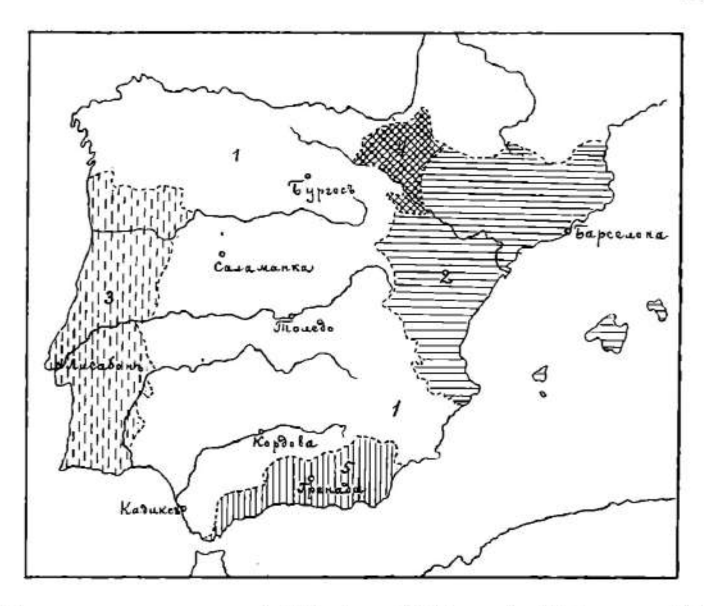
ственное дворянство, сильно ограничивавшее королевскую власть, богатые и независимые рыцарскіе ордена, самостоятельные города и могущественное духовенство; между сословіями было мало связи и согласія, каждая область и болѣе значительный городъ были еще обособлены своими самобытными нравами и обычаями (fueros).

Срединное государство полуострова, самое крупное ($^3/_5$ всего полуострова), *Кастилія* («страна замковъ»), было главнымъ полемъ борьбы съ мусульманами и болѣе всего отразило въ себѣ черты завоеванія. Въ теченіе борьбы между воюющими оставалась широкая полоса совершенно опустошенной и обезлюдѣвшей земли, которая служила какъ бы защитой отъ взаимныхъ набѣговъ; по мѣрѣ успѣховъ христіанскаго завоеванія она передвигалась южнѣе, а сѣверная ея окраина заселялась совершенно заново. Старое мавританское населеніе было или истреблено, или вынуждено бѣжать и сохранилось лишь въ южной Андалузіи. Вслѣдствіе этого долгаго и послѣдовательнаго разоренія хозяйство сильно упало; съ уходомъ мавровъ была заброшена ихъ оросительная система. Главный доходъ стало давать не земледѣліе, а скотоводство. Ради разведенія овецъ жертвовали массой земли. Въ силу обычая такъ наз. *месты* владѣльцы должны были пропускать черезъ свои земли ежегодно два раза громадныя стада, проходившія изъ сѣверныхъ областей въ южныя и обратно.

Образовавшееся въ борьбѣ съ маврами многочисленное дворянство, *гидальги* («собственники»), чуждалось производительнаго труда: всякій, кто поселился въ городѣ, отнятомъ у врага, и велъ благородную жизнь, не занимаясь ремесломъ и располагая конемъ и оружіемъ для службы королю, становился гидальго. При этомъ война выработала своеобразную религіозную и племенную гордость: особенной честью считалось быть древнехристіанскаго рода и не имѣть въ числѣ предковъ ни еврея, ни мусульманина. Значительные сеньёры, *гранды*, владѣли крупными землями. Дворянство большею частью входило въ составъ богатыхъ, независимо устроенныхъ рыцарскихъ орденовъ (самый важный—св. Іакова). Въ городахъ, возникшихъ изъ крѣпостей и одаренныхъ королевскими грамотами, которыя давали имъ независимое управленіе, держались воинственныя черты: они могли выставить большія ополченія; въ столкновеніяхъ съ сеньёрами они составляли между собою *германдады*, т.-е. братскіе военные союзы. Главныя богатства были въ рукахъ духовенства. Въ городахъ, отнятыхъ у мавровъ, треть земли доставалась церкви; архіепископы были богатѣйшими сеньёрами и держали княжескіе дворы; они сохранили обычай выѣзжать въ полномъ вооруженіи во главѣ своихъ вассаловъ. Необыкновенно велико было число монастырей и количество монаховъ, поддерживавшихъ въ народѣ слѣпую ненависть

къ мусульманамъ и евреямъ. Духовенство было малообразовано. На одномъ синодѣ въ XV в. пришлось даже установить правило, чтобы въ священники ставились лишь умѣющіе читать.

Король былъ ограниченъ съѣздомъ *(кортесъ)* своихъ вассаловъ, изъ котораго образовалось собраніе сословныхъ представителей,—четырехъ, а не трехъ, какъ во Франціи, такъ какъ сеньёры, называвшіеся «богатыми людьми», отдѣлялись въ особую палату отъ рыцарей, или «меньшихъ людей». Безъ согласія кортесъ король не могъ налагать подати; кортесъ утверждали наслѣдника престола и приносили ему присягу послѣ того, какъ онъ обязывался соблюдать вольности королевства. Но король

Пиренейскій полуостровъ въ концѣ XV вѣка. 1) Кастилія. 2) Арагонъ 3) Португалія. 4) Королевство Наварра. 5) Гренадскій халифатъ.

былъ еще болѣе связанъ надзоромъ своего *постояннаго совѣта*, который состоялъ изъ крупныхъ сеньёровъ и главныхъ сановниковъ; король зависѣлъ отъ него въ управленіи своей вотчиной, въ распоряженіи бенефиціями и пенсіями.

Другой характеръ носили два государства, образовавшіяся на западной и восточной морской окраинѣ, *Португалія* и *Арагонъ*. Португалія съ 1300 г. заняла важное мѣсто въ движеніи товаровъ, которое направилось изъ Средиземнаго моря въ сѣверныя страны черезъ Гибралтарскій проливъ и кругомъ западнаго берега Европы. Арагонъ, особенно съ пріобрѣтеніемъ Балеарскихъ острововъ и Сициліи въ концѣ XIII в., сталъ крупнѣйшей морской и торговой державой въ западной части Средиземнаго моря. Болѣе всего въ этомъ отношеніи выдѣлялась промышленная

область на сѣверѣ у Пиренейскихъ горъ, Каталонія, и особенно ея главный городъ *Барселона*.

Образованіе Испаніи. Въ концѣ XV в. большая часть Пиренейскаго полуострова объединилась подъ властью одной династіи; арагонскій король Фердинандъ получилъ руку наслѣдницы кастильскаго королевства, Изабеллы. Силами Кастиліи они скоро захватили мавританскую Гренаду (въ 1495 г.). Образовалась нынѣшняя *Испанія;* по устройству своему она еще долго дѣлилась на два разныя государства, серединное и восточное; въ каждомъ было свое собраніе кортесъ и свои особые министры.

Правленіе Фердинанда и Изабеллы напоминаетъ политику Людовика XI во Франціи и Генриха VII Тюдора въ Англіи. Въ серединѣ XV в. долго тянулись въ Испаніи смуты, во время которыхъ крупные люди, гранды, опирались на большія свиты мелкихъ рыцарей, гидальго. Чтобы сломить своеволіе ихъ, король соединился съ горожанами. Городскія германдады были поставлены подъ одно руководство и команду. Онѣ должны были являться всюду, гдѣ слышно было о разбоѣ, насиліяхъ и мятежѣ; ихъ начальники производили надъ безпокойными людьми, захваченными на мѣстѣ, скорый судъ и расправу. Но когда «большая германдада» сдѣлала свое дѣло, очистила страну отъ остатковъ смуты, король распустилъ ее, опасаясь, чтобы она сама не взяла силы противъ него. Точно такъ же король уничтожилъ самостоятельность большихъ рыцарскихъ орденовъ, которые обладали крупнымъ имуществомъ и включали въ себѣ массу людей. Король объявилъ себя главою орденовъ: владѣнія орденовъ, служащіе въ нихъ, вкладчики и пенсіонеры поступили подъ его начало. Въ преслѣдованіи всякаго рода людей, опасныхъ для своей власти, Фердинандъ и Изабелла опирались и на церковь. Они выставляли на первое мѣсто свою ревность въ дѣлѣ вѣры, и отсюда данное имъ папою прозваніе «католическихъ государей». Въ Испаніи была заведена «святѣйшая инквизиція» для того, чтобы истребить еретическія мнѣнія и особенно наклонность къ іудейской вѣрѣ, такъ какъ послѣ господства мавровъ въ Испаніи осталось много евреевъ. Въ сущности однако инквизиція притягивала къ суду, подвергала аресту и казнила множество лицъ безъ всякаго отношенія къ дѣлу вѣры, но такихъ, которыя почему-либо казались подозрительными правительству.

Въ то же время католическіе государи старались поднять торговлю и ремесло въ странѣ и увеличить доходы государства съ этихъ промысловъ. Для всей Испаніи была заведена общая мѣра и монета. Всѣми средствами правительство поддерживало шелковое и суконное производства. Чтобы поднять морское дѣло, было запрещено возить испанскіе товары на иностранныхъ корабляхъ и продавать испанскіе корабли иностранцамъ. Особенно хлопотали о томъ, чтобы удержать въ странѣ зо-

лото и серебро: иностранные купцы должны были увозить уплату за доставленные ими въ Испанію товары не въ видѣ денегъ, а въ видѣ какихъ-либо товаровъ. Испанская торговля и мореходство сильно увеличились при помощи такихъ поощреній и запретовъ. За 30 лѣтъ правленія Фердинанда и Изабеллы доходъ государства въ одной Кастиліи возросъ въ 12 разъ. Предпріимчивые испанскіе моряки двинулись за океанъ и стали захватывать области и богатства Америки.

Королевское управленіе все болѣе оттѣсняло на второе мѣсто старыя собранія кортесъ. Въ Арагонѣ они еще сохранили значеніе, но въ Кастиліи, главномъ государствѣ, ихъ стали рѣдко созывать. Предсѣдатель королевскаго совѣта, *юстиція*, которому приносили присягу всѣ чиновники, былъ назначенъ также и предсѣдателемъ кортесъ. Онъ провѣрялъ приносимые депутатами наказы отъ выборщиковъ и просматривалъ ихъ жалобы. Король завелъ обычай давать подарки депутатамъ, чтобы повліять на нихъ или привлечь на свою сторону. Къ концу правленія Фердинандъ даже требовалъ, чтобы ему доставляли свѣдѣнія о ходѣ совѣщаній въ собраніи.

Общія черты новыхъ государствъ. Сословная монархія. Въ XV в. на крайнемъ западѣ Европы сложились три большія государства, Англія, Франція и Испанія, въ которыхъ можно замѣтить *сходныя черты*. Каждое изъ нихъ объединяло большую націю, образовавшуюся изъ разныхъ народностей, но имѣвшую одинъ языкъ и достигшую нѣкотораго единства интересовъ, напр., въ поддержаніи внутренняго порядка и въ защитѣ общей торговли. Въ каждой выработалось государственное устройство, которому подчинялись отдѣльныя части, области, города и округа; въ предѣлахъ государства для всѣхъ установились одинаковыя повинности, особенно одинаковая подать и подчиненіе общему верховному суду. Управленіе было въ рукахъ короля и его ближайшихъ совѣтниковъ, но королевское правительство вынуждено было обращаться къ содѣйствію собранія отъ всей страны (парламенту, штатамъ, кортесъ); въ собраніи этомъ сходились уполномоченные отъ главныхъ сословій, духовенства, дворянства, крупнаго и мелкаго, и городского населенія. Сословія были еще рѣзко выдѣлены одно отъ другого, что замѣтно отражалось на собраніяхъ. Вотъ почему это государственное устройство, гдѣ король ограниченъ сословіями, теперь принято называть *сословной монархіей*.

Ограниченіе это было различно: оно сильнѣе всего проявлялось въ Англіи и слабѣе всего во Франціи. Но вездѣ въ Европѣ къ концу XV в. королевская власть поднялась. Главную силу ей давало увеличеніе доходовъ отъ развитія торговли и промышленности, которому она помогала своей политикой. Увеличилось и вмѣшательство государственной власти въ различныя стороны жизни общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и число слу-

жащихъ ей чиновниковъ. Правительство набирало ихъ главнымъ образомъ изъ мелкаго рыцарства и горожанъ.

Иначе сложилась судьба двухъ другихъ странъ западной Европы, Италіи и Германіи. Итальянская и нѣмецкая нація не сплотились въ государства. Въ Италіи образовалось нѣсколько, большею частью мелкихъ государствъ, а Германія, хотя и называлась попрежнему имперіей, имѣла императора и общіе съѣзды князей, прелатовъ и городовъ, но въ сущности была также раздроблена на много самостоятельныхъ областей и общинъ.

12. Германія. Церковное движеніе XIV и XV вв.

Германская народность на востокѣ. Чехія и Польша. Въ XIII и XIV вв. германская народность широко распространилась и заняла приблизительно вдвое большее пространство, чѣмъ до тѣхъ поръ. Въ странахъ, сосѣднихъ съ Германіей на востокѣ, населенныхъ славянскими, литовскими и финскими племенами, германскіе колонисты или водворились въ качествѣ господъ, или мирно сѣли среди туземцевъ.

На сѣверномъ краю Германіи движеніе шло путемъ завоеванія; всего дальше продвинулись военныя и торговыя поселенія вдоль берега Балтійскаго моря: это были владѣнія двухъ орденовъ, Ливонскаго (меченосцевъ) и Тевтонскаго, — въ сущности два самостоятельныхъ нѣмецкихъ государства. Такимъ же военнымъ захватомъ было занятіе равнинъ по Эльбѣ и Одеру, гдѣ образовалось крупное германское княжество, Бранденбургъ, основа будущаго прусскаго государства. Завоеватели встрѣчали здѣсь мелкія славянскія племена, которыя должны были подчиниться. Владѣтельный князь продавалъ предпринимателямъ участки по 30 — 60 гуфъ (крестьянскихъ надѣловъ) для основанія деревень, по 100—300 гуфъ для образованія городовъ; покупатель становился старостой или головой поселка и продавалъ поселенцамъ изъ разныхъ областей Германіи землю по частямъ; нерѣдко вендскую (славянскую) деревню обращали въ нѣмецкую; старыхъ обывателей оттѣсняли на худшія земли и подчиняли тяжелымъ повинностямъ и барщинамъ.

Иначе шло переселеніе на югѣ, въ полосѣ среднеевропейскихъ возвышенностей (богемскаго плоскогорія, Судетъ и Карпатъ): нѣмецкіе колонисты вступали здѣсь мирно въ большія славянскія государства, *Чехію* и *Польшу*, и въ полуславянскую *Венгрію*, въ которой господствующій классъ составился изъ степныхъ завоевателей, мадьяръ.

Эти три государства образовались приблизительно около 900 года. Отъ проповѣдниковъ римской церкви они приняли христіанство въ теченіе X вѣка; духовенство, пришедшее съ запада, составило въ нихъ первый слой образованныхъ людей; управленіе устроилось въ нихъ по примѣру

государствъ, входившихъ въ составъ имперіи Карла. Ихъ князья старались получить освященіе своей власти и высокій титулъ королей отъ верховныхъ силъ запада, отъ папы и императора. Чешскій король вступилъ даже въ число крупныхъ вассаловъ императора и сталъ считаться однимъ изъ князей Германіи. Чешскіе, польскіе и венгерскіе короли ввели тѣ же учрежденія, что въ Германіи и Франціи: королевскій совѣтъ, составленный изъ крупныхъ владѣтелей, областныхъ старостъ (въ Польшѣ), соотвѣтствующихъ графамъ, и замковыхъ начальниковъ (по-польски каштеляновъ); короли вознаграждали за службу землей и требовали отъ помѣщиковъ рыцарскаго вооруженія.

Позднѣе короли, прелаты и сеньёры въ этихъ странахъ начали совершенно такъ же, какъ государи и феодальные владѣтели на западѣ, хлопотать о расширеніи торговли, объ устройствѣ рынковъ и городовъ и о привлеченіи новоселовъ для разработки обширныхъ пустырей. Въ то время нельзя было опасаться, что вызовомъ чужихъ людей будутъ стѣснены свои, такъ какъ населенія было еще мало, а земли было много. Все дѣло было въ томъ, чтобы получить искусныхъ промышленниковъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ, поднять скрывающіяся богатства страны, напр., рудники, осушить и очистить подъ обработку лѣсные и болотные края, пропадавшие даромъ; отъ этого могъ только возрасти доходъ страны. Особенно важно было вызвать колонистовъ послѣ жестокихъ опустошеній, нанесенныхъ въ срединѣ XIII в. большимъ татарскимъ нашествіемъ. Нѣмецкіе выходцы садились въ Чехіи и Польшѣ сплошными поселеніями и получали самоуправленіе по образцу городовъ своей родины. Въ Польшѣ города, основанные колонистами, принимали устройство нѣмецкаго *Магдебурга*; за разрѣшеніемъ споровъ и тяжебъ обыватели польскихъ городовъ обращались въ Магдебургъ; городской порядокъ въ Польшѣ сталъ поэтому называться *магдебурскимъ правомъ*.

Возникновеніе независимыхъ городовъ имѣло въ Польшѣ тѣ же послѣдствія, какъ на западѣ. Землевладѣльцы, стараясь привлечь рабочихъ людей, чтобы использовать нетронутыя пустоши и лѣса, давали деревнямъ устройство, похожее на городское. Часть новоселовъ составлялась изъ вольныхъ людей такъ назыв. *лазенковъ* (бродягъ), т.-е. безземельныхъ; вмѣстѣ съ прежними обывателями они составили самостоятельныя сельскія общины, *гмины* (отъ нѣмецкаго Gemeinde—община). Въ XIV в. это движеніе колонистовъ и образованіе свободныхъ общинъ было особенно сильно. Король Казимиръ III, который содѣйствовалъ крестьянскимъ общинамъ, получилъ названіе «короля хлоповъ» (мужиковъ).

Устройство Германіи съ конца XIII в. Въ то время, какъ германская рѣчь и народность проникли далеко на востокъ, до Чудского озера, Двины, Нѣмана, Вислы и Карпатъ, сама Германія почти перестала быть государствомъ.

Когда послѣ 18 лѣтъ междуцарствія важнѣйшіе князья сошлись на выборѣ Рудольфа Габсбурга, одного изъ южно-германскихъ владѣтелей, королю были поставлены такія условія, которыя дѣлали его совершенно безсильнымъ. Онъ долженъ былъ отказаться отъ всякихъ притязаній на Италію и отъ похода въ Римъ. Ничего почти не осталось отъ старой королевской вотчины съ ея богатыми помѣстьями, замками, складами и резиденціями; все ушло на пожалованія или было расхищено во время междуцарствія; королевскихъ доходовъ болѣе не существовало. Король не могъ ни созвать общую вооруженную силу имперіи, ни потребовать налога, ни издать общее постановленіе безъ согласія избравшихъ его князей. Онъ не обладалъ средствами, чтобы помѣшать усобицамъ, поднимавшимся въ разныхъ краяхъ имперіи.

Не имѣлъ настоящей силы и общій съѣздъ князей въ Германіи, рейхстагъ; его и сравнивать нельзя съ англійскимъ парламентомъ. Рейхстагъ не собирался въ опредѣленные сроки и не имѣлъ въ своей средѣ выборныхъ отъ округовъ, которые бы стояли за общіе интересы населенія. Сходившіеся въ немъ князья (*фюрсты*) не составляли класса, какъ напр. въ Англіи крупные бароны. Когда-то смѣняемые королемъ сановники, они обратились, особенно со времени Фридриха II, въ самостоятельныхъ правителей, въ «малыхъ королей». Главный ихъ перевѣсъ надъ королемъ состоялъ въ томъ, что ихъ положеніе стало наслѣдственнымъ, а королевское осталось избирательнымъ. Къ свѣтскимъ наслѣдственнымъ князьямъ по характеру подходили архіепископы и епископы, «духовные князья». Доходы областей были въ распоряженіи князей: они владѣли рудниками и чеканили монету, собирали пошлины съ рынковъ, переправъ и за проѣздъ по дорогамъ; они могли строить крѣпости и имѣли верховный судъ въ своихъ владѣніяхъ. Поэтому рейхстагъ собственно и не издавалъ *общихъ законовъ*: сходившіеся на собранія князья вырабатывали какое-нибудь соглашеніе между собою, напр., провозглашали «земскій миръ», т.-е. отказывались отъ споровъ и усобицъ на извѣстный срокъ; но въ случаѣ нарушенія такого уговора не было возможности принудить къ спокойствію или наказать нарушителя, такъ какъ не было ни имперскаго суда, ни военныхъ отрядовъ, ни имперскаго военачальника. Въ судѣ руководились мѣстными обычаями. Они не были записаны повелѣніемъ верховной власти; но въ нѣкоторыхъ областяхъ записи составляли частныя лица; самой старинной такой записью было въ XIII в. въ сѣверной Германіи *Саксонское зерцало* (Sachsenspiegel).

Князья не были однако неограничены въ своемъ управленіи: въ ихъ владѣніяхъ повторялись въ маломъ видѣ тѣ собранія, которыя установились въ большихъ государствахъ запада: прелаты, рыцари и горожане

собирались въ каждомъ владѣніи на мѣстные съѣзды; эти *земскія сословія* (или земскіе чины) соизволяли князю собирать налогъ и требовали отъ него отчета въ расходованіи денегъ. Князей можно было насчитать около сорока; области ихъ были очень различной величины; куски ихъ по большей части пестро переплетались между собою. Низшій феодальный разрядъ, рыцари, не весь вошелъ въ составъ княжескихъ подданныхъ. Осталось нѣсколько тысячъ прежнихъ слугъ императора такъ назыв. *имперскихъ рыцарей*, поселенныхъ большею частью по Рейну и въ южной Германіи; они считались прямыми подданными императора; но ихъ обязательная служба давно прекратилась, и подчиненіе ихъ ни въ чемъ не выражалось. Въ рейхстагѣ они не имѣли участія и представляли своеобразный примѣръ независимыхъ помѣщиковъ, не знавшихъ надъ собой никакой государственной власти.

Независимо были поставлены около восьмидесяти приблизительно *имперскихъ городовъ*; ихъ представители были потомъ допущены въ рейхстагъ. Но составъ этихъ городовъ былъ случайный; между ними было нѣсколько совершенно ничтожныхъ, а съ другой стороны, многіе очень значительные и богатые города не принадлежали къ имперскимъ.

Единаго государства не стало, но сохранилось понятіе о священной имперіи; достоинство этой возвышенной и воображаемой власти какъ будто перешло на тѣхъ князей, которые къ концу XIII в. стали рѣшать выборъ короля. Эти *семь князей* (три крупныхъ владѣтеля на востокѣ, бранденбургскій, саксонскій и чешскій, и четыре на западѣ, архіепископы Кёльна, Майнца и Трира и пфальцграфъ на Рейнѣ) получили потомъ право исключительнаго выбора: отсюда ихъ названіе *курфюрсты*, т.-е. князья-избиратели.

Курфюрсты руководились при выборахъ тѣмъ соображеніемъ, чтобы не дать королю усилиться и закрѣпить свою власть; онъ могъ бы тогда отнять у князей ихъ преимущества. Поэтому не только королю ставили «выборныя условія», но и нѣсколько разъ мѣняли династію. Въ концѣ XIII в. выбирали *Габсбурговъ*, владѣвшихъ землями въ южной Германіи, въ началѣ XIV в. ихъ смѣнили *Люксембургами*, которымъ первоначально принадлежала область этого имени въ западной Германіи, а потомъ Чехія и Бранденбургъ; Люксембурговъ съ перерывами выбирали въ теченіе 120 лѣтъ—до 30-хъ гг. XV в., а потомъ опять замѣнили Габсбургами. Короли, потерявъ общее значеніе въ государствѣ, дѣйствовали такъ, какъ будто они были только князьями, т.-е. увеличивали свои княжескія владѣнія. Эти владѣнія наслѣдники ихъ сохраняли и въ томъ случаѣ, когда ихъ не избирали болѣе государями. Такимъ образомъ Габсбурги пріобрѣли себѣ земли по среднему Дунаю и по восточнымъ Альпамъ и положили основаніе *Австріи*; Люксембурги завладѣли *Чехіей*.

Когда Германія такъ раздробилась, нѣкоторыя части ея совсѣмъ отдѣлились отъ цѣлаго; другія обособили свои интересы, стали дѣйствовать и управляться независимо отъ имперіи. Это случилось въ XIV в. съ общинами Швейцаріи и съ сѣверно-нѣмецкими приморскими городами.

Швейцарскій союзъ. Въ средней части Альпъ образовался самостоятельный союзъ изъ небольшихъ горныхъ общинъ и торговыхъ городовъ.

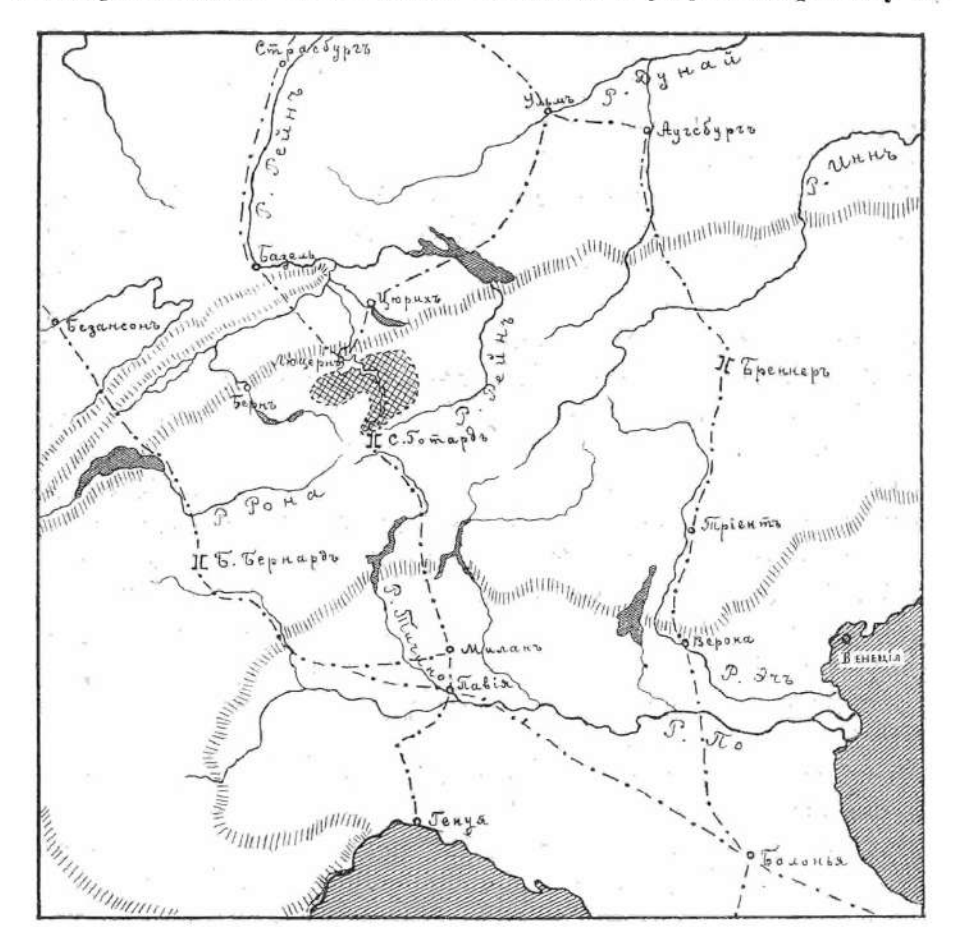
Торговое движеніе черезъ Альпы было очень велико. Между тѣмъ, послѣ разрушенія римскихъ путей здѣсь не было вовсе крупныхъ благоустроенныхъ дорогъ. Путники и товарные обозы двигались, переходя небольшими этапами, по узкимъ рѣчнымъ долинамъ и высокимъ проходамъ отъ одного монастыря, замка или госпиталя къ другому. Горцы участвовали въ перевозѣ и охранѣ людей и клади; но вмѣстѣ съ тѣмъ брали себѣ большую выгоду въ видѣ пошлинъ и платы за провозъ.

Съ тѣхъ поръ какъ стали пользоваться среднимъ проходомъ въ Альпахъ, *С.-Готардомъ*, эта выгода особенно увеличилась для обывателей такъ назыв. *лѣсныхъ общинъ*, лежавшихъ кругомъ озера, черезъ которое течетъ Рейссъ, сбѣгающій съ С.-Готарда. Новый проходъ сталъ доступенъ лишь съ начала XIII в., когда былъ выстроенъ цѣпной мостъ черезъ глубокое ущелье, составлявшее до тѣхъ поръ неодолимую преграду движенія. С.-Готардъ сильно сокращалъ путь между Германіей и Италіей, и движеніе устремилось черезъ него. Но владѣніе этимъ путемъ оспаривали у горцевъ Габсбурги: они забирали одинъ за другимъ замки, стоявшіе на торговой дорогѣ къ сѣверу отъ С.-Готарда. Надъ жителями альпійскихъ дорогъ, ведущихъ въ проходъ, они старались получить судебную власть.

Въ виду этого сельскіе жители трехъ лѣсныхъ общинъ (*кантоновъ*) составили между собою въ 1291 г. «вѣчный» оборонительный союзъ: главная цѣль его состояла въ томъ, чтобы не допускать къ себѣ чужихъ судей и охранять свои судебные обычаи. Когда Габсбурговъ перестали выбирать въ короли въ началѣ XIII в., горцы добились своего: Люксембурги признали ихъ независимыми отъ какого-либо сеньёра и подчиненными только имперіи. Такъ какъ имперія не имѣла ни чиновниковъ, ни войска, вообще никакой принудительной силы, то это равнялось признанію ихъ *свободными*. Скоро къ нимъ присоединился четвертый лѣсной кантонъ, лежавшій около озера съ городомъ *Люцерномъ*, а затѣмъ еще два сосѣднихъ крупныхъ города, *Цюрихъ* и *Бернъ*, лежавшіе на путяхъ къ долинѣ Рейна. Это соединеніе крестьянскихъ горныхъ общинъ и промышленныхъ городовъ, господствовавшихъ надъ главнымъ проходомъ черезъ Альпы, и составило *основу Швейцарскаго союза*, который потомъ еще разроссл по всему плоскогорію между Средними Альпами и Верхнимъ Рейномъ. За нимъ оставалось долго первоначальное названіе «общи-

ны на присягѣ» (Eidgenossenschaft), то самое, которое принимали независимые города въ сѣверной Франціи и Германіи. Имя Швейцаріи перенесено было на весь союзъ отъ одного изъ лѣсныхъ кантоновъ, Швица.

Габсбурги два раза приводили рыцарскія ополченія противъ союза, но всякій разъ рыцари терпѣли неудачу въ неровной мѣстности: ихъ кавалерія попадала въ стѣсненное положеніе и уступала стройному на-

Альпійскіе проходы и торговые пути между Италіей, Германіей и Франціей. Клѣточками обозначена область первоначальнаго швейцарскаго союза (3 лѣсные кантона).

тиску крестьянской и городской пѣхоты латниковъ, вооруженныхъ копьями. Такимъ образомъ въ Альпахъ съ XIV в. утвердилось особое государство (по имени оно еще считалось частью имперіи) изъ независимыхъ небольшихъ общинъ, которыя держали въ своихъ рукахъ главныя сообщенія въ средней Европѣ.

Бѣдная произведеніями страна отстояла свою свободу, и борцы ея

получили извѣстность по всей Европѣ. Вслѣдствіе этого сосѣди, французскіе короли, нѣмецкіе князья и итальянскія республики, искали въ Швейцаріи солдатъ; множество крѣпкихъ молодыхъ людей, не имѣвшихъ дома достаточнаго заработка или привлекаемыхъ добычей, уходили изъ страны и составляли наемные отряды. Чтобы имѣть право вербовки военныхъ въ Швейцаріи, иностранныя правительства платили большія суммы (пенсіи) вліятельнымъ и руководящимъ семьямъ въ кантонахъ. Швейцарія стала вдвойнѣ жить на счетъ другихъ европейскихъ странъ: какъ стражъ среднеевропейской торговли и какъ главный поставщикъ солдатъ.

Другой, гораздо болѣе крупный, но менѣе устойчивый союзъ образовали города сѣверной Германіи.

Сѣверная торговля. Условія торговли въ сѣверныхъ моряхъ Европы были совершенно иныя, чѣмъ въ Средиземномъ морѣ. Люди временъ римской имперіи представляли себѣ здѣсь край свѣта: Тацитъ называлъ Сѣверное (Нѣмецкое) море «необозримымъ и враждебнымъ океаномъ». Оно, дѣйствительно, бурно и часто покрыто туманомъ, какъ и Балтійское. Плаваніе по нимъ обоимъ несравненно опаснѣе, чѣмъ по морямъ южной Европы. Южные берега сѣверныхъ морей мало удобны для сношеній; частью они низменны и размываются приливами, частью образуютъ песчаныя и болотистыя, скудныя и непригодныя для поселенія полосы. Только въ устьяхъ рѣкъ можно найти пристани. Первые моряки, которые рѣшились прорѣзать этотъ большой рукавъ Атлантическаго океана, пришли съ сѣвера, изъ Скандинавіи; это были завоеватели и разбойники, норманны. Лишь двѣсти лѣтъ спустя двинулись имъ навстрѣчу торговые мореплаватели съ южной окраины морей, съ береговъ средней Европы.

Это движеніе купцовъ произошло, во-первыхъ, оттого, что выросло населеніе въ прилегающей части материка, въ Германіи, и развилась промышленность на сбытъ; во-вторыхъ, потому, что въ XII и XIII вв. открылся для обширной восточной Европы, для странъ нынѣшней Россіи и Польши, большой выходъ на западъ. Раньше эти страны имѣли главный сбытъ по рѣкамъ, текущимъ на югъ, Волгѣ, Дону, Днѣпру, и стояли въ сношеніяхъ съ Византіей и халифатомъ; но эти восточные и южные пути все болѣе засорялись вторгавшимися изъ Азіи кочевниками и, наконецъ, почти закрылись. Тѣмъ важнѣе было для восточноевропейскихъ странъ завязать обмѣнъ въ другую сторону свѣта, съ западными землями, черезъ море. Для этихъ сношеній Балтійское море было очень удобно: оно глубоко вдается своими заливами; въ него вливаются большія судоходныя рѣки, по которымъ можно сплавлять товары изъ отдаленныхъ внутреннихъ земель. Въ этомъ отношеніи на него похоже и сосѣднее Сѣверное море, къ которому тянетъ также обширный и обильный водою рѣчной бассейнъ.

Сѣверноевропейская торговля получила большіе размѣры, чѣмъ южная, средиземноморская, и другой характеръ. На югѣ покупали предметы роскоши, пряности, тонкіе фабрикаты; главные потребители были *высшіе классы*. Въ сѣверной торговлѣ, изъ странъ полуварварскихъ вывозились преимущественно сырые продукты, мѣха и кожи, строительный лѣсъ, мѣдь, желѣзо, рыба, сало, воскъ и медъ, ленъ и пенька; эти матеріалы и пищевые продукты покупались и потреблялись несравненно *болѣе широкими кругами населенія*. Сѣверные лѣса были нужны для постройки купеческихъ кораблей въ нѣмецкихъ приморскихъ городахъ; однимъ изъ главныхъ предметовъ питанія низшихъ классовъ не только у моря, но и въ срединѣ Европы, стала копченая и соленая сельдь и треска, которая ловилась у береговъ Скандинавіи. Въ обмѣнъ везли на сѣверъ и востокъ хлѣбъ и соль, затѣмъ среднеевропейскія ремесленныя произведенія, шерстяныя матеріи, полотно, напитки, вино и пиво, и наконецъ южные товары; этимъ путемъ русскія земли, Польша, Скандинавія и Англія втягивались въ жизнь болѣе образованныхъ странъ запада.

Великая нѣмецкая ганза. Германскіе купцы, державшіе въ своихъ рукахъ торговлю съ сѣверомъ, сначала соединялись на чужбинѣ въ отдѣльные союзы, *ганзы*. Самыя важныя соединенія были на двухъ концахъ большой сѣверной морской линіи: на западѣ въ Лондонѣ и Брюгге, гдѣ первое мѣсто занимали промышленники Кёльна, и въ восточной части Балтійскаго моря, гдѣ большой городъ *Висби* на островѣ Готландѣ основалъ конторы вплоть до русскихъ городовъ Новгорода и Смоленска. Скоро стали сознавать, что у всѣхъ германскихъ купцовъ въ обоихъ моряхъ есть общіе интересы.

Болѣе всего къ объединенію клонилъ *Любекъ*, главный изъ такъ называемыхъ *вендскихъ* городовъ (т.-е построенныхъ на старой славянской, вендской землѣ). Любекъ стоялъ посредникомъ между сѣверноморской и балтійскій торговлей: вмѣсто долгаго обхода кругомъ Ютландіи товары изъ одного моря въ другое провозились по перешейку отъ Любека до Гамбурга, стоявшаго на выходѣ Эльбы. Городъ, быстро выросшій наподобіе современныхъ американскихъ, имѣлъ характерный гербъ: на волнующемся морѣ плыветъ корабль, въ немъ купецъ показываетъ рулевому направленіе. Подъ вліяніемъ Любека въ концѣ XIII в. нѣмецкіе заморскіе купеческіе союзы подчинились руководству тѣхъ германскихъ городовъ, откуда выходили торговые люди; всѣ эти города въ свою очередь въ половинѣ XIV в. соединились въ одинъ союзъ, Великую нѣмецкую ганзу.

Главная цѣль союза состояла въ томъ, чтобы выключить всѣхъ чужихъ торговцевъ съ двухъ прилегающихъ морей и «оградить море ради простого нѣмецкаго купца». Сильной помѣхой союзу поднималось одно

изъ скандинавскихъ государствъ, *Данія*, расположенная между обоими морями. Король Вальдемаръ IV Аттердагъ (Неотступный) занялъ южную часть Швеціи, взялъ островъ Готландъ и разрушилъ Висби, важнѣйшій портъ Ганзы на половинѣ дороги по Балтійскому морю. Тогда въ Кёльнѣ сошлись депутаты 77 городовъ для устройства взаимной защиты. Большой военный флотъ союзниковъ, которымъ начальствовалъ бюргермейстеръ (голова) Любека, взялъ столицу Даніи, Копенгагенъ, датскіе острова, южную часть Швеціи и смирилъ норвежскаго короля, помогавшаго Даніи (1370 г.). Ганза достигла величайшаго своего успѣха. Ея купцы пріобрѣли всѣ преимущества въ скандинавскихъ государствахъ, союзъ рѣшалъ здѣсь даже передачу престола въ своихъ интересахъ. Ганза заключила рядъ выгодныхъ для себя торговыхъ договоровъ со всѣми странами отъ Финляндіи до Пиренейскаго полуострова. У ганзейцевъ была поговорка: «мы покупаемъ у англичанъ лису за грошъ и продаемъ имъ лисій хвостъ за гульденъ (золотой)».

Ганзейская торговля охватила огромный кругъ и втянула въ оборотъ земли, которыя стояли въ сторонѣ отъ остального міра. Ганзейцы вступили въ сношенія съ Венеціей и другими торговыми городами у Средиземнаго моря. Такъ соединилась торговля двухъ большихъ морскихъ системъ Европы. Движеніе товаровъ отъ одной къ другой шло частью сухимъ путемъ черезъ среднюю Европу, но около 1300 г. открылось морское сообщеніе черезъ Гибралтарскій проливъ, кругомъ западнаго берега Европы. Это сообщеніе еще усилило значеніе ганзейскаго мореплаванія. Въ составъ Ганзы вошли всѣ поберeжные германскіе города сѣвера; на востокѣ крайними членами союза были *Ревель* и *Нарва* у Финскаго залива, на западѣ—*Амстердамъ*. Въ нее входили и сухопутные города, лежавшіе у большихъ рѣкъ, текущихъ на сѣверъ, Кёльнъ, Магдебургъ, Бреславль. Кто хотѣлъ участвовать въ сѣверной торговлѣ, долженъ былъ стать гражданиномъ одного изъ городовъ, принятыхъ въ союзъ; ни одинъ чужой человѣкъ, не принадлежавшій къ Ганзѣ, не могъ пріѣхать съ моря въ Новгородъ. Ганза обратила поселенія нѣмецкихъ купцовъ за границей въ свои «конторы» (собственно значитъ канцеляріи, но разумѣлись торговыя поселенія) и завела новыя конторы. Особенно важны были «стальной дворъ» въ *Лондонѣ*, дворъ св. Петра въ *Новгородѣ* и поселеніе въ *Бергенѣ* въ Норвегіи.

Конторы были большія огороженныя подворья или цѣлые городскіе кварталы съ пристанями, складами, магазинами и собственной церковью, гдѣ хранились драгоцѣнности, лучшіе товары, дѣловыя бумаги, вѣсы; купцы и приказчики въ нихъ составляли нѣчто въ родѣ рыцарско-монашескихъ соединеній; они подчинялись въ работѣ и въ развлеченіяхъ дисциплинѣ товарищескаго союза, не имѣли права жениться и принимать чужое

гражданство. Положеніе ихъ среди чуждаго населенія было нерѣдко опасно; приходилось не разъ отбиваться вооруженной силой. Этимъ объясняется строй ихъ жизни, воспроизводившій старинную дружину. Въ бергенскомъ поселеніи купцы, ремесленники и рабочіе, числомъ до 3,000, были раздѣлены на дворы, а дворы на «семьи» (исключительно мужчинъ). Всѣ помѣщались въ тѣсно прижатыхъ другъ къ другу длинныхъ домахъ, выходившихъ узкимъ фронтомъ къ морю; въ нижнихъ этажахъ были склады и лавки, въ верхнихъ—спальни; позади къ каждому дому примыкало большое строеніе безъ оконъ, гдѣ зимой собирались члены семей у огромныхъ костровъ; пища готовилась въ общей кухнѣ, а въ залѣ у каждаго было свое мѣсто на скамьяхъ, стоявшихъ вдоль стѣнъ. Ночью возвращались въ отдѣльныя помѣщенія семействъ; каждой семьей правилъ купецъ-мастеръ, каждымъ дворомъ—выборный старѣйшина.

Ганза, сильная съ середины XIV в. до конца XV в., не составляла государства. У нея не было ни постояннаго войска или военнаго флота, ни общей казны. Каждый городъ справлялся со своими финансами и оборонялся, какъ могъ. Когда рѣшалось общее предпріятіе, каждый городъ платилъ, сколько приходилось по разверсткѣ. Только въ торговыхъ дѣлахъ требовалось подчиненіе общимъ правиламъ. Для ихъ обсужденія созывались въ Любекѣ *ганзейскія собранія* изъ депутатовъ отъ городовъ союза подъ предсѣдательствомъ любекскаго головы. Все дѣло держалось только на общемъ интересѣ союзниковъ. Единственнымъ средствомъ у ганзы, чтобы наказать ослушный городъ, было выключеніе его изъ союза, т.-е. отнятіе у него торговыхъ преимуществъ ганзы.

Ганза была дѣломъ купцовъ, соединившихся въ большія компаніи и подчинившихъ себѣ города. Ганзейскій городъ поэтому представлялъ собою аристократію, гдѣ все управленіе было въ рукахъ совѣта, который составлялся изъ немногихъ крупныхъ торговцевъ; строго слѣдили они за тѣмъ, чтобы въ союзныхъ городахъ не поднимались низшіе классы. На ганзейскихъ собраніяхъ были изданы очень строгіе законы о мятежѣ: участники возмущенія противъ городского совѣта или даже тѣ, кто зналъ о заговорѣ, но не донесъ, подлежали смертной казни; городъ, принявшій такихъ измѣнниковъ, выключался изъ ганзы; городъ, въ которомъ горожане свергли совѣтъ, лишался ганзейскихъ правъ, пока опять не возстановитъ своего совѣта; городской совѣтъ не долженъ былъ принимать даже прошеній отъ массы гражданъ.

Городскіе классы и борьба между ними. Иначе обстояло дѣло во многихъ другихъ городахъ Германіи. Въ городахъ, гдѣ сильно развилось ремесло, во Фландріи, по Рейну, въ южной Германіи, цеховые мастера стали подниматься противъ господствующаго класса такъ наз. *патриціевъ*, который составился отчасти изъ купцовъ, отчасти изъ рыца-

рей и замкнулся въ небольшую группу семей, вступавшихъ въ браки только между собою и передававшихъ въ своей средѣ должности по наслѣдству. Цехи жаловались на своеволіе патриціевъ, на растрату ими городскихъ денегъ и требовали себѣ участія въ управленіи городомъ, тѣмъ болѣе, что на нихъ самихъ лежала главная военная защита города, а въ XIV в. городскія ополченія бились вездѣ съ большой энергіей и часто съ успѣхомъ.

Борьба между городскими классами нерѣдко принимала ожесточенный характеръ и уносила страшныя жертвы: побѣждавшіе сожигали захваченныхъ противниковъ или зарывали ихъ въ землю живыми. Мѣстами старинныя фамиліи въ городахъ удержали господство. Но во многихъ городахъ, особенно южной Германіи, цехи получали перевѣсъ и проводили своихъ старшинъ въ совѣтъ; тогда все населеніе города расписывалось по цехамъ, и патриціи сами должны были зачислиться въ цехи; или городской совѣтъ составлялся пополамъ изъ старыхъ семей и выборныхъ отъ цеховъ. Вездѣ однако участіе въ управленіи доставалось лишь мастерамъ, хозяевамъ ремесленныхъ предпріятій; масса простого и бѣднаго люда, мелочные торговцы, подмастерья оставались въ сторонѣ.

А между тѣмъ съ развитіемъ ремесла образовалось глубокое различіе между *мастерами* и *подмастерьями*, или рабочими. Прежде подмастерье выходилъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ подчиненной работы въ мастера и вступалъ въ цехъ полноправнымъ членомъ; мастеръ держалъ немногихъ рабочихъ, 2—4; самъ онъ работалъ наравнѣ съ ними и садился за одинъ столъ съ ними обѣдать. Въ тѣхъ ремеслахъ, которыя стали поставлять товары на большой сбытъ, мастера разбогатѣли и начали держать большое количество рабочихъ, 10—12 и болѣе. Во всемъ обиходѣ они выдѣлились отъ рабочихъ, перестали сами работать въ мастерской, завели особое хозяйство и обстановку. Подмастерья потеряли возможность переходить въ востовъ мастеровъ; въ цехахъ или ограничили число мастеровъ, или требовали за вступленіе въ союзъ большихъ взносовъ. Поэтому владѣніе дѣломъ, мастерской стало переходить по наслѣдству къ дѣтямъ тѣхъ мастеровъ, которые обладали нужнымъ для этого капиталомъ. Мастера составили ремесленную аристократію.

Изъ ремесленныхъ рабочихъ составился тоже наслѣдственный классъ: имъ было почти невозможно выйти изъ своего положенія. Рабочіе, прежде какъ бы домочадцы хозяина, обратились въ наемныхъ людей. Мастера, заправляя всѣми дѣлами цеха, назначали таксы (размѣръ платы) за работу и могли сбавлять цѣны. Въ свою очередь рабочіе, не находя охраны для себя въ цехахъ, стали составлять особые союзы, «компаніи», какъ они назывались во Франціи. Рабочій старался отыскать для себя лучшія условія, и такъ какъ у него все равно не было разсчета на

полученіе мастерства на своей родинѣ, уходилъ въ другія мѣста, переселялся изъ города въ городъ; это вело къ тому, что компаніи развѣтвлялись по цѣлой странѣ и вступали между собою въ общеніе. Когда «компаньонъ» переселялся на новое мѣсто, онъ могъ разсчитывать, что компанія его ремесла приметъ его дружественно и поможетъ средствами.

Рабочіе союзы имѣли свои шумные праздники: въ большихъ процессіяхъ, иногда въ угрожающемъ числѣ проходили они по городу. Союзы нерѣдко ставили цѣлью борьбу противъ хозяевъ и противъ стѣснительныхъ цеховыхъ порядковъ: требовали, чтобы были уничтожены таксы рабочей платы, чтобы можно было свободно договариваться съ мастеромъ о цѣнѣ и свободно уходить отъ него. Если хозяева отказывали рабочимъ въ ихъ требованіяхъ, и дѣло доходило до рѣзкаго столкновенія, союзы устраивали стачку, т.-е. запрещали работать у такихъ-то мастеровъ или даже принимать вообще работу у кого-либо въ городѣ, чтобы втянуть въ дѣло всѣхъ горожанъ. Въ союзѣ были поэтому свои тайны и своя грозная власть надъ членами: вступая въ него, они произносили ночью страшныя клятвы, призывая на свою голову гибель въ случаѣ нарушенія. По временамъ, когда поднималось въ странѣ общее волненіе, недовольство противъ городскихъ «господъ» принимало большіе размѣры. То, что происходило въ Англіи въ 1381 г., въ Германіи замѣтно въ первой половинѣ XV в., во время возстанія гуситовъ.

Польское государство въ XV вѣкѣ. Движеніе германской націи на востокъ сильно стѣснило западныхъ славянъ. Въ началѣ XIV в. польское государство было отрѣзано отъ моря нѣмецкими княжествами и особенно Тевтонскимъ орденомъ, державшимъ нижнее теченіе главной польской рѣки Вислы. Орденъ врѣзался въ глубь страны своими крѣпостями; на границѣ своей у Торна онъ бралъ огромныя пошлины съ товаровъ, сплавлявшихся по рѣкѣ, и обогащался на счетъ польскаго вывоза.

Крупные землевладѣльцы и прелаты, правившіе вмѣстѣ съ королемъ, такъ наз. въ Польшѣ *можновладцы*, или *паны* («государи»), тяготились войной съ опасной сѣверной силой и искали военной опоры извнѣ. Въ концѣ XIV в. они нашли ее въ сосѣднемъ *литовскомъ* государствѣ, соединявшемъ западно-русскія земли по Двинѣ и Днѣпру; князь литовскій Ягелло былъ выбранъ польскимъ королемъ (отъ него въ теченіе двухъ вѣковъ—династія *Ягеллоновъ*). Оба государства сохранили свое самостоятельное устройство; но они могли соединить свои военныя силы. Въ Литвѣ, до тѣхъ поръ языческой, открылось поле для распространенія католичества и для усиленія польскаго духовенства. При этихъ короляхъ иностраннаго происхожденія, не имѣвшихъ въ Польшѣ связей и силы, паны пріобрѣли большія преимущества, которыя были выражены въ королевскихъ «привилеяхъ» (грамотахъ): король обѣщалъ не бить новой

монеты безъ ихъ согласія, не присуждать отобранія имущества безъ ихъ одобренія, признать за ними наслѣдственное право на важныя должности.

Въ началѣ XV в. въ битвѣ при Грюнвальденѣ польскія и литовскія силы одолѣли Тевтонскій орденъ и остановили его движеніе. Немного позднѣе Польша опять продвинулась до Балтійскаго моря и завладѣла нижнимъ теченіемъ Вислы. Вмѣстѣ съ тѣмъ выработалось и своеобразное устройство польскаго государства, продержавшееся болѣе 3 вѣковъ.

Паны не могли править государствомъ безъ поддержки многочисленнаго рыцарства; оно составлялось частью изъ *шляхты*, т.-е. старинныхъ рыцарей, частью изъ вновь пожалованныхъ («владыкъ»), между которыми были зажиточные крестьяне, сами пахавшіе землю. Постепенно эти разряды рыцарства сплотились по округамъ въ одинъ классъ «земства» съ общими интересами. Они привыкли собираться на *окружныя собранія* и составляли здѣсь силу, какъ англійскіе рыцари въ графствахъ. Въ войнахъ противъ Тевтонскаго ордена рыцарство заявило требованія въ свою очередь. Въ 1454 г. во время похода Казимира IV (Ягеллончика) шляхта съ шумомъ окружила шатеръ короля и объявила, что не станетъ сражаться, если не будутъ утверждены ея вольности. На большомъ собраніи рыцарей въ Нешавскомъ лагерѣ король обѣщалъ имъ цѣлый рядъ важныхъ уступокъ. Тутъ было много постановленій, которыя должны были оградить рыцарей на судахъ у королевскихъ старостъ или у пановъ; затѣмъ рыцари выговорили себѣ выгоды противъ другихъ сословій: противъ *мѣщанъ* (т.-е. горожанъ)—право вольно покупать и продавать на городскомъ рынкѣ; противъ крестьянъ—право искать суда на тѣхъ владѣтелей, которые перезываютъ и укрываютъ у себя бѣглыхъ рабочихъ людей: это было началомъ господства землевладѣльцевъ надъ крестьянами.

Но особенно важно было то, что рыцари требовали себѣ участія въ рѣшеніи общихъ государственныхъ дѣлъ «для того, чтобы республика лучше управлялась». Привыкши собираться поголовно на окружныя собранія, *сеймики*, они въ себѣ видѣли какъ бы цѣлый народъ. Король обѣщалъ, что отнынѣ не будетъ издавать новые законы и начинать войну безъ согласія рыцарства. Когда надо было заручиться такимъ согласіемъ, король объѣзжалъ округа и появлялся на рыцарскихъ сеймикахъ. Но мѣстныхъ сеймиковъ было очень много (до 60), и поэтому король сталъ вызывать отъ нихъ *пословъ*, т.-е. уполномоченныхъ, на болѣе общія собранія, *сеймы*, гдѣ они присоединялись къ *радѣ*, т.-е. совѣту пановъ.

Въ концѣ XV в. изъ такого соединенія образовался *вальный* (общій) *сеймъ*. Онъ состоялъ, какъ англійскій парламентъ, изъ верхней и нижней палаты: рады (впослѣдствіи называвшейся сенатомъ) и посольской избы.

Рѣшенія посольской избы зависѣли отъ сеймиковъ; тамъ разбирались предварительно всѣ дѣла, и послы являлись съ точными порученіями отъ своихъ избирателей. При извѣстномъ сходствѣ польскаго государственнаго устройства съ англійскимъ между ними есть значительное отличіе: въ нижней палатѣ сейма сидѣли представители одного только сословія и не было вовсе выборныхъ отъ горожанъ (мѣщанства). Города не принимали участія въ общемъ управленіи, такъ какъ ихъ населеніе, частью нѣмецкое, жило очень обособленно. Это имѣло важныя послѣдствія для польскаго государства. Его устройство получило односторонній характеръ; оно обратилось въ *шляхетскую республику*.

Упадокъ римской церкви. Раздробленная Германія была въ XIV и XV вв. главнымъ мѣстомъ Европы, гдѣ выражалось недовольство противъ римской церкви, гдѣ распространялись новыя религіозныя направленія и дѣлались попытки общаго преобразованія церкви.

Римская церковь въ XIII в. сдѣлалась огромнымъ государствомъ надъ государствами съ богатѣйшими доходами и многочисленнымъ составомъ управленія. Въ XIII в. можно было указать на духовныя цѣли, которымъ какъ будто служили эти матеріальныя средства: папа призывалъ къ крестовымъ походамъ, къ защитѣ правовѣрія противъ ересей. Въ XIV в. этихъ цѣлей не было больше: всѣ видѣли, что власть и богатство римской церкви существуютъ сами для себя. Монархъ-папа и его дворъ, кардиналы и канцелярія покинули даже священную столицу, Римъ, и этимъ какъ будто еще болѣе вызывали ту мысль, что все управленіе церкви — только средство для благополучія верховныхъ руководителей ея.

У себя дома папа не былъ неограниченнымъ правителемъ. Выбиравшая его коллегія кардиналовъ дѣлила съ нимъ управленіе и доходы. Тѣмъ значительнѣе были сборы, которые старалась получить курія, чтобы удовлетворить всѣхъ участниковъ правленія. Помимо обычныхъ уплатъ за полученіе церковныхъ должностей (особенно *аннатъ*, т.-е. годовыхъ доходовъ съ пріобрѣтеннаго мѣста, или *визитацій*, т.-е. подарковъ отъ духовнаго лица при его обязательномъ посѣщеніи церковной столицы) было введено еще множество чрезвычайныхъ взносовъ. Напр., курія назначала клириковъ на мѣста, еще не освободившіяся, и за «ожиданіе» брала съ нихъ деньги. Въ особенности много получалось въ видѣ разныхъ «отпущеній», т.-е. платы за позволеніе нарушить законъ, правило, присягу. Между отпущеніями первое мѣсто заняли *индульгенціи*, т.-е. покупки прощенія грѣховъ, которыя были въ широкихъ размѣрахъ введены папой Бонифаціемъ VIII. Особое ученіе служило оправданіемъ индульгенцій: говорили, что церковь обладаетъ неисчерпаемой сокровищницей благихъ дѣлъ, совершонныхъ Христомъ и святыми; папа имѣетъ

силу переносить эту заслугу на грѣшниковъ и покрывать ихъ дѣла изъ великаго источника благодати.

Свѣтская власть и ученые противъ папства. Весь этотъ порядокъ сильно затрогивалъ какъ интересы множества людей, такъ и нравственныя понятія общества. Тамъ, гдѣ стали слагаться большія государства, правительство враждебно смотрѣло на уходъ огромныхъ средствъ изъ страны за границу. Во Франціи споръ между Филиппомъ Красивымъ и папою Бонифаціемъ и произошелъ главнымъ образомъ изъ-за того, что король, обложивъ податью духовенство, хотѣлъ отнять часть церковныхъ доходовъ въ свою пользу. Но разъ завязывался споръ, поднимались и другіе вопросы, слышались и другія жалобы противъ куріи.

Наиболѣе рѣшительные и талантливые противники папства собрались въ 20-хъ годахъ XIV в. около германскаго короля Людовика Баварскаго. Папы жили съ начала XIV в. въ Авиньонѣ и сильно подчинялись французскому правительству (впослѣдствіи ихъ пребываніе во Франціи получило названіе *Вавилонскаго плѣна*). Этимъ были недовольны въ Германіи и Англіи. Раздраженіе въ Германіи стало особенно сильно, когда папа (Іоаннъ XXII) отказался утвердить избраннаго курфюрстами короля Людовика и положилъ отлученіе на него самого и на всю страну. Людовикъ не уступалъ: онъ собирался самостоятельно добыть себѣ корону въ Римѣ и желалъ созвать соборъ для осужденія папы; это соединило при его дворѣ враговъ папы.

Между ними были францисканцы, сторонники бѣдной церкви, громившіе курію за роскошь и паденіе нравовъ: тотъ же самый папа Іоаннъ XXII объявилъ ересью ихъ ученье, что у Христа и апостоловъ не было имущества, и что христіанская заповѣдь состоитъ въ отреченіи отъ благъ земныхъ. Осужденные папою монахи бѣжали въ разныя стороны; даже въ далекую мусульманскую Персію спасались они отъ доносовъ доминиканцевъ, которыхъ папа, напротивъ, приблизилъ къ себѣ. Другіе бросились въ Германію; въ странѣ, подвергнутой интердикту, монахи продолжали служить обѣдни и давать причащеніе, привлекая такимъ образомъ народъ на сторону отлученнаго короля.

Однимъ изъ первыхъ прибылъ къ Людовику итальянскій ученый юристъ Марсилій изъ Падуи. Въ своемъ сочиненіи «Защитникъ мира» онъ писалъ: «ученые и государи должны вмѣстѣ бороться противъ вреда папскаго ученія. Несправедливо терпѣть зло, когда имѣешь средства помѣшать ему». Марсилій спрашиваетъ, отчего нѣтъ мира въ средѣ европейскихъ государствъ, и находитъ причину въ притязаніяхъ папъ судить и наказывать свѣтскихъ людей и правителей. Но духовенство, по его мнѣнію, вообще не должно карать мірскими средствами. Въ дѣлѣ вѣры не должно быть никакого принужденія; нельзя грѣшника ввести

въ царство Божіе путемъ насилія. Поэтому еретиковъ надо не преслѣдовать, а только увѣщевать. Что же касается папской власти, то она перешла всѣ границы. По мнѣнію Марсилія, папа не отличается отъ другихъ епископовъ въ своемъ достоинствѣ. Папа вовсе не преемникъ ап. Петра; это—выдумка, и не видно изъ св. Писанія, чтобы ап. Петръ былъ когда-либо въ Римѣ. Духовенство должно быть избираемо народомъ, и народу принадлежитъ верховное рѣшеніе въ церковныхъ вопросахъ; міряне—такіе же «люди церкви», какъ и клирики. Только потому, что нельзя созвать всѣхъ вѣрующихъ въ одно собраніе, церковь издаетъ законы черезъ посредство вселенскаго собора, на который могутъ приходить ея представители.

Это были очень грозныя для папства заявленія, но они еще не имѣли особенно рѣшительныхъ послѣдствій. Король Людовикъ двинулся въ Италію, вступилъ въ соглашеніе съ римской аристократіей, враждовавшей противъ папы, и принялъ императорскую корону въ Римѣ «изъ рукъ народа»; скоро онъ долженъ былъ однако удалиться, такъ какъ итальянцы не хотѣли оплачивать его наемниковъ. Въ Германіи ограничились немногимъ: курфюрсты заявили на особомъ съѣздѣ, что они одни рѣшаютъ избраніе императора, и что оно не нуждается въ утвержденіи папы. Слѣдовавшій за Людовикомъ императоръ, Карлъ Люксембургскій подтвердилъ это рѣшеніе князей-избирателей въ особой грамотѣ, такъ наз. *золотой буллѣ*.

Уиклифъ. Болѣе рѣзкими мѣрами оградили себя отъ папскихъ притязаній король и парламентъ въ Англіи немного позже, въ 50—70-хъ гг. XIV в. при Эдуардѣ III. Особымъ закономъ были запрещены, подъ страхомъ тяжкихъ наказаній, апелляціи къ папѣ. Въ Римъ перестали посылать ежегодную дань, обѣщанную Іоанномъ Безземельнымъ, а когда папа потребовалъ огромной недоимки за многіе годы, парламентъ отвѣтилъ отказомъ и прибавилъ, что «король Іоаннъ не имѣлъ права отдавать въ подданство себя, свое королевство и свой народъ безъ согласія парламента».

И въ Англіи правители соединились съ учеными, какъ выразился Марсилій. На защиту парламентскихъ рѣшеній выступилъ священникъ и профессоръ оксфордскаго университета Уиклифъ. По мнѣнію Уиклифа, римская церковь совершенно отклонилась отъ завѣтовъ Христа. Всякое право владѣнія на землѣ основывается только на праведной жизни; всѣ люди, какъ выражается Уиклифъ языкомъ феодализма, «держатъ» блага земныя отъ Христа и поэтому всѣ равны. У клира нѣтъ никакихъ особенныхъ правъ на свои великія богатства; у церкви надо отнять обширныя земли; награда не должна превышать службы. Папа имѣетъ право получать съ вѣрующихъ только милостыню. Но у него нѣтъ также осо-

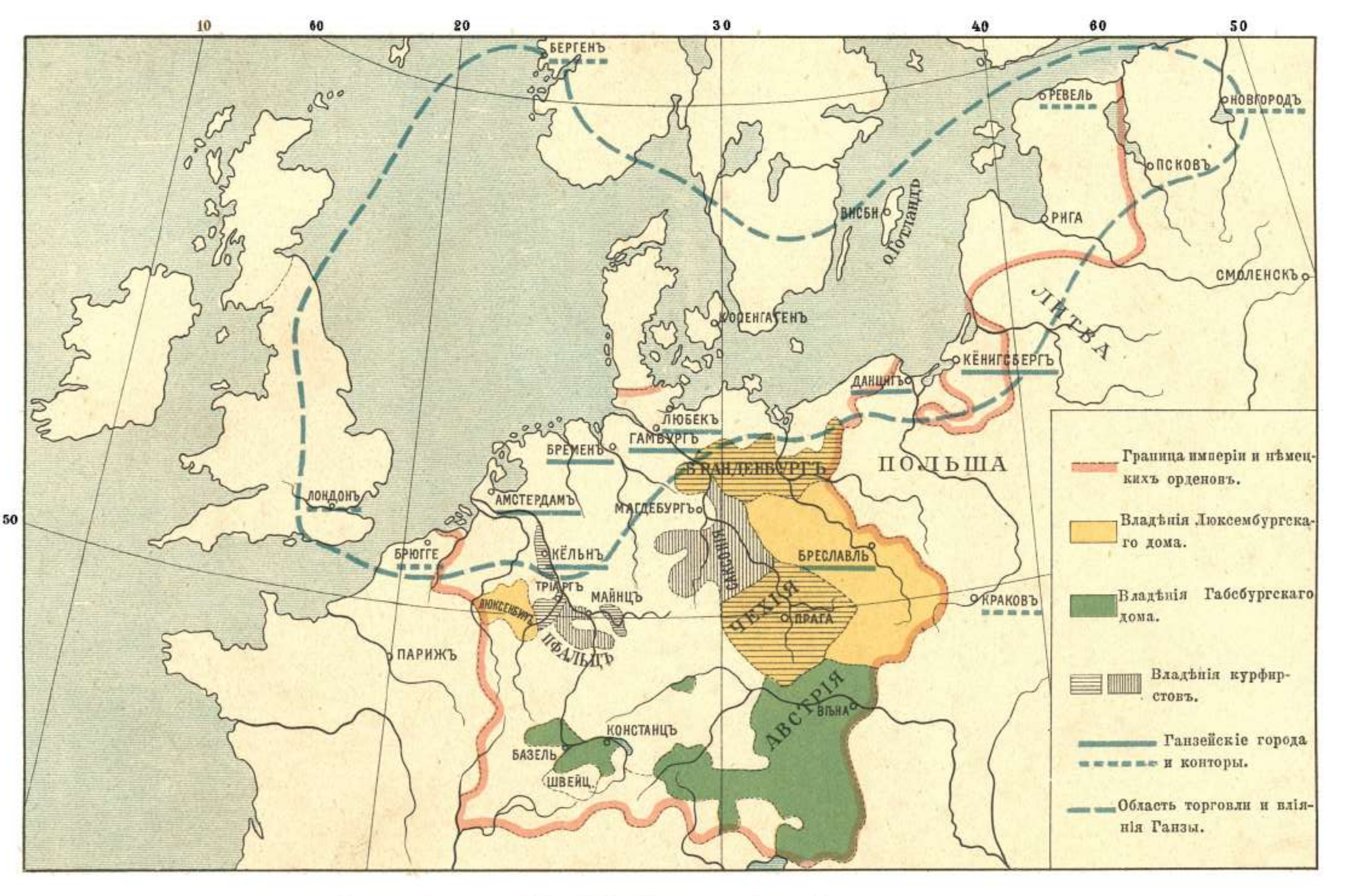
бой силы вязать и рѣшить волю людей. Тѣмъ самымъ, что онъ ставитъ себя и духовенство выше грѣха, онъ впадаетъ самъ въ величайшій грѣхъ.

Папа потребовалъ осужденія Уиклифа. Но правительство не хотѣло выдавать его; за него стоялъ и университетъ; когда въ Лондонѣ епископы собрались судить Уиклифа, въ засѣданіе ворвалась толпа горожанъ и освободила его. Уиклифъ пошелъ еще дальше въ своемъ ученіи. Онъ сталъ разбирать самыя основы той вѣры, которой держалась католическая церковь. Уиклифъ отрицалъ, чтобы между Богомъ и людьми необходимы были посредники; священники напрасно считаютъ себя такими посредниками; имъ не дано никакой сверхъестественной силы; они лишь учителя. Человѣкъ самъ можетъ узнать и найти пути къ спасенію, онъ прямо можетъ обращаться къ Богу; его совѣсти дана полная свобода. Разсуждая такъ, Уиклифъ пришелъ къ отрицанію многихъ обрядовъ: онъ отвергъ индульгенціи, почитаніе святыхъ, тайную исповѣдь, таинство пресуществленія, такъ какъ не признавалъ за священниками чудесной силы превращать хлѣбъ и вино въ истинное тѣло и кровь Христа. Единственной основой вѣры, по его мнѣнію, должно быть Писаніе. Чтобы сдѣлать Писаніе общедоступнымъ, Уиклифъ перевелъ Библію съ латинскаго языка на народный, англійскій. Онъ сталъ разсылать своихъ учениковъ, «бѣдныхъ священниковъ» для того, чтобы они распространяли прямое ученіе Писанія и своей жизнью подавали примѣръ христіанскаго безкорыстія.

«Бѣдные священники», близкіе къ простому народу, приняли видное участіе въ возстаніи Уота Тайлера; высшее духовенство въ Англіи въ особомъ собраніи осудило ученіе Уиклифа, какъ ересь, но его самого не тронули, и онъ спокойно умеръ въ глубокой старости, до конца не переставая работать и писать (1384 г.). Только двадцать лѣтъ спустя, при Генрихѣ IV, было поднято сильное гоненіе на *лоллардовъ*, какъ называли сторонниковъ Уиклифа.

Общій голосъ говорилъ, что въ великое учрежденіе церкви проникла порча, и что необходимо ея исправленіе *(реформація)* или «очищеніе». Но въ вопросѣ о томъ, что должно быть измѣнено, сильно расходились. Между недовольными можно было ясно различить сторонниковъ умѣренной и крайней реформы.

Сторонники умѣренной реформы. Первыхъ можно было найти среди самого высшаго духовенства, во Франціи, Англіи и Германіи. Оно тяготилось зависимостью своею отъ папы, обязательными поѣздками въ Римъ, большими поборами куріи. Прелаты каждой страны были тѣсно связаны различными интересами, родствомъ и владѣніемъ со своимъ отечествомъ. Многіе желали, чтобы духовенство каждой «націи» управлялось самостоятельно, безъ подчиненія Риму. Пусть будутъ общія правила, для

Германія въ XIV—XV вѣкахъ. Ганзейская торговля.

Того же автора:

Учебникъ Древней исторіи съ рисунками и историческими картами. Пятое изданіе. Москва, 1906. Ц. 1 р.

Учебникъ Новой исторіи съ историческими картами. Второе изданіе. Москва, 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вв. въ связи съ общественнымъ движеніемъ на Западѣ. С.-Пб., 1900. Ц. 1 р.

Лекціи по исторіи Греціи. Часть I. Второе изданіе. Москва, 1906. Ц. 1 р.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Н. П. Карбасникова

Петербургъ, Литейн., д. 46. **Москва,** Моховая, д. Баженова. **Варшава,** Нов. Свѣтъ, д. 69. **Вильно,** Большая, д. Гордона.